

СОВРЕМЕННАЯ

СОВРЕМЕННАЯ И КЛАССИКА

Исабель
Альенде

ИНС
ДУШИ
МОЕЙ

Исабель
Альенде

ИНС
ДУШИ
МОЕЙ

МНОГОСТРАНКА

Annotation

Впервые на русском языке роман «Инес души моей», основанный на подлинной истории жизни Педро Вальдивии, одного из тех смелых испанских конкистадоров, которые в XVI веке сыграли важнейшую роль в становлении чилийского народа. Бедная швея Инес Суарес вслед за мужем отправляется в Новый Свет. В Перу она узнает, что муж погиб в бою. Но судьба уготовила ей встречу с удивительным человеком — героем войны, сподвижником знаменитого Франсиско Писарро. Эта встреча меняет течение ее жизни.

- [Исабель Альенде](#)
 - [Предварительные разъяснения](#)
 -
 - [Хроники доньи Инес Суарес, переданные на бережное хранение в церковь доминиканского ордена ее дочерью, доньей Исабель де Кирога, в декабре месяце лета 1580-го от Рождества Христова](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Библиографические заметки](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Исабель Альенде
Инес души моей

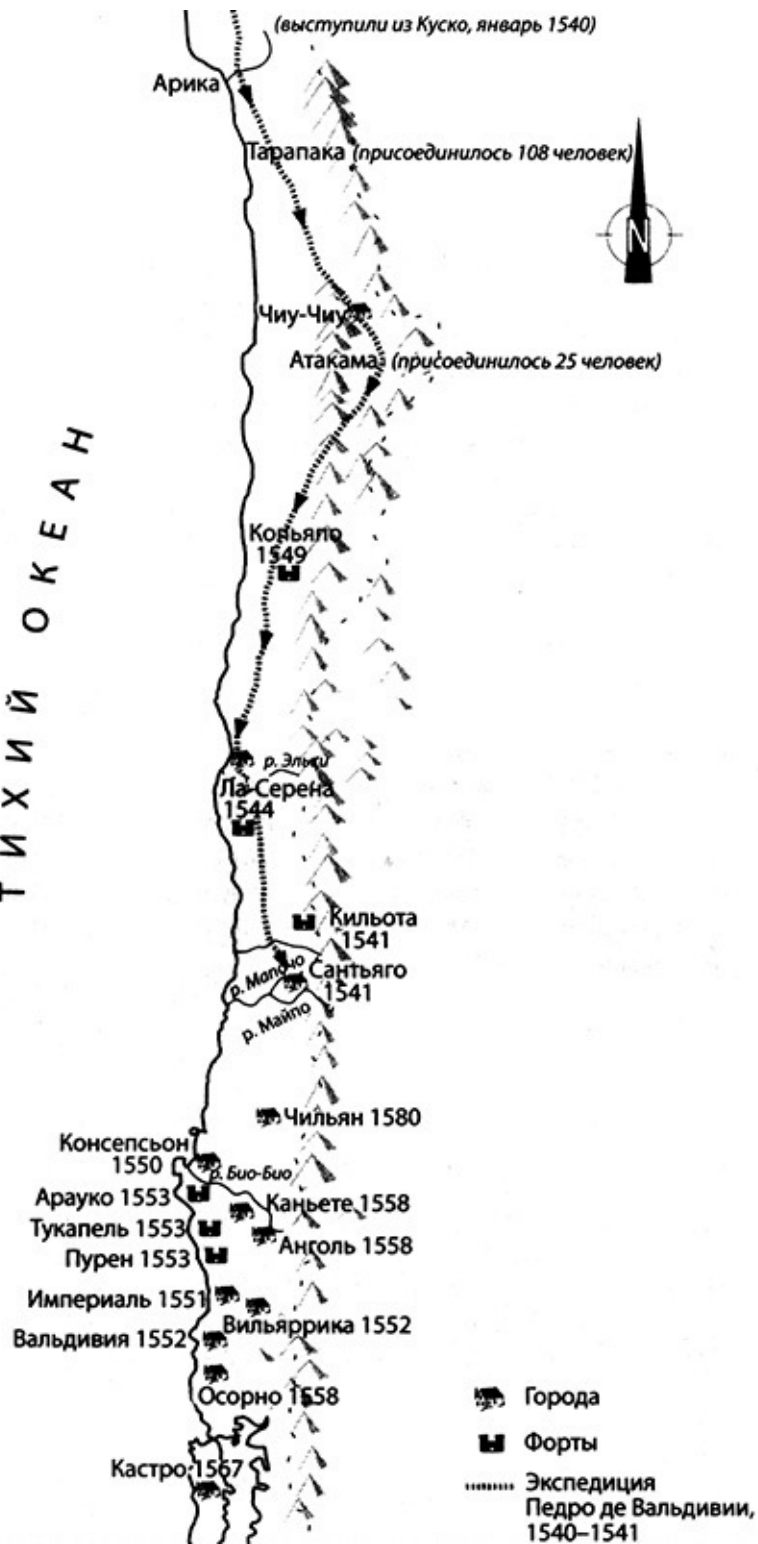
Предварительные разъяснения

Инес Суарес (1507–1580) — уроженка испанского городка Пласенсия. В 1537 году она отправилась в Новый Свет, где приняла участие в завоевании Чили и основании города Сантьяго. Эта женщина имела огромное политическое и экономическое влияние. Подвиги и достижения Инес Суарес, о которых писали современные ей хроникеры, затем, в течение четырех сотен лет, практически не упоминались историками. В книге, которую вы держите в руках, я рассказываю о событиях тех времен так, как они отражены в документах. Моя скромная заслуга состоит лишь в том, что я с помощью толики воображения соединила в цельное повествование сведения, почерпнутые из разных источников.

Эта работа во многом основана на интуиции, но сходство с реальными событиями и участниками завоевания Чили отнюдь не случайно. Кроме того, должна отметить, что я позволила себе отступить от норм языка XVI века и слегка осовременить стиль, чтобы не отпугнуть читателей тяжестью слога.

И. А.

ТИХИЙ ОКЕАН

**Хроники доньи Инес Суарес, переданные
на бережное хранение в церковь
доминиканского ордена ее дочерью, доньей
Исабель де Кирога, в декабре месяце лета
1580-го от Рождества Христова
Сантьяго, Новая Эстремадура,
Королевство Чили**

*Мануэль Ортега. Инес де Суарес при обороне Сантьяго.
Национальный исторический музей, Сантьяго-де-Чили*

В книге использованы иллюстрации к поэме Алонсо де Эрсильи «Араукана», украшающие издание 1852 года, отпечатанное в Мадриде, в типографии Гаспара и Роча.

Глава первая

Европа

1500–1537

Я — Инес Суарес. Ныне, в лето Господне 1580-го, жительствую в верном испанской короне городе Сантьяго, что в Новой Эстремадуре, в Королевстве Чили. С точностью сообщить дату своего рождения не могу, но, по словам моей матери, на свет я появилась как раз после ужасного голода и мора, которые обрушились на Испанию вслед за кончиной короля

Филиппа Красивого^[1]. Не думаю, что чума разразилась из-за смерти короля, как поговаривали люди, провожая взглядом траурный кортеж, после которого еще несколько дней в воздухе витал запах горького миндаля. Но знать этого наверняка, конечно, нельзя. Королева Хуана^[2], тогда еще молодая и красивая, целых два года ездила по Кастилии из конца в конец, не расставаясь с катафалком. Время от времени она открывала крышку гроба и в надежде воскресить мужа целовала покойника в губы. Венценосный красавец, несмотря на все мази бальзамировщиков, смердел. Когда я появилась на свет, несчастная, тронувшаяся рассудком королева уже была заключена во дворец в Тордесильясе — вместе с телом своего супруга. Это означает, что за плечами у меня не меньше семидесяти зим и умереть мне суждено еще до Рождества.

Я могла бы сказать, что цыганка с берегов Херте^[3] предрекла мне точный день смерти, но это была бы одна из тех выдумок, что часто пишутся в книгах и, будучи напечатанными, кажутся правдой. Цыганка предсказала мне только долгую жизнь — они всегда говорят это, если дашь монету. Сейчас о близости конца я знаю не из предсказаний, а потому, что так чувствует мое истомленное сердце. Я всегда знала, что умру старухой, тихо, в своей постели, как все женщины в моем роду. Именно поэтому множество раз я без страха шла навстречу опасностям: ведь никто не отправится в мир иной раньше назначенного времени. «Ты помрешь старенькой, не иначе сеньорай», — успокаивала меня Каталина на своем певучем перуанском испанском, когда бешеный галоп в груди кидал меня наземь. Имя Каталины на кечуа я запомнила, а спрашивать ее теперь поздно: я схоронила ее во дворе дома уже много лет назад, — но в точности и правдивости ее предсказаний я уверена совершенно.

Каталина поступила ко мне в услужение в старинном городе Куско, жемчужине империи инков, во времена, когда там заправлял Франсиско Писарро, этот вспыльчивый бастард, который в Испании, как поговаривают, пас свиней, а в Новом Свете сделался маркизом и губернатором Перу, но покоя из-за собственного честолюбия и многочисленных предательств не знал. Такова ирония этого нового мира, где правят законы предательства и все вперемешку: святые и грешники, белые и негры, мулаты и метисы, индейцы и конкистадоры, знать и батраки. Тут ты то заклеянный каленым железом колодник, то удача вдруг поворачивается к тебе лицом и поднимает чуть не до небес.

Я больше сорока лет прожила в Новом Свете и до сих пор не привыкла к этой неразберихе, хотя сама только выиграла от нее. Если бы я осталась в

своем родном городке, я была бы сейчас бедной старухой, слепой от плетения кружев при свете свечи. Там я была бы Инес-портниха с улицы Акведука. Здесь я — донья Инес Суарес, влиятельная дама, вдова его превосходительства губернатора дона Родриго де Кироги, завоевательница и основательница Королевства Чили.

Как я уже говорила, мне не меньше семидесяти лет, но я неплохо сохранилась. Только душа и сердце, прочно застрявшие в молодости, никак не поймут, что за дурная метаморфоза произошла с телом. Из серебряного зеркала — это был первый подарок Родриго после свадьбы — на меня смотрит незнакомая седовласая старуха. Кто это смеется над настоящей Инес? Я внимательно рассматриваю отражение в надежде разглядеть где-нибудь в глубине девочку с косичками и разбитыми коленками, девушку, убегавшую с женихом в сад, чтобы тайком заниматься любовью, или страстную зрелую женщину, засыпавшую в объятиях Родриго де Кироги. Все они прячутся там — я уверена, — но мне не различить их. Я больше не скачу на коне, не надеваю кольчугу, не сжимаю в руках шпагу, но не из-за недостатка смелости — ее мне всегда хватало, — а потому, что тело подводит меня. Сил становится все меньше, суставы болят, я дрожу от холода и вижу все как в тумане. Без очков, которые мне по специальному заказу привезли из Перу, я не смогла бы писать эти страницы. Я хотела быть вместе с Родриго — да упокоится он с миром! — в его последнем бою против индейцев мапуче, но он мне не позволил. «Ты слишком стара для этого, Инес», — засмеялся он. «Так же, как и ты», — ответила я. Впрочем, это неправда, ведь он был на несколько лет младше меня. Мы чувствовали, что больше не увидимся, но попрощались без слез: мы оба были уверены, что воссоединимся в будущей жизни. Я уже давно знала, что дни Родриго сочтены, хотя он изо всех сил старался скрыть это. Он никогда не жаловался; стиснув зубы, переносил боль, и только холодный пот на лбу выдавал его страдание. На юг он поехал в лихорадке, бледный, с гнойной пустулой на ноге, которую было не вылечить, несмотря на все снадобья и молитвы. Он поехал, чтобы умереть солдатом в жарком бою, а не немощным стариком в мягкой постели. Я всей душой хотела быть там, с ним, чтобы обнять его в последнюю минуту и поблагодарить за любовь, которой он щедро одаривал меня всю нашу долгую совместную жизнь. «Взгляни, Инес, — сказал он, указывая на наши поля, простирающиеся до самых гор, — все эти земли и сотни душ индейцев Бог поручил нашим заботам. Поэтому мне надлежит биться с дикарями в Араукании, а тебе — заботиться об имении и вверенных нам людях».

Но на самом деле он уехал потому, что хотел оградить меня от

печального зрелища своей болезни. Он желал, чтобы его помнили сидящим на коне, во главе отряда молодцов, воюющим на священной земле к югу от реки Био-Био, где против нас восстали полчища свирепых мапуче. Такова была его воля, воля полководца, и я подчинилась ей, как следует послушной жене — которой, впрочем, я никогда не была.

К полю боя Родриго везли в гамаке, а там его зять, Мартин Руис де Гамбоа, привязал его к коню, как поступили когда-то с Садом Кампеадором^[4], чтобы он одним своим видом внушал ужас врагам. Он, как одержимый, бросился в бой впереди своих солдат, презирая опасность, с моим именем на устах, но не нашел той смерти, какую искал.

Мне привезли его обратно в импровизированном паланкине — он был совсем слаб. Гной из опухоли разлился по всему его телу. Другой человек уже давно бы изнемог от борьбы с болезнью и изнурительных битв, но Родриго был очень крепок. «Инес, я люблю тебя с тех пор, как впервые увидел, и буду любить тебя вечно», — проговорил он уже в агонии и добавил, что хочет, чтобы похороны его прошли тихо и скромно, а за упокой души отслужили тридцать месс. Тогда я увидела Смерть, смутно, как вижу теперь буквы на бумаге, но ее ведь ни с чем и ни с кем не спутаешь.

Я позвала тебя, Исабель, помочь мне одеть Родриго, ведь он слишком горд, чтобы позволить служанкам увидеть тот жалкий огрызок, что оставила от него болезнь. Только тебе, своей дочери, и мне он позволил надеть на себя доспехи и подбитые железом сапоги. Мы посадили его в любимое кресло, водрузили на голову шлем, а на колени положили шпагу, чтобы священник соборовал его и он смог отправиться в мир иной так же достойно, как прожил земную жизнь. Смерть, стоявшая рядом с ним и скромно ожидавшая, когда мы закончим приготовления, взяла его в свои материнские объятия и сделала мне знак, чтобы я подошла и приняла последний вздох своего мужа. Я наклонилась над ним и страстно поцеловала в губы. Он умер в жаркий летний день, здесь, в этом самом доме, у меня на руках.

Я не смогла исполнить пожелание Родриго, чтобы похороны были скромными, ведь он был самым любимым и почитаемым человеком в Чили. Его оплакивал весь Сантьяго, и из других городов королевства прибыло несчетное количество желающих выразить соболезнования. Много лет назад такое же множество людей с цветами вышло на улицы, чтобы радостными возгласами и выстрелами из аркебуз выразить свое ликование по поводу его назначения губернатором. Мы похоронили Родриго с заслуженными почестями в храме Богородицы Всемилоливой,

который мы с ним приказали построить во славу Святой Девы. Там же скоро найдут последнее пристанище и мои кости. Я завещала ордену мерседарианцев достаточно денег, чтобы они еженедельно в течение трехсот лет служили мессу за упокой души благородного дворянина дона Родриго де Кироги, храброго солдата Испании, аделантадо^[5], завоевателя и дважды губернатора королевства Чили, кавалера ордена Святого Иакова и моего мужа. Месяцы, прожитые без него, кажутся мне вечностью.

Но не нужно торопиться. Если я буду рассказывать о своей жизни без строгости и порядка, я сойду с пути. Хроника должна излагать события в их естественной последовательности, даже если в голове беспорядочное месиво воспоминаний. Я пишу вечерами, сидя за письменным столом Родриго, укутавшись в его плед из шерсти альпаки. Меня охраняет четвертый Бальтасар, правнук того пса, который прибыл в Чили вместе со мной и был моим верным другом целых четырнадцать лет. Первый Бальтасар умер в 1553 году — в том же году, когда убили Педро де Вальдивию. Но от того, первого пса остались потомки, все огромные, с неуклюжими лапами и жесткой шерстью. В этом доме холодно, несмотря на все ковры, занавеси, гобелены и жаровни, которые слуги всегда держат полными горящих углей. Исабель, ты часто жалуешься, что здесь от жары невозможно дышать, — наверное, просто холод не в воздухе, а внутри меня.

Я могу записывать свои воспоминания и мысли чернилами на бумаге благодаря стараниям святого отца Гонсалеса де Мармолехо, который в перерывах между обращением дикарей и утешением верных христиан отыскивал время, чтобы обучить меня грамоте. В те времена он был простым капелланом. Это потом он сделался первым епископом Чили и самым богатым человеком в королевстве, но об этом я расскажу позже. С собой в могилу он ничего не унес, а после себя оставил след благих дел, за которые заслужил народную любовь. В конце концов, ценно только то, что отдано, как говорил Родриго, самый щедрый человек на свете.

Начну с начала, со своих первых воспоминаний. Я родилась на севере Эстремадуры, в Пласенсии, в городе приграничном, воинственном и очень религиозном. Дом моего деда, где я выросла, был на расстоянии брошенного камня от собора, который любовно называли Старым, хотя построен он был всего-то в XIV веке. Я выросла в тени его странной башни, покрытой резными чешуйками. Я покинула родной город в молодости и больше никогда не видела ни широкой городской стены, ни просторной Главной площади, ни темных улочек, ни каменных особняков с тенистыми галереями, ни небольшого имения деда, где до сих пор живут

внуки моей старшей сестры. Мой дед, краснодеревщик, состоял в братстве Святого Истинного Креста, что для ремесленника — очень высокая честь. Это было братство самого старинного монастыря города, и его члены шествовали во главе процессий на Страстной неделе. Мой дед, облаченный в лиловый балахон, подпоясанный желтым шнуром и в белых перчатках, был одним из тех, кто нес святой крест. На его одеянии виднелись пятна крови от ударов плетью, которые он наносил себе, чтобы разделить страдания Христа на Его пути на Голгофу. В Страстную седмицу ставни плотно закрывались, чтобы изгнать из домов солнечный свет, люди постились и говорили только шепотом; вся жизнь в это время сводилась к молитвам, вздохам, исповедям и причастиям. Однажды на рассвете в Страстную пятницу у моей сестры Асунсьон, которой в ту пору было одиннадцать лет, на ладонях открылись ужасные кровоточащие язвы, а глаза закатились, так что видны были только белки. Мать с помощью пары крепких пощечин вернула ее к жизни, а потом лечила прикладыванием паутины к язвам и отпаивала отваром ромашки. Из дома Асунсьон не выходила до пор, пока раны не зажили полностью, а мать запретила нам упоминать это происшествие, потому что не хотела, чтобы ее дочь перевозили из церкви в церковь, как ярмарочную диковину.

Асунсьон была не единственной девочкой со стигматами в нашей округе. Каждый год на Страстную неделю с какой-нибудь девочкой случалось что-нибудь в этом роде: одни парили над землей, другие источали запах роз, у третьих начинали расти крылья. К ним тут же стягивались толпы восторженных верующих. Насколько я помню, все такие девушки становились монашками — все, кроме Асунсьон, которая благодаря стараниям матери и молчанию всей нашей семьи чудом исцелилась полностью, безо всяких последствий, вышла замуж и родила детей, в том числе Констансу, о которой еще пойдет речь в этом повествовании.

Я очень хорошо помню эти процессии на Страстной неделе, потому что во время одной из них я познакомилась с Хуаном, человеком, которому суждено было стать моим первым мужем. Это было в 1526 году, в год бракосочетания нашего императора Карла V^[6] с его прекрасной кузиной Изабеллой Португальской, которую он любил всю жизнь; в год, когда турецкая армия под предводительством Сулеймана Великолепного^[7] дошла до самого центра Европы, грозя христианскому миру. Слухи о зверствах мусульман приводили народ в ужас, и нам уже казалось, что одержимые дьяволом полчища подступают к стенам Пласенсии. В том году

религиозный пыл, подогреваемый страхом, дошел до безумия. Я брела в процессии, у меня кружилась голова от долгого поста, дыма свечей, запаха крови и ладана, возгласов молящихся и стонов бичующихся, и я плелась, как во сне, позади своих родственников. Я сразу же выделила Хуана из толпы кающихся в капюшонах. Не заметить его было невозможно: он был на пядь выше всех остальных, и его голова возвышалась над людским морем. У него была военная выправка, кудрявые темные волосы, римский нос и кошачьи глаза, которые на мой взгляд ответили любопытным взглядом. «Кто это?» — спросила я у матери, указывая на него, но в ответ получила лишь толчок локтем в бок и суровый приказ смотреть в землю. У меня не было жениха: дед решил не выдавать меня замуж, а оставить в доме, чтобы я заботилась о нем в старости, — это было вроде наказания за то, что я родилась девочкой, не оправдав дедовские надежды на внука, которого он так хотел. У деда не было средств на приданое обеим внучкам, и он рассудил, что у Асунсьон больше шансов найти выгодную партию, потому что она отличалась бледной красотой и пышным телом, которые так нравятся мужчинам, а характер у нее был кроткий и послушный. Я же, наоборот, была худощавой и поджарой, да к тому же упрямой, как ослица. Я пошла в мать и в покойную бабу, которые отнюдь не были образцами нежной красоты. Тогда говорили, что лучшее во мне — темные глаза и густые волосы, но ведь то же самое можно сказать о доброй половине девушек в Испании! Чего не отнимешь — так это ловкости рук: в Пласенсии и окрестностях никто не мог сравниться со мной в тщательности вышивки и шитья. Этим занятием я зарабатывала деньги с восьми лет; большая часть моего заработка шла на хозяйственные нужды, но кое-что я потихоньку откладывала себе на приданое, раз уж дед мне в этом отказал. Я твердо решила сделать все, чтобы выйти замуж, потому что перспектива препираться с собственными детьми мне нравилась куда больше, чем обихаживать вспыльчивого деда.

В тот день в процессии я не послушалась матери, а, наоборот, откинула мантилью с лица и улыбнулась незнакомцу. Так началась история моей любви к Хуану, уроженцу Малаги. Сначала дед был против, и жизнь у нас дома превратилась в сплошной ад. Мы постоянно бросались оскорблениями и тарелками, а дверьми хлопали так, что по стене пошла трещина, и если бы мать не вмешивалась в наши с дедом пререкания, то скоро мы бы изничтожили друг друга. Я так твердо стояла на своем, что в конце концов дед устал спорить и отступился. Не знаю, что Хуан нашел во мне, но это не важно. Главное, что вскоре после знакомства мы сговорились, что поженимся через год — эта отсрочка была нужна, чтобы

он отыскал работу, а я увеличила свое скудное приданое.

Хуан был из тех веселых красавцев, перед которыми сначала не может устоять ни одна женщина, но потом приходит понимание, что лучше бы он достался какой-нибудь другой, потому что от него сплошные страдания. Хуан не прилагал никаких усилий к тому, чтобы соблазнять женщин, как не прилагал усилий ни к чему другому, ведь одного его присутствия — его, изящного модника, — достаточно было, чтобы привести всех женщин в восторг. С четырнадцати лет, когда он начал пользоваться своим очарованием, он только за счет женщин и жил. Смеясь, он говорил, что мужчин, которым жены наставили рога по его милости, не счесть, как не счесть, сколько раз ему приходилось улепетывать от ревнивых мужей. «Но все это в прошлом, теперь я с тобой, жизнь моя», — добавлял он, чтобы успокоить меня, но краем глаза поглядывая на мою сестру. Внешность и панибратское поведение помогали Хуану заслужить расположение и среди мужчин. Он умел пить, хорошо играл в карты и имел неисчерпаемый запас захватывающих историй и фантастических планов о том, как легко заработать деньги. Я быстро поняла, что его мысли постоянно обращены к горизонту и к завтрашнему дню и в них чувствуется какая-то неудовлетворенность. Как и многие в те времена, он питал свое воображение рассказами о Новом Свете, где баснословные богатства и почести якобы дождем сыпались на храбрецов, готовых рисковать. Он был уверен, что ему предначертано совершить великие подвиги, сравнимые с теми, что совершили Христофор Колумб, который отправился в плавание, не имея иного капитала, кроме мужества, и открыл вторую половину мира, и Эрнан Кортес, завоевавший самую ценную жемчужину для испанской короны — Мексику.

— Говорят, что в той стороне света все уже открыто, — говорила я, пытаясь охладить его пыл.

— Какая же ты темная, Инес! Для завоеваний там осталось гораздо больше, чем уже завоевано. От Панамы на юг простираются девственные земли, где богатств — как у Сулеймана.

Планы Хуана приводили меня в ужас, ведь из них следовало, что нам придется разлучиться. К тому же я слышала от деда, который в свою очередь узнал это из рассказов, услышанных в тавернах, что ацтеки в Мексике приносят своим божествам человеческие жертвы. Что несчастных ставят в ряд в целую лигу длиной и тысячи и тысячи пленников ожидают своей очереди взойти по ступеням храма, где жрецы — растрепанные чудовища, покрытые коркой запекшейся крови и с ног до головы забрызганные свежей кровью, — обсидиановыми ножами вырезают у них

сердце. Тела сбрасывают вниз по ступеням, к подножию храма, где растет гора трупов на грудах разлагающейся плоти. Город стоит в озере крови; хищные птицы, разжиревшие на человеческом мясе, настолько отяжелели, что больше не летают, а плотоядные крысы сделались размером с пастушьих собак. Все испанцы знали об этих ужасах, но Хуана они не пугали.

Пока я рукодельничала с рассвета до полуночи, чтобы скопить денег для замужества, Хуан проводил целые дни в тавернах и на площадях, без разбора обольщая служанок и развратных женщин, развлекая добрых прихожан и мечтая о путешествии в Новый Свет. Такое путешествие было, как он говорил, единственной возможной целью для личности его масштаба. Иногда он пропадал на целые недели и даже на месяцы, а вернувшись, ничего не объяснял. Где он проводил время? Он никогда об этом не рассказывал. Так как он постоянно говорил о путешествии за море, люди начали подтрунивать над ним и меня называть «невестой конкистадора». Я сносила его бродяжки повадки слишком терпеливо, ведь рассудок мой был затуманен, а тело пылало, как всегда бывает, когда мной овладевает любовь. Хуан смешил меня, развлекал песнями и веселыми стишками, умащивал поцелуями. Ему было достаточно прикоснуться ко мне, чтобы превратить слезы во вздохи, а гнев — в желание.

Какая чудная услада любовь! От нее прощаешь все обиды. Я прекрасно помню наше первое объятие в тени лесной чащи. Было лето, и теплая плодородная земля трепетала и благоухала лавром. Мы выехали из Пласенсии по отдельности, чтобы не давать повода для сплетен, и спустились с холма, оставив позади городскую стену. Мы встретились на берегу реки и побежали, держась за руки, в заросли, где нашли уютное местечко подальше от дороги. Хуан собрал охапку листьев и сделал мне что-то вроде гнездышка. Он снял дублет, бросил его на листья и посадил меня на него, а затем неспешно приступил к преподаванию мне уроков наслаждения. Мы принесли с собой маслины, хлеб и бутылку вина — ее я украдала у деда. Мы пили вино, игриво делая глоточки из уст друг у друга.

Поцелуи, вино, смех, тепло, шедшее от земли, — и мы, влюбленные... Он снял с меня блузку и рубашку и стал целовать мне груди. Он говорил, что они у меня как персики, спелые и сладкие, хотя мне они казались похожими, скорее, на жесткие сливы. Он продолжал ласкать меня губами до тех пор, пока мне не стало казаться, что я сейчас умру от удовольствия и любви. Помню, как он лег на спину и посадил меня сверху, обнаженную, влажную от пота и желания, чтобы я задавала ритм нашему танцу. Вот так, легко и играючи, без страха и боли, я рассталась со своей девственностью.

В момент наивысшего упоения я подняла глаза к зеленому своду леса и еще выше, к пылающему летнему небу, и испустила протяжный крик — крик чистой и простой радости.

Долгое отсутствие Хуана охлаждало во мне любовную страсть и подогревало гнев, так что я несколько раз твердо решала изгнать его из своей жизни. Но как только он появлялся снова, мне было не устоять перед его неубедительными извинениями и мудрыми руками прекрасного любовника. И начинался новый круг: соблазнение, обещания, доверие, блаженство любви и страдания новой разлуки.

Прошел год, а мы так и не назначили дату свадьбы, а потом пролетели второй год и третий. К тому времени моя репутация была уже очень сомнительной чистоты: люди болтали, что за закрытыми дверями мы занимаемся всякими непристойностями. Это была правда, но доказательств ни у кого не было: мы были очень благоразумны. Та же цыганка, что предрекла мне долгую жизнь, за монету поведала мне способ, как не забеременеть раньше времени: запихивать себе вовнутрь смоченную в уксусе губку. Моя сестра Асунсьон и подруги учили меня, что лучший способ получить власть над мужчиной — быть с ним суровой, но следовать этому совету с Хуаном де Малагой не смогла бы даже святая мученица. Я сама постоянно искала случая оказаться с ним наедине и заняться любовью — где угодно, не обязательно за закрытыми дверями. Он обладал необыкновенной способностью, какой я больше не встречала ни у одного мужчины, — доводить меня до блаженства в любой позе и всего за пару минут. Для него важнее было доставить наслаждение мне, чем самому себе. Он наизусть знал карту моего тела и учил меня, как самой извлекать из него удовольствие. «Посмотри, какая ты красавица!» — не уставал повторять он. Я не разделяла его лестного мнения, но гордилась тем, что пробуждаю желание в самом красивом мужчине в Эстремадуре.

Если бы мой дед узнал, что мы с Хуаном совокупаемся, как кролики, везде, даже в темных углах церкви, он бы убил нас обоих: он был очень щепетилен во всем, что касалось его чести. А его честь во многом зависела от добродетели женщин в семье. Поэтому, когда первые кривотолки дошли до его волосатых ушей, он впал в священный гнев и пригрозил отправить меня в преисподнюю, забив розгами. «Пятно с чести можно смыть только кровью», — твердил он. Мать приняла огонь на себя: уперев руки в боки и вперив в него взгляд, способный остановить бег разъяренного быка, она объяснила, что я-то вполне расположена к замужеству, нужно только убедить Хуана. Тогда мой дед воспользовался своими связями в братстве Святого Истинного Креста, куда входили самые влиятельные люди в

Пласенсии, чтобы припереть к стенке моего жениха, который слишком долго заставлял себя упрашивать.

Мы поженились солнечным сентябрьским днем, во вторник, когда на Главной площади шумел рынок, а город дышал ароматами цветов, фруктов и свежих овощей. После свадьбы Хуан увез меня в Малагу, где мы поселились в съемной комнате с окнами на улицу. Я постаралась облагородить вид этого жилища кружевными занавесками и мебелью из дедовской мастерской. Оказалось, что единственным капиталом Хуана были фантастические прожекты, но роль мужа он принял с воодушевлением жеребца-производителя, хотя к тому времени мы знали друг друга так хорошо, будто были женаты уже много лет. В иные дни мы часами занимались любовью и даже обедали в постели, так и не удосужившись одеться. Но, несмотря на безумную страсть, я быстро поняла, что с точки зрения здравого рассудка наш брак был ошибкой. Не то чтобы Хуан меня чем-то неприятно удивил — я хорошо знала его характер по предыдущим годам, — но одно дело было видеть его недостатки на некотором расстоянии, и совсем другое — постоянно жить с ними. Единственными достоинствами моего мужа были его умение убажывать меня в постели и внешность тореадора, которой я не переставала восхищаться.

— Этот человек мало на что годен, — сказала как-то моя мать, приехав навестить нас.

— Главное, чтобы от него были дети, остальное не важно.

— А кто будет содержать малюток? — не унималась мать.

— Я сама. Иголка с ниткой мне на что? — с вызовом парировала я.

Я привыкла работать с восхода до заката, и покупательницы на мое шитье и вышивку всегда находились. Кроме того, я пекла на продажу пирожки с начинкой из мяса и лука. Я пекла их в общественной печи у мельницы и на рассвете продавала на Главной площади. После множества проб и ошибок я нашла идеальное соотношение жира и муки, при котором тесто получается плотным, мягким и тонким. Мои пирожки пользовались успехом, и скоро я стала зарабатывать ими больше денег, чем шитьем.

Мать подарила мне деревянную статуэтку Девы Заступницы, знаменитую чудесами, чтобы она благословила мне чрево. Но, видно, у Богородицы были дела поважнее, и моим молитвам она не вняла. Я уже пару лет не пользовалась губкой с уксусом, но на беременность не было ни намека. Между тем наша взаимная страсть начала превращаться во взаимное раздражение. По мере того как я становилась более требовательной к Хуану и менее склонной прощать его проступки, он

отдалялся от меня. В конце концов я почти перестала с ним разговаривать, а он если и обращался ко мне, то только на повышенных тонах. Но бить он меня не решался, потому что в тот единственный раз, когда он попытался поднять на меня руку, я ударила его сковородой по голове — точно так же, как поступала моя бабка с дедом, а потом — мать с отцом. Говорят, что после одного такого удара сковородой отец ушел от нас, и больше мы его не видели. По крайней мере, в этом моя семья была не похожа на другие: у нас мужчины жен не били, только детей. Хуана я ударила совсем легонько, но сковорода была еще горячая, и у него на лбу остался след. А для такого тщеславного красавца, как он, небольшой ожог оказался настоящей трагедией, и это научило его уважать меня.

Удар сковородкой положил конец угрозам, но нужно признать, что это не улучшило наших отношений. Каждый раз, когда Хуан дотрагивался до шрама на лбу, в его глазах появлялся нехороший блеск. Чтобы не остаться в долгу, он лишил меня тех удовольствий, на которые раньше был очень щедр. Моя жизнь сильно изменилась: теперь недели и месяцы тянулись медленно, как на каторге, ведь у меня не осталось ничего, кроме работы и тоски от бездетности и бедности. Капризы и долги моего мужа ложились на мои плечи тяжелым грузом, и мне приходилось как-то изворачиваться, чтобы избегать позорных встреч с кредиторами. Время, когда по ночам мы страстно целовались, а по утрам нежились в постели, прошло безвозвратно. Мы отдалились друг от друга, наши сношения стали быстрыми и грубыми, чуть ли не изнасилованиями. Я терпела это только в надежде зачать. Сейчас, окидывая прожитую жизнь спокойным старческим взором, я понимаю, что отсутствие детей было для меня настоящей благодатью, что Дева Мария отказала мне в материнстве, чтобы я смогла исполнить свою удивительную судьбу. Если бы у меня были дети, я была бы несвободна, как все женщины. Если бы у меня были дети, когда меня бросил Хуан де Малага, мне бы всю жизнь пришлось шить и печь пирожки. Если бы у меня были дети, я бы не завоевала Чили.

Мой муж продолжал наряжаться, как первый модник, и сорить деньгами, как дворянин, не сомневаясь, что я сделаю все возможное и невозможное, чтобы заплатить его долги. Он много пил, часто бывал у публичных женщин и пропадал у них по несколько дней, пока я не нанимала крепких мужиков, чтоб они отыскали его и привели домой. И его приводили, завшивевшего и устыдившегося. Я выбирала у него вшей и подогревала стыд. Я больше не восхищалась его торсом и достойным римской статуи профилем и стала завидовать своей сестре Асунсьон, которая вышла замуж за человека, видом смахивавшего на кабана, но

трудолюбивого и хорошего отца. Хуан скучал, а я начинала отчаиваться. Я даже не старалась удержать его, когда он наконец решил отправиться в Новый Свет на поиски Эльдорадо, города из чистого золота, где дети играют топазами и изумрудами. Хуан уехал не простившись, глубокой ночью, тайком, взяв с собой узелок с одеждой и мои последние сбережения — он их стянул из тайника в кухне.

Хуану удалось заразить меня своими мечтами, хотя мне никогда не приходилось видеть ни одного искателя приключений, который бы возвратился из Нового Света разбогатевшим. Наоборот, все возвращались нищими, больными и тронувшимися рассудком. Те, кому удавалось сколотить состояние, потом его теряли, а хозяева огромных имений, которые, как рассказывали, там были в изобилии, понятное дело, не могли привезти их с собой. Однако ни эти, ни другие доводы разума не могли пересилить манящую притягательность Нового Света. Разве по улицам не тянулись повозки, груженные слитками индейского золота?

В отличие от Хуана я не верила в существование города из чистого золота, волшебных рек, дарующих вечную молодость, и амазонок, которые развлекаются с мужчинами, а потом, одарив драгоценностями, отсылают их прочь. Но я подозревала, что по ту сторону океана есть нечто еще более ценное — свобода. В Новом Свете каждый был сам себе хозяин, кланяться ни перед кем не надо было, можно было ошибаться, а потом начинать все заново; можно было стать другим человеком, зажить другой жизнью. Там никто не носил клеймо бесчестия долго, и человек даже самого презренного происхождения мог возвыситься. «Выше меня — только шляпа с перьями», — говаривал Хуан. Разве я могла упрекать мужа за эту авантюру, когда я сама, если бы была мужчиной, поступила бы точно так же?

Когда Хуан уехал, я возвратилась в Пласенсию, чтобы жить вместе с семьей сестры и с матерью — дед к тому времени уже умер. Я стала «вдовой Нового Света», как многие женщины в Эстремадуре. По обычаю я должна была носить траур, прятать лицо за густой вуалью, отказаться от общественной жизни и жить под неусыпным присмотром родственников, духовника и властей. Молитвы, труды и одиночество — вот все, что сулило мне будущее, но роль мученицы меня совершенно не устраивала. Если завоевателям Нового Света приходилось несладко, то еще тяжелее было их женам в Испании. Я, правда, быстро отделалась от надзора своей сестры и зятя, которые боялись меня почти так же, как мою мать, и, чтобы не ссориться со мной, старались не соваться в мою личную жизнь. Им было достаточно, чтобы я не давала поводов для кривотолков. Я продолжала

шить на заказ, ходила продавать пирожки на Главную площадь и даже появлялась на городских праздниках. Кроме того, я ходила в больницу помогать монашкам ухаживать за больными, жертвами хворей и поножовщины. Меня с юности интересовало врачевание, но я, конечно, не подозревала тогда, что позже лечебные знания станут для меня жизненно важны, так же как кулинарные способности и умение находить воду.

Как и у моей матери, у меня прирожденный дар отыскивать подземные воды. Часто ей или мне приходилось ехать с каким-нибудь крестьянином — а иногда и со знатным сеньором — в поле, чтобы указать место, где нужно рыть колодец. Это очень просто: нужно взять веточку здорового дерева, нежно держать ее в руке и медленно идти до тех пор, пока веточка, почувствовав близость воды, не наклонится. В том месте и нужно копать. Люди говорили, что с таким талантом мы с матерью могли бы разбогатеть, ведь колодец в Эстремадуре — это настоящее сокровище, но мы никогда не брали денег за эту работу, потому что, если брать плату, дар уйдет.

С помощью этой способности мне суждено было однажды спасти целое войско.

В течение нескольких лет я почти не получала известий от мужа, не считая трех коротеньких записочек, посланных из Венесуэлы. Их мне прочел приходской священник, и он же помог написать ответ. Хуан сообщал, что ему приходится переживать множество лишений и опасностей, что в тех землях обитают самые порочные люди, что нужно постоянно держать оружие наготове и быть начеку, что золота там много, хотя пока его не видно, и что он вернется богачом, построит мне дворец и я заживу, как герцогиня. А тем временем мои дни проходили медленно, в скуке и бедности, потому что я тратила ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду, а остальное прятала в ямке в саду. Никому ничего не говоря, чтобы не давать повода для сплетен, я решила последовать за Хуаном в его рискованном предприятии, чего бы это ни стоило, не из любви — она давно прошла, — не из верности — он ее не заслуживал, — а потому, что не могла расстаться с мечтой о свободе. Там, вдали от всех, кто меня знал, я могла стать хозяйкой самой себе.

Огонь нетерпения жег мне тело. Ночи для меня были сущим адом: я ворочалась в кровати, и мне казалось, будто я снова в жарких объятиях Хуана, как в те времена, когда мы еще страстно желали друг друга. Я вся горела даже зимой и злилась на себя и на мир оттого, что родилась женщиной и была обречена жить в тюрьме обычаев. На ночь я, следуя советам монашек из больницы, пила отвар снотворного мака, но это нисколько не помогало. Я старалась молиться, как требовал от меня

священник, но мне не удавалось дочитать до конца «Отче наш», не погрузившись в свои смятенные мысли, потому что дьявол, который все опутывает своими сетями, не отступался от меня. «Инес, тебе нужен мужчина. Ведь можно делать все, только благоразумно и осмотрительно...» — вздыхала мать, всегда мыслившая практично.

Для женщины в моем положении заполучить мужчину было проще простого. Даже мой исповедник, дурно пахнущий, похотливый монах, пытался склонить меня ко греху прямо в пыльной исповедальне в обмен на индульгенции, которые сократили бы мое пребывание в чистилище. Но я не поддавалась: он был отвратительный старикашка. В мужчинах, если бы они мне были нужны, недостатка бы не было. Иногда, когда не хватало мочи сопротивляться проискам дьявола, я заводила себе любовников, но это были лишь минутные объятия, уступка природной нужде. Я была будто привязана к призраку Хуана и заключена в тюрьму одиночества. Я не была вдовой и не могла снова выйти замуж. Моим уделом было ждать, только ждать. Разве не лучше отправиться навстречу опасностям моря и диких стран, чем состариться и умереть, так и не пожив?

Наконец, после долгих хлопот, я получила королевское разрешение отправиться в Новый Свет. Испанская корона старалась поддерживать брачные узы своих подданных и заботилась о воссоединении семей, чтобы заселить земли Нового Света добропорядочными христианскими семьями, но с принятием решений не торопилась. В Испании, как известно, все делается очень нерасторопно. Разрешения ехать в Новый Свет давались только замужним женщинам и только в том случае, если их в путешествии сопровождал какой-нибудь родственник или иная уважаемая особа.

Моим спутником стала Констанса, моя племянница пятнадцати лет от роду, дочь Асунсьон, застенчивая девочка, собиравшаяся посвятить жизнь служению Господу. Ее я выбрала потому, что она была самой крепкой среди моих родственников — ведь Новый Свет не для слабых здоровьем людей. Ее мнения никто не спрашивал, но, судя по тому, что она при известии о предстоящем путешествии упала в обморок, эта перспектива ее не очень привлекала. Родители доверили ее мне, только получив обещание — письменное и скрепленное печатью у нотариуса, — что, отыскав своего мужа, я сразу же отправлю ее обратно в Испанию и снабжу деньгами для вступления в монастырь. Обещание это исполнить я не смогла, но не по своей вине, а по вине Констансы. Но рассказ об этом еще впереди.

Для получения нужных мне бумаг два свидетеля должны были подтвердить, что я не принадлежу к числу нежелательных лиц, что я не

мавританка и не еврейка, а честная христианка. Пригрозив священнику донести о его похотливом поведении в церковный суд, я получила письменное подтверждение своей высокой нравственности. На свои сбережения я купила необходимые для путешествия вещи; не буду перечислять здесь все — это был бы слишком длинный список, хотя я помню его полностью. Достаточно сказать, что я закупила провизии на три месяца, в том числе кур в клетке, — это помимо одежды и домашней утвари для обустройства в Новом Свете.

Педро де Вальдивия вырос в большом каменном доме в Кастуэре, в имении обедневших дворян, примерно в трех днях пути к югу от Пласенсии. Мне очень жаль, что мы не познакомились в молодости, когда он, статный офицер, проезжал через мой город, возвращаясь из одного из своих военных походов. Быть может, мы ходили в один и тот же день по одним и тем же извилистым улочкам: он — уже настоящий мужчина, со шпагой на поясе и в щегольском мундире королевской кавалерии, а я — еще девочка с рыжеватыми косами (тогда они были светлые, а потемнели потом). Мы могли встретиться в церкви, его рука могла случайно коснуться моей в чаше со святой водой, наши взгляды могли встретиться, но мы были незнакомы. Ни этот крепкий солдат, уже много где побывавший и закаленный в боях, ни я, девочка-белошвейка, не могли и вообразить себе того, что нам было уготовано судьбой.

Педро происходил из небогатой, но родовитой семьи военных. История их подвигов началась еще во времена борьбы с римлянами до Рождества Христова, а затем продолжалась в течение семисот лет в жестоких схватках с сарацинами. И до сих пор в этом семействе рождались мужчины прекрасной закалки, находившие себе место в вечных войнах между монархами христианского мира. Их предки спустились с гор и обосновались в Эстремадуре. Педро вырос на рассказах матери о подвигах семи братьев из долины реки Ибии, Валь-д'Ибии, которые схватились в кровавой битве с ужасным чудовищем. Это, вдохновенно рассказывала мать семейства, был не просто дракон с телом ящера, крыльями летучей мыши, двумя или тремя головами, как тот, с которым бился святой Георгий. Это был зверь в десять раз больше и свирепее, проживший много веков и воплощавший всех недругов Испании, начиная с римлян и арабов и заканчивая злокозненными французами, которые в недавние времена осмелились оспорить власть нашего монарха. «Ты только представь, сынок, — нам бы пришлось лопотать по-французски!» — всегда восклицала почтенная сеньора, дойдя до этого момента своего

повествования. Один за другим погибли братья Вальдивия — кто в языках пламени, которое изрыгало чудовище, кто в его тигриных когтях. Когда шестеро братьев пали и казалось, что битва проиграна, младший из братьев, который еще мог держаться на ногах, срубил толстый сук с дерева, заточил его с обоих концов и вонзил в глотку свирепой твари. Дракон от боли затрепыхался и стал бить хвостом по земле так сильно, что по ней пошла трещина и поднялось огромное облако пыли, которое полетело по воздуху и достигло Африки. Тогда герой сжал свой меч обеими руками и вонзил его по самую рукоять в сердце чудовищу, таким образом освободив Испанию от монстра. От этого юноши, храброго из храбрых, и происходил Педро по прямой материнской линии, доказательством чего могли служить меч, который сохранили потомки, и щит с гербом, на котором на золотом фоне две змеи кусали ствол дерева. Девиз их рода был такой: «Жизнь продлевает презрение к смерти».

Неудивительно, что, имея таких предков, Педро услышал зов оружия уже в раннем возрасте. Мать истратила остатки своего приданого, чтобы снарядить его для задуманного предприятия: она купила сыну кольчугу, полный боевой доспех, оружие, приличествующее коннику, двух коней и наняла оруженосца. Легендарный меч рода Вальдивия давно превратился в кусок ржавого железа, тяжелый, как булава, и имел только историческую ценность, так что мать купила Педро новый клинок из лучшей толедской стали, гибкий и легкий. С этой шпагой Педро суждено было не расставаться всю жизнь — и когда он сражался в испанских войсках под знаменами императора Карла V, и когда завоевывал самое отдаленное королевство Нового Света, — и умереть рядом с ней, обагренной кровью и переломленной надвое.

Юный Педро де Вальдивия, воспитанный на книгах и привыкший к материнским заботам, отправился на войну с таким воодушевлением, какое бывает у тех, кто из убийств видел только, как мясник забивает и разделывает свиней на площади — кровавое зрелище, посмотреть на которое собиралась вся деревня. Наивность слетела с него так же быстро, как новенький вымпел с родовым гербом превратился в лохмотья — в первом же сражении.

В ту пору в императорской армии служил и другой храбрый дворянин, Франсиско де Агирре, который тотчас же сделался лучшим другом Педро. Франсиско был настолько же хвастлив и шумен, насколько Педро был серьезен, но оба имели славу отчаянных храбрецов. Род Агирре был баскского происхождения, но семья жила в городке Талавера-де-ла-Рейна, недалеко от Толедо. С самого начала молодой человек выказывал

самоубийственную отвагу: он искал опасностей, потому что верил в защиту золотого креста, который ему дала мать и который он всегда носил на шее. На той же цепочке, что и крест, у него висел медальон с прядью каштановых волос юной красавицы, которую Франсиско с детства любил запретной любовью, потому что возлюбленная приходилась ему двоюродной сестрой. Раз жениться на любимой кузине было нельзя, он поклялся хранить безбрачие. Впрочем, это не мешало ему искать благосклонности всякой женщины, которая только попадалась на пути его пылкой натуры. Он был высок и красив, наделен искренним смехом и звонким тенором, как нельзя лучше подходил на роль души компании в тавернах и покорителя женских сердец: его обаянию противиться не мог никто. Педро советовал ему поберечь себя, потому что французская болезнь одинаково беспощадна что к маврам, что к евреям, что к христианам, но он всецело полагался на крест своей матери, полагая, что если он безотказно защищает его в сражениях, то так же должен ограждать его от пагубных последствий сладострастия.

Агирре, такой любезный и галантный в обществе, на поле брани превращался в свирепого зверя, в противоположность Педро де Вальдивии, который вел себя спокойно и благородно даже перед лицом смертельной опасности. Оба молодых человека умели читать и писать, учились и были более образованны, чем большинство дворян. Педро получил основательное образование у священника, дяди его матери, в доме которого он жил в юности. Об этом священнике поговаривали, что он и есть настоящий отец Педро, но юный де Вальдивия так и не решился спросить его об этом. Это означало бы оскорбить собственную мать. Кроме того, Агирре и Вальдивию роднило то, что оба появились на свет в 1500 году, в год рождения императора Священной Римской империи Карла V, короля Испании, Германии, Австрии, Фландрии, Нового Света, части Африки и прочая и прочая. Молодые люди не были суеверны, но все же явно гордились тем, что рождены под одной звездой с королем, а значит, им суждены схожие ратные подвиги. Они считали, что в этой жизни нет лучшей доли, чем быть солдатом под началом такого удаłego монарха; они восхищались его великанским ростом, его упрямой отвагой, ловкостью всадника и фехтовальщика, талантом стратега на войне и стремлением к знаниям в мирное время. Педро и Франсиско благодарили судьбу за то, что она позволила им родиться католиками, что гарантировало спасение души, и испанцами, то есть превосходящими добродетелью всех других смертных. Они были подданными Испании, правительницы мира, необъятной в длину и ширину, более могущественной, чем Римская

империя в древние времена, избранной Господом, чтобы открывать новые земли, завоевывать их, обращать в христианство, основывать города и заселять самые отдаленные уголки Земли. Им было по двадцать лет, когда они отправились сражаться во Фландрию, а потом участвовали в итальянских кампаниях, где осознали, что жестокость на войне — это добродетель. Так как смерть — постоянная спутница солдат, то лучше, чтобы душа была всегда к ней готова.

Оба офицера служили под командованием выдающегося военачальника маркиза де Пескары, чья утонченная внешность могла ввести в заблуждение. Но под золочеными доспехами и шелковым платьем, расшитым жемчугом, скрывался редкий гений военного дела, что маркиз доказал на деле тысячу и один раз. В 1524 году, в разгар войны между Францией и Испанией, которые оспаривали друг у друга власть над землями в Италии, Пескара и две тысячи лучших испанских солдат исчезли странным образом, будто растворившись в зимнем тумане. Пошел слух, будто они дезертировали, и из уст в уста стали передаваться веселые куплеты, в которых их изображали предателями и трусами, в то время как они, укрывшись в одной крепости, в строжайшей тайне готовили атаку. Дело было в ноябре, и холод пробирал до самой души несчастных солдат, разбивших лагерь во дворе крепости. Они не понимали, зачем их держали там, в холоде и неведении, вместо того чтобы вести в бой с французами. Маркиз де Пескара не торопился, выжидая подходящий для нападения момент с терпением бывалого охотника. Наконец, после нескольких недель ожидания, он подал знак офицерам готовиться действовать. Педро де Вальдивия приказал людям в своем батальоне надеть доспехи прямо на шерстяные накидки — это была непростая задача, потому что пальцы липли к ледяному металлу, — а потом выдал им простыни, чтобы накинуть их сверху. Так, будто белые призраки, они, дрожа от холода, шли в полной тишине всю ночь, пока на рассвете не добрались до вражеского форта. Дозорные на стенах заметили какое-то движение на снегу, но решили, что это тени деревьев, колеблющихся на ветру. Французы не видели испанцев, приближавшихся белыми волнами по заснеженной земле, до самого последнего момента, когда те бросились в атаку, застав противника врасплох. Эта безоговорочная победа превратила маркиза де Пескару в самого знаменитого полководца того времени.

Годом позже Вальдивия и Агирре принимали участие в битве при Павии, красивом городе с сотней башен, где французы тоже были разбиты. Король Франции, который отчаянно сражался в этой битве, был захвачен в плен одним из людей Педро де Вальдивии. Солдат сбросил монарха с коня

и, не зная, кто это, уже собирался перерезать ему горло. Своевременно вмешавшись, Вальдивия не позволил совершить непоправимое и таким образом изменил ход истории. На поле сражения осталось больше десяти тысяч убитых; много недель воздух кишел мухами, а земля — крысами. Говорят, что в тех краях до сих пор в кочанах капусты между листьями часто попадаются раздробленные кости.

Тогда Вальдивия впервые понял, что кавалерия — больше не главная движущая сила победы и что будущее за двумя новыми видами оружия — аркебузами, которые было непросто заряжать, но которые отличались дальностью, и бронзовыми пушками, более легкими и подвижными, чем пушки из кованого железа. Другим важным фактором было участие наемных солдат — швейцарцев и немецких ландскнехтов, известных своей жестокостью. Раньше Вальдивия презирал их, потому что для него война, как и все остальное в жизни, была делом чести. Битва при Павии заставила его задуматься о важности стратегии и нового оружия: он осознал, что безумной храбрости таких людей, как Франсиско де Агирре, не достаточно и что война — это наука, требующая изучения и логики.

После сражения под Павией Педро де Вальдивия, измотанный и охромевший от ранения копьем в бедро — рану ему прижигали кипящим маслом, но она снова открывалась при малейшем напряжении мышц, — вернулся домой в Кастуэру. Он был как раз в том возрасте, чтобы жениться, увековечить свое имя в потомстве и посвятить себя заботам о полях, опустевших из-за небрежения и долгого отсутствия хозяина, как не уставала повторять его мать. Идеальной невестой для Педро была бы девушка с хорошим приданым — оно пришлось бы очень кстати в обедневшем имении Вальдивии. Родственники и священник нашли для Педро несколько кандидаток — все из хороших семей и с солидным приданым. Молодой офицер знакомился с ними, пока заживала его рана.

Но все обернулось не так, как предполагалось. Педро впервые увидел Марину Ортис де Гаэте в том единственном месте, где ее можно было встретить на людях: у дверей церкви после мессы. Марине тогда было тринадцать лет, и она все еще носила детские пышные накрахмаленные юбки. Ее сопровождали дуэнья и служанка, державшая зонтик от солнца над ее головой даже в пасмурные дни. Яркий луч солнца-никогда не касался полупрозрачной кожи этой бледной девочки. У нее было ангельское лицо, белокурые и будто источающие свет волосы, неуверенная поступь, какая бывает у тех, на ком слишком много нижних юбок, и весь ее вид выражал такую невинность, что Педро тут же позабыл все свои намерения укрепить свое имение с помощью приданого будущей жены. Ему по

природе были чужды мелочные расчеты, а красота и добродетель этой девицы совершенно его покорили. Хотя она была небогата и приданое сильно уступало прочим ее прелестям, Педро, выяснив, что она еще не помолвлена ни с кем другим, сразу же начал за ней ухаживать.

Семейство Ортис де Гаэте тоже желало получить от супружества своей дочери прежде всего материальную выгоду, но не смогло отвергнуть притязаний такого родовитого и доблестного кабальера, как Педро де Вальдивия, и дало согласие на брак с единственным условием — чтобы свадьба состоялась после того, как невесте исполнится четырнадцать лет. А до тех пор Марина принимала ухаживания своего жениха с заячьей боязливостью, хотя и старалась показать, что она тоже с нетерпением считает дни до свадьбы.

Педро был тогда в расцвете сил — высокого роста, широкоплечий, хорошо сложенный, с благородной осанкой, орлиным носом, упрямым подбородком и очень выразительными голубыми глазами. Он уже тогда зачесывал волосы назад и собирал их в небольшой хвостик на затылке, чисто брил щеки, на помаживал усы и остренькую бородку — все это были неизменные его атрибуты в течение всей жизни. Он элегантно одевался, имел решительное выражение лица, говорил, выдерживая паузы, и всем своим видом внушал уважение, но при этом умел быть галантным и нежным. Марина восхищалась им и не могла понять, почему этот отважный и благородный мужчина обратил внимание именно на нее. Они поженились на следующий год, когда у Марины появились месячные кровотечения, и поселились в скромном имении семейства Вальдивия.

Марина приняла свой новый статус замужней женщины с самыми лучшими намерениями. Но она была слишком молода, и строгий характер мужа и его склонность к наукам ее пугали. Им было не о чем разговаривать. Она сконфуженно брала книги, которые муж советовал ей, даже не отваживаясь признаться ему, что едва умела прочесть пару простейших фраз и подписать свое имя неуверенной рукой. Ее всю жизнь ограждали от внешнего мира, и она не желала этого менять; длинные речи мужа о политике и географии приводили ее в ужас. Ее жизнь составляли молитвы и вышивка драгоценных облачений для священников. Управлять домом она не умела, да и слуги не слушались ее детского голоса, так что руководить в доме продолжала свекровь, а с Мариной обращались, как с маленькой девочкой, какой она и была. С помощью старших женщин в семье она взялась разбираться в докучных домашних заботах, но расспросить о другом аспекте жизни замужней женщины — еще более важном, чем приготовление еды и ведение счетов, — ей было не у кого.

Пока отношения с Педро ограничивались свиданиями под присмотром дуэньи и изящными записками, Марина была счастлива, но все ее восторги испарились, как только она в первый раз оказалась с мужем в постели. Она совершенно не представляла себе, что должно произойти в первую брачную ночь, ведь никто не подготовил ее, чтобы это не стало для нее ужасной неожиданностью. В ее приданом было несколько батистовых ночных рубашек — длиной до щиколоток, с атласными лентами на шее и запястьях и прорезью в виде креста спереди. Ей даже никогда не приходило в голову спросить, для чего нужно это отверстие; никто не объяснил ей, что через него она будет соприкасаться с самыми интимными частями тела своего мужа. Она ни разу в жизни не видела обнаженного мужчину и думала, что мужчины отличаются от женщин только растительностью на лице и тембром голоса. И когда в темноте спальни Марина почувствовала, что Педро дышит ей в лицо, а его руки ощупывают складки рубашки в поисках прорези, украшенной искусной вышивкой, она, как ослица, лягнула мужа, вскочила и с криком ужаса побежала по гулким коридорам каменного дома.

Хотя в своих действиях Педро руководствовался самыми добрыми намерениями, он вовсе не был умелым и внимательным любовником: его опыт по части любви ограничивался мимолетными объятиями с женщинами, продававшими свою честь по сходной цене. Но он понял, что с Мариной ему потребуются огромное терпение: его супруга была совсем еще девочкой, чье тело, как бутон, едва начало распускаться, и принуждать ее к соитию совершенно не годилось. Он старался подготавливать ее потихоньку, но невинность Марины, которая так привлекала его вначале, превратилась в непреодолимое препятствие на этом пути. Ночи стали сплошным разочарованием для него и настоящим мучением для нее, а при свете дня они оба никак не отваживались заговорить об этом деле. Педро с головой ушел в чтение и заботу о своих землях и крестьянах, а избыток энергии тратил на фехтование и верховую езду. В глубине души он готовился к отъезду и прощался с родными местами, и когда тяга к приключениям окончательно пересилила в нем стремление к оседлой жизни, он снова вступил под знамена Карла V с тайной мечтой сравняться в военной славе с маркизом де Пескарой.

В феврале 1527 года испанские войска под командованием коннетабля Франции герцога де Бурбона стояли под стенами Рима. Испанцы в сопровождении свирепых швейцарско-немецких наемников выжидали подходящий момент, чтобы войти в город цезарей и отыграться за

несколько месяцев без жалования. Эта армия представляла собой орду голодных, недисциплинированных солдат, жаждущих добраться до сокровищ Рима и Ватикана. Но были в том войске не только лентяи и наемники; в рядах испанцев были два крепких офицера, Педро де Вальдивия и Франсиско де Агирре, которые вновь встретились после двух лет разлуки. Обнявшись как братья, они принялись рассказывать друг другу свои новости. Вальдивия с гордостью достал медальон с портретом Марины работы одного португальского миниатюриста, еврея-выкреста, который сумел скрыться от инквизиции.

— Детей у нас пока нет, потому что Марина еще очень молода. Но наступит и для этого черед, если будет на то Божья воля, — сказал Педро.

— Скажи лучше — если раньше нас не убьют! — воскликнул его товарищ.

Франсиско в свою очередь поведал, что он все так же тайно пылает платоническим чувством к своей кузине, которая тоже любит его и пригрозила уйти в монастырь, если ее отец будет настаивать, чтобы она вышла замуж за другого. Вальдивия ответил, что это не такая уж и нелепая идея, потому что для многих благородных женщин жизнь в монастыре оказывается меньшим злом, чем навязанное замужество, ведь в монастырь они уходят вместе с целой свитой служанок, со своими деньгами, и не отказываются там от роскоши, к которой привыкли в миру.

— В случае с моей кузиной это было бы непростительным расточительством, друг мой. Такая красивая девушка, да к тому же с таким крепким здоровьем, созданная для любви и счастья быть матерью, не должна заживо хоронить себя в монастыре. Но ты совершенно прав: я предпочел бы, чтобы она стала монашкой, чем вышла за другого. Я бы этого не допустил! Нам с ней обоим пришлось бы лишиться себя жизни! — патетически заявлял Франсиско.

— И обречь себя на вечные муки в аду? Я уверен, что твоя кузина предпочтет монастырь. А ты сам? Что ты сам думаешь делать дальше? — спросил Вальдивия.

— Буду воевать, покуда достанет сил. И навещать кузину в ее монашеской келье под покровом ночи, — засмеялся Франсиско, поглаживая крест и медальон у себя на груди.

Защита Рима была организована плохо: папа Клемент VII был человеком, более способным к политическим интригам, нежели к военному делу. Едва отряды противника, окутанные густым туманом, подошли к городским мостам, великий понтифик по тайному подземному ходу бежал из Ватикана в оцетиненный пушками замок Святого Ангела. Его

сопровождали три тысячи человек, в том числе знаменитый скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини, известный как своим выдающимся талантом, так и отвратительным характером. Папа возложил на него ответственность за принятие решений относительно военных действий, потому что решил, что если он сам перед этим художником дрожит как осиновый лист, то и войска коннетабля де Бурбона тоже перед ним дрогнут.

В самом начале штурма стен Рима коннетабль был смертельно ранен мушкетным выстрелом в глаз. Позже Бенвенуто Челлини хвалился, что это именно он пустил пулю, убившую герцога де Бурбона, хотя на самом деле он не был даже близко к тому месту, где это произошло, но кто же осмелится с ним спорить? Раньше чем командиры смогли построить свои войска и отдать приказы, солдаты беспорядочной толпой ринулись на незащищенный город со шпагами наголо и мушкетами наготове, и через несколько часов город был взят.

В первые восемь дней в городе царило смертоубийство и по улицам рекой текла кровь, засыхая на тысячелетних камнях. Из города бежали больше сорока пяти тысяч человек, а оставшееся население оказалось в настоящем аду. Алчные захватчики жгли церкви, монастыри, больницы, дворцы и частные дома. Они убивали направо и налево, не щадя даже сумасшедших, больных в богадельнях и домашних животных; они пытали мужчин, чтобы заставить их отдать то, что могло быть спрятано; они насиловали всех женщин и девочек, что попадались им на пути; они убивали всех — от грудных младенцев до глубоких стариков. Грабежи, будто нескончаемая оргия, продолжались неделями. Солдаты, пьяные от крови и вина, вытаскивали на улицы разбитые произведения искусства и церковную утварь, обезглавливали без разбора статуи и людей, забирали себе все, что могли унести, а остальное ломали на куски. Знаменитые фрески в Сикстинской капелле избежали общей участи только потому, что там бдели над телом коннетабля де Бурбона. В Тибре плавали тысячи трупов, и запах разлагающейся плоти отравлял воздух. Собаки и вороны терзали валяющиеся повсюду тела. Затем в город явились верные спутники войны — голод и болезни, не щадившие ни несчастных римлян, ни их палачей.

В эти ужасные дни Педро де Вальдивия в бешенстве носился по улицам Рима со шпагой в руке, тщетно стараясь прекратить грабежи и убийства и принудить солдатню к порядку. Но пятнадцать тысяч ландскнехтов не признавали ни командиров, ни законы и готовы были убить любого, кто пытался помешать им. Волею случая Вальдивия оказался

у дверей одного из монастырей как раз в тот момент, когда его пытались взять штурмом дюжина немецких наемников. Монахини, зная, что ни одна женщина не сможет избежать поругания, собрались во дворе монастыря и встали вокруг креста. В центре круга неподвижно стояли молодые послушницы, держась за руки, опустив головы и едва слышно шепча молитвы. Издали они походили на голубок. Они просили Господа, чтобы Он сохранил их честь незапятнанной, смилостивился и послал им скорую смерть.

— Назад! Кто переступит этот порог, будет иметь дело со мной! — зарычал Педро де Вальдивия, потрясая шпагой в правой руке и короткой саблей — в левой.

Несколько ландскнехтов остановились в удивлении — наверное, прикидывали, стоит ли пререкаться с этим величавым и решительным испанским офицером или лучше перейти к соседнему дому, — но другие толпой бросились в атаку. У Вальдивии было то преимущество, что он, в отличие от немцев, был трезв. Четырьмя точными ударами он оглушил нескольких противников, но к тому времени остальная часть группы оправилась от первого замешательства и тоже бросилась на него. И хотя рассудок немцев был затуманен винными парами, они были столь же замечательными воинами, что и Вальдивия, и скоро окружили его. Этот день мог бы стать последним для храброго офицера из Эстремадуры, если бы откуда ни возмись рядом с ним не появился Франсиско де Агирре.

— Сюда, тевтонские сволочи! — закричал разъяренный баск, красный от гнева, огромной, размахивая шпагой, как дубиной.

Стычка привлекла внимание других испанцев, которые проходили неподалеку и увидели своих земляков в серьезной опасности. Быстрее, чем это можно описать словами, перед монастырем завязалась настоящая битва. Менее чем через полчаса налетчики отступили, оставив нескольких своих товарищей истекать кровью на улице, а офицеры стали баррикадировать двери монастыря. Мать настоятельница приказала монахиням покрепче унести внутрь тех, кто упал в обморок, а затем слушаться указаний Франсиско де Агирре, который вызвался организовать защиту монастыря и укрепить стены.

— Сейчас в Риме никто не может чувствовать себя в безопасности. Пока что наемники ушли, но они наверняка вернутся. Поэтому лучше вам к их возвращению как следует подготовиться, — предупредил Агирре монахинь.

— Я раздобуду несколько аркебуз, и Франсиско научит вас ими пользоваться, — предложил Вальдивия, который заметил в глазах друга

плутовской огонек, появившийся при мысли о том, чтобы остаться наедине с двумя десятками молоденьких послушниц и несколькими монахинями зрелого возраста, но благодарными ему и все еще привлекательными.

Через шестьдесят дней ужасное разграбление Рима прекратилось. Оно положило конец целой эпохе — эпохе властвования в Италии пап Возрождения — и осталось в истории позорным пятном на репутации нашего императора Карла V, хотя он в то время и был очень далеко от Рима.

Его святейшество папа смог покинуть свое укрытие в замке Святого Ангела, но тут же был арестован. В тюрьме другие заключенные приняли его без должного почтения: они отняли у него папский перстень и дали такой пинок под зад, что духовный отец под хохот солдат полетел на пол лицом вниз.

Бенвенуто Челлини можно было обвинять во многих грехах, но он был не из тех, кто забывает отдавать долги. Поэтому когда к нему явилась настоятельница монастыря и поведала, как один испанский офицер спас ее подопечных и защищал монастырь в течение нескольких недель, Челлини пожелал познакомиться с ним. Через несколько часов монахиня вернулась во дворец вместе с Франсиско де Агирре. Челлини принял его в одном из залов ватиканского дворца среди осколков фарфора и обломков мебели, попавшейся под руку грабителям. Мужчины перекинулись парой любезностей.

— Откройте мне, сударь, чего бы вам хотелось в награду за ваш храбрый поступок? — прямо спросил Челлини, не любивший околичностей.

Агирре покраснел от гнева, и рука его инстинктивно потянулась к эфесу шпаги.

— Вы меня оскорбляете! — воскликнул он.

В этот момент вмешалась, воспользовавшись своим авторитетом, настоятельница монастыря. Она встала между ними с презрительным выражением лица, всем своим видом показывая, что у нее нет времени выслушивать их хвастливые пререкания. Она происходила из родовитой и богатой семьи — ее отцом был генуэзский кондотьер Андреа Дориа — и привыкла повелевать.

— Остановитесь! Я вас прошу простить эту невольную обиду, дон Франсиско. Мы живем в дурные времена, было пролито очень много крови и совершено множество страшных грехов, поэтому не удивительно, что хорошие манеры сейчас отошли на второй план. Синьор Челлини прекрасно понимает, что вы защищали наш монастырь не из корыстного интереса, а по зову сердца. Последнее, чего хотел бы синьор Челлини, —

это оскорбить вас. Для нас было бы большой радостью, если бы вы в знак признательности и уважения согласились принять от нас что-нибудь в дар.

Настоятельница сделала знак скульптору, призывая его немного подождать, а затем взяла Агирре под локоть и отвела в другой конец зала. Челлини слышал, как они там долго перешептывались. Когда его скудный запас терпения был уже на исходе, они вернулись, и настоятельница изложила просьбу молодого офицера. Сам он в это время стоял, вперив взгляд в носки своих сапог, и на лбу его выступал пот.

Так Бенвенуто Челлини получил от папы Клементя VII, до того как он был отправлен в изгнание, разрешение на брак Франсиско де Агирре с его кузиной. На радостях Агирре бегом бросился рассказывать об этом Педро де Вальдивии. Франсиско не мог поверить своему счастью. Из глаз у него катились слезы, а его обычно твердый молодецкий голос дрожал, когда он пытался поведать новость своему другу.

— Не знаю, хорошая ли эта новость, Франсиско. В твоей коллекции не меньше любовных побед, чем в коллекции нашего императора — часов. Я не могу представить тебя степенным отцом семейства, — колко заметил Вальдивия.

— Я никогда не любил ни одну женщину, кроме моей кузины! Все остальные для меня — безликие существа, появляющиеся в моей жизни только на минуту, чтобы удовлетворить страсть, которую дьявол разжигает во мне.

— Дьявол разжигает в нас много разных страстей, а Бог дает нам разум и силы, чтобы справляться с ними. Этим мы и отличаемся от животных.

— Педро, ты воюешь не первый год и все еще думаешь, что мы отличаемся от животных?.. — поддел друга Агирре.

— Несомненно. Предназначение человека в том и состоит, чтобы оторваться от звериного состояния, вести жизнь согласно самым чистым идеалам и спасти свою душу.

— Ты пугаешь меня, Педро! Ты говоришь, как священник. Если б я не знал тебя так хорошо, как я тебя знаю, я бы решил, что в тебе нет того основополагающего инстинкта, который движет мужчинами.

— Нет, этого инстинкта у меня предостаточно, уверяю тебя. Но я не позволяю ему определять свое поведение.

— Я не так благороден, как ты, но мои грехи искупает та чистая и возвышенная любовь, которой я люблю свою кузину.

— Вот забавно будет, когда ты женишься на этой идеальной девушке! Интересно, как тебе удастся примирить это высокое чувство с твоими

распутными привычками? — лукаво улыбнулся Вальдивия.

— Это будет несложно, Педро. Жаркими поцелуями я сотру с кухни налет святости и страстно буду любить ее, — с безудержным смехом ответил Агирре.

— А как насчет верности?

— Моя будущая жена позаботится, чтобы в нашем браке всего было вдоволь. Но отказаться от женщин я не могу, так же как не могу отказаться от вина или шпаги.

Франсиско де Агирре спешно отправился в Испанию, чтобы жениться раньше, чем вечно колеблющийся понтифик изменит свое решение. Видимо, ему удалось сочетать платоническое чувство к кузине со своей неумемной страстью, и молодая супруга ответила ему взаимностью без тени робости, потому что о пылкости отношений этой пары ходили легенды. Говорят, что соседи собирались на улице перед домом Агирре, чтобы послушать доносящиеся из окон звуки и побиться об заклад о том, сколько любовных заходов будет в ту ночь.

После долгих скитаний по полям сражений, в крови, пороховом дыму и грязи Педро де Вальдивия, прославленный ратными подвигами, тоже возвратился в свои родные пенаты. Он вернулся обремененный огромным опытом и сумкой с золотом, которое полагал пустить на восстановление своего обедневшего имения. Марина, ожидая его, повзрослела и из девочки-подростка превратилась в женщину. Капризы избалованного ребенка навсегда остались в прошлом. О ту пору ей было шестнадцать лет, и она была красива какой-то эфирной и безмятежной красотой, которую можно было созерцать как произведение искусства. Весь ее вид выражал отстраненность, как у сомнамбулы, будто бы она предчувствовала, что вся ее жизнь будет вечным ожиданием.

В первую совместную ночь после разлуки супруги механически молча повторили свои прежние движения. В темноте спальни их тела касались друг друга без всякой радости; он боялся отпугнуть ее, а она боялась согрешить; он желал любить ее, а она желала только, чтобы рассвет наступил поскорее. Днем же оба добросовестно исполняли отведенные им роли, отстраненно сосуществуя в одном пространстве.

Марина приняла супруга с усердной и услужливой лаской, которая вовсе не льстила ему, а, наоборот, раздражала. Ему не нужно было много внимания, а лишь немного страстности, но он не решался просить ее об этом, потому что полагал, что страстность не пристала такой порядочной и верующей женщине, как она. У него было ощущение, что он постоянно под

присмотром Марины, что он попал в невидимые сети чувства, которому не мог соответствовать. Ему не нравились умоляющие взгляды, которыми она беспрестанно его окидывала, когда он был дома, немая печаль при прощаниях, читающийся на лице упрек, когда он возвращался даже после краткого отсутствия. Марина казалась ему неприкосновенной, ею дозволено было наслаждаться только на расстоянии, глядя, как она вышивает, погруженная в свои мысли и молитвы, освещенная, как святая в соборе, золотым светом, падающим из окна. Встречи с ней за тяжелыми и пыльными занавесями супружеского ложа, которое верой и правдой служило трем поколениям рода Вальдивия, потеряли для Педро всякую привлекательность, потому что Марина наотрез отказалась заменить ночную рубашку с прорезью в форме креста на что-нибудь менее пугающее. Педро предложил ей посоветоваться с другими женщинами, но она не могла ни с кем говорить об этом постыдном деле. Каждый раз после мужниных объятий Марина проводила несколько часов в молитве, неподвижная и подавленная невозможностью удовлетворить супруга, на коленях на каменном полу, по которому гуляли сквозняки. Но втайне она любовалась этими своими страданиями, потому что они отличали ее от обычных женщин и приближали к святости. Педро объяснял ей, что между супругами не может быть греха прелюбодеяния, ибо цель брачного союза — дети, но Марина все равно леденела до мозга костей, едва муж к ней прикасался. Старания исповедника принесли свои плоды: страх преисподней и представление о постыдности тела прочно укоренились в ее душе. За все время супружества Педро не видел ни одной части тела жены, кроме лица, рук и иногда ступней. Он постоянно чувствовал искушение сорвать с нее проклятую рубашку, но ужас, читавшийся в ее глазах при одном приближении к ней, останавливал его. Этот ужас разительно отличался от нежности взглядов, которые она кидала на него днем, когда оба были одеты.

Марина была пассивна не только в любви, но и во всех других сторонах совместной жизни: у нее никогда не менялось выражение лица или настроение, она была тихой овечкой. Такая покорность раздражала Педро, хотя он и считал ее очень женственной чертой. Когда Марина была еще совсем девочкой, ему хотелось сохранить ее невинность и чистоту, которые привлекли его поначалу, но теперь он жаждал, чтобы она взбунтовалась и сбросила с себя эту маску смирения.

Благодаря недюжинной храбрости и способности к командованию Вальдивия очень быстро получил чин капитана, но, несмотря на прекрасную карьеру, он не гордился своим прошлым. После разграбления

Рима его одолевали неотвязные кошмары, в которых постоянно появлялась фигура молодой матери, собирающей, обняв детей, броситься с моста в обогренную кровью реку. Он знал пределы человеческой гнусности и тьму души, знал, что люди, окунувшись в жесткость войны, способны на ужасные поступки, и не чувствовал себя лучше других. Конечно, он исповедовался, и священник всегда отпускал ему грехи, накладывая самое малое покаяние, ведь ошибки, совершенные во имя Испании и Святой Церкви, не могут считаться грехами. Разве он не повиновался приказам вышестоящих командиров? Разве враг не заслуживал самой суровой участи? *Отпускаю тебе все прегрешения твои, вольные и невольные, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.* Но тому, кто хоть однажды испытал опьянение от убийства, не может быть ни прощения, ни отпущения грехов, думал Педро. Он получал удовольствие от насилия над другим человеком, — это тайный порок всех солдат, иначе война была бы невозможна. Грубость товарищей в бараках, гортанное рычание, с которым солдаты бок о бок бросались в битву, всеобщее безразличие к боли и страху — все это заставляло его чувствовать себя живым. Тяга к плотоядному удовольствию, которое испытываешь, пронзая человеческое тело шпагой, к дьявольской власти лишать кого-то жизни, к безумию при виде льющейся крови была слишком сильна. Все начинается с убийств по велению долга и заканчивается убийствами в пылу ярости. С этим ничто не может сравниться. Даже в нем, человеке богобоязненном и гордившемся способностью укрощать свои страсти, инстинкт убийства, однажды выпущенный на свободу, был сильнее инстинкта жизни. Жратва, разврат и убийства — вот к чему сводится всякий мужчина, полагал его друг Франсиско де Агирре. Единственный способ спасти свою душу — не поддаваться искушению взять в руки шпагу. Стоя на коленях перед главным алтарем собора, Педро де Вальдивия поклялся посвятить остаток жизни сотворению добра, служению Церкви и Испании, больше не совершать беззаконий и жить дальше в соответствии со строжайшими моральными принципами. Он много раз бывал в шаге от смерти, но Господь сохранил ему жизнь, чтобы он искупил свои ошибки. Педро повесил свою толедскую шпагу рядом с мечом легендарного предка и вознамерился остепениться.

Славный капитан превратился в мирного сельского жителя, чей ум занят житейскими делами: скотом и урожаями, засухами и холодами, спорами и незаконным сожительство среди крестьян. Педро проводил жизнь читая, играя в карты и слушая бесконечные мессы в соборе. Так как он интересовался законами и правом, к нему приходили люди за

юридическим советом, и даже судейские чиновники прислушивались к его слову. Самой большой его отдушиной были книги, особенно хроники путешествий и географические карты, которые он изучал в мельчайших подробностях. Он знал наизусть «Песнь о моем Сиде», тешился удивительными рассказами Солина^[8] и фантастическими путешествиями Джона Мандевиля^[9], но больше всего его занимали сообщения о путешествиях по Новому Свету, которые издавались в Испании. Мысли о подвигах Христофора Колумба, Фернана Магеллана, Америго Веспуччи, Эрнана Кортеса и других знаменитых путешественников не давали ему уснуть. Вперив взгляд в парчовый балдахин кровати, он грезил наяву о том, что однажды станет первооткрывателем отдаленных уголков земли, завоеует их, заложит новые города, принесет веру Христову диким народам к вящей славе Господа и имя его будет выгравировано огнем и мечом на страницах Истории.

Его супруга между тем вышивала золотыми нитями ризы священникам и читала одну молитву за другой, будто нескончаемую литанию. Несмотря на то что Педро несколько раз в неделю отваживался воспользоваться постыдным отверстием в ночной рубашке Марины, детей, столь им желанных, так и не появлялось. Так проходили годы, медленно и докучно, то в полузабытьи пылающего лета, то в уединении зимы в нестерпимой суровости Эстремадуры.

Несколькими годами позже, когда Педро де Вальдивия уже смирился с тем, что ему суждено бесславно состариться рядом со своей супругой в безмолвии дома в Кастуэре, к ним заехал путник, который привез письмо от Франсиско де Агирре. Приезжего звали Херонимо де Альдерете, родом он был из Ольмедо. У него было приятное лицо, копна кудрявых волос цвета меда, пышные турецкие усы с напوماженными и загнутыми вверх кончиками и пылающие глаза мечтателя. Вальдивия принял его с гостеприимством порядочного испанца и предложил остановиться в своем доме, который, конечно, не отличался роскошью, но все же был удобнее и безопаснее, чем постоялый двор. Дело было зимой, и Марина распорядилась затопить камин в гостиной, но горящие дрова не справлялись даже с полумраком, не говоря уж о сквозняках. В этой спартанского вида комнате, почти лишенной мебели и украшений, и проходила большая часть жизни супругов. Там Педро читал, а Марина занималась рукоделием; там они обедали и там же оба, преклонив колени перед алтарем, стоявшим у стены, молились. Марина подала мужчинам

терпкого домашнего вина, колбасу, сыр и хлеб, а затем удалилась в свой угол вышивать при свете свечи, пока они беседовали.

У Херонимо де Альдерете была задача нанять людей для путешествия в Новый Свет, и, чтобы соблазнить народ, он рассказывал на площадях и в тавернах завлекательные рассказы о домашней утвари из чистого золота, висящей на толстой серебряной проволоке. В письме, которое Франсиско де Агирре написал своему другу Педро, тоже говорилось о Новом Свете. Альдерете восторженно повторял своему амфитриону расхожие сказки о невиданных возможностях, которые таит в себе этот континент. Он говорил, что не видит места для благородных подвигов в Европе, которая прогнила, одряхла, погрязла в политических заговорах, в придворных интригах, в проповедях еретиков, всяких лютеран, по чьей милости разделился христианский мир. Будущее — за океаном, уверял он. Большой простор для свершений есть в Новом Свете, или Америке — такое имя дал этим землям один немецкий картограф в честь Америго Веспуччи, хвастливого мореплавателя-флорентийца, которому честь их открытия вовсе не принадлежит. По мнению Альдерете, эти земли следовало бы назвать в честь Христофора Колумба — Христофорией или Колумбией. Но, с другой стороны, название уже дано, и это далеко не главное, продолжал он. В Новом Свете были особенно нужны честные и бесстрашные идальго, со шпагой в одной руке и крестом в другой, жаждущие открывать и завоевывать. Невозможно даже вообразить себе просторы тех земель, бескрайнюю зелень лесов, полноводность прозрачных рек, глубину и спокойствие озер, богатство золотых и серебряных жил. Там можно добывать не столько сокровища, сколько славу, жить полной жизнью, сражаться с дикарями, исполнять свое высшее предназначение и, с Божьей помощью, основать династию. Все это и гораздо большее возможно в тех далеких пределах империи, уверял он, где летают птицы с роскошным оперением и живут женщины с кожей цвета меда, нагие и стоворчивые. «Простите меня, донья Марина, это всего лишь образное выражение...» — добавил здесь Альдерете. В испанском языке недоставало слов, чтобы описать все то изобилие, которое дарила тамошняя земля: жемчужины размером с перепелиное яйцо, золото, буквально падающее с деревьев, и столько свободной земли и индейцев, что любой солдат может сделаться владельцем имения с целую испанскую провинцию. Но самое главное — то, что все эти народы ожидают воспринять весть об Истинном Боге и благодать испанской цивилизованности. Альдерете добавил, что их общий друг, Франсиско де Агирре, тоже собирается отправиться в Новый Свет и его жажда

приключений столь велика, что он готов покинуть свою возлюбленную супругу и пятерых детей, которые у него появились на свет за эти годы.

— Так вы полагаете, что для людей вроде нас еще остались возможности на новом континенте? — недоверчиво спросил Вальдивия. — Прошло уже сорок три года со времен первого прибытия Колумба в те края и двадцать шесть лет с тех пор, как Кортес завоевал Мексику...

— И ровно столько же — двадцать шесть — с тех пор, как Фернан де Магеллан начал кругосветное путешествие. Как видите, земель становится все больше и наши возможности безграничны. Для нас открыт не только Новый Свет, но и Африка, Индия, Филиппинские острова и многое другое, — с убеждением отвечал молодой Альдерете.

Он повторил Вальдивии то, о чем рассказывал во всех уголках Испании: историю о завоевании Перу и о потрясающих воображение тамошних богатствах. Несколько лет назад двое никому не известных солдат, Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, присоединились к группе людей, которые поставили себе целью добраться до Перу. Презрев достойные гомеровских поэм опасности, они совершили два путешествия — отправились на кораблях из Панамы и поплыли вдоль изрезанного побережья Тихого океана, ощупью, без карт, постоянно держась южного направления. Они руководствовались рассказами, слышанными от индейцев из разных племен о месте, где домашнюю утварь и мотыги делают из чистого золота и украшают изумрудами, где ручьи — из жидкого серебра, а листья на деревьях и жуки-скарабей — золотые. Так как точно не было известно, где находится цель их путешествия, им приходилось часто бросать якорь и высаживаться на землю, чтобы осмотреть земли, на которые доселе не ступала нога европейца. В этом тяжелом путешествии многие испанцы погибли, а другим, чтобы выжить, пришлось питаться змеями и другими ползучими гадами. Во время третьей экспедиции, в которой Диего де Альмагро не участвовал, поскольку был занят набором новых солдат и поиском денег для снаряжения еще одного корабля, Писарро и его люди наконец достигли страны инков. В полузабытьи от усталости и жары, затерянные между морем и небом, испанцы сошли со своих порядком потрепанных кораблей и ступили на блаженную землю с плодородными долинами и величественными горами, совершенно не похожую на пропитанные ядовитыми испарениями джунгли севера. Их было шестьдесят два конника-оборванца и сто шесть измученных пехотинцев. С большой осторожностью они стали продвигаться вглубь страны: солдаты шли в тяжелых доспехах, осеняя дорогу крестом, с заряженными аркебузами и шпагами наголо. Навстречу им вышли люди с

кожей древесного цвета, одетые в тонкие разноцветные ткани; они говорили на языке с певучими гласными и очень испугались пришельцев, потому что никогда в жизни не видели ничего похожего на этих бородатых существ, будто бы наполовину зверей, наполовину людей. Впрочем, и сами пришельцы удивились не меньше, потому что не ожидали найти такую развитую цивилизацию, как эта. Они были поражены тамошними произведениями архитектуры и инженерными сооружениями, тканями и драгоценностями.

Инка Атауальпа, властитель этой империи, находился тогда не в столице, а на термальных источниках с целебной водой, где его окружали тысячи придворных и роскошь, сравнимая с роскошью двора Сулеймана Великолепного. Туда, к Атауальпе, прибыл один из капитанов отряда Писарро, чтобы пригласить Великого Инку на переговоры. Правитель империи в окружении пышной свиты принял капитана в белом шатре, украшенном цветами и фруктовыми деревьями в горшках из драгоценных металлов, среди бассейнов с теплой водой, где не жились сотни принцесс и играли стайки детей. Инка был скрыт за занавесью, потому что никому не позволялось смотреть на него. Но затем любопытство Атауальпы взяло верх над нормами этикета, и он приказал убрать ткань, чтобы как следует рассмотреть бородатого чужеземца. Так капитану удалось лицезреть монарха. Инка был молод, с приятными чертами лица и восседал на золотом троне под балдахином, украшенном перьями попугаев. Несмотря на странные обстоятельства, искра взаимной симпатии вспыхнула между испанским офицером и знатным индейцем кечуа. Атауальпа пригласил чужестранцев на пир, где кушанья подавали на блюдах из чистого золота и серебра с узорами из аметистов и изумрудов. Капитан передал Инке приглашение Писарро, хотя и мучился угрызениями совести, зная, что Писарро хочет заманить правителя в ловушку и взять его в заложники, — это была обычная стратегия завоевателей в подобных случаях.

Посланнику Писарро хватило нескольких часов, чтобы проникнуться уважением к туземцам: они вовсе не были дикарями, а, наоборот, обладали более высокой культурой, чем многие европейские народы. Он с удивлением обнаружил, что инки имеют обширные сведения в области астрономии и создали солнечный календарь; кроме того, они вели точный учет жителей своей обширной империи, располагавшей безупречной системой общественных учреждений и прекрасной армией. Письменности, однако, у них не было, оружие они использовали примитивное, не знали колеса и не имели ни вьючных, ни верховых животных, а разводили только лам — изящных овец с длинными ногами и томными глазами. Этот народ

поклонялся Солнцу, богу, который требовал человеческих жертвоприношений только в исключительно сложных ситуациях вроде болезни правителя или неудач на войне — тогда нужно было смягчать гнев божества, принося в жертву молодых девушек или детей.

Поверив лживым обещаниям дружбы, Великий Инка и его многочисленные придворные прибыли без оружия в Кахамарку — город, где Писарро приготовил им ловушку. Правитель империи путешествовал в золотом паланкине, который носили его министры, а за ним следовал целый сераль прекрасных девушек. Испанцы перебили тысячи придворных Инки, пытавшихся защитить его своими телами, и взяли Атауальпу в плен.

— Все только и говорят, что о перуанских сокровищах. Разговоры об этом, словно лихорадка, будоражат пол-Испании. Скажите, правда ли то, что рассказывают о Перу? — спросил Вальдивия.

— Чистая правда, хоть это и может показаться невероятным. В обмен на свое освобождение Инка предложил Писарро столько золота, сколько войдет в комнату в двадцать два фута в длину, семнадцать футов в ширину и девять в высоту.

— Но это же просто сказочное богатство!

— Это самый большой выкуп в истории. Писарро получил его в виде украшений, статуэток и ваз, но потом все это переплавили в слитки и поставили на них клеймо испанской короны. Но все это богатство, которое подданные Атауальпы проворно, как муравьи, снесли из разных, самых дальних уголков империи, ничуть не помогло Инке. Писарро, продержав его в заточении девять месяцев, приговорил к сожжению на костре. В последнюю минуту сожжение было заменено на более мягкую казнь — удушение гарротой. Писарро пошел на это смягчение, когда Инка согласился принять крещение, — поведал Альдерете и добавил, что Писарро полагал, что имеет все основания так поступать, так как пленник якобы, даже находясь в темнице, подстрекал народ к восстанию. По сведениям доносчиков, в Кито было двести тысяч индейцев кечуа и еще триста тысяч на Карибских островах; они пожирали человеческое мясо и собирались выступить войной против конкистадоров, находившихся в Кахамарке, и только смерть Великого Инки заставила их отказаться от этого намерения. Только позже выяснилось, что этого огромного войска вовсе не существовало.

— В любом случае непонятно, как такой небольшой кучке испанцев удалось покорить настолько развитую цивилизацию, как вы описываете. Ведь речь идет о территории, превосходящей по площади Европу, — заговорил Педро де Вальдивия.

— Это была очень обширная империя, но вместе с тем хрупкая и молодая. Когда туда прибыл Писарро, ей было не более века. К тому же инки привыкли к роскоши и изнежились. Они ничего не смогли противопоставить нашей отваге, более совершенному оружию и конным солдатам.

— Полагаю, что Писарро заключил союз с врагами Инки, подобно тому как поступил Эрнан Кортес в Мексике.

— Совершенно верно. Атауальпа и его брат Уаскар враждовали друг с другом, чем и воспользовался Писарро, а потом и Альмагро, который прибыл в Перу чуть позже и подоспел как раз, чтобы разбить их обоих.

Альдерете объяснил, что в Перу ни один листок не мог качнуться без соизволения властей: все жители были рабами. Часть налогов, которые платили подданные, Инка пускал на пропитание и поддержку сирот, вдов, немощных и стариков, а остальное откладывал на черный день. Но, несмотря на такие разумные меры, до которых Испании далеко, народ ненавидел своего правителя и его двор, потому что жил в подчинении у касты воинов и жрецов-орехонов. По его словам, народу было все равно, под чьей властью жить — под властью инков или под властью испанцев, поэтому они не оказывали особого сопротивления захватчикам. В любом случае смерть Атауальпы означала полную победу Писарро: лишившись головы, империя развалилась.

— Судьба этих двоих, Писарро и Альмагро, незаконнорожденных и не получивших образования, может служить лучшим примером того, чего можно достичь в Новом Свете. Они не только стали богачами, но и получили множество почестей и титулов от нашего императора, — добавил Альдерете.

— Все говорят только о славе и богатстве, рассказывают только об удачах: о золоте, жемчуге и изумрудах, о покоренных землях и народах, — а об опасностях умалчивают, — с некоторым вызовом промолвил Вальдивия.

— Вы совершенно правы. И опасностей там множество. Чтобы завоевывать эти девственные земли, нужно быть не робкого десятка.

Вальдивия покраснел. Неужто этот юноша сомневался в его храбрости? Но тут же он рассудил, что даже если так, то собеседник имеет на это полное право. Ведь даже сам Вальдивия стал в себе сомневаться, уже давно не имея случая проверить свою отвагу. Мир менялся семимильными шагами. Ему выпало родиться в эпоху, когда наконец стали открываться загадки Вселенной: не только стало ясно, что Земля круглая, но даже некоторые уверяли, что она вертится вокруг Солнца, а не наоборот.

А чем занимался он, пока все это происходило? Считал овец и коз, собирал желуди и маслины. Вальдивия снова почувствовал, что все это ему наскучило до глубины души. Он был по горло сыт заботами о скоте и пашнях, игрой в карты с соседями, мессами и молитвами, перечитыванием одних и тех же книг, почти сплошь запрещенных инквизицией, и годами мучительных и бесплодных объятий с женой. Судьба в образе этого молодого человека, искрящегося воодушевлением, снова постучалась в дверь Вальдивии, как это было в те времена, когда он воевал в Ломбардии, Фландрии, Павии, Милане, Риме.

— Когда вы отправляетесь в Новый Свет, Херонимо?

— В этом году, если будет на то Господня воля.

— Можете на меня рассчитывать, — сказал Педро де Вальдивия шепотом, чтобы Марина не слышала этих слов. Взгляд его был прикован к висевшей над камином шпаге из толедской стали.

В 1537 году я попрощалась со своими родными, которых мне больше не суждено было увидеть, и отправилась вместе со своей племянницей Констансой в прекрасный город Севилью, благоухающий цветами апельсиновых деревьев и жасмином, а оттуда водным путем по прозрачным волнам Гвадалквивира — в шумный порт Кадис с его мощными узкими улочками и мавританскими башнями. Там мы сели на трехмачтовый корабль водоизмещением двести сорок тонн. Командовал этим тяжелым и медленным, но надежным судном капитан Мануэль Мартин. Шла погрузка: перед кораблем стояла вереница матросов, которые передавали из рук в руки разнообразные грузы. Тут были бочки с водой, пивом, вином и оливковым маслом, мешки с мукой, вяленое мясо, живые птицы и даже корова и две свиньи, которые должны были пойти на еду во время путешествия, а также несколько лошадей — они в Новом Свете ценились на вес золота. Я проследила, чтобы мои тщательно увязанные тюки были поставлены туда, куда указал капитан Мартин. А первое, что я сделала, оказавшись вместе со своей племянницей в нашей крошечной каюте, — поставила алтарь для фигурки Девы Заступницы.

— Пуститься в такое путешествие — очень смелый поступок, донья Инес. Где именно вас ожидает ваш супруг? — поинтересовался Мануэль Мартин.

— По правде сказать, мне это неизвестно, капитан.

— Как это? Разве он не ждет вас в Новой Гранаде?

— Последнее письмо мне он отослал из места под названием Коро, что в Венесуэле, но это было уже довольно давно, и вполне возможно, что он

уже не там.

— Но Новый Свет занимает территорию более обширную, нежели все остальные известные нам земли, вместе взятые! Вам будет непросто отыскать своего супруга.

— Я буду искать его, пока не найду.

— И как же вы намерены это делать, сударыня?

— Да как обычно, буду расспрашивать людей...

— Ну что ж, желаю вам удачи. Я первый раз выхожу в море с женщинами на борту. Очень прошу вас и вашу племянницу вести себя благоразумно, — добавил капитан.

— Что вы имеете в виду?

— Вы обе молоды и хороши собой. Без сомнения, вы догадываетесь, о чем я говорю. После недели в открытом море матросы начнут страдать от отсутствия женщин, а так как у нас на борту две дамы, соблазн будет очень велик. Кроме того, у моряков есть суеверие, что женщины в море приносят бури и другие несчастья. Так что для вашего же блага и собственного спокойствия, я бы просил вас держаться подальше от моих людей.

Капитан был галисийцем невысокого роста, широкоплечим и коротконогим, с горбатым носом, маленькими крысиными глазками, задубевшей от соли и ветра кожей. Он начал плавать в тринадцать лет юнгой и мог по пальцам одной руки пересчитать, сколько лет он с тех пор провел на суше. Его грубая внешность совсем не вязалась с изящными манерами и благородством души, которое проявилось чуть позже, когда он пришел мне на помощь и спас от большой опасности.

Жаль, что в те времена я не умела писать, потому что именно тогда стоило бы начать делать заметки. Хотя тогда я еще и подумать не могла, что моя жизнь будет достойна рассказа, то путешествие следовало бы описать в мельчайших подробностях. Ведь мало кто пересекал соленый простор океана, мало кто переживал эти свинцовые волны, кишящие невидимой для глаза жизнью, это безумное изобилие и ужас, пену, ветра и одиночество. В этом повествовании, которое я пишу спустя много лет, мне хочется быть как можно ближе к правде. Но воспоминания своенравны: это приправленная фантазией смесь того, что было, с тем, чего хотелось. Грань, отделяющая реальность от вымысла, очень тонка, и в моем возрасте уже малоинтересна, ведь все относительно. Память ведь тоже приукрашена тщеславием. Сейчас на стуле рядом с моим столом сидит Смерть и поджидает меня, а у меня еще достаёт тщеславия не только на то, чтобы румянить щеки, когда приходят гости, но и на то, чтобы продолжать это повествование. А что может быть претенциознее, чем писать историю

собственной жизни?

Я никогда раньше не видела океана. Мне представлялось, что это что-то вроде очень широкой реки, но я и вообразить себе не могла, чтобы не было и намека на другой берег. Я старалась не делать никаких замечаний, чтобы скрыть свое невежество и страх, который охватил все мое существо, когда корабль вышел в открытое море и начал покачиваться на волнах. Нас было семь пассажиров, и все мы, кроме Констансы, у которой был очень крепкий желудок, страдали от морской болезни. Мне было так плохо, что на второй день я попросила у капитана Мартина дать мне лодку, чтобы я могла на веслах вернуться обратно в Испанию. Капитан расхохотался и заставил меня выпить пинту рома, что помогло мне перенестись в другой мир на тридцать часов, по прошествии которых я вернулась к жизни, изможденная и зеленая. Только тогда я смогла выпить бульон, которым моя заботливая племянница поила меня с ложечки. Суша осталась далеко позади, и мы плыли по темным водам под бескрайним небом, совершенно незащищенные. Я не понимала, как капитан ориентируется в этом неменяющемся пейзаже, пользуясь астролябией и сверяясь по звездам на небосклоне. Он меня заверил, что волноваться нечего, что он совершал такое плавание много раз и маршрут прекрасно известен испанцам и португальцам, которые ходят по нему уже несколько десятков лет. Навигационные карты больше не хранились в тайне, и даже проклятым англичанам они известны. Другое дело — Магелланов пролив или побережье Тихого океана. Карты тех мест, как объяснил мне капитан, моряки защищают ценой своих жизней, потому что они дороже всех богатств Нового Света.

Я так и не привыкла к движению волн, скрипу рей, скрежету железа и непрестанному клокотанию парусов на ветру. По ночам я не могла заснуть. Днем я мучилась от тесноты и взглядов мужчин, которые смотрели на меня, как голодные псы на еду. Мне приходилось бороться за то, чтобы поставить на очаг наш котелок, и за то, чтобы уединиться в гальюне, который представлял собой ящик с дырой над бездной океана. Констанса, в отличие от меня, ни на что не жаловалась и казалась даже довольной. По прошествии месяца путешествия запасы продовольствия стали заканчиваться, а выдачу воды, уже вонючей, строго ограничили. Я перенесла клетку со своими курами в нашу каюту, потому что стоило их оставить без присмотра, как пропадали яйца, и два раза в день, привязав шнурком за лапу, выгуливала птиц по палубе.

Однажды мне пришлось воспользоваться чугунной сковородой, чтобы защититься от самого дерзкого из всех матросов, некоего Себастьяна

Ромеро. Я до сих пор помню это имя, потому что знаю, что нам с ним суждено встретиться в чистилище. В хаосе корабельного быта он не упускал ни малейшей возможности завалиться на меня, объясняя свою неустойчивость сильной качкой. Я несколько раз говорила ему, чтобы он оставил меня в покое, но это только еще больше распаляло его. Однажды ночью он застал меня одну в малюсеньком пространстве под палубой, где располагалась кухня. Прежде чем ему удалось схватить меня, я затылком почувствовала его зловонное дыхание и, недолго думая, резко повернулась и стукнула его сковородкой по голове, точно так же, как несколькими годами ранее поступила с беднягой Хуаном де Малагой, когда тот попытался ударить меня. Голова у Себастьяна Ромеро оказалась не такой крепкой, как у Хуана, и матрос, раскинув ноги, повалился на пол, где и оставался без движения несколько минут, пока я искала какие-нибудь тряпки, чтобы перевязать ему голову. Кровотечение у него было не такое сильное, как можно было бы опасаться, но лицо потом распухло и сделалось цвета баклажана. Я помогла ему подняться, и, так как никому из нас не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о произошедшем, мы договорились, что Себастьян «ударился головой о балку».

Среди пассажиров корабля был некий хронист и рисовальщик по имени Даниэль Бельалькасар, на которого короной была возложена задача рисования карт и записи наблюдений. Это был мужчина лет тридцати с лишним, поджарый и крепкий, с угловатым лицом и желтоватой кожей, как у андалусца. Он часами ходил от носа корабля к корме и обратно, чтобы поддерживать мышцы в тонусе, носил короткую косичку и золотую серьгу в левом ухе. Единственный раз, когда кто-то из команды позволил себе отпустить шуточку в его адрес, он ответил насмешнику сокрушительным ударом в нос, и больше его никто не беспокоил.

Бельалькасар начал путешествовать очень молодым и успел побывать в дальних странах Африки и Азии. Как-то он рассказал нам, что однажды он попал в плен к Барбароссе, грозному турецкому пирату, и его продали в рабство в Алжир, откуда ему удалось сбежать спустя два года, пережив множество тягот. Он всегда носил под мышкой толстую тетрадь в парусиновой обложке, куда записывал свои мысли мелкими, как муравьи, буквами. Он развлекался тем, что рисовал моряков за работой и — особенно часто — мою племянницу.

Констанса готовилась уйти в монастырь и одевалась как послушница, в платье, сшитое ею самой из бурого сукна, а голову покрывала платком из той же ткани: он закрывал ей пол-лба и завязывался под подбородком, не

оставляя на виду ни единого волоса. Однако даже это ужасное одеяние не могло скрыть ни ее горделивой осанки, ни прекрасных глаз, черных и сияющих, как маслины. Бельалькасару сначала удалось упросить ее позировать ему, потом — уговорить снять с головы платок и наконец — чтобы она распустила старушечью кичку и позволила ветру играть ее черными кудрями. Что бы там ни значилось в скрепленных государственным печатями документах о чистоте крови нашего семейства, я подозреваю, что в наших жилах течет немалая доля сарацинской крови. Констанса без своего ужасного платья походила на одалиску на турецких коврах.

Пришел день, когда провизии осталось так мало, что мы начали голодать. Тут я вспомнила о своих пирожках и убедила кока — негра из Северной Африки с лицом, испещренным шрамами, — дать мне немного муки, жира и вяленого мяса, которое я, перед тем как готовить, вымочила в морской воде. Из своих собственных запасов я добавила маслины, изюм, вареные яйца — мелко нарубленные, чтобы их казалось больше, — и тмин, дешевую приправу, которая Придает кушаньям очень интересный вкус. Я бы что угодно отдала за пару луковиц, которых так много было в родной Пласенсии, но на корабле лук давно вышел. Я приготовила начинку, замесила тесто и зажарила пирожки — потому что печки не было. Пирожки стали пользоваться таким успехом, что начиная с того дня почти все стали приносить мне что-нибудь из своих личных запасов для начинки. Я делала пирожки с чечевицей, с горохом, с рыбой, с курицей, с колбасой, с сыром, с осьминогом и даже с акулой — и таким образом заработала уважение всей команды и пассажиров. Но еще больше меня стали уважать после бури, когда мне пришлось прижигать раны и врачевать переломы несколькими морякам, чему я научилась, помогая монашкам в больнице в Пласенсии.

Это было единственное достойное упоминания происшествие, если не считать бегства от французских корсаров, подстерегавших испанские корабли. Если бы пиратам удалось нас настичь, то — как объяснил капитан Мануэль Мартин — нас ожидал бы печальный конец, потому что они были очень хорошо вооружены. Поняв, какая опасность нависла над нами, мы с племянницей опустились на колени перед алтарем Девы Заступницы и обратили к ней горячие мольбы о спасении. Она услышала наши молитвы и совершила чудо: послала такой густой туман, что французы потеряли из виду наш корабль. Правда, Даниэль Бельалькасар сказал, что этот туман висел над водой еще до того, как мы начали молиться, и рулевому нужно было лишь направить судно туда.

Этот Бельалькасар был человек маловерный, но занятный. По вечерам

он развлекал нас рассказами о своих путешествиях и о том, что ожидает нас в Новом Свете. «Там нет ни циклопов, ни великанов, ни людей с четырьмя руками или с песьими головами, но, без сомнения, вы встретите там множество дикарей и злодеев, особенно среди испанцев», — шутил он. Он уверял нас, что не все жители нового континента дикари: ацтеки, майя и инки гораздо цивилизованнее нас, — по крайней мере, они моются и не кишат вшами.

— Алчность, одна лишь алчность правит там, — продолжал он. — Тот день, когда мы, испанцы, впервые ступили на эту новую землю, стал последним для тамошних цивилизаций. Поначалу они приняли нас хорошо. Любопытство взяло верх над осмотрительностью. Увидев, что странным бородачам, вышедшим из моря, нравится золото, этот мягкий и бесполезный металл, которого у них в изобилии, они стали дарить его пришельцам полными пригоршнями. Но скоро наши ненасытные аппетиты и неумная спесь стали оскорбительны для них. Еще бы! Наши солдаты насилуют их женщин, входят в их дома и берут без позволения все, что им приглянется, а со всяким, кто пытается помешать им, расправляются ударом сабли. Эти пришельцы провозглашают, что эта земля, куда они только что прибыли, принадлежит правителю, живущему далеко за океаном, и хотят, чтобы местные жители поклонялись каким-то скрещенным палкам.

— Не говорите так, сеньор Бельалькасар! Вас же сочтут предателем и еретиком, — беспокоилась я.

— Но я же говорю чистую правду. Вы сами скоро увидите, что конкистадоры совершенно потеряли стыд: приезжают нищими, ведут себя как воры, а потом становятся важными господами.

Три месяца, проведенные в море, казались мне долгими, как три года, но в это время я наслаждалась свободой. За мной никто не наблюдал: рядом не было ни родственников — не считая застенчивой Констансы, — ни соседей, ни священников; мне не нужно было больше ни в чем ни перед кем отчитываться. Я распрощалась с черными вдовьими платьями с корсажем, сдавливавшим тело. Даниэль Бельалькасар, в свою очередь, убедил Констансу отказаться от монашеских одеяний и носить мои юбки.

Дни тянулись бесконечно, а ночи — еще дольше. Грязь, теснота, плохая пища, которой к тому же недоставало, скверное настроение моряков — все это превращало плавание в настоящий ад. Но, по крайней мере, нам не встретились ни огромные змеи, способные проглотить корабль целиком, ни чудовища, ни тритоны, ни сирены, которые сводят с ума своим пением, ни души утопленников, ни корабли-призраки, ни блуждающие огни. Об

этих и других часто встречающихся в море опасностях нам рассказывали моряки, но Бельалькасар утверждал, что никогда ничего подобного не видел.

Наконец одним августовским вечером мы подошли к берегу. Морская вода, прежде темная и непроглядная, стала небесно-голубой и прозрачной. На лодке мы направились к ребристому, как водная зыбь, песчаному берегу, на который тихо набегали волны. Моряки предложили донести нас до берега, но мы с Констансой подняли юбки и пошли вброд — мы предпочли показать щиколотки, чем позволить мужчинам взвалить нас себе на плечи, как мешки с мукой. Я никогда не думала, что море может быть теплым — с борта корабля оно казалось ледяным.

Деревня состояла из нескольких хижин из тростника с крышами из пальмовых листьев. На единственной улице была непролазная грязь, а церкви не существовало вовсе — только крест из двух бревен на возвышенности отмечал место дома Божьего. Немногочисленными обитателями этой затерянной деревушки были проезжие моряки, люди с черной и с бурой кожей, — это помимо индейцев, которых я тогда увидела впервые, — все полуголые, несчастные оборванцы. Нас обнимала плотная зеленая жаркая природа. Влажность проникала даже в мысли, а солнце пекло неумолимо. Одежда была невыносима, и мы скинули воротники, манжеты, чулки и туфли.

Очень скоро я выяснила, что Хуана де Малаги в этой деревне не было. Единственный, кто припоминал его, был отец Грегорио, горемычный монах-доминиканец, больной малярией и состарившийся прежде срока: ему едва было сорок лет, а выглядел он на все семьдесят. Он уже двадцать лет жил в диких лесах, просвещая людей и проповедуя веру Христову, и в своих скитаниях пару раз встречался с моим мужем. Падре подтвердил, что Хуан, как и многие потерявшие рассудок испанцы, был занят поисками мифического золотого города.

— Высокий, красивый, любитель держать пари и пить вино. Симпатичный, — так описал Хуана монах.

Это не мог быть никто иной.

— Эльдорадо выдумали индейцы, чтобы избавиться от чужаков: чтобы в погоне за золотом те умирали, — добавил священник.

Отец Грегорио уступил нам с Констансой свою хижину, чтобы мы могли отдохнуть, пока моряки пьянствовали, распивая крепкую пальмовую настойку, и принуждали индианок удовлетворять свои плотские надобности в обступавшем деревню лесу.

Несмотря на то что по пятам за нашим кораблем много дней плыли

акулы, Даниэль Бельалькасар бросился в море и несколько часов отмокал в кристально чистой воде. Когда он снял с себя рубашку, мы увидели, что спина у него исполосована шрамами от ударов хлыстом, но он не стал утруждать себя объяснениями, а просить его рассказать об этом никто не решился. За время путешествия мы уже поняли, что у этого человека настоящая мания мыться, и, по-видимому, он встречал народы, у которых это в обычае. Он предлагал, чтобы Констанса вошла в воду вместе с ним, пусть даже одетая, но я ей этого не позволила: я обещала ее родителям вернуть ее в целостности и сохранности, а не обглоданную акулами.

Когда зашло солнце, индейцы зажгли костры из сырых дров, чтобы отпугивать moskitov, которые тучами роились над деревней. Дым слепил глаза, и дышать становилось почти невозможно, но иначе было еще хуже: стоило только немного отойти от огня, человека окружало целое облако насекомых. Мы поужинали мясом тапира — животного, напоминающего свинью, и жидкой кашницей из растения, которое зовут маниокой. Вкус у этой еды был непривычный, но после трех месяцев на рыбе и пирожках этот ужин нам показался просто королевским. В тот же вечер я впервые попробовала пенистый напиток из какао, немного горький, несмотря на все пряности, которыми его сдабривают^[10]. По словам отца Грегорио, ацтеки и другие индейцы используют плоды какао как монеты, так что для них это драгоценность.

Вечер мы провели, слушая рассказы святого отца о его приключениях: он не единожды уходил далеко в джунгли, чтобы обращать там души в веру Христову. Он признался, что в молодости и его преследовала безумная мечта об Эльдорадо. Он плывал по реке Ориноко, местами безмятежной, как озеро, местами — бурной и клокочущей. Он видел огромные водопады, которые низвергаются будто с облаков и разбиваются внизу в пену и светящиеся радугой брызги; зеленые туннели в лесах, погруженные в вечные сумерки, потому что лучи солнца не могут пробиться сквозь густую растительность. По его рассказам, там росли плотоядные цветы, пахнущие падалью, и другие — нежные и благоуханные, но ядовитые. Еще он говорил о птицах со сказочно красивым оперением и о стаях обезьян с человеческими лицами, которые внимательно следят за нарушителями спокойствия, выглядывая из листвы.

— Для нас, приехавших из засушливой и суровой Эстремадуры, где одни камни и пыль, все это — просто рай, недоступный воображению, — восхитилась я.

— Это рай только на первый взгляд, донья Инес. В этом пышущем жаром мире, болотистом и алчном, полном ядовитых гадов, все портится в

мгновение ока, особенно человеческие души. Джунгли превращают людей в негодяев и убийц.

— Те, кто идет туда из одной корысти, уже испорчены, падре. Джунгли лишь обнажают сущность людей, — возразил Даниэль Бельалькасар, который лихорадочно записывал слова монаха в свою тетрадь, потому что сам намеревался совершить путешествие по Ориноко.

В ту первую нашу ночь на суше капитан Мануэль Мартин и некоторые другие моряки отправились спать на корабль, чтобы охранять груз. Так, по крайней мере, они сказали, но мне кажется, что на самом деле они просто боялись змей и других ползучих гадов джунглей. Остальные, по горло сытые теснотой корабельных кают, предпочли разместиться в деревне. Утомленная Констанса сразу же заснула в гамаке, который нам позволил занять падре, под грязной тканью, служившей пологом от москитов, а я чувствовала, что мне предстоит провести несколько бессонных часов. Ночь была очень темная, и во тьме чувствовалось какое-то таинственное присутствие: воздух был наполнен звуками и запахами. Все это пугало. Мне представлялось, что меня окружают те существа, о которых рассказывал отец Грегорио: огромные насекомые, ядовитые змеи, которые убивают на расстоянии, невиданные и страшные хищники. Но пуще всех этих природных ужасов я боялась пьяных людей. Мне было не сомкнуть глаз.

Прошло два или три бесконечных часа, и я наконец начала дремать. Вдруг я услышала какое-то движение вблизи хижины. Сначала я подумала, что это какое-то животное, но тут же вспомнила, что Себастьян Ромеро остался на суше, и заключила, что именно этого человека, оказавшего вне власти капитана Мартина, мне стоило сейчас опасаться. И я не ошиблась. Если бы я спала, Ромеро, наверное, удалось бы исполнить свое намерение, но, на его несчастье, я поджидала его с арабским кинжалом в руке, маленьким и острым, как игла, — я купила его в Кадисе. Лачуга освещалась только отблеском догорающих в очаге углей, на которых жарили тапира. Но дверной проем ничем закрыт не был, так что глаза у меня привыкли к полутьме. Ромеро вполз на четвереньках, принохиваясь, как собака, и приблизился к гамаку, где я должна была лежать вместе с Констансой. Он уже протянул руку, чтобы отдернуть москитный полог, но застыл в таком положении, почувствовав острие кинжала у себя на шее, за ухом.

— Я смотрю, ты не учишься на ошибках, подлец, — тихо сказала я, не повышая голоса, чтобы никого не разбудить.

— Чтоб тебя черти взяли, шлюха! Игралась со мной три месяца, а теперь притворяешься, что не хочешь того же, что и я! — злобно прошипел моряк.

Констанса проснулась и закричала от страха. На ее крики сбежались отец Грегорио, Даниэль Бельалькасар и еще несколько человек, спавших неподалеку. Кто-то зажег факел, и Ромеро грубо вытолкали из нашей скромной обители. Отец Грегорио распорядился привязать его к дереву, пока из его головы не выветрится туман пальмовой настойки. Но и привязанным Ромеро долго выкрикивал угрозы и проклятия, пока наконец на рассвете не затих от усталости, и мы, все остальные, тоже смогли заснуть.

Несколько дней спустя, загрузив на борт свежей воды, тропических фруктов и солонины, капитан Мануэль Мартин повел корабль по направлению к Картахене, которая уже тогда была портом исключительной важности, потому что именно оттуда отправлялись в Испанию корабли, груженные сокровищами Нового Света. Воды Карибского моря были голубые и прозрачные, как в бассейнах мавританских дворцов. Воздух полнился дурманящими запахами цветов, фруктов и пота. Стена, выложенная из неотесанных камней, соединенных смесью извести с бычьей кровью, сверкала под беспощадными лучами солнца. Сотни индейцев, нагих и в кандалах, подгоняемые ударами кнута надсмотрщиков, тащили огромные камни. Эта стена и крепость защищали испанский флот от пиратов и других врагов империи. На волнах покачивались несколько кораблей, бросивших якорь в бухте: некоторые из них были военные, некоторые — торговые, было даже одно судно, привезшее из Африки рабов для продажи на ярмарке. Этот корабль отличался от всех других тем, что от него исходил удушливый запах человеческого ничтожества и зла.

По сравнению с любым городом в старой доброй Испании Картахена была сущей деревней, но в ней уже были церковь, прямые улицы, дома с белеными стенами, добротные особняки администрации, товарные склады, рынок и таверны. Над городом на холме возвышалась крепость, еще не достроенная, но уже оштетинившаяся пушками, направленными в сторону бухты. Население было разношерстное. Мне показались очень красивыми тамошние женщины, решительные и в открытых платьях, особенно мулатки. Я решила остаться в этом городе на некоторое время, потому что выяснила, что мой муж был там чуть больше чем за год до моего приезда. В одной лавке даже хранился узел с одеждой Хуана, которую он оставил в залог, пообещав заплатить долг по возвращении.

В единственной гостинице в Картахене не принимали женщин без

сопровождения, но капитан Мануэль Мартин, знакомый с множеством людей, подыскал нам жилье, которое можно было снять. Найденное пристанище состояло из одной просторной, но почти пустой комнаты с дверью, выходившей на улицу, и узеньким окном. Из мебели там были только потрепанная кровать, стол и скамейка, на которой мы с племянницей разложили свои пожитки. Не мешкая, я стала предлагать местным швейные услуги и искать общественную пекарню, чтобы печь пирожки, потому что сбережения мои таяли гораздо быстрее, чем я предполагала.

Едва мы расположились в новом жилище, как к нам с визитом явился Даниэль Бельалькасар. Комната у нас еще была заставлена тюками, так что он со шляпой в руке присел на край кровати. У нас нечего было предложить ему, кроме воды, которой он выпил один за другим два стакана. Пот лил с него градом. Долгое время гость молчал, с преувеличенным интересом рассматривая утоптаный земляной пол, а мы ждали, что будет дальше, столь же смущенные, как и он.

— Донья Инес, я пришел, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение и просить руки вашей племянницы, — выпалил он наконец.

От удивления я потеряла дар речи. Я никогда не замечала между ними ничего, что бы указывало на романтические отношения, и на секунду подумала, что Бельалькасар от жары лишился рассудка, но выражение восторга на лице Констансы заставило меня опомниться.

— Но девочке всего пятнадцать лет! — воскликнула я в ужасе.

— Здесь девушки выходят замуж рано, сударыня.

— У Констансы нет приданого.

— Это не важно. Я никогда не поддерживал этот обычай. Даже если бы у Констансы было королевское приданое, я бы не взял его.

— Моя племянница хочет стать монахиней!

— Раньше хотела, сударыня. Теперь нет, — пробормотал Бельалькасар, а Констанса подтвердила это ясным и звонким голосом.

Я объяснила им, что не в моей власти разрешать племяннице выходить замуж, тем более — за неизвестного искателя приключений, человека, у которого даже нет дома и который проводит жизнь, записывая всякие глупости в тетрадку, и к тому же в два раза старше Констансы. На что он намеревается содержать ее? Может, он хочет, чтобы она вместе с ним путешествовала по Ориноко и рисовала портреты каннибалов? Констанса, красная от стыда, прервала мою речь, чтобы сообщить, что противиться уже поздно, потому что на самом деле перед лицом Господа они уже муж и жена, хотя перед людским законом — еще нет. Так я узнала, что на корабле, пока я по ночам пекла пирожки, эти двое в кровати Бельалькасара

занимались тем, чего им обоим очень хотелось. Я уже замахнулась, чтобы отвесить Констансе парочку вполне заслуженных пощечин, но Бельалькасар удержал мою руку.

На следующий день они сочетались браком в церкви Картахены. Свидетелями на свадьбе были я и капитан Мануэль Мартин. Обвенчавшись, новобрачные поселились в гостинице и начали приготовления к путешествию по джунглям, чего я и опасалась.

В первую же ночь, которую я провела одна в съемной комнате, произошло одно крайне неприятное событие, которого, может быть, я могла бы избежать, если бы была более осмотрительна.

Из страха перед тараканами, которые вылезают в темноте, большую часть ночи я держала зажженной одну свечу, хотя, строго говоря, такая роскошь мне была не по карману, ведь свечи стоили очень дорого. Я лежала на кровати, едва прикрытая тонкой рубашкой, задыхаясь от жары и не в силах заснуть, и размышляла о судьбе своей племянницы, как вдруг услышала удар в дверь. На двери был засов, но я забыла задвинуть его. После второго удара ногой с двери слетел крючок, и на пороге появилась фигура Себастьяна Ромеро. Я успела вскочить, но матрос толкнул меня, повалил обратно на кровать и, изрыгая проклятья, накинулся на меня. Я стала отбиваться ногами и царапаться, но тут на меня обрушился мощный удар, от которого у меня перехватило дыхание и на несколько мгновений пропало зрение. Придя в себя, я обнаружила себя полностью обездвиженной: матрос лежал на мне, придавив всем своим весом, и бормотал похабности, брызжа слюной мне в лицо. Я чувствовала его смрадное дыхание, чувствовала, как его пальцы впились в мое тело, как его колени пытаются раздвинуть мне ноги, как его окаменевший детородный орган уперся мне в живот. Боль от удара и паника затуманили мне рассудок. Я закричала, но он одной рукой зажал мне рот, так что мне стало нечем дышать, а другой пытался управиться с моей рубашкой и со своими штанами, что было совсем не просто, потому что я извивалась, как змея. Чтобы заставить меня замолчать, он вlepил мне увесистую пощечину и принялся стаскивать с меня одежду двумя руками. Тут я отчетливо поняла, что силой мне от него не освободиться. Мгновение я размышляла над возможностью покориться в надежде, что унижение будет недолгим, но злоба ослепляла меня, и к тому же я не была уверена, что даже после этого он оставит меня в покое: он мог бы и убить меня, чтобы я не донесла на него. У меня был полный рот крови, но я умудрилась попросить его быть со мной аккуратней, чтобы мы оба могли насладиться процессом, сказала, что

спешить некуда, что я хочу дать ему то, чего он жаждет. Я не помню всех подробностей той ночи. Наверное, я гладила его по голове, шепча все те непристойности, которые я слышала в кровати от Хуана де Малаги, и это как будто бы успокоило его ярость, потому что он отпустил меня и встал на ноги, чтобы снять штаны, которые уже были спущены до колен. В это время я нащупала под подушкой кинжал, который всегда держала рядом, и крепко сжала его в правой руке, пряча ее у себя под боком. Когда Ромеро снова навалился на меня, я позволила ему пристроиться, обвила ногами его тело, а левой рукой обняла за шею. Он испустил довольное хрюканье, думая, что я наконец решила покориться, и вознамерился воспользоваться всеми преимуществами ситуации. Тут я подняла кинжал, схватила его двумя руками, прикинула, в какое место его лучше воткнуть, чтобы ранить его как можно серьезнее, и, собрав все силы в смертельном объятии, вонзила кинжал в тело Ромеро по самую рукоять. Проткнуть ножом мускулистую спину мужчины, да еще в таком положении, совсем не просто, но страх помог мне: на карту была поставлена жизнь — либо его, либо моя. Я испугалась, что промахнулась, потому что в первый момент Ромеро не дрогнул ни мускулом, как будто не почувствовал укола лезвием, но через мгновение он глухо завыл и скатился на пол, упав между сложенных там тюков. Он попытался подняться на ноги, но так и остался на коленях, с выражением удивления, которое тут же превратилось в ужас. Он закинул руки назад в отчаянной попытке вытащить кинжал из раны. Мои знания о человеческом теле, которые я почерпнула, ухаживая за ранеными в больнице у монашек, сослужили мне добрую службу и на сей раз: удар оказался смертельным. Матрос продолжал корчиться на полу, а я смотрела на него, сидя на кровати, готовая, если он начнет кричать, броситься на него и заткнуть ему рот чем придется. Но он не кричал: изо рта у него вырывались только противное бульканье и розоватая пена. Спустя некоторое время, показавшееся мне вечностью, он затрясся как одержимый, изрыгнул поток крови и немного погодя упал на пол и затих. Я еще долго сидела неподвижно, пока немного не успокоилась и не смогла начать трезво мыслить. Затем я убедилась, что он больше никогда не будет двигаться. В тусклом свете единственной свечи было видно, что кровь впиталась в землю пола.

Остаток ночи я провела рядом с телом Себастьяна Ромеро, сначала молясь Пресвятой Деве, чтобы она простила мне этот тяжкий грех, а потом размышляя, как мне поступить, чтобы избежать последствий. Я не знала законов этого города, но если они были те же, что и в Пласенсии, то меня посадили бы в тюрьму и держали бы там до тех пор, пока мне не удастся

доказать, что я действовала в целях самозащиты, а это очень непростая задача, ведь подозрения судей всегда падают на женщин. У меня не было никаких иллюзий: я понимала, что нас, женщин, частенько обвиняют в пороках и грехах мужчин. Какое мнение составил бы суд о молодой одинокой женщине? Они бы сказали, что это я заманила невинного моряка к себе в дом, а потом убила его, чтобы ограбить.

На рассвете я накрыла труп одеялом, оделась и отправилась в порт, где еще стоял на якоре корабль капитана Мартина. Капитан выслушал мою историю до конца, не перебивая, жуя табак и задумчиво почесывая лоб.

— Судя по всему, этим делом придется заняться мне, донья Инес, — твердо сказал он, когда я закончила свой рассказ.

Он пришел в мое скромное жилище в компании с моряком, которому доверял, и они вместе унесли тело Ромеро, завернув его в кусок парусины. Я не знаю точно, что они сделали с ним, но думаю, что привязали к нему камень и бросили в море, а там уж рыбы позаботились о дальнейшей судьбе его останков.

Мануэль Мартин посоветовал мне скорее уехать из Картахены, потому что тайна, подобная этой, не может оставаться тайной бесконечно долго. Поэтому через несколько дней я простилась с племянницей и ее мужем и отправилась в компании двух других путешественников в город Панаму. Несколько индейцев несли наш багаж и вели нас через горы, леса и реки.

Панамский перешеек — это узкая полоска земли, отделяющая наш европейский океан от Южного моря, которое еще называют Тихим океаном. В ширину этот перешеек меньше двадцати лиг, но там отвесные горы, густые джунгли, ядовитые источники, гнилые болота и зараженный зловонием и лихорадкой воздух. Там полно воинственных индейцев, водоплавающих и сухопутных ящеров и змей, но пейзажи там потрясающие, а птицы — неземной красоты. Нас постоянно сопровождали крики обезьян, этих любопытных и дерзких зверушек, которые спускались с деревьев, пытаясь утащить у нас что-нибудь из провизии.

Джунгли — это лесная чаща, сумрачная и таящая угрозу. Мои спутники шли с оружием в руках и не спускали глаз с индейцев, которые могли предать нас при малейшем недосмотре, как предостерегал нас отец Грегорио. Он же предупредил, что в джунглях водятся крокодилы, которые утаскивают своих жертв на дно рек; красные муравьи, которые нападают миллионами, проникают через все отверстия в тело и пожирают человека изнутри в считанные минуты; жабы, от ядовитой слюны которых можно ослепнуть. Я старалась не думать ни о чем из этого, потому что иначе бы я окаменела от страха. Как говорил Даниэль Бельалькасар, не стоит заранее

страдать от несчастий, которые, быть может, вовсе не произойдут.

Первую часть пути мы проделали на весельной лодке, в которой гребли восемь индейцев. Я была рада, что со мной нет племянницы, потому что гребцы были почти нагие, и должна признаться, что, хотя вокруг открывались величественные виды, мой взгляд частенько падал туда, куда бы мне смотреть не следовало.

Остаток пути мы проделали верхом на мулах. С последней горной вершины нам открылись бирюзовое море и туманные очертания города Панама, задыхающегося в жаркой испарине.

Глава вторая

Америка

1537–1540

Педро де Вальдивии было тридцать пять лет от роду, когда он вместе с Херонимо де Альдерете прибыл в Венесуэлу — в *маленькую Венецию*, как ее в шутку называли первые путешественники-европейцы, увидев ее болота, каналы и хижины на сваях. Педро оставил дома хрупкую Марину Ортис де Гаэте, пообещав вернуться богатым или забрать ее к себе, как только это будет возможно, хотя это было весьма слабым утешением для покинутой молодой женщины. На путешествие в Новый Свет он потратил все, что у него было, и даже больше (часть необходимой суммы он взял в долг). Как и всякий, кто ехал попытать счастья в новые земли, он поставил все свое имущество, честь и жизнь на карту этого предприятия, хотя все завоеванные территории и пятая часть других богатств — если они были — отходили испанской короне. Как говорил Бельалькасар, если искатели приключений действовали с разрешения короля, то их действия назывались

завоеванием, а если без такового — разбоем и грабежом.

Берег Карибского моря с его прозрачными водами, переливчатыми песками и изящными пальмами встретил путешественников обманчивым спокойствием. Но стоило путникам войти в лес, как они оказались в кошмарных джунглях. Им приходилось прорубать себе путь мачете, и они двигались вперед, оглушенные влажным жаром и беспрестанно атакуемые москитами и неизвестными животными. Они шли по болотистой почве, утопая до самых бедер в мягкой гнилой жижке, отяжелевшие и неповоротливые, покрытые отвратительными пиявками-кровопийцами. Они не снимали доспехи, потому что опасались отравленных стрел индейцев, которые тихо и незаметно следовали за ними, скрытые густой листвой.

— Главное — не попасть в руки дикарей живыми! — предостерег спутников Альдерете и напомнил им, как конкистадор Франсиско Писарро во время своей первой экспедиции по югу континента вместе с группой своих людей вышел к покинутой жителями деревне, где горели костры. Голодные испанцы подняли крышки котлов и с ужасом увидели, что за суп в них варился: человеческие головы, руки, ступни и внутренности.

— Это было на западе, когда Писарро искал Перу, — уточнил Педро де Вальдивия, считавший себя хорошо осведомленным в вопросах открытий и завоеваний новых земель.

— Местные карибские индейцы тоже людоеды, — возразил Херонимо.

В сплошной зелени этого первобытного мира, будто предшествующего Творению, в этом бесконечном, закольцованном лабиринте без времени и истории ориентироваться было невозможно. Если бы путники хоть на несколько шагов отошли от берегов рек, джунгли поглотили бы их навсегда, как случилось с одним из их людей, который, спятив от тоски и страха, ринулся в папоротники, призывая на помощь мамочку.

Они молча продвигались вперед, подавленные одиночеством бездны неба и печалью мерцающих звезд. В воде кишели пираньи, которые, почуяв запах крови, набрасывались скопом и обгладывали доброго христианина в считанные минуты так, что только чистые белые кости указывали на то, что он вообще когда-то существовал.

При всей роскоши природы есть в джунглях было нечего. Съестные припасы закончились очень быстро, и люди начали страдать от голода. Иногда им удавалось убить обезьяну, и ее съедали сырой, пытаясь не обращать внимания на ее человекоподобный вид и противный запах, потому что развести костер в этом вечно влажном лесу было очень трудно. Они травились неизвестными плодами и по целым неделям не могли

продолжать путь, мучаясь приступами рвоты и нещадным поносом. У них вздувались животы, выпадали зубы, их трясла лихорадка. Один из их людей умер, истекая кровью даже через глазницы, другого поглотила трясина, третьему раздробила кости анаконда, ужасная водяная змея толщиной с человеческую ногу и длиной как пять копий. Воздух был горячий, как пар из котла, да вдобавок гнилостный и зловонный, как дыхание дракона. «Это царство Сатаны», — говорили солдаты. Так, наверное, и было, потому что в людях там разгоралась злоба, и они каждую минуту бросались друг на друга. Руководителям отряда стоило невероятных усилий поддерживать хоть слабое подобие дисциплины и принуждать солдат продолжать путь. Единственной приманкой, которая заставляла идти вперед, был сказочный Эльдorado.

По мере того как отряд мучительно продирался сквозь джунгли, вера Педро де Вальдивии в это предприятие все уменьшалась, а недовольство все росло. Это было вовсе не то, о чем он мечтал, скучая в своем имении в Эстремадуре. Педро намеревался сражаться с варварами в героических битвах и завоевывать далекие земли во славу Господа и короля, но он и вообразить себе не мог, что ему придется поднять свою шпагу ту шпагу, которая приносила победы во Фландрии и в Италии, на борьбу с природой. Алчность и жестокость спутников внушали Педро глубокое отвращение: в этих грубых солдатах не было ни капли высоких устремлений и ничего достойного уважения. Не считая Херонимо де Альдерете, который неоднократно доказывал свое благородство, его спутники были негодяи самого низкого пошиба, склочные и склонные к предательству. Стоявший во главе экспедиции капитан, которого Вальдивия сразу возненавидел, был человеком совершенно бессовестным: он грабил, торговал индейцами как рабами и не платил положенную пятину в испанскую казну. «Куда мы стремимся так яростно и отчаянно, если все равно золото с собой в могилу не заберешь», — думал Педро, но продолжал двигаться вперед, потому что отступить было некуда.

Эта безрассудная авантюра длилась несколько месяцев, пока наконец Педро де Вальдивии и Херонимо де Альдерете не удалось отделиться от этого злополучного отряда. Они сели на корабль, отправлявшийся в город Санто-Доминго, что на острове Эспаньола. Там они смогли немного отдохнуть от тягот путешествия. Педро воспользовался случаем, чтобы отослать Марине скопленные деньги — так он поступал и впредь, до самой своей смерти.

В это самое время до острова дошло известие о том, что Франсиско Писарро необходимо подкрепление в Перу. Его товарищ по конкисте Диего

де Альмагро отправился на самый юг континента с намерением покорить дикие земли Чили. У этих двух знаменитых конкистадоров были противоположные характеры: при всей своей храбрости Писарро был угрюм, недоверчив и завистлив, а Альмагро — честен, искренен и настолько щедр, что желал богатства только для того, чтобы раздавать его. Неудивительно, что размолвки между этими столь различными, но одинаково честлюбивыми людьми превратились во вражду, хотя когда-то они поклялись в верности друг другу перед алтарем, причастившись одной просфорой.

Инкская империя оказалась слишком мала, чтобы вместить их обоих. Писарро, получив титулы маркиза и губернатора и став кавалером ордена Святого Иакова, остался в Перу вместе со своими грозными братьями, а Альмагро, получив в 1535 году титул аделантадо, с отрядом в пять сотен испанцев и десять тысяч индейцев-янакон^[11], отправился в Чили, еще не изведенную страну, название которой на языке аймара означает «конец земли». На этот поход он потратил своих личных средств больше, чем Инка Атауальпа заплатил в качестве выкупа.

Едва Диего де Альмагро со своими людьми отбыл в направлении Чили, во владениях Писарро произошло всеобщее восстание. Как только силы виракочей — так инки звали испанцев — разделились, перуанцы вооружились и поднялись на борьбу с захватчиками. Конкиста империи инков оказалась под угрозой, как и жизни самих завоевателей, которым пришлось сражаться с превосходящими их во много раз силами противника. Франсиско Писарро бросил клич о помощи, который достиг Эспаньолы и был услышан Вальдивией. И храбрый солдат тут же, не колеблясь, решил ехать в Перу.

Одно только название этой страны — Перу — заставляло Педро де Вальдивию думать о невообразимых ее богатствах и утонченной культуре, о которых так красноречиво рассказывал его друг Альдерете. Вальдивия с восхищением представлял себе то, о чем говорилось, хотя, конечно, не все было достойно похвал. Он знал, что инки были жестоки и управляли своим народом, не зная жалости. После битвы, если проигравшие не соглашались полностью подчиниться их власти, они не оставляли в живых ни единой души, а при малейшем проявлении недовольства переселяли целые деревни на расстояния в тысячи лиг. Самым жестоким образом казнили они всех своих врагов, включая женщин и детей. Великий Инка, который брал в жены собственных сестер, чтобы гарантировать чистоту королевской крови, считался воплощением божества, душой империи, ее прошлого, настоящего и будущего. Говорили, что у Атауальпы был сераль в три

тысячи девушек и бессчетное множество рабов, что он пытал пленников просто для развлечения и собственноручно отрубал головы министрам. Народ, безликий и безгласный, жил в полном подчинении; его предназначением было с раннего детства до самой смерти работать на орехонов — придворных, жрецов и воинов, которые жили в вавилонской роскоши, в то время как простые люди и их семьи едва выживали, обрабатывая крошечные земельные наделы, которые были у них лишь в пользовании, а не в собственности. Испанцы рассказывали, что многие индейцы предавались содомскому греху, за который в Испании полагается смертная казнь и который порицается также у инков. Прекрасным доказательством блудливости этого народа были керамические статуэтки эротического свойства, их показывали в тавернах, к большому удовольствию присутствующих (те прежде даже не подозревали, что можно предаваться пороку такими разнообразными способами). Те же путешественники уверяли, что матери-индианки собственными пальцами лишают девственности своих дочерей, прежде чем отдавать их мужчинам.

Вальдивия не видел ничего предосудительного в том, чтобы стремиться к богатству, которое можно было найти в Перу, но больше его привлекало не это, а необходимость сражаться плечом к плечу вместе со своими земляками и стяжать славу, которая до тех пор от него ускользала. Это отличало его от остальных участников экспедиции, вышедшей на помощь Писарро: их воодушевлял исключительно блеск золота.

Об этом он сам говорил мне множество раз, и я ему верю, потому что этим объясняются и другие решения, которые он принимал в своей жизни. Так, подстегиваемый неискоренимым идеализмом, несколько лет спустя он бросил наконец приобретенную уверенность в завтрашнем дне и богатство ради того, чтобы попытаться счастья в завоевании Чили — в проекте, который не удалось осуществить Диего де Альмагро. Слава, только слава — вот куда всегда указывал компас его судьбы.

Никто не любил Педро больше и не знал его лучше, чем я. Поэтому я имею право говорить о его добродетелях, так же как немного позже мне придется рассказать и о серьезных недостатках, которые у него тоже были. Не скрою: потом он меня предал и вел себя как трус. Но даже самые честные и храбрые мужчины часто предают нас, женщин. А Педро де Вальдивия, смею заверить, был одним из самых честных и храбрых мужчин, прибывших в Новый Свет.

Вальдивия посуху отправился в Панаму, где в 1537 году в числе других четырех сотен солдат сел на корабль, идущий в Перу. Плавание заняло пару

месяцев, и, когда Педро достиг своей цели, восстание индейцев было уже подавлено благодаря удачному своевременному вмешательству Диего де Альмагро, который вернулся в Перу как раз вовремя, чтобы объединить свои силы с силами Франсиско Писарро. Продвигаясь на юг, Альмагро перевалил через заснеженные горные вершины, перенес невероятные тяготы и, пройдя через самую жаркую пустыню в мире, вернулся совершенно разбитым. Его экспедиция в Чили добралась до реки Био-Био, той самой, где за семьдесят лет до того отступили инки, тщетно пытавшиеся захватить территории индейцев юга, мапуче. Инки так же, как и отряд Альмагро, не смогли справиться с этим воинственным народом.

Мапуче, «люди земли», так называют они себя сами, хотя сейчас их зовут арауканцами — более звучным именем, выдуманном поэтом Алонсо де Эрсилья-и-Суньигой^[12]. Не знаю, откуда он взял такое название, может быть, оно связано с Арауко, полуостровом на юге Чили. Я буду и впредь звать их мапуче — хоть это слово не склоняется и не имеет отдельного множественного числа в нашем языке — до самой моей смерти, потому что так они сами называют себя. Мне кажется неправильным менять им имя только ради того, чтобы легче было рифмовать: арауканец, испанец, францисканец, чужестранец, голодранец, перуанец — и так далее на три сотни страниц.

Алонсо был еще мадридским сопляком, когда мы, первопроходцы, начали сражаться на этой земле. Он не видел начала завоевания Чили, но его стихи об этой эпопее останутся в веках. Когда от отважных основателей королевства Чили не останется даже пыли, нас будут вспоминать, читая творение этого молодого человека, который, правда, не всегда верен фактам, потому что часто приносит истину в жертву рифмам. Кроме того, этот поэт изобразил нас в не очень выгодном свете, и я опасаюсь, что у многих поклонников его таланта останется слегка искаженное представление о том, что такое война в Араукании.

Эрсилья обвиняет испанцев в жестокости и непомерной жажде денег, а мапуче, наоборот, превозносит, приписывая им мужество, благородство, великодушие, справедливость и даже нежность к женщинам. Я полагаю, что знаю этот народ лучше, чем Алонсо, потому что я уже сорок лет защищаю то, что мы построили в Чили, а он пробыл здесь всего несколько месяцев. Я восхищаюсь их отвагой и исступленной любовью к этой земле, но могу заверить, что они — далеко не образец сострадания и нежности. Романтическая любовь, которой так восхищается Алонсо, встречается у них довольно редко. У каждого мужчины-мапуче несколько жен, с которыми он обращается как со скотиной, пригодной только для работы и

производства потомства, — это явствует из рассказов испанок, которые были похищены ими. Унижения, которые этим несчастным женщинам приходилось пережить в плену, таковы, что от стыда они часто предпочитают вовсе не возвращаться в лоно своих семей. Правда, нужно признать, что и испанцы не лучше обращаются с индианками, которые им прислуживают и развлекают их.

Мапуче превосходят нас в некоторых других вещах. Например, они не знают корысти. Золото, земли, титулы, почести — ничто из этого их не интересует. Крышей над головой им служит небо, а постелью — мох; они свободно бродят по лесам, и ветер играет их волосами, когда они скачут на украденных у нас конях. Другая добродетель, которую я в них высоко ценю, — это верность данному слову. Не они нарушают заключенные соглашения, а мы сами. Во время войны они нападают неожиданно, но никогда не предательски, а в мирное время блюдут уговоры. До нашего прихода они не знали пыток и уважали военных пленников. Худшим наказанием у них считается изгнание, исключение из семьи и племени: этого они страшатся больше смерти. За тяжкие преступления полагается немедленная казнь. Приговоренный к смерти сам копает себе могилу, потом бросает туда палки и камни и называет имена тех существ, которых он хотел бы взять с собой в мир иной, а затем его ударяют топором по голове.

Удивительна сила стихов Алонсо, которыми он пишет Историю, вступает в схватку с забвением и побеждает его. Слова без рифмы, такие как мои, не столь сильны, как поэзия, но все равно я должна рассказать свою версию прошлого, чтобы оставить память о тех тяготах, которые мы, женщины, пережили в Чили и которые почти всегда ускользают от внимания летописцев, с каким тщанием бы они ни писали. По крайней мере, ты, Исабель, должна знать всю правду, потому что ты — дочь сердца моего, хоть и не плоти моей. Наверное, когда-нибудь на площадях будут ставить мои статуи и моим именем, так же как именем Педро де Вальдивии и других конкистадоров, будут называть улицы и города, но сотни других героических женщин, которые основывали поселения, пока их мужчины сражались, будут забыты. Но я отвлеклась. Вернемся к тому, о чем я говорила, ведь времени остается не так много: сердце мое устало.

Диего де Альмагро отступился от завоевания Чили, сломленный необоримым сопротивлением мапуче, недовольством собственных солдат — они были разочарованы отсутствием золота — и дурными известиями о мятеже индейцев в Перу. Он решил вернуться, чтобы помочь Франсиско Писарро подавить восстание. Вместе им удалось полностью

разбить вражеские силы. Империя инков, изможденная голодом, насилием и хаосом войны, склонилась к выю. Однако, вместо того чтобы отблагодарить Альмагро за помощь, Франсиско Писарро и его братья ополчились против Диего, чтобы заполучить город Куско, который по праву принадлежал ему согласно указу императора Карла V о разделении земель. Для удовлетворения своего властолюбия братьям Писарро не хватало этих обширных территорий с их бесчисленными богатствами: они хотели иметь еще больше, они хотели получить все.

В конце концов Франсиско Писарро и Диего де Альмагро взялись за оружие и схватились в местечке Абанкай в кратком сражении, которое завершилось поражением первого. Альмагро, всегда отличавшийся великодушием, необычайно милосердно обращался со всеми пленными, даже с братьями Писарро, своими непримиримыми врагами. Пораженные его поведением, многие солдаты побежденного войска переходили в ряды Альмагро, а его верные капитаны просили казнить братьев Писарро и, воспользовавшись преимуществом, овладеть всей территорией Перу. Альмагро не внял их советам и решил примириться с неблагодарным бывшим соратником, который нанес ему тяжкую обиду.

Как раз в те дни Педро де Вальдивия прибыл в Сьюдад-де-лос-Рейес^[13] и встал под начало того, по зову кого явился, — Франсиско Писарро. Уважая законность, он не ставил под сомнение ни полномочия, ни намерения губернатора: ведь это был представитель императора Карла V, и Педро этого было достаточно. Однако Вальдивия абсолютно не желал участвовать в гражданской войне. Он приехал в эти края, чтобы сражаться с восставшими индейцами, но воевать против других испанцев было для него совершенно неприемлемо. Он пытался быть посредником между Писарро и Альмагро, всеми силами стараясь достичь мирного решения спора, и в какой-то момент ему даже казалось, что он вот-вот достигнет цели. Но он не знал характера Писарро, который говорил одно, а втайне замыслил другое. Губернатор просто тянул время беседами о дружбе, вынашивая план, как покончить с Альмагро, и ни на шаг не отступая от мысли о единоличном правлении и захвате Куско. Он завидовал достоинствам Альмагро, его вечному оптимизму и, главное, тому, как любили его солдаты, потому что прекрасно знал, что самого его солдаты ненавидели.

После года дрязг, бесконечных заключений договоров, их нарушений и предательств силы обоих соперников столкнулись при Лас-Салинасе, вблизи Куско. Франсиско Писарро решил самолично не руководить

сражением, а отдал войско под командование Педро де Вальдивии, чьи военные заслуги были всем известны. Писарро назначил его главнокомандующим, уважая доблесть, проявленную в битвах под началом маркиза де Пескары в Италии, и большой опыт сражения с европейцами: ведь одно дело — воевать с плохо вооруженными и беспорядочно действующими индейцами и совсем другое — с дисциплинированными испанскими солдатами. Вместо Франсиско в битве принимал участие его брат, Эрнандо Писарро, известный своей жестокостью и заносчивостью. Я подробно об этом говорю, чтобы все встало на свои места и Педро де Вальдивию не обвиняли в зверствах, произошедших в тот день. Я знаю о них не понаслышке, потому что мне пришлось лечить несчастных солдат, чьи раны не заживали и через месяц после битвы. У писарристов были пушки и на двести человек больше, чем у Альмагро. Войска Писарро были хорошо вооружены, у них имелись новые аркебузы и смертоносные шары — вроде мячей из железа, которые в полете раскрывались и выпускали несколько острых лезвий. Кроме того, солдаты Писарро были отдохнувшие, и боевой дух у них был на подъеме, в то время как их противники недавно пережили тяжкие испытания в Чили, а потом подавляли индейское восстание в Перу. Диего де Альмагро был тяжело болен и тоже не участвовал в сражении.

Две армии встретились в долине Лас-Салинас в розовых лучах восходящего солнца. С окрестных холмов за ними наблюдали тысячи тысяч индейцев кечуа, с интересом следившие за тем, как виракочи убивают друг друга, будто бешеные звери. Индейцы не понимали ни церемоний, ни соображений, которыми руководствовались бородатые воины. Сначала они выстроились в стройные ряды, как бы хвастаясь своими начищенными доспехами и удалыми конями, потом опустили на одно колено на землю, и другие виракочи, одетые в черное, совершили какие-то магические обряды с крестами и чашами. Затем они съели по кусочку хлеба, перекрестились, получили благословение и поприветствовали друг друга издали. И наконец, после чуть ли не двух часов такого танца, бросились убивать друг друга. Они делали это методично и ожесточенно. В течение многих часов они бились врукопашную, выкрикивая одно и то же: «За короля и Испанию!» и «На врага! Святой Иаков с нами!». В неразберихе и пыли, которую поднимали подковы коней и сапоги людей, невозможно было различить, кто есть кто: мундиры сделались одинакового глинистого цвета. Индейцы между тем хлопали в ладоши, заключали пари, с наслаждением уплетали жареный маис и соленое мясо, жевали коку, пили чичу, горячились и спорили, а под конец утомились: упорная битва длилась

слишком долго.

Под вечер писарристы взяли верх благодаря искусному руководству главнокомандующего Педро де Вальдивии, который был героем того дня. Но последний приказ отдал не он, а Эрнандо Писарро, и приказ этот был: «Рубить головы!» Солдаты, охваченные какой-то непонятной ненавистью, которую потом не могли объяснить сами себе и которой летописцы не находили причины, устроили кровавую баню своим землякам, многие из которых были их товарищами в нелегком деле открытия и завоевания Перу. Они добились раненых альмагристов, а потом ворвались в Куско, где насильствовали женщин — и испанок, и индианок, и негритянок без разбору, — грабили и разрушали все на своем пути, пока не выбились из сил. Они расправлялись с побежденными почти с такой же жестокостью, как инки. Впрочем, это слишком сильное сравнение, потому что инки всегда были Неудержимо жестоки, достаточно вспомнить, что они не просто казнили приговоренных к смерти, а вешали за ноги, накрутив им на шею их собственные кишки, или освежевывали и, пока жертвы были еще живы, делали барабаны из их кожи. Испанцы до такого в тот раз не дошли, но, как мне рассказывали некоторые из выживших в этом аду, только потому, что устали. Некоторые из солдат Альмагро — те, кто не погиб от рук соотечественников, — были убиты индейцами, которые после окончания битвы спустились с окрестных холмов с радостными криками, потому что на этот раз жертвами были не они. Они ликовали и глумились над трупами, превращая их в фарш ударами ножей и камней.

Для Вальдивии, который с двадцатилетнего возраста участвовал в сражениях в разных странах и против самых разных врагов, это стало одним из самых постыдных моментов в его военной карьере. Он часто просыпался в моих объятиях, мучимый кошмарами, в которых ему являлись обезглавленные товарищи, так же как после разграбления Рима ему снились матери, убивающие собственных детей и себя, чтобы только избежать издевательств свирепых солдат.

Диего де Альмагро, шестидесяти одного года от роду, истощенный болезнью и чилийской кампанией, был взят в плен, унижен и подвергнут суду, который продлился два месяца и в котором ему не дали возможности защищаться. Когда он узнал, что приговорен к смерти, он попросил, чтобы свидетелем его последних распоряжений стал Педро де Вальдивия, стоявший во главе вражеской армии. Альмагро не нашел никого достойнее своего доверия. У него была еще прекрасная выправка, несмотря на сифилис и раны от множества битв. На лице он носил черную повязку:

потерял глаз в одной из стычек с дикарями, еще до открытия Перу. Тогда он собственноручно выдернул из себя стрелу вместе с насаженным на нее глазом и продолжил сражаться. Острый каменный топор отсек ему три пальца на правой руке, но он сжал шпагу левой рукой и так, полуслепой и залитый кровью, бился до тех пор, пока соратники не пришли ему на помощь. Потом ему прижгли рану раскаленным железом и кипящим маслом, что обезобразило его лицо, но не разрушило обаяния его честной улыбки и приятности в обхождении.

— Пусть его казнят на площади, на виду у всего народа! Он заслужил примерного наказания! — приказал Эрнандо Писарро.

— Я не буду в этом участвовать, ваше превосходительство. Солдаты не примут этого. Им и так было не просто биться со своими братьями, не надо сыпать им соль на раны. Это может привести к бунту в войске, — попытался урезонить его Вальдивия.

— Альмагро родился подлецом, так пусть как подлец и умирает! — ответил Эрнандо Писарро.

Педро де Вальдивия не стал напоминать, что братья Писарро — не более благородного происхождения, чем Альмагро. Франсиско Писарро тоже был незаконнорожденным, не получил никакого образования и был брошен собственной матерью. Оба были бедны как церковные крысы, пока счастливый поворот судьбы не привел их в Перу и не сделал богаче царя Соломона.

— Дон Диего де Альмагро имеет титулы королевского аделантадо и губернатора Нового Толедо. Как мы объясним наши действия императору? — настаивал Вальдивия. — Со всем уважением я повторяю вам, ваше превосходительство, что негоже провоцировать солдат, которые и так беспокойны. Диего де Альмагро — безупречный военный.

— Он вернулся из Чили, потому что его там разбила шайка голых дикарей! — воскликнул Эрнандо Писарро.

— Нет, ваше превосходительство. Он вернулся из Чили, чтобы помочь вашему брату, сеньору маркизу, губернатору Перу.

Эрнандо Писарро понял, что Вальдивия был прав, но не в характере брата губернатора было брать свои слова обратно и тем более прощать врагов. Он приказал отрубить голову Альмагро на площади в Куско.

В дни, предшествовавшие казни, Вальдивия много времени провел наедине с Альмагро в темной и грязной темнице, ставшей последним пристанищем аделантадо. Педро восхищался его военными подвигами и щедростью, хотя знал и о некоторых его ошибках и слабостях. В заточении Альмагро рассказывал Педро о том, что он пережил за восемнадцать

месяцев скитаний по Чили. Эти рассказы возбудили воображение Вальдивии и заставили строить планы завоевания страны, которую Альмагро покорить не удалось. Он описывал ужасы перехода через высокие горные хребты под неусыпным наблюдением кондоров, которые медленно кружили над головами солдат в ожидании, когда сорвется очередной бедолага, чтобы обглодать его кости. От холода в горах погибло больше двух тысяч рабов-индейцев — так называемых янакон, — двести негров, около пятидесяти испанцев и бесчисленное количество лошадей и собак. Тогда даже вши исчезли, а блохи падали с одежды, как семена. Там не росло ничего, даже мха, вокруг были только голые скалы, ветер, лед и тоска.

— Уныние было такое, дон Педро, что мы жевали сырое мясо замерзших животных и пили конскую мочу. Днем мы шли так быстро, как могли, чтобы нас не занесло снегом и не сковало страхом. Ночью мы спали в обнимку с животными. На рассвете мы считали умерших индейцев и быстро шептали молитву за упокой их душ — на большее времени не было. Тела погибших оставались лежать там, где падали, как ледяные глыбы, указывая дорогу будущим путникам, чтобы они не затерялись в этой пустынной местности.

Альмагро рассказал, что доспехи у испанцев замерзали, зажимая их как в тиски, и люди снимали сапоги и перчатки вместе с пальцами, не чувствуя при этом никакой боли. Обратного же путем не пошел бы даже безумец, поэтому возвращаться решено было через пустыню, ведь никто и вообразить себе не мог, что эта дорога будет столь же ужасна. «Сколько же сил и страданий стоит христианину завоевание новых земель!» — думал про себя Вальдивия.

— Днем в пустыне жара будто в печи, и свет такой яркий, что рассудок мутится и у людей, и у коней: начинают видеться деревья и озера с пресной водой, — рассказывал аделантадо. — Но едва солнце заходит, температура резко падает, опускается густой туман и выпадает роса, ледяная, как снега, от которых мы страдали на вершинах гор. У нас в бочках и в кожаных мехах были большие запасы воды, но все же ее скоро стало не хватать. Жажда погубила множество индейцев и сделала испанцев хуже зверей.

— Это действительно похоже на путешествие в преисподнюю, дон Диего, — произнес Вальдивия.

— Это оно и было, дон Педро. Но я вас уверяю: если б я остался жив, я бы отправился туда еще раз.

— Но почему, если препятствия столь велики, а награда столь мала?

— Потому что за горами и пустыней, отделяющими Чили от

остальных известных нам земель, скрываются зеленые холмы, благоуханные леса, полноводные реки и климат, лучше которого нет ни в Испании, ни где бы то ни было. Чили рай, дон Педро. Именно там стоит основывать города и процветать.

— А каково ваше мнение о тамошних индейцах? — спросил Вальдивия.

— Поначалу нам встречались дружелюбные дикари. Они зовутся промаукаи и родственны мапуче, но принадлежат к другим племенам. Но потом и они обратились против нас. Эти племена смешаны с племенами индейцев Перу и Эквадора; они также подчинены империи инков, чьи владения простираются до реки Био-Био. Мы нашли общий язык с некоторыми тамошними правителями, инкскими ставленниками, но продвинуться дальше на юг не смогли, потому что там живут эти самые мапуче, а они крайне воинственны. Поверите ли, дон Педро, я ни в одной из самых опасных экспедиций, ни в одной битве не встречал таких удивительно сильных врагов, как эти варвары, вооруженные палками и камнями.

— Охотно верю, аделантадо, если им удалось задержать вас и ваших солдат, знаменитых своей храбростью...

— Мапуче не знают ничего, кроме войны и свободы. У них нет короля, они не понимают иерархий и подчиняются своим вождям — *токи* — только во время сражения. Для них существует свобода и только свобода. Она для них — самое главное. Вот поэтому мы и не смогли подчинить их, как не смогли сделать это инки. Всю работу у них делают женщины, а мужчины занимаются только войной и подготовкой к сражениям.

Диего де Альмагро был казнен одним зимним утром 1538 года. В последний момент Писарро изменил приговор, все же убоявшись бунта солдат в случае публичной казни, которую он прежде приказывал устроить. Альмагро казнили в темнице. Палач медленно удушил его веревкой гарроты, а затем тело было вынесено на площадь Куско, где его обезглавили, хотя выставить голову на всеобщее обозрение, подвесив на мясницком крюке, как планировалось, так и не решились.

Эрнандо Писарро к тому времени начал осознавать всю значимость того, что он совершил, и задумался о том, какой будет реакция императора Карла V. Брат губернатора решил похоронить Диего де Альмагро достойно и сам, в траурном наряде, возглавил похоронную процессию.

Через несколько лет всем братьям Писарро пришлось дорого заплатить за свои преступления, но это уже другая история.

Я пустилась в изложение этих эпизодов, потому что они объясняют решимость Педро де Вальдивии покинуть Перу, погрязшее в корыстолюбии и предательстве, и отправиться завоевывать еще неиспорченную землю Чили, — и в эту авантюру я пустилась вместе с ним.

Битва при Лас-Салинасе и казнь Диего де Альмагро произошли за несколько месяцев до того, как я приехала в Куско. Во время этих событий я находилась в Панаме, ожидая известий от Хуана де Малаги, потому что там несколько человек сказали, что видели моего мужа.

В этом порту назначали друг другу встречи те, кто отправлялся в Испанию, и те, кто только прибывал оттуда. Там было множество людей: солдаты, королевские чиновники, хронисты, монахи, ученые, искатели приключений и разбойники, — и все варились в одних и тех же тропических испарениях. С этими путниками я передавала сообщения во все стороны света, но тянулись месяцы, а от мужа никакого ответа все не было.

Тем временем я зарабатывала на жизнь всеми известными мне ремеслами — шила, готовила, вправляла кости, лечила раны. Но тем, кто страдал от чумы, лихорадки, превращавшей кровь в патоку, французской болезни и укусов ядовитых тварей, которые водятся в тех краях в огромном количестве и от которых нет спасения, я ничем помочь не могла. Самой мне в наследство от матери и бабки досталось железное здоровье, позволявшее жить в тропиках и не болеть. Позже, в Чили, я относительно легко выдержала переход через раскаленную, как печь, пустыню, а затем переносила зимние ливни, во время которых грипп подкашивал даже самых крепких мужчин, и эпидемии тифа и оспы, когда мне приходилось пользоваться заразных больных и хоронить их трупы.

Однажды, разговаривая с матросами одной пришвартованной в порту шхуны, я узнала, что Хуан уже довольно давно отплыл в Перу, куда устремлялись и многие другие испанцы, прослышав про богатства, открытые Писарро и Альмагро.

Я сложила свои пожитки, собрала все сбережения и села на корабль, отправлявшийся на юг, в сопровождении группы монахов-доминиканцев: разрешения ехать одной мне получить не удалось. Наверное, эти братья были посланы инквизицией, но я никогда у них об этом не спрашивала, потому что одно это слово тогда приводило меня в ужас, да и до сих пор страшит. Я никогда не забуду сожжение еретиков, которое я видела в Пласенсии, когда мне было лет восемь или девять. Чтобы они помогли мне добраться до Перу, я снова достала свои черные платья и приняла роль безутешной супруги. Монахи дивились супружеской верности, сподвигшей

меня скитаться по миру вслед за супругом, который даже не звал меня к себе и точное местонахождение которого было мне неизвестно. Но на самом деле гнала меня вовсе не супружеская верность, а желание избавиться от состояния неопределенности, в котором оставил меня Хуан. Я уже много лет его не любила, едва помнила его лицо и даже опасалась не узнать при встрече. Да и оставаться в Панаме с ее нездоровым климатом и неумемным интересом проезжих солдат к женщинам мне вовсе не хотелось.

Мы плыли на корабле около семи недель. Все это время мы петляли по океану, повинуюсь прихотям ветров: в те времена уже дюжины испанских кораблей ходили в Перу и обратно, но точные навигационные карты все еще оставались государственной тайной. И так как имеющиеся карты были неполными, то лоцманам каждый раз приходилось записывать все наблюдения, начиная от цвета воды и облаков и заканчивая мельчайшими подробностями контура берега, когда он находился в поле зрения: все это нужно было, чтобы улучшить карты и облегчить задачу другим путешественникам. Нам выпало пережить бури, сильные шторма, густые туманы, ссоры между членами команды и другие неприятности, о которых я не буду распространяться, чтобы чрезмерно не удлинять свой рассказ. Достаточно сказать, что монахи служили мессу каждое утро и каждый вечер заставляли нас читать молитвы, чтобы Господь усмирил океан и воинственные души людей.

Все путешествия опасны. Меня пугает необходимость отдаваться воле волн, плывя по бескрайнему океану в утлом суденышке и бросая вызов Богу и Природе, вдали от всякой человеческой помощи. Я предпочту оказаться в городе, осажденном свирепыми индейцами, что со мной случалось не раз, но не предпринимать больше морских путешествий. Поэтому мне никогда не приходило в голову возвращаться в Испанию — даже в те времена, когда исходившая от индейцев угроза была столь велика, что приходилось эвакуировать целые города и улепетывать, как мыши от кота. Я всегда знала, что мои кости будут покоиться в этой земле.

В открытом море, несмотря на постоянный надзор со стороны монахов, мне снова стали досаждают мужчины. Я чувствовала, что они ходят за мной по пятам, как стая собак. Может, от меня исходил запах самки во время течки? Запершись в своей каюте, я тщательно мылась морской водой, страшась этой своей силы, которую я вовсе не желала иметь и которая то и дело обращалась против меня. Мне снились волки, тяжело дышащие, с высунутыми языками и окровавленными клыками, готовые прыгнуть на меня все разом. Иногда у этих волков было лицо Себастьяна Ромеро. Я не могла спать и проводила ночи взаперти за шитьем

и молитвами, не решаясь выйти на палубу успокоить нервы свежим ночным воздухом, потому что ощущала постоянное присутствие мужчин в темноте.

Да, я чувствовала угрозу и боялась ее, но вместе с тем она меня привлекала и завораживала. Желание было как бездонная пропасть, отверзавшаяся прямо у моих ног и манящая прыгнуть и окунуться в ее глубины. Мне были знакомы радость и буря страсти — я их переживала с Хуаном де Малагой в первые годы нашего союза. У моего мужа было множество недостатков, но нельзя отрицать, что он был неутомимым и изобретательным любовником, и поэтому я прощала его столько раз. Даже когда во мне не оставалось ни капли любви и уважения к нему, я продолжала желать его.

Чтобы обезопасить себя от соблазнов любви, я говорила себе, что никогда не найду человека, способного доставить мне такое наслаждение, как Хуан. Я знала, что нужно опасаться болезней, которыми можно заразиться от мужчин; я видела их последствия, и, какой бы здоровой я ни была, я боялась их как самого черта, ведь, чтобы заразиться французской болезнью, достаточно малейшего контакта с больным. Кроме того, я могла забеременеть, потому что смоченная в уксусе губка — средство ненадежное, а я так долго молила Деву послать мне ребенка, что она могла откликнуться на мои просьбы тогда, когда это было бы совсем некстати. Чудеса ведь по большей части случаются в самый неподходящий момент.

Этими соображениями я руководствовалась все годы своего вынужденного целомудрия, за которые сердце мое выучилось молчать, но тело никогда не переставало требовать своего.

Здесь, в Новом Свете, воздух горяч и располагает к чувственности, тут все ярче — и цвета, и запахи, и вкусы; тут даже цветы с их безумными ароматами и фрукты, теплые и нежные, побуждают к сладострастию. В Картахене, а потом в Панаме я стала сомневаться в тех принципах, которые сдерживали меня в Испании. Молодость моя проходила, жизнь утекала сквозь пальцы... Кого интересовала моя добродетель? Кто мог меня осудить? Я решила, что Господь должен быть более снисходительным здесь, на новом континенте, чем в Эстремадуре. Если Он прощал те унижения, которым во имя Его подвергались миллионы индейцев, то что Ему стоило простить слабости какой-то бедной женщины?

Я была несказанно рада, когда мы живыми и невредимыми вошли в порт Кальяо и можно было сойти с корабля, а то я уже начала сходить там с ума. Нет ничего более угнетающего, чем длительное нахождение в тесноте

судна посреди бескрайних черных вод океана, бездонного и безбрежного.

В те годы слово «порт» было слишком гордым названием для Кальяо. Говорят, что теперь это самый важный порт Тихого океана, откуда в Испанию отправляются несметные богатства, но тогда это был лишь жалкий причал. Из Кальяо я вместе с монахами отправилась в Сьюдад-делос-Рейес, *Город королей*, который теперь носит куда менее остроумное название — Лима. Прежнее название мне нравится больше, поэтому я так и буду его называть. Этот город, в ту пору только основанный Франсиско Писарро в просторной долине, показался мне вечно окутанным туманом. Солнечный свет, проходя через влажный воздух, придавал городу какой-то фантастический вид, похожий на нечеткие рисунки Даниэля Бельалькаса.

Проведя необходимые изыскания, через несколько дней я нашла солдата, который был знаком с Хуаном де Малагой.

— Вы опоздали, сударыня, — сказал он мне. — Ваш муж погиб в битве при Лас-Салинасе.

— Хуан не был солдатом, — уточнила я.

— Тут нет другого ремесла: тут даже у монахов шпага в руках.

Лицо у этого человека было неприятное, неухоженная борода доходила до середины груди, одежда была грязна и в лохмотьях, рот — без зубов, а вел он себя как пьяный. Он клялся, что был дружен с моим мужем, но я ему не поверила, потому что первое, что он рассказал о нем, — что Хуан был солдатом-пехотинцем, весь в карточных долгах, ослабленный неумеренной страстью к женщинам и вину, а потом начал нести какую-то околесицу о плюмаже и парчовой шапочке. В довершение всего этот якобы приятель Хуана вконец перепугал меня тем, что попытался меня обнять, а когда я отстранила его, посулил заплатить за мою благосклонность золотыми монетами.

Проделав такой огромный путь — из Эстремадуры до бывших владений Атауальпы, — я решила сделать последнее усилие и присоединилась к каравану, который вез провиант и гнал стадо лам и альпак в Куско. Нас охраняло несколько солдат под началом некоего лейтенанта Нуньеса. Он был холостяк, красавец, бахвал и, по-видимому, привык потакать своим прихотям. В караване, помимо солдат, было два монаха, писец, судья и врач-немец. Все ехали верхом, кто на коне, кто на муле, а кого-то даже несли в паланкине индейцы. Я была единственной женщиной-испанкой в караване, но несколько индианок кечуа с детьми сопровождали бесконечную вереницу носильщиков, неся съестные припасы для своих мужей. Яркая одежда из тонкой шерсти придавала им радостный вид, хотя лица у них были угрюмые и злые, какие всегда бывают

у подневольных людей. Они были невысокого роста, скуластые, с небольшими продолговатыми глазами и черными от коки зубами: они постоянно жевали листья этого растения, чтобы немного взбодриться. Их дети казались мне очаровательными, а некоторые индианки — симпатичными, хотя они никогда не улыбались.

Они шли за нами несколько лиг, пока не получили от лейтенанта Нуньеса приказ возвращаться в свои дома. Тогда они, взяв детей за руку, стали уходить одна за другой. Мужчины, несшие груз на плечах, были очень сильные, и, несмотря на то что они шли босые и навьюченные, как ишаки, они лучше справлялись с капризами климата и тяготами дороги, чем мы, ехавшие верхом. Эти индейцы могли идти многие часы, не сбиваясь с ритма шага, в полном молчании и с отсутствующим видом, как будто во сне. Они совсем мало знали по-испански и говорили плаксивым тоном, нараспев и всегда с вопросительной интонацией. В лице они менялись, только заслышав лай собак лейтенанта Нуньеса, двух свирепых овчарок, готовых разорвать человека в клочки.

Нуньес начал докучать мне в первый же день пути и с тех пор не оставлял в покое. Я благоразумно и мягко старалась не подпускать его к себе, постоянно напоминая о том, что я замужняя женщина: ссориться мне с ним было негоже. Но чем дальше мы ехали, тем больше росла его дерзость. Он кичился тем, что он дворянин, хотя, глядя на его поведение, мне было сложно в это поверить. Он сколотил небольшое состояние и содержал в разных местах между Сьюдад-де-лос-Рейес и Куско тридцать индианок-наложниц, и все они были, как он выражался, «очень сговорчивые». В его деревне в Испании это был бы настоящий скандал, но здесь, в Новом Свете, где у испанцев столько индианок и негритянок, сколько им захочется, это обычное дело. Большинство бросают этих женщин, удовлетворив свою похоть; некоторые, правда, оставляют их себе в услужении, но о детях, которые рождаются от матерей-невольниц, не заботится почти никто. Так эти земли наполняются озлобленными метисами.

Нуньес обещал избавиться от всех своих наложниц, как только я приму его предложение — а он не сомневался, что я его приму, когда удостоверюсь, что мой муж мертв, что, по его мнению, было неоспоримо. Этот самодовольный лейтенант слишком походил на Хуана де Малагу во всех его недостатках, чтобы я могла его полюбить, и не имел при этом ни одного из достоинств моего покойного мужа. Да я и не из тех людей, которые дважды наступают на одни и те же грабли.

В те времена всех испанок в Перу можно было по пальцам перечесть,

и, насколько я знаю, ни одна из них не приехала без семьи, как я. Это все были супруги и дочери военных, и приезжали они по настоянию испанской короны, которая была очень заинтересована в создании законопослушного и добропорядочного общества в колониях. Эти женщины проводили жизнь взаперти, страдая от одиночества и скуки, хотя были окружены роскошью: у них было по несколько дюжин индианок для удовлетворения малейших прихотей. Мне рассказывали, что испанские дамы в Перу сами даже зад себе не подтирали — это делали их служанки. Непривычные к тому, чтобы испанка путешествовала одна, мужчины в нашем караване из кожи вон лезли, чтобы обходиться со мной как можно учтивее, будто я была какая-то знатная и важная персона, а не простая швея. В продолжение нашего долгого и неспешного путешествия в Куско они оплачивали мои расходы, делились со мной едой, предлагали мне свои палатки и лошадей, подарили мне сапоги и шаль из викуньи, самой мягкой шерсти в мире. Взамен они просили только спеть или рассказать что-нибудь об Испании, когда мы вечером встанем лагерем: их мучила тоска по родине. Благодаря этой помощи мне удавалось сводить концы с концами, ведь в Перу все стоило в сто крат дороже, чем в Испании, и я очень скоро оказалась без гроша.

В Перу было такое изобилие золота, что серебро вовсе не ценилось, при таком недостатке необходимых вещей вроде подков для коней или чернил для письма, что цены за них назначали просто несусветные. Одному из путешественников я одним рывком выдернула гнилой зуб — это дело простое и быстрое, нужно всего-то помолиться святой Аполлонии да чтоб были щипцы, — и за это он дал мне изумруд, достойный епископской тиары. Сейчас этот камень украшает корону Девы Заступницы и стоит больше, чем тогда, потому что в Чили не так много драгоценных камней.

Много дней мы шли по дорогам Великого Инки через засушливые равнины и горы, переправляясь через пропасти по висячим мостам из лиан, переходя вброд ручьи и соленые лужи, поднимаясь все выше и выше, и наконец достигли цели нашего путешествия. Лейтенант Нуньес, не спешиваясь, острием копья указал мне на очертания Куско вдали.

Никогда мне не доводилось видеть ничего столь потрясающего, как город Куско, пуп империи инков, священное место, где люди могли говорить с божеством. Быть может, Мадрид, Рим или какие-нибудь мавританские города, которые славятся своим великолепием, могли бы сравниться с Куско, но в них я не бывала. Несмотря на урон от войны и вандализма, он оставался белой жемчужиной, сверкающей под небом цвета пурпура. У меня перехватывало дыхание, и несколько дней подряд я

бродила, задыхаясь не от высоты и разреженного воздуха, о чем меня предупреждали, а от тяжеловесной красоты этого города, его храмов, крепостей и других построек. Рассказывают, что, когда в Куско прибыли первые испанцы, дворцы здесь были облицованы золотыми плитами, но теперь их стены стояли голыми. На севере города возвышается потрясающее воображение строение — Саксайуаман, священная цитадель с тремя рядами высоких зигзагообразных стен, храм Солнца с лабиринтом улиц, башен, переходов, лестниц, террас, подвалов и покоев, где просторно жили пятьдесят и шестьдесят тысяч человек. Его название означает «сытый сокол», и, действительно, он, как сокол, с высоты обзревает весь Куско. Эта крепость построена из огромных тесаных камней, без всякого раствора подогнанных так плотно, что в стыки между ними невозможно было воткнуть даже остро наточенный кинжал. Как они вырезали эти огромные глыбы, не имея металлических инструментов? Как перевозили их на расстояние в несколько лиг, не имея ни колес, ни лошадей? Но больше всего меня удивляло, как горстке испанцев в такое короткое время удалось покорить империю, способную создать подобное чудо. Сколько бы испанцы ни разжигали внутреннюю вражду между инками, сколько бы ни было у конкистадоров покорных янакон, которых можно было использовать в сражениях, это и по сей день кажется мне совершенно необъяснимым. «Кроме пороха и железа, на нашей стороне — помощь Божья», — говорили испанцы, благодаря Господа за то, что местные жители защищались лишь каменным оружием. «Увидев, что мы явились из моря в крылатых домах, они решили, что мы — боги», — добавляли конкистадоры. Но я полагаю, что испанцы сами распространили эту, такую удобную для них, легенду и, убедив индейцев в том, что это правда, в конце концов и сами в это поверили.

Ошеломленная, я бродила по Куско, разглядывая людей. Их медные лица никогда не улыбались и не смотрели в глаза. Я пыталась представить себе их жизнь до нашего вторжения, когда по этим самым улицам прогуливались большие семьи в ярких разноцветных одеждах, жрецы в золотых нагрудниках, Великий Инка, увешанный драгоценностями — его носили в паланкине из чистого золота, украшенном перьями диковинных птиц, и всегда сопровождали музыканты, чванливые воины и бесконечная свита из жен и жриц Солнца. Несмотря на вторжение захватчиков, эта сложная культура оставалась практически нетронутой, она стала лишь менее заметной. Новый Инка был ставленником и почетным заложником Франсиско Писарро. Я никогда его не видела, потому что он и все его придворные находились под арестом, и доступ к его двору был закрыт. По

улицам бродил простой народ — многочисленный и молчаливый. На каждого бородача-европейца приходились сотни безбородых индейцев. Испанцы, заносчивые и шумные, существовали в каком-то другом измерении, как будто местные жители были невидимками, тенями в тесных каменных переулках. Индейцы уступали дорогу захватившим их чужеземцам, но сохраняли свои обычаи, верования и общественное устройство в надежде, что время и терпение принесут им свободу от этих бородачей. Они не могли поверить, что захватчики останутся навсегда.

К тому времени волна братоубийственного насилия, разделившая испанцев на два лагеря в последние месяцы жизни Диего де Альмагро, улеглась. Жизнь в Куско налаживалась потихоньку и осторожными шажочками, потому что накопившаяся злость еще не полностью вышла и людские души вспыхивали от одной искры. Солдаты еще не успокоились после безжалостной гражданской войны, страна обеднела, везде царил хаос, и индейцев сгоняли на тяжелые работы.

Наш император Карл V в своих указах предписывал обращаться с местными жителями уважительно, любовью и добрыми делами нести им свет веры Христовой и нашей культуры, но в реальности все было иначе. Король, никогда не бывавший в Новом Свете, диктовал прекрасодушные законы в полутьме залов старинных дворцов, на расстоянии тысяч лиг от народов, которыми думал управлять, не принимая во внимание извечную людскую алчность. Очень немногие испанцы соблюдали предписания короля, а уж губернатор Франсиско Писарро — меньше всех. Даже у самых бедных испанцев тут были в услужении индейцы, а у богатых землевладельцев их были сотни, ведь и земля, и рудники не стоили ни гроша без тех, кто на них работал. Рабов принуждали подчиняться надсмотрщики с кнутами в руках, и некоторые индейцы такой печальной судьбе предпочитали убить свои семьи, а потом совершить самоубийство.

Из разговоров с солдатами мне удалось выудить разрозненные кусочки истории Хуана, и, сложив их в единую картину, я уверилась в его смерти.

Когда у моего супруга иссякли силы искать Эльдорадо в жарких джунглях севера, он прибыл в Перу и вступил в армию Франсиско Писарро. Хотя у Хуана призвания к военному делу не было, выживать в стычках с индейцами ему удавалось. Иногда ему перепало немного золота — благо в этих краях оно в изобилии, — но он постоянно все проигрывал в карты. Он был должен денег нескольким своим товарищам и значительную сумму — Эрнандо Писарро, брату губернатора. Этот долг превратил моего мужа в его лакея, и по его поручению Хуану приходилось участвовать во многих темных делах.

В битве при Лас-Салинасе мой муж сражался на стороне победителей. Тогда на его долю выпало исполнить странную миссию, ставшую последней в его жизни. Эрнандо Писарро приказал ему поменяться с ним костюмами. Хуан облачился в оранжевый бархатный костюм, изящные доспехи, серебряный шлем с забралом, украшенный белым плюмажем, и узорчатый плащ, отличавшие его покровителя, который затерялся среди пехотинцев, одевшись простым солдатом. Наверное, Эрнандо Писарро выбрал моего мужа из-за роста: Хуан был такой же высокий, как и он. Писарро предполагал, что во время битвы его будут искать враги, как и случилось на самом деле.

Человек в экстравагантном наряде быстро привлек внимание капитанов из войска Альмагро, они пробились к нему, ожесточенно работая шпагами, и убили безвестного Хуана де Малагу, спутав его с братом губернатора. Так Эрнандо Писарро спас свою жизнь, но его имя навсегда было запятнано званием труса. Его прежние военные подвиги в одночасье были перечеркнуты, и ничто уже не могло вернуть ему былой славы. Постыдный трюк был воспринят как плевок в лицо всеми испанцами — и врагами, и друзьями. Такого ему простить не могли.

Поспешно был придуман план защиты этого Писарро от злых языков, но тщетно: рассказ о совершенной им низости шепотом передавался из уст в уста в тавернах и дружеских кружках. Все знали об этом поступке Эрнандо и обсуждали его. Именно поэтому мне удалось выяснить подробности, хотя я так и не узнала, где покоится прах моего мужа. С тех самых пор меня мучает подозрение, что Хуан не был погребен похристиански и оттого его душа бродит неприкаянная в поисках утешения.

Хуан де Малага следовал за мной весь долгий путь в Чили, был рядом при основании Сантьяго, поддерживал мою руку, когда я рубила головы индейским вождям, и смеялся надо мной, когда я плакала от ярости и любви к Вальдивии. Даже сейчас, сорок лет спустя, он иногда мне является. Правда, теперь меня подводят глаза, и я часто путаю его с другими призраками прошлого.

У меня большой дом в Сантьяго: он вместе со внутренними дворами, конюшней и садом занимает целый квартал; стены тут из необожженного кирпича, очень толстые, потолки — высокие, на дубовых балках. В доме много закутков, где могут затаиться блуждающие души, бесы или Смерть. Она, кстати, вовсе не похожа на пугало в плаще с капюшоном и с пустыми глазницами, как рассказывают священники, чтобы держать нас в страхе. Смерть — высокая женщина, в теле, с пышной грудью, с руками, всегда готовыми к радушным объятиям, — эдакий ангел материнства.

Я теряюсь в этом огромном доме. Уже несколько месяцев, как я совсем не сплю: мне не хватает теплой руки Родриго на животе. По ночам, когда все слуги уходят и остаются только стражники и дежурные горничные, которые не спят на случай, если мне понадобится помощь, я брожу по дому с лампой в руке, осматриваю большие комнаты с белеными известью стенами и голубыми потолками, поправляю картины и цветы в вазах, заглядываю в птичьи клетки. На самом деле я выслеживаю Смерть. Несколько раз я подходила к ней так близко, что ощущала благоухание ее свежестыранной одежды, но она игрива и ловка — мне не прикоснуться к ней, она всегда ускользает и прячется в толпе духов, обитающих в доме. Среди этих духов и бедняга Хуан, который последовал за мной на край света, брэнча своими непогребенными костями и шелестя лохмотьями окровавленной парчи.

В Куско всякие следы моего первого мужа затерялись. Его тело, облаченное в пышный наряд Эрнандо Писарро, явно было первым, которое солдаты-победители унесли с поля боя, до того как индейцы сошли с гор и набросились на останки павших. Без сомнения, они удивились, увидев, что в доспехи и серебряный шлем был одет не их командир, а какой-то неизвестный солдат, и, я полагаю, они неохотно повиновались приказу скрыть произошедшее, потому что трусость — последнее, что готов простить испанец. Но все же приказ был выполнен так хорошо, что все следы пребывания Хуана в этом мире были полностью стерты.

Когда стало известно о том, что вдова Хуана де Малаги расспрашивает о нем, со мной захотел познакомиться сам губернатор, маркиз Франсиско Писарро. Для него был построен дворец в Сьюдад-де-лос-Рейес, откуда он, окруженный роскошью, управлял империей коварно и жестко. Но в тот момент губернатор находился с визитом в Куско. Он принял меня в зале, украшенной перуанскими коврами из прекрасной шерсти и резной мебелью. Столешница большого стола в центре, спинки стульев, бокалы, канделябры и плевательницы были из чистого серебра: в Перу серебра было больше, чем железа. Несколько вельмож, мрачные как стервятники, сбившись стайками по углам, перешептывались и с важным видом шелестели какими-то бумагами. На Писарро был облегающий дублет черного бархата с прорезями на рукавах, белое жабо, толстая золотая цепь на шее, туфли с золотыми же пряжками и накидка из куньего меха на плечах. Это был мужчина шестидесяти с лишком лет, надменный, с зеленоватой кожей, седоватой бородой, глубоко посаженными, смотревшими подозрительным взглядом глазами и неприятным фальцетом.

Писарро в кратких словах выразил соболезнования по поводу кончины

моего мужа, не упоминая даже его имени, и тут же, сделав неожиданный жест, протянул мне кошель с деньгами, чтобы я не бедствовала, «пока не представится возможность отправиться обратно в Испанию» — так он выразился. В это самое мгновение я, повинувшись внезапному порыву, приняла решение, о котором за всю жизнь ни разу не пожалела.

— Простите, ваше сиятельство, но я не намерена возвращаться в Испанию, — заявила я.

Страшная тень едва заметно пробежала по лицу губернатора. Он подошел к окну и долго стоял там, созерцая город, раскинувшийся у его ног. Я подумала, что он забыл обо мне, и уже начала потихоньку отступать к дверям, но вдруг он, не оборачиваясь, снова обратился ко мне:

— Как, вы сказали, ваше имя, сударыня?

— Инес Суарес, сеньор губернатор.

— И как же вы полагаете зарабатывать на жизнь?

— Честно, ваше сиятельство.

— И скромно, надеюсь. Скромность, особенно женская, здесь в большой цене. Городская управа предоставит вам дом. Доброго дня и удачи.

На этом аудиенция была окончена. Я поняла, что, если я хочу остаться в Куско, лучше перестать задавать вопросы. Хуан де Малага, без сомнения, был мертв, а я — свободна. Я с уверенностью могу сказать, что тот день стал началом моей жизни; все предыдущие годы были лишь разминкой перед тем, что ждало меня впереди.

Потерпи немного, Исабель: вот увидишь, скоро мой беспорядочный рассказ дойдет до того момента, когда наши судьбы с Педро де Вальдивией пересекутся и начнется та история, которую я хочу тебе поведать. До тех пор я была всего лишь безвестной белошвейкой из Пласенсии, чья жизнь ничем не отличалась от жизни сотен и сотен других работающих женщин, которые жили до меня и будут жить после. С Педро де Вальдивией я пережила сказочную историю любви и с ним вместе завоевала целое королевство. И хотя я боготворила твоего отца, Родриго де Кирогу, с которым прожила тридцать лет, рассказывать о моей жизни стоит только для того, чтобы поведать о завоевании Чили, а этот подвиг я совершила вместе с Педро де Вальдивией.

Я поселилась в Куско, в доме, который мне предоставила городская управа по личному распоряжению губернатора маркиза Франсиско Писарро. Дом был скромный, но вполне приличный: с тремя комнатами и внутренним двориком, в центре города, со стенами, увитыми жимолостью.

Кроме того, мне дали в услужение трех индианок — двух молоденьких девушек и одну женщину в возрасте, которая приняла христианское имя Каталина и позже стала моей лучшей подругой.

Я решила снова приняться за шитье: это очень ценилось среди испанцев, которые изо всех сил старались продлить век той скудной одежды, что привезли из Испании. Еще я лечила солдат, покалеченных и тяжело раненных на войне, в основном в битве при Лас-Салинасе. Врач-немец, который в одном со мной караване приехал из Сьюдад-де-лос-Рейес в Куско, часто просил меня помочь в самых сложных случаях, и я приходила вместе с Каталиной, которая знала разные снадобья и заговоры.

Между ним и Каталиной установилось что-то вроде соперничества, что не всегда шло на пользу несчастным пациентам. Каталина и знать ничего не хотела о четырех жидкостях, определяющих жизнедеятельность человека, а немец с презрением относился к заклинаниям, хотя часто они оказывались очень действенными. Самым неприятным в этой работе для меня были ампутации — они всегда внушали мне отвращение, но делать их приходилось, потому что, когда плоть начинает гнить, другого способа спасти раненого нет. Впрочем, после таких операций выживают очень немногие.

Я ничего не знаю о жизни Каталины до прибытия испанцев в Перу. Она никогда не говорила о своем прошлом, была недоверчива и окутана таинственностью. Она была низенькая, квадратная, с кожей цвета лесного ореха, двумя толстыми косами, перевязанными за спиной разноцветными шерстяными нитями. Глаза у Каталины были как угли, и пахло от нее дымом. Она могла находиться в нескольких местах одновременно и исчезать в мгновение ока. Она выучила испанский язык, приспособилась к нашим обычаям и, казалось, была очень довольна тем, что живет со мной, а через пару лет настояла на том, чтобы сопровождать меня в Чили. «Я хочу идти с тобой, да, сеньорай», — просила она меня тогда своим певучим голосом.

Каталина приняла крещение, чтобы избежать неприятностей, но и от своих верований не отступилась: она читала «Отче наш» и зажигала свечи перед алтарем Девы Заступницы, но молилась и Солнцу. Она стала мне мудрой и верной спутницей и научила пользоваться лекарственными растениями и лечить перуанскими методами, во многом отличными от испанских. Эта добрая женщина полагала, что болезни происходят от проказливых духов и демонов, которые залезают в человека через отверстия тела и поселяются в животе. Раньше она работала с инкскими врачами, которые лечили от мигреней и безумия, проделывая дыры в

черепе своих пациентов. От этого метода лечения врач-немец был в неопишемом восторге, но испробовать его на себе не решился ни один испанец. Каталина умела пускать кровь больным лучше опытного хирурга и была большой мастерицей по части снадобий для облегчения рези в желудке или для похудения, а над лекарствами немца смеялась. «Этим разве только убивать, да, татай», — говорила она ему, улыбаясь и обнажая черные от коки зубы. В конце концов немец начал сомневаться в своих хваленых лекарствах, с таким трудом привезенных с родины.

Каталина прекрасно разбиралась в сильных ядах, настойках афродизиаков, травах, дающих неиссякаемый заряд энергии, и в тех, что усыпляют, останавливают кровотечение или облегчают боль. Она обладала магической силой, могла разговаривать с мертвыми и предвидела будущее; иногда она выпивала травяной отвар и отправлялась в мир иной получать советы от ангелов. Конечно, она сама их так не называла, но говорила, что разговаривает с прозрачными существами, крылатыми и способными метать молнии взглядами — а кто это, как не ангелы?

Мы остерегались упоминать обо всем этом в присутствии третьих лиц, потому что, услышь нас кто-нибудь, нас обвинили бы в колдовстве и сношениях с дьяволом. А отправиться в темницы инквизиции — совсем не сладко; по крайней мере, насколько нам с Каталиной было известно, многие несчастные, попавшие туда, заканчивали свои дни на костре.

Конечно же, заклинания Каталины не всегда давали нужный результат. Один раз она попыталась изгнать из дома дух Хуана де Малаги, который нам стал уж слишком досаждать, но добилась лишь того, что у нас в ту же ночь умерло несколько куриц, а на следующий день в центре Куско появилась лама о двух головах. Это животное подлило масла в огонь раздоров между индейцами и испанцами, потому что первые сочли, что это — реинкарнация бессмертного Инки Атауальпы, а вторые закололи несчастное животное копьем, чтобы показать, что бессмертного в нем ничего нет. Тут завязалась драка, в которой несколько индейцев погибли и один испанец был ранен.

Каталина прожила со мной много лет, заботясь о моем здоровье, предупреждая меня об опасностях и помогая принимать важные решения. Единственное обещание, которое она не исполнила, — быть со мной в старости: Каталина умерла раньше меня.

Двух молодых индианок, которых мне выделила городская управа, я научила чинить, мыть и гладить платье так, как это делалось в Пласенсии. В Куско в те времена такие услуги высоко ценились. Я распорядилась соорудить глиняный очаг во внутреннем дворике дома, и мы с Каталиной

принялись печь пирожки. Пшеница была очень дорога, поэтому мы научились делать пирожки из маисовой муки. Они расходились, не успевая остыть. О том, что пирожки подоспели, вся округа узнавала по запаху, и покупатели к нам сбегались толпами. Мы всегда оставляли кое-что для нищих и юродивых, живущих подаванием. Густой аромат мяса, жареного лука, тмина и свежее испеченного теста так глубоко въелся мне в кожу, что я до сих пор пахну всем этим. Наверное, я так и умру, источая запах пирожков.

Мне удавалось сводить концы с концами, но в этом городе, таком дорогим и развращенным жаждой денег, вдове было очень трудно справиться с бедностью. Я могла бы выйти замуж, потому что одиноких и отчаявшихся мужчин вокруг было множество и некоторые из них были даже привлекательны, но Каталина все время советовала остерегаться их. Она часто гадала мне на бусинах и ракушках и всегда предсказывала мне одно и то же: что я буду жить очень долго и стану королевой, но будущее мое зависит от мужчины, который являлся ей в видениях. Но ни один из тех, кто стучал в дверь моего дома или заговаривал со мной на улице, не был тем человеком. «Жди, мамитай, скоро явится твой виракоча», — обещала мне Каталина.

В числе претендентов на мою руку был и тот самый заносчивый лейтенант Нуньес. Он все никак не мог отказаться от желания проучить меня, по его собственному — весьма неделикатному — выражению. Он не понимал, почему я отвергаю его ухаживания, ведь прежняя моя отговорка уже не работала. Теперь было точно известно, что я вдова, как он и уверял с самого начала. Он вообразил, что мои отказы — своеобразное кокетство, и поэтому чем упрямее я его отвергала, тем больше он распалялся.

Мне пришлось принять серьезные меры, чтобы запретить ему входить в мой дом с овчарками, до смерти пугавшими служанок. Его псы, которых специально натравливали на индейцев, почуяв запах, начинали рваться с цепи, рычать, лаять и скалить зубы. Лейтенанта ничто так не забавляло, как науськивать этих зверей на индейцев, поэтому он пропускал мои просьбы мимо ушей и наводнял своими псами мой дом, как поступал и в других местах. Однажды утром у его собак на морде выступила зеленая пена, а через несколько часов они издохли. Их хозяин был возмущен до крайности и грозился убить того, кто их отравил, но врач-немец убедил его, что псы издохли от чумы и нужно немедленно сжечь их трупы, чтобы никто не заразился. Так он и сделал, боясь, как бы первому не пасть жертвой болезни.

Лейтенант все чаще приходил ко мне домой, не давал проходу на улице

— в общем, превратил мою жизнь в сущий ад. «Этот белый слов не понимает, да, сеньорай. Сдается мне, скоро он сам помрет, как псы», — как-то объявила мне Каталина. Я сочла за благо не допытываться, что она имела в виду.

Однажды Нуньес в очередной раз явился расфуфыренный и с подарками, которые я не желала принимать, и наполнил весь дом своим шумным присутствием.

— Зачем вы меня мучаете, прекрасная Инес? — в сотый раз спросил он меня, пытаясь обнять за талию.

— Соблюдайте приличия, сеньор. Я вам не разрешала таких фамильярностей, — ответила я, высвобождаясь из его лап.

— Хорошо, тогда скажите, благородная Инес, когда мы поженимся?

— Никогда. Вот ваши рубашки и штаны, починенные и чистые. Найдите себе другую прачку, потому что я больше не желаю видеть вас в своем доме. Прощайте! — И я стала выталкивать его по направлению к двери.

— Вы говорите «прощайте», Инес? Вы меня плохо знаете! Я никому не позволю себя оскорблять, тем более какой-то шлюхе! — кричал он мне уже с улицы.

Это было в нежный закатный час, когда люди с округи начинали подходить к моему дому в ожидании последней за день партии пирожков. Но у меня не было сил видеть покупателей: я вся дрожала от гнева и стыда. Я только раздала немного пирожков беднякам, чтобы они не остались без еды, и сразу заперла входную дверь, хотя обычно держала ее открытой, пока на город не спускался ночной холод.

— Будь он проклят, да, мамитай. Но ты не печалься. Этот Нуньес скоро принесет счастье, — попыталась утешить меня Каталина.

— Каталина, он способен приносить только неприятности! Обиженный мужчина, да еще такой фанфарон, всегда опасен.

Каталина была права. Благодаря этому злополучному лейтенанту, засевшему в таверне пить и похвастаться тем, что собирался сделать со мной, той ночью я встретила мужчину своей судьбы — того самого, которого Каталина столько раз предрекала мне.

Таверну, зальчик с низкими потолками и несколькими узкими окошками, через которые внутрь попадало едва достаточно воздуха, чтобы дышать, содержал один добросердечный андалусец, который наливал в долг солдатам, стесненным в средствах. По этой причине, да еще потому, что там пара негров играла на гитарах и барабанах, в этом заведении всегда

былолюдно.

С веселыми шумными выпивохами резко контрастировал строгого вида мужчина, одиноко сидевший в углу. Перед ним на столе лежал кусок пожелтевшей бумаги, придавленный, чтобы не сворачивался, кувшином с вином. Этот человек был Педро де Вальдивия, главнокомандующий армии губернатора Франсиско Писарро и герой битвы при Лас-Салинасе, в те времена уже ставший одним из самых богатых людей в Перу. За оказанные услуги Писарро отдал ему в пожизненное владение богатые серебряные прииски в Порко, поместье в долине Ла-Канела, где земля была особенно плодородна, и несколько сотен индейцев для работы в этих владениях.

Чем же занимался прославленный Вальдивия в этот момент, сидя в таверне? Не подсчетом добытых на руднике пудов серебра, голов лам на пастбищах или мешков маиса в амбарах, а изучением карты, набросанной Диего де Альмагро во время своего заточения, перед самой казнью. Вальдивию не покидала навязчивая идея покорить те загадочные южные земли, где потерпел неудачу аделантадо Альмагро. Эти территории не были еще завоеваны и заселены, это было единственное место, где такой военный, как он, мог прославиться в веках. Ему не хотелось оставаться в тени Франсиско Писарро, спокойно старясь в Перу. Возвращаться в Испанию он тоже не думал, каким бы богатым и уважаемым он ни сделался. Меньше всего его привлекала идея воссоединиться с Мариной, которая верно его ждала годами и в письмах, полных благословений и упреков, неустанно умоляла вернуться. Испания осталась в прошлом. Будущее ждало в Чили.

На карте были отмечены дороги, по которым прошел Альмагро со своей экспедицией, и самые трудные места — горы, пустыня и зоны, где нападали индейцы. «Пройти на юг далее реки Био-Био невозможно, мапуче не пускают», — не единожды повторял Альмагро. Эти слова преследовали Вальдивию, раззадоривая его. «Я бы прошел», — думал он, хотя никогда не сомневался в мужестве аделантадо.

Таким мыслями был занят Вальдивия, когда стал различать в шуме таверны громкий голос одного пьяного и, сам того не желая, обратил внимание на то, что тот говорил. А разглагольствовал этот пьяный офицер о ком-то, кому собирался преподать заслуженный урок — о некоей Инес, загордившейся женщине, которая смела оскорбить честного лейтенанта на службе у христианского императора Карла V. Имя Инес показалось Вальдивии знакомым, и скоро он заключил, что речь шла о молодой вдове, которая стирала и чинила одежду и жила на улице Темпло-де-лас-Вирхенес. Он сам никогда не пользовался ее услугами — на это у него

были свои индианки, — но видел ее несколько раз на улице и в церкви и обращал на нее внимание, потому что испанок в Куско было не много, и задавался вопросом, сколько сможет продержаться здесь такая женщина. Несколько раз он следовал за ней пару кварталов, только чтобы полюбоваться на движение ее бедер — она ходила твердыми широкими шагами, как цыганка, — и на отражение солнечных лучей в ее медных волосах. Ему казалось, что она излучала уверенность и силу воли — качества, которых он требовал от своих капитанов, но никогда не думал встретить в женщине. До тех пор ему нравились лишь нежные и хрупкие девушки, будившие в нем желание защищать их; поэтому он и женился на Марине. А в этой Инес не было ничего ранимого или невинного, она сама, скорее, пугала, как чистая энергия или сдерживаемый вихрь. Именно это привлекло внимание Вальдивии. По крайней мере, так он рассказывал потом.

Из обрывков фраз, которые долетали до Вальдивии сквозь шум таверны, он понял, в чем состоял план пьяного лейтенанта, который громко призывал добровольцев помочь ему ночью схватить эту женщину и силой доставить к нему домой. Его просьбы были встречены гулом хохота и непристойных шуток, но никто не вызвался помогать, потому что от этой затеи пахло не только трусостью, но и опасностью. Одно дело — чинить насилие на войне и развлекаться с индианками, которые ничего не стоили, и совсем другое — напасть на вдову-испанку, которую принимал сам губернатор. Приятели советовали Нуньесу выбросить эту идею из головы, но он заявил, что без труда найдет помощников, чтобы осуществить свое намерение.

Педро де Вальдивия не терял Нуньеса из виду и через полчаса вслед за ним вышел на улицу. Лейтенант шел покачиваясь, не замечая, что кто-то идет за ним. Он ненадолго задержался у двери моего дома, прикидывая, не получится ли исполнить свой план в одиночку, но решил так сильно не рисковать. Хотя его сознание было затуманено винными парами, он понимал, что на карту поставлены его репутация и военная карьера. Вальдивия видел, как Нуньес отошел от дома, и Педро сам встал неподалеку на углу, скрывшись в тени. Там он подождал немного и скоро увидел двоих индейцев, которые, опасливо озираясь, стали нарезать круги вокруг дома, осматривая дверь и ставни окон, выходивших на улицу. Удостоверившись, что все они заперты изнутри, индейцы решили перелезть через каменную ограду, которая имела всего пять футов в высоту и защищала дом с задней стороны. Несколько минут спустя они спрыгнули во двор, но так неудачно, что перевернули и разбили большой глиняный

кувшин. Я всегда сплю очень чутко, и этот шум меня разбудил. Педро позволил им перелезть через ограду, чтобы проверить, как далеко они способны зайти, и тут же перемахнул через стену вслед за ними. К тому моменту я уже успела зажечь лампу и схватить длинный нож, которым мы нарезали мясо для пирожков. Я была готова пустить его в ход, но молила Господа, чтобы такой необходимости не возникло, потому что смерть Себастьяна Ромеро давила меня тяжким грузом и я не хотела, чтобы на моей совести был еще один труп. Я вышла во внутренний двор, и Каталина — за мной. Мы пропустили лучшую часть представления, потому что кабальеро уже обезвредил налетчиков и вязал их той самой веревкой, которой они намеревались связать меня. Все это случилось очень быстро и без малейшего усилия со стороны Вальдивии, на лице которого читалась скорее усмешка, чем гнев, как будто бы речь шла всего лишь о детской шалости.

Сцена получилась довольно смешная: я, растрепанная и в ночной рубашке; Каталина, бранящаяся на кечуа; двое индейцев, дрожащих от страха, и дворянин в бархатном дублете, шелковых панталонах и высоких сапогах из мягкой кожи, со шпагой в руке, подметающий двор пером шляпы в приветственном поклоне. Мы оба рассмеялись.

— Эти несчастные больше не будут досаждать вам, сеньора, — любезно сказал он.

— Меня беспокоят не они, а тот, кто их подослал.

— Он тоже вам больше не помешает, потому что завтра ему придется иметь дело со мной.

— Вам известно, кто он?

— У меня есть очень серьезные подозрения, но, если я вдруг ошибаюсь, эти двое мне под пыткой признаются, кому они служат.

Услышав такие слова, индейцы бросились целовать сапоги кабальеро и просить сохранить им жизнь, с готовностью повторяя имя лейтенанта Нуньеса. Каталина полагала, что им следует немедленно отрубить головы, и Вальдивия был с ней согласен, но я встала между ним и этими несчастными:

— Нет, сеньор, прошу вас. Мертвецы на дворе мне ни к чему — они марают пространство и приносят несчастье.

Вальдивия снова рассмеялся, распахнул заднюю дверь и выпроводил индейцев пинками под зад, предупредив их, чтобы они сейчас же убирались из Куско или им придется дорого поплатиться.

— Боюсь, что лейтенант Нуньес не будет столь великодушен, как вы, сударь. Он этих двоих из-под земли достанет: они слишком много знают, и

ему будет очень некстати, если они вдруг заговорят, — сказала я.

— Сударыня, поверьте, мне достанет власти отправить Нуньеса гнить в джунглях Чунчо, и я обязательно это сделаю, — пообещал мой спаситель.

Вот так я познакомилась с Вальдивией. Он был главнокомандующий войсками Писарро, герой многих войн, один из самых богатых и влиятельных людей в Перу. Раньше я его несколько раз видела мельком, но только издали, и восхищалась его арабским скакуном и природной статью.

В ту ночь решились судьбы Педро де Вальдивии и моя. Мы оба много лет ходили кругами, ощупью пытаюсь отыскать друг друга, пока наконец не встретились во дворе этого домика на улице Темпло-де-лас-Вирхенес. Я была очень благодарна Педро и пригласила пройти его в мою скромную гостиную, пока Каталина пошла за бутылкой вина — вина в моем доме всегда было вдоволь, — чтобы попотчевать гостя. Каталина, прежде чем раствориться в воздухе по своему обыкновению, за спиной у гостя сделала мне знак, и я поняла, что это был именно тот человек, появление которого предсказывали ее гадательные ракушки. Я очень удивилась, потому что и представить себе не могла, что судьба мне назначила такого важного человека, как Вальдивия, и стала в желтом свете лампы рассматривать его с ног до головы. То, что я увидела, мне понравилось: глаза синие, как небо Эстремадуры, мужественные черты, открытое, хотя и суровое лицо, коренастая фигура, прекрасная военная выправка, руки, загрубевшие от шпаги, но с длинными и изящными пальцами. Все части тела у него были в наличии, что было настоящей роскошью в Новом Свете, где столько мужчин отмечены отвратительными шрамами или потеряли в битвах глаза, носы, а то и руки или ноги. А что увидел он? Худощавую женщину среднего роста с распущенными и растрепанными волосами, карими глазами и широкими бровями, босую, в одной рубашке из самой простой ткани. Молча смотрели мы друг на друга целую вечность, не в силах отвести глаз. Хотя ночь была холодная, тело у меня пылало, и струйка пота катилась по спине. И Вальдивию, я знаю, одолевала та же буря, потому что воздух в комнате сгустился. Каталина появилась из ниоткуда с вином в руках, но, почувствовав, что с нами творится, испарилась снова, оставив нас одних.

Потом Педро признавался мне, что в ту ночь не взял на себя инициативу, потому что ему нужно было время, чтобы успокоиться и подумать. «При виде тебя мне в первый раз в жизни стало страшно», — скажет он мне спустя много лет. Он не держал наложниц и сожительниц, ничего не было известно про его любовниц, у него не было отношений с

индианками, хотя, полагаю, услугами продажных женщин он все же иногда пользовался. По-своему, он всегда оставался верен Марине Ортис де Гаэте, перед которой был виноват, потому что влюбил ее в себя в тринадцать лет, но не сделал счастливой и покинул ради рискованного путешествия в Новый Свет. Он чувствовал себя в ответе за нее перед Богом. Но я была свободна, и, даже если бы Педро содержал полдюжины наложниц, я бы его полюбила точно так же — это было неизбежно. Он прожил почти четыре десятка лет, а мой возраст близился к тридцати; нам обоим нельзя было терять время, поэтому я решилась взять дело в свои руки и направить в нужное русло.

Как это мы стали обниматься так скоро? Кто первым протянул руку? Кто стал искать губы другого, чтобы соединить их в поцелуе? Конечно, это была я. Мне едва удалось отыскать в себе голос, чтобы нарушить полное невысказанных желаний молчание, в котором мы взирали друг на друга. Ничего не скрывая и без всякого стыда я выложила ему, что жду его уже давно; что он мне являлся в снах; что гадательные ракушки предсказывали его появление; что я готова любить его всегда и все прочее, что можно обещать в таких случаях. Педро побледнел и неловко попятился, пока не уперся спиной в стену. Какая женщина в своем уме будет так разговаривать с незнакомцем? Но все же он не решил, что я совершенно тронулась рассудком или что я просто одинокая гуляющая женщина, которую судьба случайно занесла в Куско, потому что он тоже всеми костями тела и закоулками души чувствовал уверенность в том, что мы были рождены, чтобы любить друг друга. Он испустил вздох, почти всхлип, и прошептал мое имя надломленным голосом. «Я тоже тебя ждал», — кажется, сказал он. А может, он этого и не говорил. Думаю, с течением жизни мы украшаем одни воспоминания и стараемся забыть другие. Но в чем я уверена, так это в том, что в ту же ночь мы занялись любовью и с первого же объятия нас охватил один и тот же пламень.

Педро де Вальдивия возмужал среди шума войны и ничего не знал о любви, но, когда она пришла, он был готов принять ее. Он поднял меня на руки и в четыре больших шага отнес на кровать, куда мы повалились как подкошенные, он сверху меня, целуя и покусывая, пока рывками освобождал свое тело от дублета, панталон, сапог, чулок, отчаянно и с напором юноши. Я позволила ему делать все, что ему хотелось, давая возможность отвести душу. Сколько времени он провел без женщины? Я прижала его к груди и чувствовала биение его сердца, его животный жар, его мужской запах. Педро многому предстояло научиться, но спешить было некуда: в нашем распоряжении была вся оставшаяся жизнь, а я была

хорошим учителем, — за это, по крайней мере, я была благодарна Хуану де Малаге. Как только Педро понял, что за закрытыми дверьми спальни заправляю я и что в этом нет ничего позорного для него, он с радостью стал повиноваться мне. На это понадобилось некоторое время — часа, скажем, четыре или пять, — потому что он полагал, что повиноваться — дело самки, а доминировать — самца; это он видел в животном мире, и этому научила его война, но не напрасно Хуан де Малага столько лет обучал меня понимать собственное тело и тело мужчины. Я вовсе не хочу сказать, что все мужчины одинаковы, но они достаточно похожи, и немного интуиции достаточно, чтобы любая женщина могла доставить удовольствие любому мужчине. В обратную сторону не совсем так. Немногие мужчины умеют удовлетворить женщину, и еще меньше тех, кто заинтересован в этом. У Педро хватило ума оставить свою шпагу за дверью и покориться мне. Подробности этой первой ночи не так уж и важны; достаточно сказать, что мы оба открыли для себя настоящую любовь, потому что до тех пор ни разу не переживали слияния души и тела. Мои отношения с Хуаном были сугубо телесными, а его с Мариной — исключительно духовными. В наших с ним отношениях соединилось и то и другое.

Вальдивия оставался в моем доме два дня. Все это время ставни не открывались, никто не пек пирожков, индианки ходили по дому на цыпочках, а нищих кормила Каталина — маисовым супом. Нам эта чудесная женщина приносила вино и еду в постель. Кроме того, она приготовила большой кувшин с горячей водой, чтобы мы помылись — перуанский обычай, которому она меня научила. Как все испанцы, Педро считал, что принимать ванны опасно, что это ослабляет легкие и приводит к разжижению крови, но я убедила его в том, что это не так, ведь перуанские индейцы моются ежедневно, но ни у кого из них не размягчились легкие и кровь не стала водянистой.

Эти дни пролетели на одном дыхании: мы рассказывали друг другу о своем прошлом и любили друг друга в каком-то огненном вихре. Нам все казалось, что мы отдаемся недостаточно, мы безумно желали раствориться один в другом и умереть: «Ах, Педро!», «Ах, Инес!». Мы вместе падали с небес на землю и оставались лежать, переплетя ноги и руки, обессиленные, влажные от пота, и разговаривали шепотом. Потом желание появлялось снова, еще более сильное, зарождаясь где-то между влажных простыней. Запах мужчины — мужчина пахнет железом, вином и конями — сливался с запахом женщины — женщина пахнет кухней, дымом и морем — в общий аромат, единственный и незабываемый, дыхание джунглей, наваристый бульон. Мы научились вместе возноситься на небеса и стонать от одного

удара кнутом, застывая где-то на краю смерти и в конце концов падая в глубокое забытие. Мы засыпали, а затем снова просыпались, готовые заново начать любовные игры. Так продолжалось до зари третьего дня, когда нас разбудили крики петухов и запах свежего хлеба. Тогда Педро, изменившись в лице, попросил свою одежду и шпагу.

О, как цепка память! Память не оставляет меня в покое, наполняя голову образами, словами, болью и любовью. Мне кажется, что я заново переживаю уже единожды прожитое. Писать эту историю мне непросто, но не потому, что вспоминать тяжело, а потому, что трудно медленной рукой записывать на бумаге быстро мелькающие воспоминания. Почерк у меня, несмотря на все старания Гонсалеса де Мармолехо, никогда хорошим не был, а теперь и вовсе почти нечитаемый. Мне нужно поторапливаться, ведь недели летят, а мне нужно рассказать еще многое. Я устаю. Перо рвет бумагу и ставит кляксы. Эта работа слишком трудна для меня. Почему я не отступаю от нее? Те, кто меня хорошо знал, уже мертвы, и только ты, Исабель, представляешь себе, кто я такая, но твоё представление искажено любовью и тем, что ты считаешь себя в неоплатном долгу передо мной. Ты мне ничем не обязана, я тебе говорила это уже тысячу раз. Это я в долгу перед тобой, потому что твоё появление удовлетворило мою самую глубокую потребность — быть матерью. Ты мне подруга и наперсница, единственный человек, который знает мои тайны, даже те, которыми я из стыда не делилась с твоим отцом. Мы с тобой отлично ладим, у тебя отличное чувство юмора, и мы часто смеемся вместе тем женским смехом, который рождается из чувства общности. Я очень благодарна тебе за то, что ты со своими детьми поселилась здесь, несмотря на то что твой собственный дом всего в паре кварталов отсюда. Ты говоришь, что тебе нужна компания, пока твой муж где-то воюет, как раньше воевал мой, но я в это объяснение не верю. На самом деле ты просто боишься, как бы я не умерла одна в этом огромном вдовьем доме, который очень скоро отойдет тебе вместе с моими земельными угодьями.

Мне нравится видеть тебя богатой женщиной; я могу спокойно отправляться в мир иной, ведь я точно исполнила обещание позаботиться о тебе, данное твоему отцу, когда он впервые привел тебя в мой дом. Тогда я была еще любовницей Педро де Вальдивии, но это не помешало мне принять тебя с распростертыми объятьями. В те времена Сантьяго уже оправился от ран, нанесенных первым нападением индейцев, мы распрощались с нищетой и гордились нашим «городом», хотя пока что это был не город, а скорее деревушка. Благодаря своим заслугам и безупречному характеру Родриго де Кирога стал любимым капитаном

Педро де Вальдивии и моим лучшим другом. Я знала, что он влюблен в меня: женщины всегда знают такие вещи, даже если мужчина не выдает себя ни единым жестом или словом. Сам Родриго не мог признаться в этом даже самому себе из верности Вальдивии, своему командиру и другу. Наверное, я тоже его любила — любить двух мужчин одновременно возможно, — но, чтобы не подвергать риску честь и жизнь Родриго, я таила это чувство. Впрочем, сейчас не самое лучшее время рассказывать об этом — пусть останется на потом.

Есть вещи, о которых мне не случилось тебе рассказывать, потому что я была слишком занята ежедневными заботами, и если я теперь не напишу о них, то унесу с собой в могилу. Хотя мне очень хочется быть точной, я многое опустила. Мне пришлось выбрать только самое важное, но я уверена, что я не погрешила против истины. Это история обо мне и об одном мужчине, доне Педро де Вальдивии, героические подвиги которого скрупулезно изложены в хрониках и останутся там запечатлены до скончания времен. Но я знаю о нем то, чего история никогда не сможет проверить: чего он боялся и как любил.

Отношения с Педро де Вальдивией сильно изменили меня. Я не могла жить без него: один-единственный день без встречи с ним — и меня начинало лихорадить, провести одну ночь без его объятий — все равно что вынести страшную пытку. Поначалу это было даже не любовью, а слепой неукротимой страстью, которую он, по счастью, разделял, потому что иначе я бы лишилась рассудка. Позже, когда мы вместе стали преодолевать превратности судьбы, страсть уступила место любви. Я восхищалась им настолько же, насколько желала его: его энергия меня совершенно обезоруживала, меня пленяли его храбрость и идеализм. Вальдивия пользовался своим авторитетом без всякого жеманства, одним своим присутствием заставляя повиноваться себе. Это была внушительная, даже неборимая личность, но наедине со мной он менялся. В постели он был мой: он отдавался мне без сопротивления, как юноша отдается первой любви. Хотя он привык к грубости войны, был нетерпелив и беспокоен, мы могли посвящать целые дни досугу, изучению друг друга, рассказам подробностей из своей жизни, таким поспешным, как будто жить нам оставалось не больше недели. Я считала дни и часы, проведенные вместе, — это были мои сокровища. Педро подсчитывал объятия и поцелуи. Удивительно, что ни одного из нас тогда не пугала эта страсть, которая сегодня, когда я смотрю на нее с расстояния пережитого времени и ненависти, кажется давящей.

Педро проводил ночи в моем доме, кроме тех случаев, когда уезжал в Сьюдад-де-лос-Рейес или навещал свои владения в Порко и Ла-Канеле, — тогда он брал меня с собой. Мне нравилось смотреть, как он скачет верхом — это придавало ему еще более воинственный вид — и как он применяет свой дар руководителя в общении с подчиненными и товарищами по оружию. Он знал множество вещей, о которых я даже не подозревала, рассказывал мне о прочитанных книгах, делился своими идеями. Он был очень щедр ко мне, дарил пышные наряды, дорогие ткани, украшения и золотые монеты. Поначалу его щедрость смущала меня. Мне казалось, что он так пытается купить мою любовь; но потом я привыкла. Я начала откладывать деньги, желая обеспечить себе хоть какую-то стабильность в будущем. «Никогда не знаешь, что тебя ждет», — говаривала моя мать, которая и научила меня копить деньги. К тому же я обнаружила, что управляющий из Педро не очень хороший и что он не особенно интересуется своими владениями. Как всякий испанский дворянин, он считал себя выше работы и презренных денег, которые тратил, как герцог, а зарабатывать не умел. Милости в виде земельных угодий и рудников, дарованные Писарро, оказались для него неожиданным подарком судьбы, который он принял так же легко, как мог бы расстаться с ним. Однажды я решилась сказать ему об этом, потому что меня, которой с детства приходилось зарабатывать на хлеб, его расточительность ужасала, но он поцелуем заставил меня замолчать. «Золото — для того, чтоб его тратить, и, слава Богу, у меня его в избытке», — возразил он. Но это меня вовсе не успокоило, а даже наоборот.

Вальдивия обращался с вверенными ему индейцами более уважительно, чем другие испанцы, но всегда строго. Он ввел посменную работу, кормил своих людей хорошо и заставлял надсмотрщиков быть умеренными в наказаниях, в то время как на других рудниках и в других имениях работали даже женщины и дети.

— У меня все по-другому, Инес. Я соблюдаю законы Испании настолько, насколько это возможно, — с гордостью сказал он мне, когда я заговорила на эту тему.

— А кто решает, насколько это возможно?

— Христианская мораль и здравый смысл. Так же как не следует загонять лошадей, а надо давать им отдых, так нельзя и злоупотреблять силами индейцев. Без них рудники и земли не стоят ничего. Я бы хотел сосуществовать с ними в гармонии, но подчинить их невозможно без применения силы.

— Сомневаюсь, что это подчинение им во благо, Педро.

— Ты сомневаешься в благе христианской веры и цивилизации? — парировал он.

— Иногда матери бросают своих новорожденных детей умирать с голоду, чтобы не привязаться к ним, потому что знают, что этих детей у них все равно заберут и отдадут в рабство. Разве они не лучше жили до нашего появления?

— Нет, Инес. Под властью Великого Инки они страдали еще больше, чем сейчас. Мы должны смотреть в будущее. Мы здесь и уходить не собираемся. Когда-нибудь на этих землях будут жить люди новой расы, рожденные от испанских отцов и индейских матерей. Все они будут христианами, их будут объединять испанский язык и законы Испании. Вот тогда наступит мир и процветание.

Он искренне верил в это, но умер, так и не дожив до такого счастливого момента. И я тоже умру раньше, чем сбудется его мечта, потому что сейчас на дворе 1580 год, а индейцы ненавидят нас все так же.

Скоро все в Куско привыкли считать нас парой, хотя могу вообразить, что за спиной у нас ходило множество злых сплетен. В Испании на меня бы смотрели как на продажную девку, но в Перу все обращались со мной почтительно, по крайней мере в глаза, потому что иное отношение означало бы неуважение к Педро де Вальдивии. Все знали, что у него есть супруга в Эстремадуре, но это никого не смущало: половина испанцев здесь находились в похожей ситуации: законные супруги для них давно были не более чем туманными воспоминаниями, а любовь (или хотя бы ее замена) им нужна была здесь и сейчас. Кроме того, и в Испании у многих мужчин были наложницы; империя наполнилась незаконнорожденными детьми, и многие из конкистадоров были такого происхождения. Пару раз Педро говорил мне об угрызениях совести, не из-за того, что он перестал любить Марину, а из-за того, что он не может жениться на мне. Я вольна выйти замуж за любого из тех, кто раньше за мной ухаживал, а теперь не отваживается даже взглянуть на меня, сказал он. Но эта возможность никогда всерьез не интересовала меня. Я с самого начала прекрасно понимала, что мы с Педро никогда не сможем пожениться, если только не умрет Марина, а этого не желал ни один из нас, поэтому я вырвала из сердца надежду на замужество и решила радоваться любви и сопричастности, которые нас объединяли, и не задумываться о будущем, о сплетнях, о позоре и о грехе.

Мы были любовниками и друзьями. Мы часто спорили и кричали друг на друга, потому что никто из нас двоих не отличался кротким нравом, но это не было препятствием для наших отношений. «Отныне и навсегда я

прикрываю твой тыл, Педро, так что ты можешь заниматься исключительно битвами на фронте», — сказала я ему в нашу вторую ночь любви, и он воспринял эти слова буквально и помнил их всю жизнь. Я, со своей стороны, научилась преодолевать упрямую немоту, которая накатывала на меня, когда я сердилась. В первый раз, когда я решила наказать Педро молчанием, он взял мое лицо в свои ладони, вонзил в меня взгляд своих голубых глаз и принудил сказать, чем я недовольна. «Я же не ясновидец, Инес. Будет гораздо проще, если ты скажешь, чего от меня хочешь», — настаивал он. Так же и я шла ему навстречу, когда им овладевали нетерпение и гордыня или когда какое-нибудь его решение казалось мне мало разумным. Мы были очень похожи: оба сильные, властные и амбициозные. Педро хотел основать королевство, а я хотела быть с ним рядом и участвовать в этом предприятии. Я чувствовала то же, что и он, у нас была общая заветная мечта.

Сначала я ограничивалась тем, что молча слушала, когда он заговаривал о Чили. Я не знала, о чем он говорит, но скрывала свое невежество. Потом я стала расспрашивать своих клиентов — солдат, которые приходили стирать одежду или покупать пирожки, — и таким образом узнала о неудачном походе Диего де Альмагро. У тех, кто пережил эту экспедицию и битву при Лас-Салинасе, не было ни гроша в кармане, они носили лохмотья и часто тайком приходили к моему дому за бесплатной едой. Их называли «чилийскими оборванцами». Эти люди не вставали в очередь вместе с нищими индейцами, хотя были так же бедны, как и они, потому что была некоторая гордость в том, чтобы быть «чилийским оборванцем»: так звали людей храбрых, смелых, сильных и с чувством собственного достоинства. Судя по рассказам этих людей, Чили было проклятым местом, но я была уверена, что у Педро де Вальдивии есть серьезные основания идти именно туда. Слушая его речи, я прониклась его энтузиазмом.

— Даже если это будет стоить мне жизни, я попытаюсь завоевать Чили, — как-то сказал он мне.

— Я поеду с тобой.

— Это не женское дело. Я не могу подвергать тебя опасностям этого предприятия, Инес. Но и покидать тебя не хочу.

— Даже и не думай об этом! Либо мы поедem вместе, либо и ты останешься здесь! — ответила я.

Мы поехали в Сьюдад-де-лос-Рейес, город, построенный на месте инкского кладбища, где Педро намеревался встретиться с Франсиско

Писарро и добиться от него позволения ехать в Чили. Мы не могли остановиться в одном доме, чтобы не давать повода злым языкам и церковникам, которые повсюду суют нос, хоть сами далеко не образец добродетели. Однако то, что формально мы жили в разных местах, не мешало нам проводить каждую ночь вместе.

В Сьюдад-де-лос-Рейес редко светило солнце, небо почти всегда было затянуто облаками. Дождей, правда, тоже не было, но капельки воды, висевшие в воздухе, оседали на волосах и покрывали все вокруг зеленоватой патиной. Каталина, которая приехала с нами, уверяла, что ночью в этом городе по улицам бродят мумии инков, похороненных под домами, но я сама никогда их не видела.

Пока я выясняла, что необходимо для выполнения таких трудных задач, как поход в тысячу лиг, основание городов и усмирение индейцев, Педро целыми днями пропадал во дворце губернатора, участвуя в светских приемах и политических собраниях, которых терпеть не мог. Показные знаки уважения и дружбы, которыми Писарро щедро одаривал Вальдивию, вызывали черную зависть у других военных и землевладельцев. Уже тогда, едва только возникнув, этот город был опутан сетью интриг, которая растет и ширится и по сей день. Двор был рассадником склок, там продавалось и покупалось все, даже честь. Честолюбцы и льстецы из кожи вон лезли, чтобы попасть в фавор к губернатору, который единственный имел власть раздавать земли. Богатства Перу были несметны, но и их недоставало, чтобы удовлетворить аппетиты всех этих лизоблюдов. Писарро не мог понять, почему, в то время как другие стремятся только грести золото пригоршнями, Вальдивия готов вернуть ему свои рудники и земли, чтобы повторить ошибку, которая так дорого стоила Диего де Альмагро.

— Зачем вам ехать в Чили, в эту нищую землю, дон Педро? — недоуменно спрашивал Писарро раз за разом.

— Чтобы прославиться и оставить по себе добрую память, ваше сиятельство, — говорил в ответ Вальдивия.

И действительно, это была его единственная цель. Добраться до Чили — все равно что пересечь преисподнюю — индейцы там воинственные, золота почти нет, не то что в Перу, но все эти минусы оборачивались плюсами для Вальдивии. Опасность путешествия и необходимость сражаться с жестокими врагами только привлекали его, и, хотя об этом он не стал говорить Писарро, бедность Чили ему нравилась — это он часто объяснял мне. Он был убежден в том, что золото портит и развращает людей. Золото было причиной распрей между испанцами в Перу, разжигало злобу и алчность, подталкивало к обманам, подрывало устои и губило

души. В воображении Педро Чили было идеальным местом, далеким от вельмож Сьюдад-де-лос-Рейес, где можно было организовать справедливое общество, основанное на упорном труде и обработке земли, без дурного богатства рудников и рабства. В Чили — мечталось ему — даже религия будет бесхитростной, потому что он — а он читал труды Эразма — позаботится привезти туда добрых священников, настоящих служителей Господа, а не свору испорченных, тошнотворных святош. Потомки основателей станут честными, строгими, бесстрашными чтущими закон чилийцами. Среди них не будет аристократов, которых Вальдивия так ненавидел: ведь ценен не тот титул, который достался по наследству, а тот, который заработан достойной жизнью и благородством души. Я часами слушала эти его рассуждения, и глаза мои увлажнились, а сердце от восторга готово было вырваться из груди, когда я представляла утопический мир, который мы построим вместе.

После нескольких недель топтания в залах и коридорах губернаторского дворца Педро начал терять терпение, все больше склоняясь к мысли, что ему никогда не получить разрешения, но я была уверена, что в конце концов Писарро даст одобрение. Неспешность в принятии решений всегда была присуща маркизу, не любившему прямоты. Он изображал обеспокоенность теми опасностями, с которыми «его друг» столкнется в Чили, а на самом деле просто не хотел отпускать Вальдивию так далеко от себя — туда, где невозможно будет чинить ему козни и бросать тень на его авторитет. Все расходы, опасности и тяготы ложились на плечи Вальдивии, а покоренные земли должны были стать частью владений губернатора Перу; Писарро ничем не рисковал в этом дерзком проекте, потому что не собирался вкладывать в него ни гроша.

— Чили до сих пор не завоевано, и его жители не обращены в христианскую веру, сеньор губернатор. Мы, подданные его императорского величества, не можем пренебрегать своей обязанностью, — приводил доводы Вальдивия.

— Сомневаюсь, что вам удастся найти людей, готовых сопровождать вас, дон Педро.

— Среди испанцев никогда не было недостатка в настоящих мужчинах, готовых на подвиги и умеющих воевать, ваше сиятельство. Когда будет объявлено об экспедиции в Чили, людей, готовых к опасностям, найдется вдоволь.

Как только вопрос с финансированием экспедиции был решен, то есть стало ясно, что все расходы берет на себя Вальдивия, губернатор дал согласие на поход, хотя и с видимым неудовольствием, и тут же забрал

обратно богатые серебряные рудники и земли, которые совсем недавно пожаловал своему доблестному генералу. Но Вальдивии это было не важно. Безбедную жизнь Марине в Испании он уже обеспечил, а собственное богатство его не интересовало. В его распоряжении было девять тысяч песо золотом и все необходимые для экспедиции документы.

— Не хватает еще одного разрешения, — напомнила я.

— Какого?

— Для меня. Иначе я не смогу поехать с тобой.

Педро расписал маркизу, слегка преувеличивая, мой огромный опыт врачевания болезней и ран, а также безупречное владение швейным и кулинарным делом, незаменимые в подобном путешествии, но снова увяз в болоте придворных интриг и противоречий. Я так настаивала на получении разрешения, что Педро добился для меня личной аудиенции с Писарро. Я не хотела, чтобы Вальдивия сопровождал меня на эту встречу: некоторые вещи женщинам лучше удаются в одиночку.

Я явилась во дворец в указанное время, но мне пришлось прождать несколько часов в зале, полной таких же просителей, как и я. Зала эта изобиловала украшениями и была щедро освещена свечами в серебряных подсвечниках. Тот день был серее других, и сквозь огромные окна проникало совсем мало естественного света. Узнав, что я пришла с рекомендацией от Педро де Вальдивии, лакеи предложили мне стул, в то время как прочие просители должны были ожидать стоя. Некоторые уже целыми месяцами ежедневно приходили сюда, и у них на лицах был будто пепельный налет смирения. Я ждала спокойно, не обращая внимания на гневные взгляды некоторых людей, которые, без сомнения, знали о моей связи с Вальдивией и наверняка спрашивали себя, как это какая-то швея, да еще вне брака сожительствующая с мужчиной, смела просить аудиенции губернатора.

Около полудня в залу вошел секретарь и объявил, что настала моя очередь. Я проследовала за ним в величественные покои, отделанные с излишней роскошью — драпировки, гербы, знамена, золото и серебро, — шокирующей обладателей строгого испанского характера, особенно нас, уроженцев Эстремадуры. Губернатора охраняли стражники в шлемах с плюмажами; больше дюжины писцов, секретарей, законников, ученых и монахов корпели над книгами и документами, которые сам Писарро не мог прочесть, а несколько слуг-индейцев, в ливреях, но босые, подносили вино, фрукты и сладости, приготовленные монашками. Франсиско Писарро сидел на возвышении в бархатном кресле с серебряными подлокотниками. Он оказал мне честь, вспомнив мою скромную персону и сказав, что не забыл

о нашей прошлой встрече. Я для такого случая специально сшила себе черное вдове платье и надела мантилью и току, скрывавшую волосы.

Но сомневаюсь, что пронырливый маркиз обманулся моей внешностью: он прекрасно знал, почему Вальдивия хотел взять меня с собой.

— Чем могу служить вам, сударыня? — обратился он ко мне скрипучим голосом.

— Я сама желаю послужить вам и Испании, ваше сиятельство, — отвечала я с выражением смирения, которого вовсе не чувствовала, и развернула перед Писарро пожелтевшую карту Диего де Альмагро, которую Вальдивия всегда носил на груди. Я показала губернатору путь через пустыню, по которому должна будет пройти экспедиция, и сообщила, что от матери я унаследовала дар находить подземные источники.

Франсиско Писарро с недоверием уставился на меня, думая, что я разыгрываю его. Наверное, он никогда не слышал ни о чем подобном, хотя это довольно распространенная способность.

— Вы утверждаете, что можете найти воду в пустыне, сударыня?

— Да, ваше сиятельство.

— Но ведь речь идет о самой безводной пустыне в мире!

— Судя по рассказам некоторых солдат, участвовавших в прошлой экспедиции, там растет трава и кустарники, ваше сиятельство. Это означает, что вода там есть, хотя, вероятно, и на большой глубине. А если она есть, то я смогу отыскать ее.

В этот момент в зале аудиенций все замерло. Все присутствовавшие, даже слуги-индейцы, слушали наш разговор, раскрыв рот.

— Позвольте мне доказать правдивость моих слов, сеньор губернатор. Я могу отправиться со свидетелями в самое засушливое место, которое вы мне укажете. Мне нужна лишь ветка дерева, и я докажу, что способна отыскивать воду.

— В этом нет необходимости, сударыня. Я вам верю, — произнес Писарро после долгого молчания.

Затем он распорядился, чтобы мне выдали необходимое разрешение, и, помимо этого, подарил мне роскошный походный шатер, в знак дружбы, «чтобы облегчить тяготы пути», — как он выразился. Я не пошла за секретарем, который хотел проводить меня к двери, а встала около одного из писцов и стала ждать, когда будет готов мой документ, потому что иначе это могло занять несколько месяцев. Через полчаса Писарро поставил на разрешение свою печать и, натянуто улыбаясь, протянул его мне. Теперь мне не хватало только разрешения от церкви.

Мы с Педро вернулись в Куско и стали готовиться к экспедиции, что было непростой задачей. Помимо больших затрат, проблема была в том, что очень мало солдат изъявило желание присоединиться к нам. Все рассуждения насчет того, что «людей, готовых к опасностям, найдется вдоволь», о чем говорил Вальдивия столько раз, оказались большим преувеличением. Те, кто несколько лет назад участвовал в походе Диего де Альмагро в Чили, по возвращении рассказывали ужасы об этой земле, называли ее «могилой для испанцев» и уверяли, что она очень бедна и не сможет прокормить и тридцати землевладельцев. «Чилийские оборванцы» вернулись ни с чем и жили подаянием, а это несомненно доказывало, что земля Чили богата только неприятностями.

Этого было достаточно, чтобы отпугнуть даже самых храбрых людей, но Вальдивия бывал очень красноречив, когда убеждал, что стоит только преодолеть тяготы пути, как мы достигнем плодородной и благодатной земли, которая просто излучает довольство и процветание. «А золото?» — спрашивали его люди. И он их уверял, что золото там тоже есть, нужно только чуть-чуть поискать. Те немногие добровольцы, которых удалось набрать, оказались такими малообеспеченными, что Педро приходилось давать им в долг деньги на оружие и лошадей. Альмагро со своими соратниками поступал точно так же, прекрасно понимая, что вряд ли когда-нибудь сможет вернуть свои вложения. Девять тысяч песо оказались совершенно недостаточной суммой, чтобы приобрести все необходимое. Тогда Вальдивия занял денег у одного беспринципного торговца, который согласился помочь в обмен на пятьдесят процентов того, что принесет завоевание.

Мне еще нужно было получить разрешение церкви на путешествие, и я пошла исповедоваться к епископу Куско, постаравшись заранее умаслить его вышитыми скатертями для ризницы. Имея на руках документ, подписанный Писарро, я не особенно волновалась, но ведь предугадать поведение священников, а тем более епископа, невозможно. На исповеди у меня не было другого выхода, как выложить всю правду о своих любовных похождениях.

— Супружеская неверность — смертный грех, — напомнил мне епископ.

— Я вдова, ваше преосвященство. Я признаю, что виновна в прелюбодеянии, что, конечно, страшный грех, но не в супружеской неверности, грехе еще более страшном.

— Но как я могу отпустить вам грехи, дочь моя, если в вас нет ни

раскаяния, ни твердого намерения более не грешить?

— Так же, как вы отпускаете грехи всем другим испанцам в Перу, ваше преосвященство. Ведь иначе они все должны были бы отправиться прямоком в ад.

Он отпустил мне грехи и дал разрешение на поездку. Взамен я пообещала, что построю в Чили церковь, посвященную Деве Заступнице. Правда, он предпочел, чтобы я посвятила церковь Богоматери Всемиловитой, что, в общем-то, то же самое, хоть имя и другое, так что перечить епископу я не стала.

Между тем Педро занимался вербовкой солдат, поиском необходимого количества индейцев-помощников — янакон, покупкой оружия, снаряжения, палаток и лошадей. Я взяла на себя заботы о менее важных вещах, на которые великим мужам не стоит отвлекаться: о провизии, земледельческих орудиях, кухонной утвари, ламах, коровах, мулах, свиньях, курах, семенах, одеялах, тканях, шерсти и многом другом. Траты были большие, и мне пришлось пустить на это дело все скопленные мною деньги и продать драгоценности, которые я все равно не носила. Я берегла их на случай чрезвычайных обстоятельств и решила, что более чрезвычайные обстоятельства, чем завоевание Чили, вряд ли бывают. Кроме того, должна признаться, мне никогда не нравились украшения, особенно такие роскошные, как те, что дарил мне Педро. Когда я их надевала — а было это всего пару раз, — мне казалось, что я вижу перед собой свою мать, которая, нахмутив брови, напоминает мне, что не следует привлекать к себе внимание и возбуждать зависть. Врач-немец вручил мне ящичек, в котором были ножи, щипцы, другие хирургические инструменты и лекарства: ртуть, свинцовые белила, каломель, порошок ялапы, винный камень, сатурнова соль, базиликон, сурьма, драконова кровь, ляпис, армянская глина, экстракт катеху и эфир. Каталина, взглянув на эти склянки, презрительно пожала плечами. Она брала с собой запасы местных лекарственных трав, которые по дороге пополнились чилийскими целебными растениями. Кроме того, она настояла на том, чтобы мы взяли с собой корыто для мытья: ничто не раздражало ее так, как зловоние, исходящее от виракочей. К тому же она была убеждена, что практически все болезни происходят от грязи.

Сборы шли полным ходом, когда в дверь моего дома постучал мужчина зрелого возраста с простоватым, почти детским лицом, который представился как дон Бенито. Это был один из людей Альмагро, закаленный годами военной жизни, единственный, кто возвратился из похода влюбленным в Чили. Он не осмеливался говорить об этом открыто,

боясь, как бы его не сочли безумцем. Одет он был в лохмотья, как и другие «чилийцы», но сохранял достоинство военного и пришел не для того, чтобы просить денег в долг или ставить какие-то условия, а чтобы стать членом нашей экспедиции и предложить свою помощь. Он был согласен с Вальдивией в том, что в Чили можно построить справедливое и здоровое общество.

— Эта земля простирается на тысячу лиг с севера на юг, с запада ее омывает море, а на востоке высятся такие величественные горы, каких в Испании не видывали, сударыня, — сказал он мне.

Дон Бенито рассказал нам все подробности злополучной экспедиции Диего де Альмагро. По его словам, аделантадо позволял своим людям совершать жестокости, недостойные христиан. Они вели из Куско тысячи индейцев, закованных в цепи и привязанных друг к другу веревками за шею, чтобы не сбежали. Тем, кто умирал, просто отрезали голову, чтобы не развязывать всю вереницу рабов и не задерживать движение отряда, который и так медленно тащился по горам. Когда испанцам начинало не хватать индейцев для услужения, они, как стая демонов, обрушивались на беззащитные деревни, заковывали мужчин в цепи, насиловали женщин, убивали или бросали на произвол судьбы детей и, забрав все съестное и домашних животных, сжигали дома и посевы. Они нагружали индейцев больше, чем человек в состоянии вынести, заставляли носить на плечах новорожденных жеребят, а также носилки и гамаки, в которых ехали сами, чтобы не утомлять лошадей. В пустыне многие виракочи привязывали к своим лошадям недавно родивших индианок, чтобы пить их молоко за неимением другой жидкости, а младенцев просто бросали на раскаленный песок. Падавших от усталости индейцев негры забивали до смерти кнутами, а голод среди этих несчастных был такой страшный, что они ели трупы умерших товарищей. Быть жестоким и убивать как можно больше индейцев считалось среди испанцев добродетелью, иное поведение — трусостью. Вальдивия был опечален известием о таких гнусностях, которых он сам наверняка смог бы избежать, но он понимал, что таковы ужасные издержки войны, в чем убедился во время осады и разграбления Рима. Это море боли и крови — крови, пролитой по дороге, крови жертв, крови, низводящей притеснителей до уровня зверей.

Дон Бенито знал все сложности пути, потому что испытал их на себе. Он поведал нам о переходе через Атакаму, пустыню, по которой они шли, возвращаясь в Перу. Мы решили идти в Чили этой дорогой, в направлении, обратном направлению движения отряда Альмагро.

— Мы должны думать не только о солдатах, сеньора. Нужно

заботиться и о состоянии индейцев: им тоже необходима одежда, еда и вода. Без них нам далеко не уйти, — напомнил дон Бенито.

Я это прекрасно понимала, но снабдить всем необходимым тысячу янакон на имеющиеся деньги было бы под силу только волшебнику.

Среди тех немногих, кто решился идти с нами в Чили, был Хуан Гомес, статный и бравый молодой офицер, племянник покойного Диего де Альмагро. В один прекрасный день он явился ко мне и, теребя в руках бархатную шапочку и страшно стесняясь, поведал о своей связи с инкской принцессой, крещенной под именем Сесилии.

— Донья Инес, мы очень друг друга любим и не можем расстаться. Сесилия хочет ехать в Чили вместе со мной, — сказал он.

— Так пусть едет!

— Полагаю, дон Педро де Вальдивия не разрешит этого, ведь Сесилия беременна, — запинаясь, произнес молодой человек.

Это было серьезное препятствие. Педро совершенно ясно выражался в том смысле, что в такое долгое и трудное путешествие нельзя брать женщин в этом состоянии, что это было бы слишком обременительно. Но, войдя в положение Хуана Гомеса, я почувствовала себя обязанной помочь ему.

— На каком она месяце? — спросила я.

— Примерно на третьем или четвертом.

— Вы хорошо понимаете, какой это будет риск для нее?

— У Сесилии очень крепкое здоровье. Кроме того, у нее будет все необходимые удобства и моя поддержка, донья Инес.

— Избалованная принцесса со свитой будет нам весьма некстати.

— Сесилия не помешает, сеньора. Уверяю вас, ее будет почти не заметно...

— Хорошо, дон Хуан. Не говорите об этом пока никому. Я сама выберу, как и когда сообщить об этом деле генералу Вальдивии. Готовьтесь к путешествию.

В благодарность Хуан Гомес подарил мне черного щенка с жесткой и колючей, как свиная щетина, шерстью, который скоро стал моей тенью. Я назвала его Бальтасаром, потому что на дворе было 6 января, День Поклонения волхвов^[14]. Этот пес стал первым из династии очень похожих собак, его потомков, которые сопровождали меня в течение сорока лет.

Через два дня меня посетила инкская принцесса. Она прибыла в паланкине, который несли четверо мужчин, и в сопровождении четырех служанок, нагруженных подарками. Я никогда раньше вблизи не видела ни

одного члена двора Великого Инки и сразу же заключила, что испанские принцессы побледнели бы от зависти при виде Сесилии. Она была очень молода и красива, с тонкими, почти детскими, чертами лица, невысокого роста и худощавая, но выглядела внушительно, потому что в ней было естественное величие, каким обладают те, кто с младенчества спал в золотой колыбели и привык, что ему прислуживают. Одета она была по моде инкской империи, очень просто и элегантно. Голова у нее была не покрыта, а распущенные волосы походили на черный атласный блестящий плащ и закрывали всю спину до пояса. Она сообщила, что ее семья желает помочь нам со снаряжением янакон при условии, что мы не будем заковывать их в цепи. Альмагро вел индейцев в цепях под предлогом того, что таким образом одним махом убивает двух зайцев не дает индейцам убежать и везет железо. Из-за тяжести этих цепей умерло больше несчастных, чем от суровости климата. Я заверила принцессу, что у Вальдивии и в мыслях не было поступать так, но она напомнила мне, что виракочи обращаются с индейцами хуже, чем со скотом. Могу ли я отвечать за поведение Вальдивии и остальных испанских участников экспедиции? — спросила она. Нет, я не могла отвечать за них, но обещала быть начеку и к слову поблагодарила за сострадание и отзывчивость, ведь, насколько мне было известно, знатные инки редко заботились о своем народе. Она удивленно посмотрела на меня.

— Смерть и наказания — в порядке вещей, а вот цепи — нет. Это унижительно, — объяснила она на хорошем испанском, которому научилась от своего возлюбленного.

Сесилия привлекала внимание своей красотой, нарядами из самых тонких перуанских тканей и манерами члена королевской семьи, которые ни с чем не спутаешь. Но ей удалось затаиться и оставаться практически незаметной первые пятьдесят лиг нашего путешествия, пока я не нашла подходящего момента, чтобы поговорить с Педро. Он поначалу, как и следовало ожидать, вспыхнул от ярости — ведь нарушен был один из его приказов.

— Если бы я была в положении Сесилии, мне пришлось бы остаться дома... — вздохнула я.

— А ты, часом, не в таком положении? — спросил он с надеждой, потому что ему всегда хотелось иметь детей.

— К сожалению, нет, а вот Сесилия — да. И она не единственная. Твои солдаты сношают с индианками каждую ночь, так что у нас уже не меньше дюжины беременных.

Сесилия выдержала переход через пустыню, проделав часть пути

верхом на муле, часть — в гамаке, который несли ее слуги, и ее сын стал первым ребенком, родившимся в Чили. Хуан Гомес отплатил нам безоговорочной преданностью и принес много пользы в последующие месяцы и годы.

Когда все уже было готово к началу похода с горсткой солдат, изъявивших желание присоединиться к нашему предприятию, возникло неожиданное препятствие. Один вельможа, бывший секретарь Писарро, прибыл из Испании с королевским разрешением на завоевание территории к югу от Перу, от Атакамы и до Магелланова пролива. Его звали Санчо де ла Ос, он обладал приятными манерами и источал потоки приветливых слов, но душой был лжив и низок. Он ходил франтом, носил наряды с каскадами кружев и опрыскивался духами. Мужчины сначала посмеивались у него за спиной, но скоро стали копировать его манеры. Этот человек оказался более опасным для экспедиции, чем безжалостность пустыни и ненависть индейцев, вместе взятые.

Де ла Ос не заслужил, чтобы его имя упоминалось в этой хронике, но я не могу не сказать о нем, потому что позже он еще появится на сцене. Если бы ему удалось воплотить свои замыслы, то ни Педро де Вальдивия, ни я не смогли бы исполнить свою судьбу. С его появлением людей, намеревавшихся заняться одним и тем же делом, стало двое. Несколько недель казалось, что наше предприятие невозможно спасти, но после множества споров и задержек губернатор маркиз Франсиско Писарро решил, что оба могут двинуться на завоевание Чили, в статусе компаньонов. По плану Вальдивия должен был идти посуху, а де ла Ос — морским путем, и встретиться в Атакаме. «Ты остерегайся этого Санчо, да, мамитай», — предупредила меня Каталина, когда узнала эту новость. Она его еще ни разу не видела, но гадательные ракушки поведали ей всю подноготную этого человека.

Мы двинулись в путь жарким январским утром 1540 года. Чтобы проститься с Вальдивией, из Сьюдад-де-лос-Рейес в сопровождении нескольких офицеров приехал Франсиско Писарро. В подарок он привез нескольких скакунов — это был его единственный вклад в экспедицию. В колокола начали звонить еще на рассвете, и звон этот всполошил птиц в небе и зверей на земле. Епископ отслужил мессу — мы все на ней присутствовали — и обратил к нам речь о вере и обязанности христианина нести крест в самые отдаленные уголки Земли; потом он вышел на площадь, где с тюками и животными стояла тысяча янакон, и благословил их. Каждая группа индейцев получала приказы от своего начальника, кураки, который, в свою очередь, подчинялся темнокожим надсмотрщикам,

а уже те — бородатым испанцам-виракочам. Не думаю, что индейцы оценили епископское благословение, но, быть может, почувствовали, что сияющее солнце в то утро было добрым предзнаменованием. Большинство из них были молодые мужчины, не считая нескольких самоотверженных женщин, которые решились следовать за мужьями, даже понимая, что им не придется больше увидеть своих детей, оставшихся в Куско. Конечно, с нами ехали и наложницы солдат, число которых по пути росло за счет пленных девушек из разграбленных деревень.

Дон Бенито объяснил мне разницу между первой и второй экспедициями. Альмагро стоял во главе отряда из пятисот солдат в сияющих латах, с яркими знаменами и значками, поющих во весь голос; с ним шли несколько церковников с огромными крестами, многие тысячи янакон, нагруженных снаряжением, целые табуны лошадей и других животных, и все это двигалось вперед под звуки труб и литавр. В сравнении с этим великолепием наша экспедиция могла показаться несколько комичной: помимо Педро де Вальдивии и меня — ведь при необходимости я тоже была готова взяться за шпагу, — наш отряд состоял всего из одиннадцати солдат.

— Не важно, что нас мало, сеньора. Мы восполним недостаток численности отвагой и силой духа. С Божьей помощью, к нам по дороге присоединятся еще храбрецы, — заверил меня дон Бенито.

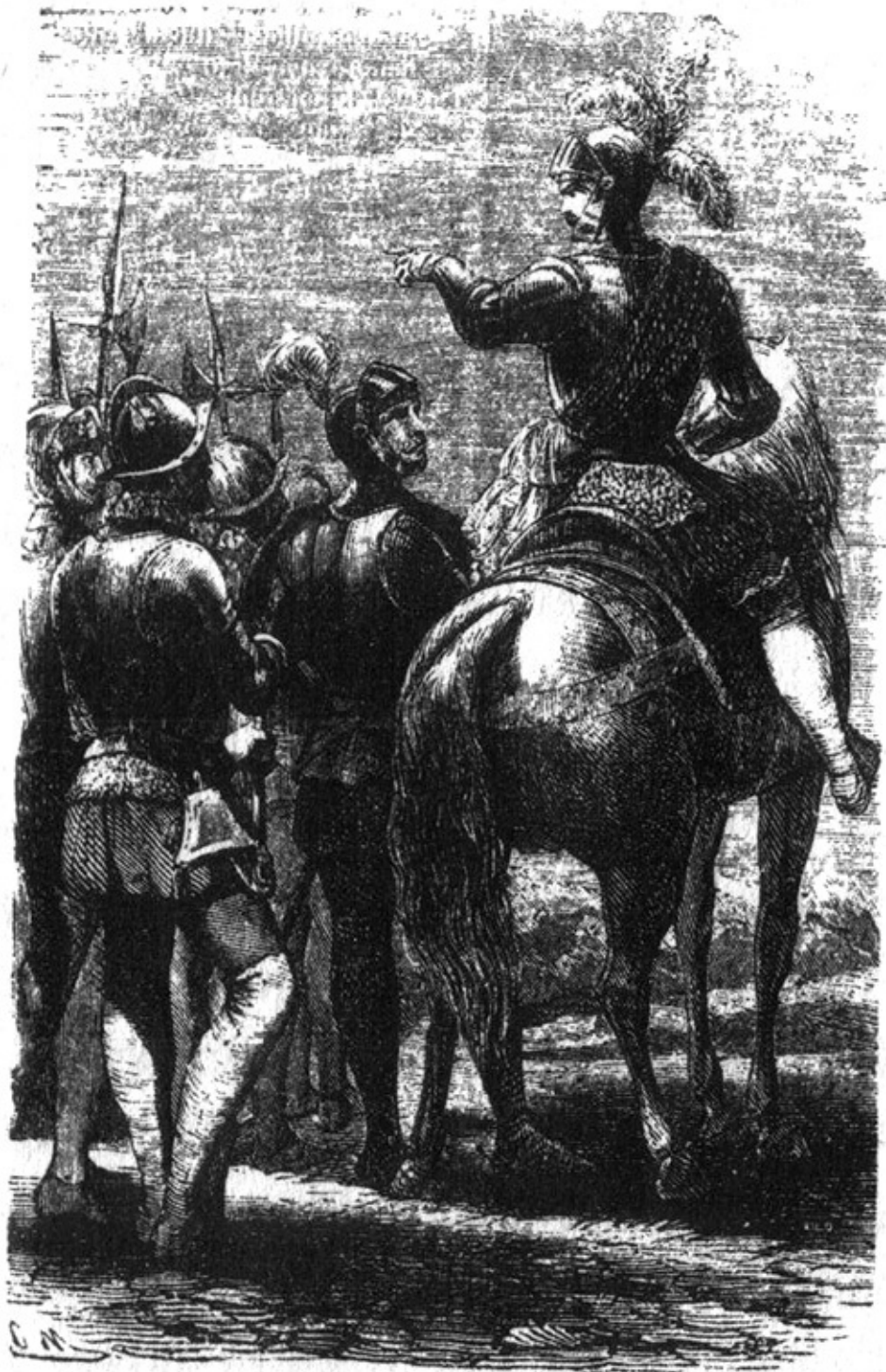
Педро де Вальдивия скакал впереди, за ним ехали Хуан Гомес, назначенный альгвасилом^[15], дон Бенито и другие солдаты. Педро в сияющих доспехах, шлеме с плюмажем, с великолепным оружием в руках, верхом на Султане, прекрасном арабском скакуне, выглядел потрясающе. За ними ехали мы с Каталиной, тоже верхом. Я поместила на луку седла фигуру Девы Заступницы, а Каталина везла на руках щенка Бальтасара: мы хотели, чтобы он привык к запаху индейцев и из него вышел сторож, а не убийца. Сесилия ехала в сопровождении свиты служанок, которые старались не выделяться на фоне солдатских наложниц. Затем нескончаемой вереницей шли животные и носильщики. Многие из этих несчастных людей плакали, потому что не по своей воле отправлялись в путь и навсегда прощались со своими семьями. Темнокожие надсмотрщики разъезжали вдоль длинной змеи шедших друг за другом индейцев, которые жестокости этих свирепых негров боялись пуще жестокости виракочей. Вальдивия распорядился, что только он имеет право казнить и назначать суровые наказания, а надсмотрщики должны были ограничиваться лишь кнутом, да и его применять благоразумно. Этот приказ по дороге как-то подзабылся, и скоро, кажется, одна я помнила о нем. В колокольный звон

вплетались прощальные крики, фыркание лошадей, звяканье сбруи, протяжные стоны янакон и глухое шлепанье босых ног по земле.

Куско, увенчанный священной крепостью Саксайуаман под голубым небом, остался позади. Выезжая из города, еще на виду у губернатора, его свиты, епископа и жителей, вышедших провожать нас, Педро ясно и громко позвал меня к себе.

— Сюда, ко мне, донья Инес Суарес! — крикнул он и, когда я обогнала солдат и офицеров и пустила своего коня рядом с его скакуном, добавил тихо: — Мы едем в Чили, Инес души моей...

Глава третья
Дорогая в Чили
1540–1541

Наша отважная экспедиция отправилась в Чили через пустыню — той дорогой, которой Диего де Альмагро возвращался из тех земель, как следовало из вычерченной на хрупком листе бумаги карты, которую аделантадо отдал Вальдивии. Наш отряд из нескольких солдат и тысячи

янакон медленно, как гусеница, полз по горам вверх и вниз, пересекал долины и реки, постоянно держась южного направления. Известие же о нашем приближении шло гораздо быстрее, и чилийские племена встречали нас во всеоружии. Инки передавали послания с помощью быстроногих гонцов — *часки*, которые бежали тайными горными тропами от одного почтового поста к другому. Такая система охватывала всю империю с самого севера до реки Био-Био в Чили. Поэтому чилийские индейцы узнали о нашей экспедиции, как только мы вышли из Куско, и, когда мы спустя несколько месяцев добрались до их территорий, они были готовы дать нам отпор.

Они знали, что в Перу уже давно заправляют виракочи, что Инка Атауальпа был казнен и вместо него на престол сел его брат, Инка Пауллу, марионетка в руках виракочей. Этот правитель отдал свой народ в услужение чужестранцам и жил в золотой клетке своего дворца, окруженный сладострастными и жестокими удовольствиями. Также чилийцы знали, что в Перу тайно готовится обширное индейское восстание под руководством другого члена королевской семьи, находящегося в бегах инки Манко, который поклялся изгнать захватчиков. Кроме того, они слышали, что виракочи свирепы, предприимчивы, напористы, ненасытны и, что самое неслыханное, — не держат данное слово. Как они еще не умерли со стыда — загадка.

Чилийские индейцы на своем языке, *мапудунгу*, звали нас *утками* — это слово означает «лжецы» или «крадущие землю». Мне пришлось выучить этот язык, потому что на нем говорят во всем Чили, с самого севера до самого юга. Мапуче восполняют отсутствие письменности нерушимой памятью: история сотворения мира, законы, традиции и подвиги героев отражены в сказаниях на *мапудунгу*, которые передаются из поколения в поколение в неизменном виде от начала времен. Некоторые из них я переводила молодому Алонсо де Эрсилья-и-Суньиге — я о нем уже упоминала раньше, — чтобы он проникся духом мапуче, сочиняя «Араукану». Кажется, эта поэма была опубликована и теперь известна мадридскому двору, но у меня есть только исчерканные наброски стихов, которые остались после того, как я помогла Алонсо переписать их начисто. Если мне не изменяет память, он описывает Чили и мапуче, или арауканцев, как он их называет, такими строками:

Плодородие чилийское известно,
Край обилен, крепок и силен,
Мощью и величьем славен повсеместно,

Будто бы Всевышним избран он.
И народ живет тут всем на зависть:
Благороден, горд и в войнах закален,
Чужаку не даст собою править
И царям от века не был подчинен.

Алонсо, конечно, немного преувеличивает, но поэтам это простительно, потому что иначе стихи не будут иметь должной силы. Край этот не так славен «мощью и величием», а его народ не так «благороден», как он пишет, но с тем, что народ этот «горд и в войнах закален» и «от века не был подчинен» ни своим правителям, ни чужестранцам, — не поспоришь.

Мапуче презирают боль и могут выносить страшные пытки без единого стога. Но это не оттого, что они менее чувствительны к страданиям, чем мы, а оттого, что они храбрее. Нет лучших воинов, чем они, потому что лишиться жизни на поле брани для них — высшая честь. Им никогда не удастся победить нас, но и нам не удастся покорить их: они, скорее, все до единого умрут в этой борьбе.

Наверное, война с индейцами будет идти еще веками, ведь благодаря ей испанцы приобретают себе в услужение все новых и новых рабов. «Рабы» — вот точное слово. В рабстве оказываются не только те, кто был захвачен в плен в ходе войны, но и те индейцы, которых испанцы ловят лассо и продают по две сотни песо за беременную женщину и сотне — за взрослого мужчину или здорового ребенка. Незаконная торговля этими людьми происходит не только в Чили, она распространена даже в Сьюдад-де-лос-Рейес, и в нее вовлечены все, от землевладельцев и надсмотрщиков на золотых приисках до капитанов кораблей. Так мы скоро истребим всех уроженцев этих земель — этого опасался Вальдивия, — потому что они предпочитают смерть жизни в рабстве. Если бы кто-нибудь из нас, испанцев, оказался перед подобным выбором, он бы тоже не сомневался ни минуты. Вальдивию возмущала глупость тех, кто истязает индейцев непосильным трудом, опустошая таким образом Новый Свет. Без индейцев, говорил Педро, эта земля ничего не стоит. Он умер, так и не увидев конца бойни, которая продолжалась сорок лет. Сюда приезжают все новые испанцы, здесь рождается все больше метисов, но мапуче исчезают, истребляемые войной, рабством и испанскими болезнями, которым их организмы не в силах сопротивляться.

Я опасаясь мапуче, помня о тех превратностях, которые нам

пришлось пережить по их милости; я не могу смириться с тем, что они отвергли Слово Божие и яростно сопротивляются попыткам просвещать их; я никогда не прощу им ту жестокость, с которой они убили Педро де Вальдивию, хотя они лишь отплатили ему его же монетой, ведь он совершил множество жестокостей и зверств по отношению к ним. Поднявший меч от меча и погибнет, как говорят в Испании. Но не скрою: я уважаю мапуче и восхищаюсь ими. Испанцы и мапуче — враги, достойные друг друга: и те и другие храбры, жестоки и полны решимости жить в Чили. Мапуче появились здесь раньше нас, и это дает им большее право на эти земли. Изгнать нас отсюда они никогда не смогут, но и мирно сосуществовать у нас, видимо, никогда не получится.

Откуда мапуче появились здесь? Говорят, они похожи на некоторые народы Азии. Но если их корни там, я не понимаю, как им удалось переправиться через такие бурные океаны и преодолеть такие огромные расстояния по суше, чтобы попасть в эти края. Они дикари. Они не знают ни искусства, ни письменности; не строят ни городов, ни храмов; у них нет разделения на касты и классы, нет даже жрецов, а есть только временные военачальники — *токи*. Они переселяются из края в край, свободные и нагие, вместе со множеством жен и детей, которые сражаются бок о бок с мужьями и отцами. В отличие от других индейцев Америки, они не приносят человеческих жертв и не поклоняются идолам. Они верят в одного бога, но это не наш Бог, а другой — они называют его Нгенечен.

Пока мы стояли лагерем в Тарапака, где Педро де Вальдивия планировал подождать, пока не прибудет подкрепление, и отдохнуть от пережитых тягот, чилийские индейцы подготовили все возможное, чтобы сделать наш дальнейший переход как можно труднее. Они редко попадались нам на глаза, но постоянно грабили нас и нападали с тыла. Поэтому я все время занималась лечением раненых, в основном янакон — они ведь сражались без коней и доспехов. Их называли пушечным мясом. Летописцы обычно забывают упомянуть о них, но без этих молчаливых масс дружественных индейцев, которые сопровождали испанцев в рискованных путешествиях и войнах, завоевание Нового Света было бы невозможно.

По дороге из Куско в Тарапака к нам присоединилось двадцать с чем-то солдат-испанцев, и Педро был уверен, что, как только пройдет слух, что наша экспедиция уже началась, люди подтянутся еще. Но были у нас и потери: мы лишились пяти человек — очень существенное количество, если учесть, как мало нас было. Один солдат был тяжело ранен

отравленной стрелой, и, так как я не могла его вылечить, Педро отправил его обратно в Куско в сопровождении его брата, еще двух солдат и нескольких янакон. Несколькими днями позже наш маэстре-де-кампо^[16] проснулся в большой радости, потому что во сне ему явилась супруга, ждавшая его в Испании, и острая боль, которая пронзала ему грудь целую неделю, отступила. Я дала ему чашку поджаренной муки, разведенной водой и медом, и он съел это месиво с таким видом, будто я подала ему какое-то изысканное яство. «Донья Инес, сегодня вы красивы как никогда», — сказал он со своей обычной галантностью, но в тот же миг глаза у него остекленели, и он замертво повалился к моим ногам. Мы похоронили его по христианскому обычаю, и я посоветовала Педро, чтобы он на должность маэстре-де-кампо назначил дона Бенито, потому что старик знал дорогу, а сверх того, был опытен в разбиении лагерей и поддержании дисциплины.

Так у нас стало несколькими солдатами меньше, но понемногу к нам стали подтягиваться новые люди — тени в лохмотьях, неприкаянно бродившие по полям и горам, — бывшие альмагристы, потерпевшие поражение и не нашедшие друзей в империи Писарро. Они годами жили подаянием и, отправляясь в поход в Чили, ничем не рисковали.

В Тарапака мы стояли лагерем несколько недель, чтобы дать время индейцам и животным набрать вес перед переходом через пустыню. Этот переход, по словам дона Бенито, был самой тяжелой частью пути. Он рассказал, что в одной части пустыни всегда страшная жара, а в другой, которую называют Мертвой пустошью, — еще хуже.

Тем временем Педро де Вальдивия проделывал внушительные расстояния верхом, вглядываясь в горизонт в надежде отыскать новых добровольцев. К нам должен был присоединиться Санчо де ла Ос, шедший морским путем с обещанным подкреплением и снаряжением, но время шло, а от нашего доблестного компаньона не было ни слуху ни духу.

Пока я давала распоряжения ткать пледы и заготовливать вяленое мясо, зерно и другую непортящуюся провизию, дон Бенито заставлял негров от восхода до заката работать в кузнице, чтобы снабдить нас пулями, подковами и наконечниками для копий. Кроме того, он отправлял группы солдат на поиски припасов, которые индейцы, прежде чем покинуть свои деревни, закопали в землю.

Дон Бенито выбрал для лагеря самое удобное и защищенное место, где была тень, вода и холмы, на которых можно было ставить дозорных. Единственным приличным шатром в лагере был тот, что подарил мне Писарро. Шатер этот был из навощенной парусины, которая держалась на

крепком деревянном каркасе, просторный, с двумя комнатами, и в нем было удобно, как в настоящем доме. Солдаты устраивались, как могли, в заплатанных палатках, которые едва защищали от капризов погоды. У некоторых и этого не было, и они спали прямо на земле рядом со своими лошадьми. Индейцы стояли отдельным лагерем, который охранялся день и ночь, чтобы не допустить побегов. По вечерам там мерцали сотни костерков, на которых янаконы готовили еду, и ветер доносил до нас заунывные звуки их флейт, нагонявшие тоску и на людей, и на животных.

Наш лагерь находился вблизи двух брошенных деревень, где, несмотря на тщательные поиски, ничего съестного мы не нашли. Зато там мы познакомились с индейским обычаем мирно жить в одном доме вместе со своими умершими предками: живые в одной части хижины, мертвые — в другой. В каждом жилище была комната с мумиями; все они были тщательно спеленатые, потемневшие и пахли мхом. Там были старики, женщины, дети, каждый с какими-нибудь личными вещами, но без украшений. В Перу, наоборот, находили могилы, полные драгоценностей, даже со статуэтками из чистого золота. «В Чили даже мертвецы нищие! Тут нет ни крупицы золота!» — ругались солдаты. В отместку за разочарование они связали мумии веревками и, прицепив их к лошадям, носились галопом, волоча мертвецов по земле, пока обвивавшая их ткань не размоталась и от них не осталась лишь россыпь костей.

Солдаты долго хохотали над своим веселым подвигом, а лагерь янакон замер от ужаса. После захода солнца среди них прошел слух, что оскверненные кости стали собираться обратно в скелеты и еще до рассвета на нас обрушится войско загробного мира. Эти рассказы в ужасе подхватили негры, и в конце концов они дошли и до испанцев. Тогда эти непобедимые вандалы, которым даже слово «страх» неизвестно, захныкали, как грудные младенцы. К полуночи зубы у наших храбрых воинов стучали так громко, что Педро де Вальдивии пришлось обратиться к воякам с речью и напомнить им, что они солдаты Испании, самые выносливые и прекрасно обученные в мире, а не толпа невежественных прачек. Я несколько ночей не спала, неустанно молясь, потому что вокруг действительно бродили скелеты, и если кто будет говорить, что это неправда, так его там не было.

Солдаты были очень недовольны, потому что не понимали, какого черта мы неделями стоим в этом проклятом месте и почему, как было задумано, не продолжаем двигаться в направлении Чили или не вернемся в Куско, что было бы самым благоразумным. Когда Вальдивия уже почти потерял надежду на прибытие подкрепления, вдруг явился отряд в

восемьдесят человек, среди которых было несколько прославленных капитанов. Я не была с ними лично знакома, но Педро рассказывал о них, потому что это были действительно знаменитые люди, такие как Франсиско де Вильягра и Алонсо де Монрой. Первый из них был светловолос, румян, крепко сложен, резок манерами и на его губах постоянно играла презрительная усмешка. Он всегда казался мне неприятным человеком, потому что очень плохо обращался с индейцами, был скуп и презирал бедных, но я научилась уважать его за храбрость и верность. Монрой, уроженец Саламанки, происходивший из знатной семьи, был полной противоположностью Вильягре: изящный, худощавый и щедрый. С ним мы сразу подружились. Вместе с ними приехал Херонимо де Альдерете, бывший товарищ по оружию Вальдивии, тот самый, который когда-то соблазнил Педро отправиться в Новый Свет. Присоединиться к Вальдивии уговорил их Вильягра. «Лучше служить его величеству, чем бесцельно скитаться по землям, где заправляет демон», — говорил он товарищам, имея в виду Писарро, которого презирал всей душой.

С ними приехал еще капеллан-андалусец, человек лет пятидесяти. Это был Гонсалес де Мармолехо, который позже стал моим наставником, — я уже о нем упоминала. Он всю свою долгую жизнь выказывал незлобивость души, но все же, я думаю, ему лучше было бы сделаться солдатом, а не монахом, потому что он слишком любил рискованные предприятия, богатство и женщин.

Эти люди провели несколько месяцев в ужасных джунглях на востоке Перу, где обитает племя чунчо. В их отряде поначалу было три сотни человек, но две трети людей погибло, а те, кто выжил, превратились в измученных голодом и тропическими лихорадками призраков. Из двух тысяч индейцев выжил только один. Среди тех, кто сложил там голову, был и злополучный лейтенант Нуньес, которого Вальдивия послал гнить в джунглях Чунчо, как и обещал, после того как тот попытался похитить меня в Куско. Никто не мог точно сказать мне, что с ним приключилось: он просто растворился в чаще, не оставив по себе ни следа. Надеюсь, он умер христианской смертью, а не окончил свои дни в желудках каннибалов.

Лишения, которые прежде переносили Педро де Вальдивия и Херонимо де Альдерете в джунглях Венесуэлы, были детскими забавами по сравнению с тем, что пережили эти люди в джунглях Чунчо: они страдали от горячих проливных дождей, туч москитов, болезней и голода, увязали в болотах, пытались спастись от дикарей, которые, если им не удавалось поймать христианина, пожирали даже друг друга.

Прежде чем продолжать рассказ, нужно отдельно представить того,

кто стоял во главе этого отряда. Это был высокий и очень красивый мужчина, с широким лбом, орлиным носом, большими и влажными, как у лошади, карими глазами. У него были тяжелые веки и устремленный вдаль взгляд, слегка сонный, но смягчавший его лицо. Все это я смогла оценить на второй день, когда он отмыл грязевую коросту и подстриг шевелюру, усы и бороду, которые придавали ему вид человека, потерпевшего кораблекрушение. Хотя он был моложе других прославленных воинов в их отряде, они избрали его предводителем, отдав должное его храбрости и уму. Звали его Родриго де Кирога. Девять лет спустя он стал моим мужем.

Я приложила все усилия, чтобы те, кто выжил в джунглях Чунчо, восстановили силы и здоровье как можно быстрее. В этом мне помогала Каталина и несколько других индианок из моей прислуги, которых я научила врачеванию. Как сказал дон Бенито, эти несчастные только что выбрались из сырого и заросшего растительностью ада джунглей, чтобы тут же отправиться в засушливый и голый ад пустыни. Только на то, чтобы отмыть их, обработать нарывы, выбрать вшей, подрезать волосы и ногти, ушло несколько дней. Некоторые из них были так слабы, что индианкам приходилось кормить их с ложечки жидкой кашей, как маленьких детей. Каталина нашептала мне на ухо, что на такие крайние случаи есть одно инкское снадобье, и мы дали его самым нуждающимся, не объясняя, из чего оно состоит, чтобы не вызвать у пациентов отвращения. По ночам Каталина тайком пускала кровь ламам, делая надрез им на шее. Мы смешивали эту свежую кровь с молоком и небольшим количеством мочи и давали пить больным. Так они быстро выздоровели и уже через две недели были в состоянии отправиться в путь.

Янаконы приготовились к предстоящим страданиям. Они не знали этих краев, но слышали о пустыне ужасные вещи. У каждого на шее висел мех с водой. Эти мехи они делали из кожи ноги ламы, гуанако или альпаки: сдирали кожу целиком и выворачивали ее наизнанку, как чулок, так чтобы шерсть оказалась внутри. Другие использовали мочевого пузырь или кожу морского льва. Индейцы бросали в воду несколько жареных зерен маиса, чтобы они впитали неприятный запах. Дон Бенито устроил приспособления для перевозки большого количества воды: были сделаны большие бочки и мехи на манер индейских. Мы предполагали, что этого все равно будет недостаточно для такого количества ртов, но еще больше нагружать людей и лам было невозможно. Вдобавок местные индейцы не только спрятали все съестное, но и отравили колодцы, как признался под пыткой посланец инки Манко.

Однажды дон Бенито обнаружил, что среди наших янакон затесался чужак, и испросил у Вальдивии позволения допросить его. Негры жгли его на медленном огне. Мне совесть и нервы не позволяют присутствовать при пытках и казнях, поэтому я постаралась убраться как можно дальше, но страшные вопли несчастного, к которым присоединялись голоса янакон, стонавших от страха, слышались на лигу в окружности. Под пыткой он признался, что прибыл из Перу с инструкциями для жителей Чили о том, как действовать, чтобы помешать продвижению виракочей. Поэтому индейцы закапывали съестные припасы, жгли посевы и уходили в горы вместе со всеми животными, которых удавалось взять с собой. Он добавил, что он не единственный гонец, что на юг по тайным тропам отправились сотни посланцев с теми же сообщениями от инки Манко. После того как несчастный рассказал все это, его перестали жечь и казнили для устрашения янакон.

Я выговорила Вальдивии за то, что он позволил совершить такую жестокость, но он с негодованием заставил меня замолчать. «Дон Бенито знает, что делает. Я тебя еще до начала экспедиции предупреждал, что это предприятие не для неженков. Но теперь отступать поздно», — сказал он в ответ.

Как долог и труден был путь через пустыню! Как медленно и тяжело продвигались мы вперед! В бесконечном безводье дни тянулись за днями, один не отличимый от другого. Пейзаж не менялся: бесплодная пустошь, растрескавшаяся земля и голые камни, запах горячей пыли и выжженные солнцем колючки, пылающе-красные краски, зажженные рукой Господа. По словам дона Бенито, этот цвет земле давали залежи минералов, ни один из которых, правда, по дьявольской шутке не был ни золотом, ни серебром. Мы с Педро, чтобы не утомлять животных, часами шли пешком, ведя коней под уздцы. Говорили мы мало, потому что горло пылало, а губы пересыхали. Но мы были рядом, и каждый шаг объединял нас сильнее, каждый шаг внутрь континента приближал нас к мечте, которую оба лелеяли, которая стоила стольких жертв и имя которой было Чили.

Я защищалась от солнца широкополой шляпой, куском ткани с прорезями для глаз на лице и тряпками, которые наматывала на руки, потому что перчаток у меня не было, а кожа трескалась от жары. Солдаты не могли нести в руках раскаленное оружие и волочили его за собой. Длинная вереница индейцев ползла вперед медленно, в тишине, а усталые негры шли с поникшими головами, почти не глядя на янакон и не щелкая кнутами. Для носильщиков этот путь был в тысячу раз тяжелее, чем для нас: им было не в новинку таскать тяжести и мало есть, взбираться на горы

и спускаться с них, подбадривая себя лишь таинственной энергией листьев коки, но жажды они вынести не могли. Отчаяние наше росло тем сильнее, чем дольше мы не могли отыскать ни одного чистого колодца. Те колодцы, что встречались нам на пути, были по милости чилийских индейцев отравлены трупами животных. Некоторые янаконы пили эту отравленную воду и в страшных муках умирали.

Когда нам казалось, что силы наши окончательно иссякли, цвет гор и почвы изменился. Воздух замер, небо сделалось белым, и все живое исчезло — от чертополоха до одиноких птиц, которые прежде иногда встречались. Мы вошли в Мертвую пустошь, которой так боялись. Мы начинали движение, едва брезжил первый свет, потому что позже под палящим солнцем невозможно было идти. И хотя каждый шаг давался с огромным трудом, Педро рассудил, что чем быстрее мы пройдем пустыню, тем меньше людей потеряем. В самые жаркие часы мы отдыхали, растянувшись на волнах раскаленного песка, под солнцем из расплавленного свинца, в мертвой стране. Снова отправлялись в путь мы около пяти вечера и шли до тех пор, пока не темнело и из-за непроглядной тьмы идти становилось невозможно. Пейзаж вокруг был суров и беспощаден. У нас не было сил ставить палатки и вставать лагерем всего на несколько часов. Мы не боялись, что здесь на нас нападут враги: в этих местах не только никто не жил, но и соваться сюда не отваживался. Ночью температура резко падала, и на смену невыносимой дневной жаре приходил ледяной холод. Каждый падал на землю там, где был, дрожа и стуча зубами, не обращая никакого внимания на распоряжения дона Бенито, который единственный настаивал на соблюдении дисциплины. Мы с Педро ложились в обнимку между нашими конями и пытались согреть друг друга. Мы очень уставали. Сил заниматься любовью в долгие недели, которые длился этот переход, у нас не было. Воздержание дало нам возможность как следует узнать все слабости друг друга и взрастить нежность, которая прежде задыхалась в пылу страсти. Самое удивительное в этом человеке было то, что он ни на минуту не сомневался в своем предназначении — населить Чили испанцами и обратить индейцев в веру Христову. Он никогда, как другие, не боялся, что мы умрем на раскаленном песке пустыни; его воля ни разу не дрогнула.

Несмотря на строгую экономию, введенную доном Бенито, в один не очень прекрасный день вода закончилась. К тому времени мы уже сильно страдали от жажды: глотки у нас кровоточили, языки распухли, губы покрылись язвами. То и дело нам чудился шум водопада и виделись озера с кристально чистой водой, окруженные папоротниками. Капитанам силой

приходилось удерживать людей, чтобы они не тратили последние силы на погоню за миражом. Некоторые солдаты пили конскую и собственную мочу, которой было всего-то несколько капель темного цвета; другие, обезумев, бросались на янакон, чтобы отобрать у них мехи с последними глотками воды. Если бы Вальдивия не приказал за малейшие проступки строжайше наказывать, думаю, они стали бы убивать янакон и высасывать из них кровь.

В ту ночь в ярком лунном свете мне снова явился Хуан де Малага. Я указала на него Педро, но он не мог видеть Хуана и решил, что я брежу. Мой муж выглядел очень плохо, лохмотья его одежды были все в запекшейся крови и звездной пыли, а на лице застыло выражение отчаяния, как будто бы и его несчастные кости тоже страдали от жажды.

На следующий день, когда мы уже думали, что нам нет спасения, странная ящерица пробежала у моих ног. Уже много дней мы не видели никаких форм жизни, кроме нашей собственной, тут не было даже чертополоха, который в другой части пустыни рос в изобилии. Может быть, это проскользнула саламандра — ящерица, живущая в огне. Я решила, что, каким бы дьявольским ни был этот гад, время от времени и ему нужен глоток воды. «Настал наш черед, душенька моя», — тогда сказала я Деве Заступнице. Я достала веточку, которую везла в своем багаже, и принялась молиться. Было около полудня, и все люди и животные, мучимые жаждой, отдыхали. Я позвала Каталину, и мы вместе медленно пошли по песку, закрываясь от солнца зонтиком: я — молясь Деве Марии, а она — шепча заклинания на кечуа. Так мы бродили довольно долго, может быть, целый час, делая круги все шире, охватывая все большую площадь. Дон Бенито решил, что я от жажды тронулась рассудком, и, так как сам он совсем обессилел, попросил Родриго де Кирого, человека более молодого и сильного, пойти и вернуть меня.

— Ради бога, сеньора! — взмолился молодой офицер, собрав скудные остатки голоса. — Идите отдохните. Мы натянем тент, и вы посидите в тени...

— Капитан, идите и скажите дону Бенито, чтобы он прислал мне сюда людей с кирками и лопатами, — прервала я его.

— С кирками и лопатами? — повторил Кирого в крайнем изумлении.

— И скажите ему, пожалуйста, что мне нужны еще кувшины и несколько вооруженных солдат.

Родриго де Кирого вернулся в дону Бенито с известием, что я куда более плоха, чем они думали, но Вальдивия, услышав его слова, обрадовался и приказал главе отряда предоставить мне то, что я просила.

Скоро шесть индейцев явились и начали рыть яму. Индейцы переносят жажду хуже, чем мы, поэтому они едва шевелили лопатами и кирками, но земля там была мягкая, и им удалось выкопать яму в полтора аршина глубиной. На дне ее песок был темный. Вдруг один из индейцев испустил хриплый крик, и мы увидели, что в углублении начала собираться вода: сначала появилась легкая испарина, как будто земля потела, но через две или три минуты набралась уже небольшая лужица. Педро, который не отходил от меня ни на шаг, приказал, чтобы солдаты защищали эту ямку ценой своей жизни, боясь, и не без основания, свирепого нападения тысячи обезумевших людей, готовых умереть за каплю воды. Я заверила его, что воды хватит на всех, если только мы будем соблюдать порядок.

Так и случилось. Дон Бенито провел остаток дня, раздавая по чашке воды на душу, а потом Родриго де Кирога с несколькими солдатами всю ночь поили животных и наполняли бочки и мехи индейцев. Вода была ключом; она была мутная и имела металлический привкус, но нам она казалась такой же свежей, как в фонтанах Севильи. Люди решили, что произошло чудо, и назвали этот ключ Источником Девы, в честь Девы Заступницы. Мы поставили лагерь и оставались в том месте три дня, утоляя жажду, а когда снова отправились в путь, по раскаленной поверхности пустыни все еще тек тоненький ручеек.

— Это не Богородица явила нам чудо, а ты, Инес, — сказал мне Педро. Он был очень впечатлен. — Благодаря тебе мы выберемся из этого ада живыми и невредимыми.

— Педро, я могу найти воду только там, где она есть. Я не могу заставить ее появиться. Не знаю, найдутся ли источники впереди, но в любом случае они вряд ли будут такими обильными.

Вальдивия приказал, чтобы я ехала впереди на расстоянии половины дневного перехода и прощупывала почву в поисках воды. Меня сопровождал отряд солдат, сорок янакон и двадцать лам, груженных кувшинами. Остальные шли за мной группами, с разницей в несколько часов, чтобы не было давки у колодца, если мы найдем еще воду. Дон Бенито назначил главой сопровождавшего меня отряда Родриго де Кирогу: этот молодой капитан очень быстро заслужил его полное доверие. Кроме того, он обладал самым острым зрением; его большие карие глаза видели даже то, чего не существовало. Если бы на горизонте пустыни появилась какая-нибудь опасность, он бы заметил ее первым. Но никаких опасностей не было.

Я нашла еще несколько источников воды. Все они были не такие обильные, как первый, но их хватало, чтобы пережить переход через

Мертвую пустошь. И в один прекрасный день цвет почвы снова изменился и над нами стали пролетать птицы.

К концу перехода через пустыню с момента отправления из Куско прошло, по моим подсчетам, почти пять месяцев. Вальдивия решил встать лагерем и подождать, потому что получил известие, что его близкий друг, Франсиско де Агирре, мог присоединиться к нашей экспедиции в этих краях. Враждебно настроенные индейцы следили за нами издали, не приближаясь. В очередной раз мне представился случай расположиться в роскошном шатре, подаренном Писарро. Я покрыла пол перуанскими покрывалами и подушками, извлекла из тюков фаянсовую посуду, чтобы больше не есть из деревянных мисок, и приказала сложить глиняную печь, чтобы можно было готовить как следует, а то в прошедшие месяцы мы питались исключительно злаками и вяленым мясом. В большой комнате шатра, которую Вальдивия использовал как штаб и залу для аудиенций и суда, я поставила кресло и несколько табуретов для посетителей.

Каталина целыми днями ходила по лагерю, неприметная, как тень, собирая для меня последние новости. Я знала обо всем, что происходит и у испанцев, и у янакон. Часто к нам приходили ужинать капитаны и с неприятным удивлением обнаруживали, что Вальдивия приглашает меня садиться за стол вместе с ними. Возможно, никто из них никогда в жизни не ел за одним столом с женщиной, ведь в Испании так не делается. Но здесь нравы более свободные. Комнату мы освещали свечами и масляными лампами, а для обогрева использовали большие перуанские жаровни, потому что по ночам было холодно. Как-то Гонсалес де Мармолехо, который был не только священником, но и ученым, попытался объяснить нам, почему тут времена года не совпадают с испанскими, почему когда в Испании зима, в Чили — лето, и наоборот, но никто его объяснений не понял, и мы остались в уверенности, что в Новом Свете законы природы действуют шиворот-навыворот.

В другой комнате шатра стояла наша с Педро кровать, письменный стол, мой алтарь, тюки и корыто для купания, которое долгое время оставалось без дела. Педро стал меньше опасаться отрицательных эффектов мытья и время от времени соглашался залезть в корыто и быть намыленным, но все-таки определенно предпочитал не мыться полностью, а обтираться смоченным полотенцем.

Это были прекрасные дни, когда мы снова стали той влюбленной парочкой, какой были в Куско. Ночью, перед тем как заняться любовью, Педро нравилось читать мне вслух свои любимые книги. Он не знал, что

капеллан Гонсалес де Мармолехо учил меня грамоте: я хранила это в тайне, желая сделать Педро сюрприз.

Пару дней спустя Педро вместе с несколькими солдатами отправился объезжать округу в поисках Франсиско де Агирре и чтобы выяснить, нет ли возможности вступить в переговоры с индейцами. Я воспользовалась его отсутствием, чтобы принять ванну и помыть волосы квиллайей — корой одного чилийского дерева, которая убивает вшей и от которой волосы становятся как шелк и не седеют до самой смерти. Правда, на меня это средство не очень действует, потому что я много лет пользовалась им, а волосы у меня сейчас белые как снег. Что ж, по крайней мере, я не облысела наполовину, как многие в моем возрасте.

От долгой ходьбы и езды верхом у меня болела спина, и одна из моих индианок растерла меня бальзамом из криптокарии, который приготовила Каталина. Боль сразу же унялась, и я с облегчением легла в кровать, а Бальтасар улегся у моих ног. Ему тогда было десять месяцев, и он все еще был очень игрив, но уже достиг приличных размеров и ясно проявлял повадки охранника. Наконец-то бессонница отступила, и я быстро заснула.

Уже за полночь меня разбудило глухое ворчание Бальтасара. Я села на кровати, одной рукой пытаюсь нащупать в темноте платок, чтобы накинуть на плечи, а другой — держа пса. Тут я услышала приглушенный шум в другой комнате и поняла, что там кто-то есть. Сначала я подумала, что это вернулся Педро, потому что караульные у входа больше никого не пустили бы, но поведение собаки заставило меня насторожиться. Времени зажигать лампу не было.

— Кто там? — встревоженно закричала я.

Последовала напряженная пауза, а затем кто-то в темноте стал звать Педро де Вальдивию.

— Его здесь нет. Кто его ищет? — спросила я, начиная сердиться.

— Простите, сеньора. Это Санчо де ла Ос, его верный слуга. Я очень долго добирался сюда и хотел сразу же поприветствовать его.

— Санчо де ла Ос?! Да как вы смеете, сударь, входить в мой шатер посреди ночи? — возмущенно воскликнула я.

К тому времени Бальтасар уже бешено лаял, и это привлекло внимание стражников. В считанные минуты сбежались дон Бенито, Кирога, Хуан Гомес и другие капитаны с факелами и шпагами наголо и обнаружили в моей комнате не только дерзкого Санчо де ла Оса, но и еще четверых молодчиков, которые его сопровождали. Первым порывом наших людей было тут же арестовать наглецов, но я убедила их, что это было всего лишь недоразумение. Я попросила капитанов уйти и приказала Каталине собрать

вновь прибывшим что-нибудь поесть, а сама стала спешно одеваться. Я лично налила вина де ла Осу и его спутникам, с должным гостеприимством подала ужин и внимательно выслушала рассказ о перенесенных ими тяготах пути.

Улучив момент, я вышла сказать дону Бенито, чтобы он немедленно послал гонца на поиски Педро. Ситуация сложилась очень непростая, потому что у де ла Оса были сторонники среди недовольных и слабых людей в нашем отряде. Некоторые солдаты обвиняли Вальдивию в том, что он незаконно присвоил себе миссию завоевания Чили, отняв пальму первенства у посланника короны, — ведь королевские грамоты, которыми располагал Санчо де ла Ос, имели большую силу, чем разрешение, полученное от Писарро. Однако у де ла Оса не было никакой финансовой поддержки: он разбазарил в Испании состояние, доставшееся ему в качестве доли выкупа за Атауальпу. Он не смог найти денег ни на корабль, ни на солдат для своего предприятия, а его слово значило так мало, что в Перу он за долги и мошенничество даже сидел в тюрьме. Я подозревала, что он хочет отделаться от Вальдивии, встать во главе его экспедиции и продолжать завоевание Чили в одиночку.

Я решила, пока не вернется Педро, обращаться с этими пятью незваными гостями как можно предупредительнее, чтобы они прониклись доверием ко мне и стали менее осмотрительными. Для начала я накормила их до отвала и подсыпала в кувшин с вином такое количество снотворного мака, которое могло бы свалить быка, потому что мне очень не хотелось скандала в лагере. Последнее, чего можно было пожелать, — это чтобы экспедиция раскололась надвое, как могло бы произойти, если бы де ла Ос поставил под сомнение законность предводительства Вальдивии. Эти пятеро нехристей, наверное, за спиной у меня смеялись над моей любезностью, довольные, что обманули своими рассказами глупую женщину. Но меньше чем через час они были так пьяны и сонны, что совершенно не сопротивлялись, когда дон Бенито со стражниками пришли и унесли их. Их обыскали и обнаружили у каждого по кинжалу с серебряной рукоятью. Кинжалы были совершенно одинаковые, так что не оставалось никаких сомнений, что мы раскрыли несколько театральный заговор с целью убить Вальдивию. Идея об одинаковых кинжалах могла прийти в голову только трусу де ла Осу, который таким образом пытался ответственность за преступление разделить на пять частей. Наши капитаны хотели было сразу казнить всех пятерых, но я напомнила им, что столь важное решение может быть принято только Вальдивией. Мне пришлось пустить в ход всю свою сметку и твердость, чтобы не позволить дону

Бенито повесить де ла Оса на ближайшем дереве.

Педро возвратился через три дня. Он уже знал о заговоре, но эта новость не особенно его тронула, потому что он отыскал своего друга Франсиско де Агирре, который уже не одну неделю ожидал его. Вальдивия привез с собой полтора десятка конников, десять аркебузирова, множество янакон и провизию, которой хватило бы на несколько дней. С этим пополнением численность нашего войска выросла до ста тридцати с чем-то солдат, если мне не изменяет память. И это было большее чудо, чем Источник Девы.

Прежде чем обсуждать с капитанами, как поступить с Санчо де ла Осом, Педро уединился в комнате со мной, чтобы услышать мою версию событий.

Про меня вечно ходили слухи, будто я приворожила Педро колдовскими заклятьями и любовными зельями, что я дурманю его в постели турецкими извращениями, высасываю из него мужество, отнимаю волю и по большому счету верчу им как хочу. Это совершенно не так. Педро был очень упрям и знал, чего хочет; никто не смог бы свернуть его с пути ни околдовав, ни совратив прелестями кокотки: он слушал только доводы разума. Он был не таким человеком, чтобы открыто просить совета, тем более у женщины, но, оставаясь со мной наедине, он замолкал и ходил по комнате, пока я не начинала излагать свое мнение. Я старалась высказывать его не слишком четко, чтобы в конце концов ему казалось, что принятое решение полностью принадлежит ему. Эта тактика меня никогда не подводила. Мне представлялось, что не стоит казнить Санчо де ла Оса — чего он, несомненно, заслуживал, — потому что он был защищен королевскими грамотами и имел многочисленную родню со связями в мадридском дворе, которая могла обвинить Вальдивию в бунте. Я считала своим долгом не допустить, чтобы мой возлюбленный закончил свои дни на дыбе или на виселице.

— А как еще поступать с таким предателем? — сквозь зубы пробурчал Педро, прохаживаясь по комнате, как бойцовый петух.

— Ты всегда говорил, что врагов следует держать поближе к себе, чтобы следить за ними...

Вместо того чтобы сразу казнить заговорщиков, Педро де Вальдивия решил повременить с этим, чтобы сначала выяснить настроения солдат, собрать достаточно доказательств заговора и выявить тайных сообщников среди наших людей. Ко всеобщему удивлению, он приказал дону Бенито сниматься с лагеря и продолжать движение на юг, а пленников везти с собой в ножных кандалах. Они были ни живы ни мертвы от страха, все,

кроме дурака Санчо де ла Оса, который возомнил себя выше правосудия и, несмотря на кандалы, продолжал пытаться вербовать сторонников своего дела и любителей франтовства. Он потребовал себе в темницу индианку, чтобы она накрахмалила ему воротники, погладила панталоны, подрезала ногти, причесала волосы и опрыскала их духами.

Услышав новость о продолжении похода, солдаты взроптали: им не хотелось покидать это место, ведь здесь была прохлада, свежая вода и росли деревья. Дон Бенито раздраженно напомнил им, что решения командира не обсуждаются. Худо ли, но Вальдивия довел их досюда практически без неприятностей; переход через пустыню можно считать успехом, потому что мы потеряли всего трех солдат, шесть лошадей, одну собаку и тринадцать лам. Сколько янакон умерло, никто не считал, но, по словам Каталины, должно быть, человек тридцать или сорок.

Познакомившись с Франсиско де Агирре, я сразу же прониклась доверием к нему, несмотря на его пугающую внешность. Только со временем я стала бояться его жестокости. Это был настоящий великан: кряжистый, шумный, всегда готовый расхохотаться. Он пил и ел за троих и, как мне рассказывал Педро, был способен обрюхатить десять индианок за одну ночь, а за следующую — еще десять.

С тех пор прошло много лет, и теперь Агирре — беззлобный и добродушный старик, сохранивший светлый ум и здоровье, несмотря на то что провел годы в смрадных застенках инквизиции и короля. Он безбедно живет за счет тех земель, что уступил ему мой покойный муж. Было бы трудно отыскать двух более не похожих друг на друга людей, чем мой Родриго, отзывчивый и благородный, и необузданный Франсиско де Агирре, но они любили друг друга по-солдатски на войне и по-дружески в мире. Родриго не мог допустить, чтобы товарищ, с которым он вместе пережил столько невзгод, окончил жизнь в нищете из-за неблагодарности короны и церкви, поэтому и помогал ему, как мог, до конца собственной жизни. Агирре, у которого все тело покрыто шрамами от полученных в битвах ран, проводит свои последние дни, наблюдая за тем, как зреет маис на его земле, рядом с женой, которая приехала из Испании из любви к супругу, и в окружении детей и внуков. В восемьдесят лет его дух не сломлен, и он продолжает грезить приключениями и петь озорные песенки своей молодости.

Кроме пятерых законных детей, он породил больше сотни признанных бастардов и, должно быть, еще несколько сот никому не известных отпрысков — их никто не считал. Он полагал, что лучший способ служить его величеству на этом континенте — населять его метисами. Он даже

говорил, что самое действенное решение проблем с индейцами — убить всех мужчин и подростков старше двенадцати лет, забрать всех детей в услужение и спокойно и методично сношаться с женщинами. Педро думал, что его друг говорил это в шутку, но я-то знаю, что это было совершенно всерьез. При этом, несмотря на неумемное сладострастие, Франсиско всю жизнь любил только свою кузину, на которой женился, получив разрешение от папы римского, о чем, кажется, я уже рассказывала. Будь терпелива, Исабель: в семьдесят лет я стала склонна к повторениям.

Через несколько дней пути мы достигли долины Копиапо, где начиналась территория, выделенная для управления Педро де Вальдивии. Крик радости вырвался из груди испанцев: тяжелый путь был окончен. Вальдивия собрал всех участников экспедиции, подозвал к себе своих капитанов и меня, торжественно установил флаг Испании и вступил во владение территорией. Он назвал эту землю Новой Эстремадурой, потому что из Эстремадуры были родом и он, и Писарро, и большая часть дворян в нашей экспедиции, и я. Тут же капеллан Гонсалес де Мармолехо соорудил алтарь с распятием, золотой дароносицей — никакого другого золота, кроме этого, мы не видели многие месяцы — и маленькой фигуркой Девы Марии Заступницы, которая была признана нашей покровительницей, после того как помогла найти воду в пустыне. Капеллан отслужил проникновенную мессу, вознес благодарность Господу. Мы причастились, и души наши исполнились радостью.

Долина была населена смешанными народами, находящимися под властью империи инков. Но они жили так далеко от Перу, что инкское влияние было необременительно. Их старейшины встретили нас скромными дарами — съестными припасами и длинными приветственными речами, которые нам перевели толмачи. Но было видно, что наше присутствие их беспокоит.

Дома у них были из соломы и глины, более крепкие и лучше устроенные, чем хижины, которые встречались нам раньше. У этих племен тоже был обычай жить рядом со своими умершими предками, но на этот раз солдаты побереглись осквернять мумии. Мы обнаружили несколько недавно покинутых деревень, принадлежавших враждебно настроенным индейцам, которые объединились под предводительством касика Мичималонко.

Дон Бенито выбрал для лагеря хорошо защищенное место, опасаясь, что индейцы окажутся более воинственными, когда поймут, что мы не собираемся возвращаться в Перу, как шесть лет назад поступила

экспедиция Альмагро. Хотя нам нужна была провизия, Вальдивия запретил грабить обитаемые деревни и причинять какой-либо вред их жителям, полагая, что таким образом мы сможем привлечь их на свою сторону. Дон Бенито схватил еще нескольких посланников, которые на допросе повторили то, что мы уже знали: Инка приказал населению бежать в горы, предварительно спрятав или уничтожив все съестные припасы, что и выполнило большинство местных индейцев. Дон Бенито заключил, что чилийцы — так он называл всех жителей Чили, не разделяя их на племена, — наверняка спрятали свои запасы в песке, где легче было копать. Он послал всех солдат, кроме тех, кто стоял в дозоре, ходить по окрестностям, пробуя землю шпагами и копьями, пока не обнаружат клады. Таким образом мы заполучили маис, картофель, фасоль и даже несколько тыкв с забродившей чичей. Эти тыквы я забрала себе: чича хорошо помогала раненым переносить адскую боль прижигания ран.

Как только лагерь был готов, дон Бенито приказал поставить виселицу, и Педро де Вальдивия объявил, что на следующий день будет судить Санчо де ла Оса и других заговорщиков. Капитаны, в верности которых не было сомнений, собрались в нашем шатре и сели вокруг стола на табуретах, а Вальдивия расположился в кресле. Ко всеобщему изумлению, он позвал меня и, когда я пришла, указал мне на стул рядом с собой. Я села, немного смущенная недоверчивыми взглядами капитанов, которые никогда не видели, чтобы женщина принимала участие в военном совете. «Она спасла нас от смерти в пустыне и раскрыла заговор предателей. Ей, как никому, пристало участвовать в этом собрании», — сказал Вальдивия. Перечить ему никто не осмелился. Хуан Гомес — он очень нервничал, потому что в это самое время Сесилия мучилась родами, — положил на стол пять одинаковых кинжалов, рассказал то, что ему было известно о покушении, и назвал имена солдат, чья верность была сомнительна, особенно отметив некоего Руиса, который обеспечил заговорщикам доступ в лагерь и отвлек внимание караульных, стоявших у нашего шатра. Капитаны долго спорили о том, насколько опасны могут быть последствия казни де ла Оса, и в конце концов возобладало мнение Родриго де Кироги, совпадавшее с моим. Я старалась не открывать рта, чтобы меня не обвиняли в том, что я мужик в юбке и Вальдивия у меня под каблуком. Я следила за тем, чтобы капитанам вовремя наполняли бокалы, а слушать стала, только когда заговорил Кирога, и поддержала его кивком головы. Вальдивия уже принял решение, но ждал, когда то же самое предложит кто-нибудь другой, чтобы никому не показалось, что он спасовал перед Санчо де ла Осом и его королевскими грамотами.

Как и было объявлено, суд состоялся на следующий день в палатке обвиняемых. Вальдивия был единственным судьей, ему помогал Родриго де Кирога и еще один офицер, исполнявший роль секретаря и нотариуса. На этот раз я не присутствовала, но мне ничего не стоило узнать все подробности этого события. Вокруг палатки была выставлена вооруженная стража, чтобы не подпускать любопытных. Внутри стоял стол, за которым сидели три капитана, а по сторонам от них стояли чернокожие рабы, поднаторевшие в деле пыток и казней. Секретарь открыл свои книги и приготовил перо и чернила, а Родриго де Кирога разложил на столе пять кинжалов. Слуги принесли одну из моих перуанских жаровен, наполненную раскаленными докрасна углями, не столько для обогрева палатки, сколько для устрашения обвиняемых, прекрасно знавших, что пытки являются неотъемлемой частью всякого подобного суда. Пытку огнем применяют больше к индейцам, чем к испанским дворянам, но никто точно не знал, что намеревался делать Вальдивия. Заговорщики, стоя в кандалах перед столом, больше часа слушали, в чем их обвиняют. Им стало ясно, что «узурпатору», как они называли Вальдивию, их план был известен до мельчайших подробностей, вплоть до полного списка сторонников Санчо де ла Оса в экспедиции. Прибавить к этому было нечего. После длинной речи Вальдивии установилась тягостная тишина, только секретарь заканчивал делать записи в свою книгу.

— Вам есть что сказать? — спросил наконец Родриго де Кирога.

Тогда Санчо де ла Ос, с которого всю спесь как рукой сняло, упал на колени и заголосил, что он признает все, в чем его обвиняют, кроме того что он имел намерение убить Вальдивию, которого все пятеро уважают и которому готовы служить, не щадя живота своего. Эти кинжалы — пустяк, достаточно взглянуть на них, чтобы понять, что это не серьезное оружие. Вальдивия заставил его замолчать. Последовало новое невыносимое молчание. Наконец судья поднялся и зачитал приговор, который мне показался исключительно несправедливым. Но с Педро я его обсуждать не стала, потому что решила, что у него были причины поступить так, как он поступил.

Троих заговорщиков приговорили к ссылке: они должны были отправиться обратно в Перу пешком через пустыню с горсткой индейцев и одной ламой. Еще один был отпущен на свободу без всякого объяснения. Санчо де ла Ос подписал документ о том, что прекращает сотрудничество с Вальдивией — это был первый документ в Чили, — и был оставлен под стражей и в кандалах. Никакого приговора ему пока не вынесли: он был обречен и дальше гореть в аду неизвестности. Но самым странным было

то, что Вальдивия приказал в тот же вечер казнить Руиса — солдата, который, конечно, помогал заговорщикам, но даже не был среди тех пятерых, которые вошли в наш шатер с одинаковыми кинжалами.

За неграми, которые должны были повесить этого сообщника де ла Оса, а затем четвертовать, лично следил дон Бенито. Голова Руиса и четыре части тела, разрубленного топором, были выставлены на мясницких крюках в разных концах лагеря, чтобы служить напоминанием колеблющимся, как сурово карается неверность Вальдивии. На третий день запах гниющей плоти стал так нестерпим, а тучи мух над ней так велики, что останки несчастного пришлось сжечь.

Роды у Сесилии, инкской принцессы, были долгими и трудными, потому что ребенок в ее чреве находился в неправильном положении. Повитухи говорят, что если младенец выживет в таких родах, то всю жизнь будет счастливым. Каталина помогла вытолкнуть ребенка наружу — на свет появилось существо фиолетового цвета, но здоровое и голосистое. То, что первый метис, рожденный в Чили, вышел из утробы матери как будто стоя, было добрым предзнаменованием.

Пока капитаны решали судьбу заговорщиков, Каталина поджидала Хуана Гомеса у входа в наш шатер. Этот мощный мужчина, перенесший во время нашего тяжкого пути больше, чем все остальные наши храбрецы, потому что во время перехода через пустыню отдавал свою порцию воды жене, шел пешком, уступив ей своего коня, после того как ее мул издох, и грудью защищал ее во время нападений индейцев, — расплакался, когда Каталина дала ему в руки сына.

— Я назову его Педро, в честь нашего губернатора, — объявил Гомес, подавляя всхлипы.

Такое решение одобрили все, кроме Педро де Вальдивии.

— Я не губернатор, а лишь исполняю его обязанности, представляя власть маркиза Писарро и его величества императора, — сухо напомнил он.

— Мы уже вступили на ту территорию, которая вам была определена для завоевания, сеньор генерал-капитан, и эта долина очень хороша. Почему бы нам не основать здесь город? — предложил Гомес.

— Прекрасная идея. А маленький Педро Гомес станет первым ребенком, крещенным в этом городе, — поддержал его Херонимо де Альдерете, который еще не полностью оправился от подхваченной в джунглях лихорадки и вовсе не был рад перспективе продолжать путь.

Но я знала, что Педро хочет продолжать идти на юг, так далеко на юг, как только можно, чтобы быть на максимальном удалении от Перу. Он

мечтал основать свой первый город там, куда не дотянутся длинные руки губернатора, инквизиции, писак и подхалимов, как он называл в частных разговорах мелочных королевских чиновников, которые умудрялись докучать и в Новом Свете.

— Нет, господа. Мы будем двигаться дальше на юг, пока не достигнем долины реки Мапочо. Там, по уверениям дона Бенито, который был в тех местах во время экспедиции аделантадо Диего де Альмагро, идеальное место для основания нашей колонии.

— И сколько лиг осталось пройти дотуда? — с беспокойством спросил Альдерете.

— Много. Но меньше, чем мы уже прошли, — ответил дон Бенито.

Сесилию мы отпаивали отваром листьев баугинии, пока из нее полностью не вышел задержавшийся в чреве родовой послед, а потом остановили ей кровотечение настойкой корня кирказона — чилийским средством, о котором Каталина узнала незадолго до того и которое тут же дало результат. В то время как наши солдаты бились с чилийцами в постоянных стычках, Каталина спокойно выходила из лагеря, встречалась с чилийскими женщинами и обменивалась с ними рецептами лекарственных снадобий. Не знаю, как ей удавалось проскальзывать незамеченной мимо дозорных и находить подход к врагу, не опасаясь, что ей раскроют череп ударом топора.

Плохо было вот что: от применения большого количества лекарственных растений у Сесилии пропало молоко, и маленького Педро Гомеса пришлось вскармливать молоком ламы. Если бы он родился несколькими месяцами позже, то ему можно было бы приискать не одну кормилицу, ведь беременных индианок было много. С молоком ламы он впитал кротость, что впоследствии сильно усложнило ему жизнь, потому что ему выпало жить и воевать в Чили, а это не место для мужчин со слишком нежной душой.

А сейчас я должна рассказать об одном происшествии, которое ни для кого, кроме одного бедного юноши по имени Эскобар, не имело большого значения, но важно для понимания характера Педро де Вальдивии. Мой возлюбленный был человеком щедрым, служил прекрасным идеям, жил, следуя католическим принципам, и обладал огромной храбростью, поэтому им нельзя не восхищаться. Но были у него и недостатки, а некоторые из них — очень серьезные. Худшим была, без сомнения, чрезмерная жажда славы, которая в конце концов стоила жизни ему и многим другим людям. Но мне было тяжелее всего переносить его ревность. Он знал, что я не

способна обманывать его, потому что это противно моей природе и потому что я его слишком люблю, но почему же тогда он сомневался во мне? Может быть, он просто сомневался в себе самом.

У солдат было столько индианок, сколько им хотелось, — одних они принуждали силой, другие были сговорчивы, — но наверняка им не хватало тех любовных глупостей, что шепчут на ухо по-испански. Люди всегда жаждут того, чего у них нет. Я была единственная испанка в экспедиции, любовница предводителя, всегда на виду, рядом, но недоступна и потому особенно желанна. Я тысячу раз спрашивала себя, не ответственна ли я за действия Себастьяна Ромеро, лейтенанта Нуньеса и этого юноши, Эскобара. Я не вижу за собой никакой вины, кроме той, что я — женщина, хотя это, кажется, уже серьезное преступление. Нас, женщин, обвиняют в похотливости мужчин, но разве грех не ложится на тех, кто его совершает? Почему я должна расплачиваться за пороки других?

В дорогу я отправилась, одетая так, как одевалась в Пласенсии: на мне были нижние юбки, корсет, рубашка, верхние юбки, тока, остроносые башмаки, — но очень скоро пришлось уступить обстоятельствам. Нельзя проскакать на коне тысячу лиг, сидя боком, по-женски, и не разбить себе спину, поэтому мне пришлось сесть в седло по-мужски. Я достала себе мужские штаны и сапоги, сняла корсет с китовым усом — кто только придумал это пыточное орудие? — а потом отказалась и от токи — она слишком тянула голову назад — и заплела волосы в косы, как делают индианки. Я никогда не носила одежду с глубоким вырезом и не позволяла себе фамильярностей с солдатами. Во время стычек с индейцами я надевала шлем, легкую кожаную кирасу и поножи, которые Педро приказал изготовить специально для меня, — без всего этого я погибла бы от индейских стрел в самом начале пути. Если это одеяние загло желание в Эскобаре и других участниках экспедиции, то я не понимаю, как устроен мозг у мужчин. Франсиско де Агирре не раз говорил, что самцы думают только о еде, блюде и убийствах, — это была одна из его любимых фраз. Впрочем, если речь идет о людях, то это не совсем так: люди думают еще и о власти. И я не согласна с Агирре, несмотря на все слабости, которые мне довелось обнаружить в мужчинах. Не все они одинаковы.

Наши солдаты много говорили о женщинах, особенно когда нам приходилось стоять лагерем несколько дней подряд и им было нечего делать, кроме как стоять по очереди в карауле и ждать. Они обменивались впечатлениями об индианках, похвалялись своими подвигами — изнасилованиями — и с завистью обсуждали похождения легендарного Агирре. К сожалению, мое имя часто всплывало в их беседах: говорили,

что я — ненасытная самка, что я в седло сажусь по-мужски, чтобы конь распалаял меня, и что под юбкой я ношу штаны. Последнее было правдой: не могла же я сидеть на коне по-мужски, не прикрыв бедра.

Самого юного солдатика в нашей экспедиции, мальчика восемнадцати лет от роду по имени Эскобар, который в Перу приехал юнгой в совсем нежном возрасте, эти сплетни возмущали: он еще не был испорчен жестокостями войны. Обо мне у него сложилось какое-то романтическое представление. Он был в том возрасте, когда влюбляются в любовь. Вбил себе в голову, что я — ангел, которого принуждает к извращениям ненасытный Вальдивия, заставляя, как падшую женщину, ублажать его в постели. Я узнала это от своих служанок-индианок, как узнавала обо всем остальном, что происходило вокруг меня. Для них не было никаких секретов, потому что мужчины, когда разговаривают, не обращают внимания на женщин, так же как не обращают внимания на лошадей или собак. Мужчины думают, что мы не понимаем того, что слышим. Я тайком стала следить за этим юношей и удостоверилась, что он старается быть поближе ко мне. Эскобар находил для этого разные предлоги: то учил трюкам Бальтасара, который постоянно вертелся около меня, то приходил ко мне сменить повязку на раненой руке, то просил, чтобы я показала, как готовить маисовую кашу, потому что обе его индианки якобы ничегошеньки не умели.

Педро де Вальдивия считал Эскобара чуть ли не сосунком и, думаю, не обращал на него никакого внимания до тех пор, пока солдаты не стали шутить над юношей. Поняв, что его интерес ко мне романтического, а не сексуального плана, они не оставляли его в покое, издеваясь над ним и заставляя плакать от унижения. Конечно же, рано или поздно солдатские шуточки должны были дойти до ушей Вальдивии. Тут он начал задавать мне всякие каверзные вопросы, а потом и следить за мной и даже устраивать ловушки. Он посылал Эскобара помогать мне, давая задания, более приличные для служанок, а юноша, вместо того чтобы возмутиться такими приказами и отказаться исполнять их, как поступил бы на его месте любой другой солдат, с радостью бежал исполнять поручения. Часто я встречала Эскобара в своем шатре, потому что Педро специально посылал его за чем-нибудь, зная, что я одна. Наверное, мне сразу нужно было попытаться вразумить Педро, но я не решилась: ревность превращала его в чудовище, и он мог вообразить, что у меня есть скрытые мотивы защищать Эскобара.

Эта дьявольская игра началась еще вскоре после того, как мы вышли из Тарапака. Затем, во время тягостного перехода через пустыню, она

подзабылась — там ни у кого не оставалось сил на глупости, — но в приветливой долине Копиапо началась с новой силой. Эскобар был легко ранен в руку, но хотя мы прижгли рану, она никак не заживала, и мне приходилось обрабатывать ее и часто менять повязки. Я даже начала опасаться, что придется применить радикальные меры, но Каталина обратила мое внимание на то, что рана не смердела и жара у юноши не было. «Просто расчесывает, да, сеньорай, разве не видишь?» — подсказала она мне. Мне не хотелось верить, что Эскобар расковыривает рану специально, чтобы я подольше его лечила, но все же я поняла, что пришло время поговорить с ним.

Это было в вечерних сумерках, когда начинала звучать музыка лагеря: слышались звуки испанских гитар и флейт, печальные голоса индейских кен^[17] и барабаны темнокожих надсмотрщиков. У одного из костров жаркий тенор Франсиско де Агирре пел веселую песенку. В воздухе был разлит чудесный аромат жареного мяса, маиса и печенных на углях лепешек — единственной нашей трапезы за день. Каталина исчезла, как это часто бывало по вечерам, а я сидела в шатре вместе с Эскобаром, которому только что промыла рану, и псом Бальтасаром, который очень привязался к этому юноше.

— Если рана не заживет в скором времени, то, боюсь, придется отрезать вам руку, — огорошила я парнишку.

— Безрукий солдат ни на что не годен, донья Инес, — сказал Эскобар, побледнев от страха.

— Мертвый солдат — тем более.

Я дала ему выпить стакан чичи из опунции, чтобы помочь оправиться от испуга и самой выиграть время, потому что я не знала, как подступиться к нужной теме. Наконец я решила действовать прямо.

— Я вижу ваш интерес ко мне, Эскобар. И, так как это может обернуться плохо для нас обоих, впредь лечить вас будет Каталина.

И тут Эскобар, как будто он только и ждал, чтобы кто-нибудь приоткрыл дверь в его сердце, обрушил на меня водопад признаний вперемешку с романтическими заявлениями и обещаниями любви. Я попыталась напомнить ему, с кем он позволяет себе такие вольности, но он не дал мне договорить. Он обнял меня и крепко прижал к себе, так неудачно, что, отпрянув назад, я споткнулась о Бальтасара и повалилась спиной на пол, а Эскобар упал на меня. Любого другого, кто бы так набросился на меня, пес бы тут же разорвал в клочки, но этого юношу он хорошо знал и решил, что это игра, и, вместо того чтобы броситься на него, стал прыгать вокруг нас, радостно лая. Я сильная и не сомневалась, что

смогу защитить себя, поэтому кричать не стала. От людей, которые были снаружи, нас отделяла лишь навощенная парусина, и я не хотела привлекать лишнего внимания. Раненой рукой прижимая меня к груди, а другой поддерживая под затылок, Эскобар осыпал мне лицо и шею поцелуями, влажными от слез и слюны. Я уже стала молиться Деве Заступнице, готовясь ударить его коленом в пах, но было поздно, потому что в эту минуту в комнату вошел Педро со шпагой в руке. Он все это время следил за нами, скрываясь в другой комнате шатра.

— Не-е-ет! — закричала я в ужасе, увидев, что он собирается проткнуть шпагой несчастного солдата.

Резким рывком мне удалось выбраться из-под Эскобара и накрыть его своим телом. Я старалась защитить юношу и от шпаги Вальдивии, и от пса, который к тому времени вернулся к роли охранника и пытался укусить его.

Не было ни суда, ни объяснений. Педро де Вальдивия просто позвал дона Бенито и приказал ему повесить Эскобара на следующее утро, после мессы, перед всем нашим отрядом. Дон Бенито под руку увел дрожащего юношу и оставил его в одной из палаток под надзором, но без кандалов. Эскобар был совершенно изничтожен, но не страхом смерти, а болью разбитого сердца. Педро ушел в палатку Франсиско де Агирре, где всю ночь играл в карты с другими капитанами, и вернулся только на рассвете. Он не позволил мне поговорить с собой, но, думаю, даже если бы он это и позволил, мне бы ничего изменить не удалось. Он просто обезумел от ревности.

Тем временем капеллан Гонсалес де Мармолехо пытался утешить меня, говоря, что в том, что произошло, моей вины нет, а только вина Эскобара, потому что он возжелал жену ближнего своего, — какой-то вздор в этом духе.

— Надеюсь, вы не будете сидеть сложа руки, падре. Вы должны убедить Педро, что он собирается совершить ужасную несправедливость, — взмолилась я.

— Генерал-капитан должен поддерживать дисциплину среди своих людей, дочь моя, он не может терпеть подобных оскорблений.

— Педро прекрасно терпит, когда его люди насилуют и бьют жен других людей, но не дай Бог, если кто-то хоть пальцем тронет его собственную!

— Он не может взять свои слова обратно. Приказ есть приказ.

— Конечно, он не может взять свои слова обратно! Этот юноша не заслуживает виселицы за свой проступок, и вы это знаете так же хорошо,

как и я. Идите и поговорите с Педро!

— Я поговорю с ним, донья Инес, но предупреждаю вас, что он не изменит своего решения.

— Пригрозите ему отлучением от церкви...

— Подобными угрозами так просто не бросаются! — в ужасе воскликнул священник.

— Да, а Педро вполне может так просто взять на душу убийство человека, правда? — возразила я.

— Донья Инес, смиритесь. Это не в ваших руках, а в руке Божией.

Гонсалес де Мармолехо все-таки отправился разговаривать с Вальдивией. Он завел разговор в присутствии капитанов, которые играли с Педро в карты, с мыслью, что они помогут убедить его простить Эскобара. Но капеллан просчитался: при свидетелях Вальдивия уж точно не мог отступить от своего приказа. К тому же приятели поддержали его: на его месте они бы поступили точно так же.

Тогда я пошла в шатер Хуана Гомеса и Сесилии, как будто чтобы проведать новорожденного. Инкская принцесса была красива как никогда. Она отдыхала, лежа на мягкой перине, в окружении своих служанок. Одна индианка разминала ей ступни, другая — расчесывала ее волосы цвета воронова крыла, третья — выжимала молоко ламы с тряпочки в рот ребенка. Хуан Гомес восхищенно наблюдал за этой сценой, будто очутившись у яслей младенца Иисуса. Меня окатила волна зависти: я бы полжизни отдала за то, чтобы оказаться на месте Сесилии. Поздоровавшись с молодой матерью и поцеловав дитя, я взяла под руку отца и вывела его из палатки. Я рассказала ему, что произошло, и попросила помочь мне.

— Вы — альгвасил, дон Хуан, сделайте что-нибудь, прошу вас.

— Я не могу пойти против приказа дон Педро де Вальдивии, — ответил он, смотря на меня вытаращенными от удивления глазами.

— Мне стыдно напоминать вам об этом, дон Хуан, но за вами должок...

— Сеньора, вы просите меня помочь, потому что у вас есть особый интерес к этому солдату Эскобару? — спросил он.

— Как вам такое могло прийти в голову? Я стала бы вас просить за любого человека в этом лагере. Я не могу допустить, чтобы дон Педро совершил такой грех. Только не говорите мне, что это имеет отношение к военной дисциплине: мы оба знаем, что дело в одной лишь ревности.

— Что вы предлагаете?

— Все в руке Божией, как говорит капеллан. Как вы смотрите на то, чтобы немного напавить Господню руку?

На следующий день, после мессы, дон Бенито собрал всех людей на центральной площади лагеря, где все еще стояла виселица, на которой раньше был повешен несчастный Руис. С перекладины уже свисала приготовленная веревка. Я первый раз оказалась на таком мероприятии: до того времени мне удавалось избегать присутствия при казнях и пытках. Мне вполне хватало жестокостей битв да страданий больных и раненых, которых я пользовала. В руках я держала фигурку Девы Заступницы — так, чтобы все могли ее видеть. Капитаны стояли в первом ряду четырехугольника, за ними — солдаты, а еще дальше — надсмотрщики и множество янакон, служанок-индианок и наложниц. Капеллан, потерпев неудачу с Вальдивией, всю ночь провел в молитвах. Кожа у него была зеленоватая, а под глазами — фиолетовые тени, как всегда бывало, когда он занимался самобичеванием. Впрочем, плеть у него была курам на смех, как говорили индианки, знакомые с настоящим кнутом.

Глашатай и барабанная дробь возвестили о начале казни. Хуан Гомес, в роли альгвасила, объявил, что солдат Эскобар совершил тяжкое нарушение дисциплины: злоумышляя, проник в шатер генерал-капитана и покусился на его честь. Дальнейшие объяснения были излишни. Никто не сомневался, что юноша поплатится жизнью за свою щенячью восторженную любовь. Два негра-палача привели преступника на площадь. Эскобар шел без кандалов, прямой как шест, спокойный, смотря прямо перед собой, как будто во сне. Перед казнью он попросил позволения помыться, побриться и надеть чистую одежду. Он встал на колени, и капеллан соборовал его, благословил и дал поцеловать святое распятие. Негры подвели несчастного к виселице, связали руки за спиной, перевязали лодыжки, а затем накинули веревку на шею. Эскобар не позволил надеть себе на голову колпак, — наверное, он хотел умереть, смотря на меня, и бросить тем самым вызов Педро де Вальдивии. Я ответила на его взгляд, стараясь утешить его.

Снова раздалась барабанная дробь, негры выбили подставку из-под ног преступника, и он повис в воздухе. Мертвая тишина стояла среди людей, слышен был только бой барабанов. Какое-то время, которое мне показалось вечностью, тело Эскобара болталось на веревке, а я горячо молилась, прижимая фигурку Девы Марии к груди. И тут произошло чудо: веревка вдруг оборвалась, и юноша упал на землю, где и остался лежать недвижно, будто мертвый. Громкий крик удивления вырвался из множества ртов. Педро де Вальдивия сделал три шага вперед, бледный как воск, не в силах поверить в случившееся. Еще до того, как он успел дать новый приказ палачам, капеллан вышел вперед с поднятым над головой распятием, столь же удивленный, как и все остальные.

— Свершился суд Божий! Свершился суд Божий! — закричал он.

Сначала я почувствовала, как по рядам людей пробежала волна шепота, потом — безумный гомон индейцев, волна которого докатилась до окаменевших испанских солдат и остановилась, пока кто-то не осенил себя крестным знаменем и не опустился на колени на землю. Сразу же его примеру последовал второй, еще один и еще, пока все, кроме Педро де Вальдивии, не опустились на колени. Суд Божий...

Альгвасил Хуан Гомес отстранил палачей и собственноручно снял веревку с шеи Эскобара, снял путы с запястий и щиколоток и помог ему встать на ноги. Только я заметила, что он отдал веревку с виселицы какому-то индейцу, который тут же унес ее, прежде чем кому-нибудь пришлось в голову рассмотреть ее вблизи. Больше за Хуаном Гомесом долга передо мной не было.

Эскобара не отпустили на свободу. Приговор ему был изменен на изгнание, он должен был вернуться в Перу, опозоренный, пешком и в сопровождении лишь одного янаконы. Даже если бы ему удалось избежать стрел воинственных индейцев долины, он бы погиб от жажды в пустыне и его тело, высохшее, как мумия, осталось бы непогребенным. То есть повесить его было бы более милосердно. Через час он покинул лагерь с тем же спокойным достоинством, с каким шел к виселице. Солдаты, которые прежде доводили его до безумия своими шутками, почтительно выстроились в две шеренги, и он прошел между ними, медленно, взглядом прощаясь с каждым и не произнося ни слова. У многих по лицу катились слезы стыда и раскаяния. Один отдал ему свою шпагу, другой — топор, третий привел ламу, нагруженную какими-то тюками и мехами с водой. Я наблюдала за этой сценой издали, пытаюсь справиться со злобой на Вальдивию, такой сильной, что я едва не задыхалась от нее. Когда молодой человек выходил из лагеря, я догнала его, спешила и вручила ему свое единственное сокровище — коня.

Мы провели в долине семь недель. За это время к нам присоединились еще двадцать испанцев, среди них два монаха и некий Чинчилья, подлец и смутьян, который сразу же стал вместе с Санчо де ла Осом затевать убийство Вальдивии. С де ла Оса сняли колодки, и он свободно бродил по лагерю, расфранченный и надушенный, придумывая, как бы отомстить генерал-капитану, но при этом оставаясь под неусыпным присмотром Хуана Гомеса.

Из ста пятидесяти человек, которые теперь были в нашей экспедиции, всего девять не имели дворянского титула. Остальные происходили из

деревенской знати или из обедневших дворянских семейств, но дворянской спеси в них было не меньше, чем в выходцах из лучших домов Испании. Вальдивия говорил, что это ничего не значит, потому что в Испании благородных дворян очень много, но я полагаю, что эти люди перенесли свое тщеславие в Королевство Чили. К высокомерию испанцев прибавилась непокорность мапуче, и из этой смеси получился безумно надменный чилийский народ.

После изгнания юного Эскобара понадобилось несколько дней, чтобы лагерь пришел в обычное расположение духа. Люди были крайне раздражены, в самом воздухе ощущался гнев. По мнению солдат, виновата во всем была я: заманила невинного мальчика, соблазнила его, лишила покоя и довела до смерти. Я, бесстыдная развратница. А Педро де Вальдивия лишь исполнял долг и защищал свою честь. Долгое время я чувствовала, как озлобленные взгляды этих мужчин жгут мне кожу. Я ощущала их злобу так же ясно, как раньше ощущала их похоть. Каталина советовала мне не выходить из шатра до тех пор, пока души солдат не успокоятся, но для подготовки к дальнейшему пути нужно было делать множество дел, так что у меня не оставалось другого выбора, кроме как подставить себя под потоки их сквернословия.

Педро был занят включением новых солдат в экспедицию и слухами о готовящемся предательстве, которые ходили по лагерю, но нашел время, чтобы утолить свою злость на меня. Даже если он и понял, что переступил все границы разумного в своем стремлении отомстить Эскобару, он так этого и не признал. Сознание своей вины и ревность разожгли в нем огонь желания: он хотел обладать мной каждое мгновение, даже в самый разгар дня. Он бросал дела, прерывал совещания с капитанами и тащил меня в шатер на глазах у всего лагеря, так что все были в курсе происходящего. Вальдивию это не волновало, он поступал так намеренно, чтобы показать свою власть, унижить меня и бросить вызов сплетникам. Мы никогда не занимались любовью так грубо, он измочаливал меня и думал, что мне это нравится. Он хотел, чтобы я стонала от боли, раз уж я не стонала от удовольствия. Это было наказанием для меня, и я, как уличная девка, должна была выносить унижения, так же как Эскобар должен был сгинуть в пустыне. Я сносила такое обращение, сколько было возможно, думая, что скоро безумие Педро уляжется, но через неделю терпение мое иссякло, и я, вместо того чтобы повиноваться ему, когда он попытался взлезть на меня по-собачьи, дала ему звучную пощечину. Я не знаю, как это получилось, рука дернулась сама. На долгую минуту мы оба оцепенели от неожиданности, а потом колдовские чары, властвовавшие над нами,

рухнули. Педро нежно и раскаянно обнял меня, а я вся задрожала, такая же сокрушенная, как и он.

— Что я натворил! Что с нами сделалось, любовь моя? Прости меня, Инес! Прошу тебя, давай забудем все это... — заговорил он.

Мы так и остались лежать, обнимая друг друга, с замиранием сердца шепча объяснения, прощая друг друга. Наконец мы, истощив все силы, заснули, так и не занявшись любовью.

С этого момента утраченная любовь стала возвращаться к нам. Педро снова стал ухаживать за мной страстно и нежно, как в самом начале. Мы совершали небольшие прогулки, всегда под охраной нескольких солдат, потому что воинственные индейцы могли атаковать в любой момент. Обедали мы наедине в нашей палатке, а перед сном он читал мне, а потом целыми часами ласкал меня, чтобы доставить мне то удовольствие, в котором так недавно отказывал.

Он желал детей так же, как и я, но я все не беременела, несмотря на молитвы Деве Марии и снадобья, которые готовила Каталина. Я бесплодна, я не смогла зачать ребенка ни с одним мужчиной из тех, кого я любила, — ни с Хуаном, ни с Педро, ни с Родриго, — ни с теми, с кем меня связывали лишь краткие тайные встречи. Но думаю, что и Педро был бесплоден, потому что у него не было детей ни от Марины, ни от других женщин. «Завоевать славу и оставить по себе память» — вот зачем он отправился в Чили. Быть может, таким образом он пытался отыгаться за династию, которую не смог основать. Он оставил свое имя в истории, хотя и не смог передать его своим потомкам.

Педро был столь предусмотрителен и терпелив, что научил меня обращению со шпагой. Кроме того, он подарил мне нового коня взамен того, что я отдала Эскобару, и поручил своему лучшему наезднику обучить скакуна. Военный конь должен повиноваться всаднику инстинктивно, потому что наездник будет занят оружием. «Никогда не знаешь, что может случиться. Раз ты настолько храбра, что поехала со мной, ты должна уметь защищаться не хуже, чем любой из моих людей», — сказал мне Педро. Это была очень благоразумная мера. Те, кто лелеял надежду отдохнуть от тягот пути в Копиапо, очень скоро разочаровались, потому что индейцы напали на нас, стоило немного ослабить бдительность.

— Мы отправим послов и объясним им, что мы пришли с миром, — сказал Вальдивия на одном из советов со своими главными капитанами.

— Это плохая идея, — отозвался дон Бенито, — ведь они, без сомнения, помнят, что произошло шесть лет назад.

— Что вы имеете в виду?

— Когда мы прибыли сюда с доном Диего де Альмагро, чилийские индейцы не только вели себя дружелюбно, но и одарили нас золотом, которое собирали в качестве дани Инке — они уже знали, что его свергли. Но подозрительному аделантадо этого показалось мало, и он разными посулами созвал индейцев на совет и, как только завоевал их доверие, приказал нам напасть на них. Многие погибли в этой бойне, но тридцать касиков мы взяли в плен. Их привязали к кольям и сожгли заживо, — рассказал дон Бенито.

— Зачем вы это сделали? Разве не лучше жить в мире? — возмущенно спросил Вальдивия.

— Если бы Альмагро не сделал это первым, индейцы бы поступили так же с испанцами чуть погодя, — вмешался Франсиско де Агирре.

Чилийцы больше всего жаждали заполучить наших коней, а боялись они больше всего собак, поэтому дон Бенито приказал поместить лошадей в загон и охранять его собаками. Полчища здешних индейцев повиновались трем касикам, во главе которых, в свою очередь, стоял могущественный Мичималонко. Он был хитрый старик: прекрасно понимая, что сил штурмовать лагерь уинок у него недостаточно, он решил взять нас измором. Это его воины тайно похищали у нас лам и лошадей, портили запасы провианта, похищали наших индианок, нападали на группы солдат, выходявшие из лагеря за едой и водой. Так они убили одного солдата и нескольких наших янакон, хотя янаконы к тому времени поневоле выучились сражаться, потому что иначе шансов выжить у них не было вовсе.

Весна началась в долине и в горах, склоны покрылись цветами, воздух потеплел, и стали рожать индианки, кобылы и ламы. Нет животного более прелестного, чем детеныш ламы. С появлением новорожденных, принесших нотку радости в жизнь загрубевших испанцев и измученных янакон, настроение в лагере улучшилось. Реки, мутные зимой, стали прозрачными и более полноводными — в горах таял снег. Стало много травы для животных, дичи, зелени и фруктов — для людей. Оптимизм, принесенный весенним воздухом, ослабил бдительность, и тогда, когда мы меньше всего этого ожидали, у нас сбежали двести янакон, а за ними — еще четыреста. Они просто испарились как дым. Сколько по приказу сурового дона Бенито ни стегали кнутами надсмотрщиков — за то, что недоглядели, — и индейцев — за то, что пособничали, — узнать, как этим янаконам удалось убежать и куда они направились, так и не удалось. Очевидно было одно: они не могли далеко уйти без помощи чилийцев, которые нас окружали, потому что иначе бы их перебили. Дон Бенито

утроил количество караульных и приказал держать янакон связанными день и ночь. Надсмотрщики непрерывно патрулировали лагерь с кнутами в руках и в сопровождении собак.

Вальдивия дождался, когда у жеребят и маленьких лам окрепнут ноги, и тут же отдал приказ продолжать движение на юг, к райскому месту, о котором рассказывал дон Бенито, — к долине Мапочо. Мы знали, что «Мапочо» означало почти то же, что и «мапуче»; что нам придется столкнуться с дикарями, которые заставили отступить пять сотен солдат и по крайней мере восемь тысяч янакон Альмагро. У нас было всего сто пятьдесят солдат и меньше четырехсот непокорных янакон.

Мы поняли, что Чили имеет вытянутую форму и силуэтом похожа на шпагу. Эта страна состоит из россыпи долин, которые простираются между гор и вулканов и через которые текут полноводные реки. Морской берег здесь обрывист, а за ним — страшные холодные волны; леса здесь густы и ароматны, горы — бесконечны. Мы часто слышали вздохи земли и чувствовали, как почва ходит под ногами, но со временем привыкли к этой дрожи. «Так я и представлял себе Чили, Инес», — надтреснутым от волнения голосом признался Педро, созерцая девственную красоту пейзажа.

Но мы не только любовались красотами пейзажа: приходилось преодолевать множество трудностей, потому что индейцы Мичималонко непрестанно преследовали и дразнили нас. Спали мы совсем немного и по очереди, потому что стоило чуть ослабить внимание, как индейцы тут же нападали на нас.

Ламы — животные хрупкие, они не могут переносить тяжести, от этого у них ломается позвоночник. Поэтому нам пришлось заставить оставшихся янакон нести тюки тех, кто сбежал. И хотя мы выбросили все, что не было необходимо, — в том числе несколько тюков с моими нарядами, которые здесь, в Чили, были совершенно ни к чему, — индейцы брели низко согнувшись под тяжестью ноши; к тому же, чтобы не разбежались оставшиеся, они были связаны, и это делало наш путь медленным и мучительным.

Солдаты перестали доверять служанкам-индианкам, которые оказались не такими покорными и глупыми, как они предполагали. Они продолжали сношаться с этими женщинами, но не решались спать в их присутствии, а некоторые стали думать, что индианки их понемногу отравляют. Но не яд разъедал им душу и размалывал кости, а усталость. Многие злились на индианок, только чтобы скрыть собственное беспокойство. Тогда Вальдивия пригрозил вовсе отнять служанок и

действительно отнял их у двух или трех человек. Солдаты взбунтовались, потому что не могли допустить, чтобы кто-нибудь, даже глава экспедиции, вмешивался в такую личную сферу, как отношения с наложницами, но Педро, как всегда, победил. Проповедовать нужно, будучи образцом добродетели, сказал он. И добавил, что не потерпит, чтобы испанцы вели себя хуже дикарей. В конце концов солдаты нехотя повиновались. Правда, Каталина рассказывала мне, что они продолжают бить своих женщин, но только не по лицу, чтобы синяки были не так заметны.

Чилийские индейцы вели себя все более дерзко, и мы задавались вопросом, что станет с несчастным Эскобаром. Мы воображали, что его ждет долгая и мучительная смерть, но никто не решался даже упомянуть имя этого юноши, не желая накликать несчастья. Быть может, если мы забудем его имя и лицо, он станет прозрачным, как ветер, и сможет незаметно проскользнуть мимо врага.

Мы двигались черепашьям шагом, потому что янаконы не справлялись с грузом, и было много жеребят и другого приплода. Родриго де Кирога всегда ехал впереди: он обладал острым зрением и видел все до самого горизонта, и отвага никогда не покидала его. Арьергард защищали Вильягра, которого Педро де Вальдивия назначил своим заместителем, и Агирре, которому не терпелось вступить в бой с индейцами. Битвы он любил так же сильно, как женщин.

— Индейцы наступают! — однажды прокричал гонец, посланный к нам Кирогой.

Вальдивия распорядился, чтобы я с другими женщинами, детьми и животными оставалась в месте, более или менее защищенном скалами и деревьями, и сразу стал выстраивать солдат в боевой порядок — но не в терции, как это делалось в Испании, когда на каждого конника приходится по три пехотинца, ведь здесь у нас почти все были верхом.

Я говорю, что все наши были на конях, и может показаться, что у нас был образцовый эскадрон из ста пятидесяти всадников, способный справиться с десятью тысячами индейцев. На самом деле животные были очень худы и измотаны тяжелой дорогой, а люди были в лохмотьях, в плохо подогнанных латах, в измятых шлемах и с заржавленным оружием. Они были храбры, но неорганизованны и заносчивы; каждый стремился к личной славе. «Почему испанцу так трудно быть одним из многих? Все хотят быть генералами!» — часто сокрушался Вальдивия. Кроме того, у нас осталось так мало янакон, а те, что остались, были так измождены и озлоблены из-за плохого обращения, что рассчитывать на существенную

помощь с их стороны было нельзя: они сражались постольку, поскольку иначе их ждала смерть.

Во главе отряда стоял Педро де Вальдивия — он всегда шел первым, хотя капитаны просили его поберечься, ведь без него мы бы пропали. С криком «С нами святой Иаков!», которым испанцы много веков подряд призывали помощь апостола в битвах с маврами, он выехал вперед. Аркебузиры уже стояли, оперев одно колено в землю, с оружием наготове. Вальдивия знал, что чилийцы, безразличные к смерти, идут в битву с открытой грудью, без щитов или какой-либо другой защиты. Они не боятся аркебуз, потому что от них больше шума, чем вреда, но останавливаются при виде собак, опасаясь, что те в пылу схватки съедят их заживо. Они толпой идут на испанские шпаги, которые наносят им большой ущерб, а их собственные каменные снаряды отскакивают от металла доспехов. Пока уинки верхом, они непобедимы, но если удастся сбить их с коней, индейцы легко истребляют всех.

Мы еще не закончили готовиться к битве, когда услышали душераздирающие вопли, с которыми индейцы идут в атаку. Этот ужасающий ор распаляет их до безумия и должен парализовать страхом врага, но в нашем случае эффект был обратный: воинственные крики индейцев лишь переполняли нас яростью. Отряд Кироги успел соединиться с отрядом Вальдивии за мгновение до того, как полчища врагов хлынули в долину с гор. Их были тысячи и тысячи. Они бежали почти обнаженные, с луками и стрелами, копьями и палицами, воя, вне себя от предвкушения битвы. Залп из аркебуз скошил первые ряды, но это не остановило и даже не замедлило бег остальных. Через пару минут мы увидели раскрашенные лица индейцев рядом с собой, и началась схватка. Копья наших солдат пронзали их тела цвета глины, шпаги рубили головы и руки, копыта лошадей топтали упавших. Когда индейцам удавалось подойти близко, они оглушали лошадь топором, и, как только у нее подкашивались ноги, двадцать рук хватало всадника и стаскивало его на землю. Шлемы и кирасы защищали солдат всего на несколько мгновений, но иногда этого времени оказывалось достаточно, чтобы кто-нибудь пришел на помощь. Стрелы, бесполезные против кольчуги и лат, оказывались очень опасными, когда попадали в незащищенные части тела. В шуме и хаосе битвы раненые испанцы продолжали сражаться, не чувствуя боли и не замечая кровотечения, а когда они в конце концов падали, кто-нибудь их выносил с поля битвы и волоком притаскивал ко мне.

Я с помощью своих индианок организовала крошечный госпиталь. Нас защищали несколько верных янакон, которые хотели спасти женщин и

детей своего племени, и темнокожих невольников, которые боялись, что, если они попадут в руки наших врагов, с них сдерут кожу, чтобы выяснить, крашенная она или нет, как — они знали об этом — происходило с их собратьями раньше в других местах. Мы делали перевязки тряпками вместо бинтов, ставили жгуты для остановки кровотечения, спешно прижигали раны раскаленными углями и, едва мужчины были в состоянии встать на ноги, давали им воды или глоток вина, возвращали им оружие и отправляли сражаться дальше. «Дева Заступница, защити Педро», — бормотала я, когда в ужасном деле обработки ран выдавалась мимолетная передышка. Ветер приносил нам запах пороха и лошадиного пота, который смешивался с запахом крови и паленого мяса. Умиравшие хотели исповедоваться, но капеллан и другие монахи были на поле битвы, так что я сама крестила им лоб и давала отпущение грехов, чтобы они могли отойти с миром. Капеллан объяснял мне, что в случае необходимости при отсутствии священника крестить и соборовать может любой христианин, но я не была уверена, позволено ли это делать и женщине. К предсмертным хрипам и стонам боли, воплям индейцев, ржанию лошадей и взрывам пороха примешивался плач испуганных женщин, у многих из которых за спиной были привязаны дети. Сесилия, привыкшая к тому, чтобы ей прислуживали как принцессе — ведь она и была принцессой, — вдруг спустилась с небес на землю и работала плечом к плечу с Каталиной и со мной. Эта женщина, такая миниатюрная и изящная, оказалась гораздо сильнее, чем можно было себе представить. Ее туника из тончайшей шерстяной ткани была насквозь пропитана чужой кровью.

Был момент, когда нескольким врагам удалось приблизиться к тому месту, где мы пользовали раненых. Вдруг я услышала крики громче и ближе, чем раньше, и, подняв взгляд — я как раз пыталась вытащить стрелу из бедра дона Бенито, а другие женщины держали его, — очутилась лицом к лицу с дикарями, которые толпой шли на нас с поднятыми топорами, заставив отступить наших слабых охранников — янакон и негров. Не задумываясь, я схватила двумя руками шпагу — с ней научил меня обращаться Педро — и приготовилась защищать небольшой пятачок нашего полевого госпиталя.

Во главе атакующих был пожилой индеец с размалеванным лицом и украшенный перьями. Старый шрам пересекал его щеку от виска до самого рта. Я разглядела эти детали в одно мгновение: все происходило очень быстро. Я помню, что мы стояли напротив друг друга — он со своим коротким копьем, а я со шпагой, которую мне приходилось держать обеими руками, — в одинаковых позах, крича от ярости и одинаково свирепо

смотря друг на друга. И тут вдруг старик сделал знак, и его люди остановились. Я бы не поклялась в этом, но мне показалось, что на его лице цвета земли промелькнула легкая улыбка. Он развернулся и начал удаляться с проворством юноши как раз в тот момент, когда Родриго де Кирога галопом принёсся к нам и уже был готов обрушиться на нападавших. Старик этот был вождь Мичималонко.

— Почему он не бросился на меня? — спросила я потом у Кироги.

— Потому что не мог вынести позора сражаться с женщиной, — объяснил он.

— А вы бы поступили так же, капитан?

— Конечно, — ответил он, не колеблясь.

Битва продолжалась часа два и шла так интенсивно, что это время пролетело стремительно, ведь осознавать происходящее было некогда. Внезапно, практически отбив территорию, индейцы разбежались и скрылись в тех же горах, откуда появились. Они оставили на поле битвы своих раненых и убитых, но угнали всех лошадей, которых только смогли захватить. Дева Заступница снова спасла нас.

Поле сражения было усеяно телами, и пришлось сажать на цепь обезумевших от запаха крови собак, чтобы они не сожрали и наших раненых. Негры ходили между павшими, добывая раненых чилийцев и подбирая наших, чтобы отнести их ко мне. Я приготовилась к тому, что нас ждало. Долгие часы долина содрогалась от воплей людей, о которых нужно было позаботиться. Мы с Каталиной бесконечно долго вытаскивали стрелы и прижигали раны, а это дело в высшей степени неприятное. Говорят, что человек ко всему привыкает, но это неправда: я так и не смогла привыкнуть к этим душераздирающим крикам. Даже сейчас, в старости, основав первую в Чили больницу и проведя всю жизнь в заботах о больных и раненых, я все же слышу стоны войны. Если бы раны можно было зашить иголкой с ниткой, как зашивают разорванную ткань, это было бы не так невыносимо, но, к сожалению, только огонь помогает избежать кровопотери и нагноения.

На Педро де Вальдивии было множество мелких ран и ушибов, но он отказался от моего лечения. Он сразу же созвал совет капитанов, чтобы понять, каковы наши потери.

— Сколько убитых и раненых? — спросил он.

— Дон Бенито серьезно ранен стрелой. Один солдат убит, тринадцать ранены, один из них тяжело. По моим подсчетам, у нас увели больше двадцати коней и убили несколько янакон, — доложил Франсиско де Агирре, который в арифметике не был особо силен.

— Четыре негра и шестьдесят три янаконы ранены, из них несколько — тяжело, — поправила его я. — Погибли один негр и тридцать один индеец. Думаю, двое не доживут до утра. Придется везти раненых на лошадях: мы не можем их бросить. А тех, кто находится в самом тяжелом состоянии, нужно будет нести в гамаках.

— Мы встанем здесь лагерем на несколько дней. Капитан Кироба, пока что вы будете выполнять обязанности донна Бенито как главы лагеря, — приказал Вальдивия. — Капитан Вильягра, подсчитайте, сколько дикарей осталось на поле битвы. Вы будете ответственны за безопасность, ведь, как я полагаю, враг рано или поздно вернется. Капеллан, займитесь погребением павших и заупокойными мессами. Движение мы продолжим, как только донья Инес сочтет это возможным.

Несмотря на все меры предосторожности, принятые Вильягрой, лагерь был очень уязвим, ведь мы стояли на открытой равнине. Индейцы оставались в горах, но признаков жизни в течение тех двух дней, которые мы провели в этом месте, не подавали. Дон Бенито объяснил, что после каждой битвы они напиваются до потери сознания и не атакуют снова, пока через несколько дней не оправятся от последствий. Тем лучше! Надеюсь, недостатка в чиче у них никогда не будет.

Глава четвертая

Сантьяго, Новая Эстремадура

1541–1543

Глядя с импровизированных носилок, дон Бенито издали узнал очертания горы Уэлен, на которой он собственноручно водрузил крест во время своего предыдущего путешествия с экспедицией Диего де Альмагро.

— Вот он! Вот тот райский сад, в который я так долго стремился! —

воскликнул старик, все еще в жару от ранения, который ни травы, ни заговоры Каталины, ни молитвы капеллана никак не могли облегчить.

Мы спустились в прекрасную долину, полную дубов и других деревьев, неизвестных в Испании: квиллай, криптокарий, майтенов, нотофагусов, канело. Был разгар лета, но на горизонте на вершинах гор лежал снег. Долину окружали горы, приветливые, золотистого цвета. Педро с первого взгляда понял, что дон Бенито был прав: ярко-синее небо, пропитанный светом воздух, роскошные леса и плодородная почва, орошаемая ручьями и полноводной рекой Мапачо. Это было место, назначенное нам Господом для основания первого поселения, потому что, помимо красоты и плодородия, оно соответствовало мудрым предписаниям императора Карла V относительно основания городов в Новом Свете: «Не избирать для поселения ни слишком возвышенных мест, дабы не было сильных ветров и неудобства для сообщения и снабжения, ни слишком низменных, кои суть рассадники болезней. Основывать поселения следует в местах средней возвышенности, открытых и северным, и полуденным ветрам; ежели вокруг горы или холмы, то пусть они располагаются с восточной и западной сторон; ежели для строительства избран берег реки, то поселение следует строить таким образом, дабы при восходе солнца лучи его сначала падали на поселение, а лишь затем на воду». По-видимому, индейцы были согласны с Карлом V, потому что людей в долине жило довольно много: мы видели несколько деревень, возделанные поля, оросительные каналы и дороги. Не мы первые обнаружили преимущества этого места.

Капитаны Вильягра и Агирре с небольшим отрядом пошли вперед, чтобы разведать реакцию местных жителей на пришельцев, а все остальные остались ждать на безопасном расстоянии. Разведчики вернулись с приятным известием, что индейцы, хотя и недоверчивы, никакой враждебности не выказывают. Кроме того, наши посланцы выяснили, что и эти земли входят в империю Великого Инки. Его представитель, касик Витакура, управлявший этой областью, заверил, что расположен сотрудничать с нами, зная, что бородатые виракочи правят в Перу. «Не доверяйте им, они предатели и любят воевать», — настаивал дон Бенито, но решение обосноваться в долине было уже принято, даже если для этого придется силой покорять местных жителей. То, что эти люди из поколения в поколение жили тут и возделывали землю, только подстрекало отважных конкистадоров: это означало, что земля здесь плодородна, а климат благоприятный. Вильягра прикинул на глаз, что всего в деревнях, которые нам были видны и о существовании которых мы догадывались,

должно жить около десяти тысяч жителей, большинство из которых — женщины и дети. Беспokoиться не о чем, заключил он, разве что снова нагрянут полчища Мичималонко. Что же должны были почувствовать местные индейцы, когда увидели нас и потом, когда поняли, что мы собираемся здесь остаться?

Через тринадцать месяцев после отъезда из Куско, в феврале 1541 года, у подножия горы Уэлен, получившей теперь имя Санта-Лусия, потому что мы впервые увидели ее в день поминовения этой мученицы, Вальдивия водрузил флаг Испании и именем его величества вступил во владение территорией. Здесь, на земле, получившей имя Новой Эстремадуры, Вальдивия решил основать город Сантьяго^[18]. Прослушав мессу и причастившись, он приступил к древнему римскому ритуалу выделения границ города. Так как у нас не было ни волов, ни плуга, мы использовали для этого лошадей. Мы медленно шли, неся во главе процессии фигурку Девы Заступницы. Вальдивия был так растроган, что по щекам его катились слезы. И он был не одинок в этом: многие из наших мужественных солдат плакали.

Две недели спустя наш архитектор, одноглазый баск по фамилии Гамбоа, составил классический план города. Первым делом он определил, где будут главная площадь и «древо правосудия», то есть лобное место. Оттуда он по линейке прочертил прямые параллельные и перпендикулярные улицы, получив таким образом восемьдесят квадратов — кварталов со стороной в четыреста четырнадцать футов, каждый из которых был затем разделен на четыре земельных участка. Первой, в центре площади, была заложена церковь. «Когда-нибудь эта скромная капелла станет собором», — пообещал брат Гонсалес де Мармолехо дрожащим от волнения голосом. Для нас Педро определил квартал на северной стороне площади, а остальные участки раздал капитанам и солдатам в соответствии с их рангом и верностью. С помощью наших янакон и некоторых жителей долины, которые по доброй воле присоединились к нам, мы начали строить дома из дерева и самана с соломенными крышами: изготавливать черепицу мы пока не могли. Стены мы делали толстыми, а окна и двери узкими, чтобы было удобнее защищаться в случае нападения врага и чтобы внутри жилищ сохранялась приятная температура. По собственному опыту мы уже знали, что лето тут жаркое, сухое и благотворно влияет на здоровье, а зима, как нам сказали, здесь холодная и дождливая. Одноглазый Гамбоа и его помощники размечали улицы, а другие офицеры руководили строительными бригадами. В кузницах неустанно кипела работа: изготавливались гвозди,

петли, замки, заклепки, уголки; стук молотков и визг пил замолкал только ночью и на время мессы. Аромат свежего дерева наполнял воздух. Агирре, Вильягра, Альдерете и Кироба занимались преобразованиями в нашем военном отряде, сильно истрепавшемся за время долгого пути. Вальдивия и бывалый капитан Монрой, который хвалился своими дипломатическими способностями, пытались вести переговоры с местным населением. Я занималась поправкой здоровья больных и раненых, а также тем, что мне больше всего нравится делать, — основанием нового. Я никогда раньше не делала этого, но, как только мы вбили первую сваю на площади, я обнаружила в себе призвание к этой деятельности и уже никогда ее не прекращала. С тех пор я основывала больницы, церкви, монастыри, капеллы, храмы и целые деревни и, если бы силы меня не покинули, создала бы еще приют для сирот, которого так не хватает в Сантьяго, а то стыдно, что у нас на улицах столько бедных детей, прямо как в родной Эстремадуре. Эта земля плодородна, и ее дары должны доставаться всем. Я с радостью приняла на себя труды по обустройству всего и вся, — труды, которые в Новом Свете всегда ложатся на плечи женщин. Мужчины лишь намечают будущие деревни, где оставляют нас вместе с детьми, а сами продолжают бесконечную войну с местными индейцами. Понадобилось четыре десятилетия смертей, жертв и упорного труда, чтобы Сантьяго приобрел сегодняшнюю мощь. Я уже позабыла те времена, когда это была всего лишь деревушка, которую мы защищали, вцепившись в нее зубами и когтями. Силы женщин и пятидесяти янакон, которых мне уступил Родриго де Кироба, я бросила на изготовление столов, стульев, кроватей, перин, печей, ткацких станков, глиняной посуды, кухонной утвари, загонов для скота, курятников, одежды, скатертей, одеял и всего того, что необходимо для цивилизованной жизни. Для экономии усилий и продуктов я поначалу устроила систему всеобщего распределения еды. Еда готовилась раз в день, раскладывалась по мискам и выставлялась на огромных столах на главной площади, которую Педро назвал Пласа-де-Армас — *Оружейной площадью*, — хотя у нас не было ни одной пушки, чтобы защищать ее. Женщины под моим руководством пекли пирожки, готовили каши, похлебки из маиса и фасоли, жаркое из птиц или зайцев, которых удавалось добыть индейцам. Иногда случалось достать рыбу и морских гадюк — жители долины привозили их с побережья, — но пока их везли, они начинали плохо пахнуть. Каждый приносил для общего обеда что мог, как когда-то мы делали на корабле капитана Мануэля Мартина. Такая общинная система имела еще то преимущество, что объединяла людей и примиряла недовольных, по крайней мере на некоторое время. Мы очень

бережно относились к домашним животным; только в исключительных случаях позволяли себе зарезать птицу, ведь я хотела заполнить загоны и птичники за год. Свиньи, куры, гуси и ламы были не менее важны, чем лошади, и, несомненно, куда важнее, чем собаки. Животные пострадали во время путешествия не меньше людей, и поэтому каждое яйцо и каждый детеныш был поводом для радости. Я подготовила саженцы, чтобы посадить их весной на островках, специально выделенных для этого архитектором Гамбоа: пшеницу, овощи, фрукты и даже цветы, потому что без цветов жить невозможно, они были единственной роскошью в нашей суровой жизни. Я старалась в обработке земли следовать манере индейцев, населявших долину, и их способам орошения, а не пытаться воспроизвести то, что я видела в садах Пласенсии: индейцы, без сомнения, лучше знали здешнюю почву.

Я до сих пор не упомянула маис, или индейскую пшеницу, без которой мы бы не выжили. Этот злак сеют без всякой подготовки и распашки земли: достаточно только проредить ветки на соседних деревьях, чтобы солнце равномерно нагревало почву. Нужно сделать в земле небольшие бороздки заточенным камнем, если нет мотыги, бросить в них семена, а дальше они растут сами. Созревшие початки могут неделями оставаться на растении и не гниют, они легко отделяются от стебля — не нужно ни молотить, ни веять. Выращивать маис так легко, а его урожай всегда так обилен, что это главная пища индейцев — да и испанцев — во всем Новом Свете.

Вальдивия и Монрой вернулись воодушевленные и с известием, что их дипломатическая миссия увенчалась успехом: Витакура обещал нанести нам визит. Дон Бенито предупредил, что это тот самый касик, который обманул Альмагро, и что нужно быть готовыми к подвохам. Но это не умерило радость наших людей. Войной они были сыты по горло. Солдаты начистили свои шлемы и латы, мы украсили площадь флагами, поставили по кругу коней, которые неизменно производили большое впечатление на индейцев, и собрали оркестр из имеющихся музыкальных инструментов. В качестве предосторожности Вальдивия приказал зарядить аркебузы и поставил Кирогу с отрядом стрелков так, чтобы они были незаметны и готовы действовать в случае необходимости. Витакура явился с трехчасовым опозданием — в соответствии с инкским этикетом, как объяснила нам Сесилия. Касик, украшенный разноцветными перьями, с маленьким серебряным топором — символом власти — в руке, прибыл в сопровождении своей семьи и множества придворных, на манер знатных особ в Перу. Все были без оружия. Витакура произнес бесконечную витиеватую речь на кечуа, а Вальдивия в ответ полчаса изливал потоки

лести по-испански, — в общем, оба задали нелегкую работенку толмачам. Касик привез нам в подарок крупинки золота, которые, по его словам, попали к нему из Перу, несколько небольших серебряных предметов и шали из шерсти альпаки; кроме того, он предложил прислать какое-то количество своих людей помогать нам в строительстве города. Взамен наш главнокомандующий подарил несколько безделушек, привезенных из Испании, и шляпы, которые очень ценились у кечуа. Я организовала богатый пир, обильно орошаемый чичей из опунции и мудаем — крепкой маисовой настойкой.

— Есть ли золото в этих краях? — спросил Алонсо де Монрой, говоря от имени всех солдат, которых ничто другое не интересовало.

— Золота нет, но в горах есть серебряная жила, — ответил Витакура.

Это известие солдат очень обрадовало, а душу Вальдивии, напротив, омрачило. Ночью, когда остальные строили планы о том, как распорядятся серебром, которого у них еще не было, Педро сокрушался об этом. Мы были на своем участке, в шатре, подаренном Писарро, — у нашего дома тогда еще не было ни крыши, ни стен — и прохлаждались в корыте с холодной водой после удушающего дневного зноя.

— Как плохо, что тут есть серебро, Инес! Я бы предпочел, чтобы Чили была такой бедной страной, как говорили. Я приехал, чтобы основать города, где будет жить трудолюбивый и добродетельный народ. Не хочу, чтобы легкое богатство испортило моих людей.

— Педро, еще неизвестно, существует ли эта жила на самом деле.

— Надеюсь, что не существует. Но в любом случае запретить людям искать ее будет невозможно.

Так и вышло. Уже на следующий день несколько отрядов солдат стали собираться на поиски проклятой серебряной жилы. Лучшего для наших врагов и придумать было нельзя: им было очень на руку, чтобы мы разделились на маленькие группы.

Генерал-капитан назначил членов первого городского совета, в который вошли его самые верные товарищи, и вознамерился раздать шестьдесят земельных наделов с индейцами самым отважным членам экспедиции. Мне казалось преждевременным раздавать землю, которая нам не принадлежала, особенно потому, что мы еще не знали, каковы настоящие просторы и богатства Чили. Но так поступают всегда: водружается флаг, земля официально объявляется испанской территорией, а уже потом решается проблема, как превратить то, что на бумаге, в реальность, а для этого нужно отнять землю у индейцев и к тому же

принудить их работать на новых хозяев. Впрочем, я была очень польщена тем, что Педро назвал меня главным своим капитаном и выделил мне самый большой надел земли со всем его населением. Аргументировал он это тем, что я перенесла не меньше опасностей, чем самые храбрые из солдат, несколько раз спасала всю экспедицию и, если труды наши тяжки и для мужчины, то тем более тяжки они для хрупкой женщины. Хотя назвать меня хрупкой было большим преувеличением, в тот момент никто не стал вслух возражать против решения Вальдивии, но впоследствии Санчо де ла Ос не преминул воспользоваться этим поступком Педро, чтобы подогреть недовольство бунтовщиков. Я подумала о том, что, если когда-нибудь эти мифические имения станут реальностью, я, скромная уроженка Эстремадуры, стану одним из самых богатых землевладельцев в Чили. Как обрадовалась бы моя мать, если б узнала об этом!

За несколько месяцев на пустом месте будто чудом поднялся город. К концу лета было построено уже много симпатичных домов, посажены ряды деревьев, чтобы на улицах была тень и пели птицы, люди в своих огородах собирали первый урожай овощей, животные выглядели здоровыми, делались запасы на зиму. Наше благополучие раздражало живших в долине индейцев, которые уже не сомневались, что мы решили надолго здесь обосноваться. Они справедливо полагали, что скоро приедут еще уинки, чтобы отнять у них земли, а их самих превратить в рабов. И пока мы занимались строительством, индейцы занимались подготовкой к войне.

Их самих было не заметно, но до нас стали доноситься заунывные звуки их горнов и *пиллой* — флейт, которые делаются из берцовой кости врага. Воины старались не попадаться нам на глаза; вблизи Сантьяго появлялись только старики, женщины и дети, но мы все равно были начеку. По мнению дона Бенито, Витакура нанес нам визит только для того, чтобы оценить нашу военную мощь, и наверняка она его не впечатлила, несмотря на все наши старания, достойные лучшей театральной сцены. Должно быть, уехав, он покатывался со смеху, сравнивая наш малочисленный военный контингент с теми тысячами и тысячами чилийских индейцев, которые следили за нами из окрестных лесов. Он был кечуа из Перу, представитель империи инков, и не собирался вмешиваться в противостояние между уинками и чилийскими *промаупаями*, рассудив, что, если разразится война, это может оказаться ему на руку. Бурная река — радость для рыбака, как говорят у нас в Пласенсии.

Мы с Каталиной выходили из города торговать с местными жителями, объясняясь с ними знаками и словами на кечуа. Таким образом, у нас появились птицы и гуанако — похожие на лам животные, дающие

прекрасную шерсть. Мы выменивали их на безделушки из недр моих тюков или расплачивались врачебными услугами. У нас прекрасно получалось лечить переломы, прижигать раны и помогать при родах, и мы пользовались этим. В индейских деревнях я познакомилась с двумя *мачи*, знахарками, которые обменивались травами и заклинаниями с Каталиной и рассказывали нам о целебных свойствах местных растений, которые не встречались в Перу.

Остальные «врачи» в долине были колдуны, которые на глазах у изумленной публики вытаскивали ползучих гадов из желудка больных; они совершали небольшие жертвоприношения и пугали людей своими пантомимами — иногда этот метод давал превосходные результаты, как я сама убедилась. В Куско Каталина работала с одним из таких *камасков* и решила «прооперировать» таким способом дон Бенито, когда все другие средства оказались бессильны. Очень осторожно с помощью двух индианок из свиты Сесилии мы отнесли старика в лес, где Каталина провела церемонию. Она одурманила больного напитком из трав, окурила его дымом и стала мять ему бедро, которое никак не заживало. Всю оставшуюся жизнь дон Бенито рассказывал всем, кто был готов его слушать, что он собственными глазами видел, как из его раны вытаскивали ящериц и змей, которые отравляли ее, и что после этого она полностью зажила. Он остался хромым, это да, но не умер от нагноения, чего мы тогда боялись. Я решила, что не стоит объяснять ему, что Каталина принесла мертвых гадов с собой и доставала их из рукавов. «Если ему от магии полегчало, то пусть в нее верит», — сказала Каталина.

Сесилия, связывавшая культуру кечуа с нашей, с помощью своих служанок создала целую сеть по сбору информации. Она даже нанесла визит Витакуре, который упал перед ней на колени и стал биться головой о землю, когда узнал, что она — младшая сестра Инки Атауальпы. От него Сесилия узнала, что в Перу беспокойно и даже ходят слухи о смерти Писарро. Я поспешила поведать об этом Педро под большим секретом.

— Откуда ты это знаешь, Инес?

— Так говорят касики. Я не могу утверждать, что это правда, но стоит принять меры предосторожности, тебе не кажется?

— К счастью, мы далеко от Перу.

— Да, но что станет с твоим титулом, если Писарро умрет? Ты ведь заместитель губернатора и действуешь от его имени.

— Если Писарро умрет, я уверен, что Санчо де ла Ос со товарищи снова станут оспаривать законность моей власти.

— Если бы ты был губернатором, все было бы совсем по-другому,

правда? — подбросила я идею.

— Но я не губернатор, Инес, — ответил он.

Моя идея так и осталась висеть в воздухе, но Педро прекрасно знал, что я так просто не отступлюсь. Я воспользовалась дружбой с Родриго де Кирогой и Хуаном Гомесом, чтобы распространить мысль о том, что Вальдивию следует назначить губернатором. Как я и рассчитывала, через несколько дней в Сантьяго уже не говорили ни о чем другом. В это время начались зимние дожди, уровень воды в Мапачо поднялся, река вышла из берегов и новорожденный город превратился в болото, но это не помешало торжественному заседанию городского совета в одной из хижин. Ноги капитанов, собравшихся, чтобы назначить Вальдивию губернатором, были по щиколотку в грязи. Когда они явились в наш дом и объявили о своем решении, на лице Вальдивии изобразилось такое удивление, что я испугалась: может, я ошиблась, может, переусердствовала в стремлении предупредить его желания?

— Я очень тронут вашим доверием, но это решение преждевременно. У нас нет положительных сведений о кончине маркиза Писарро, которому я стольким обязан. Я ни в коем случае не могу превышать свои полномочия. Сожалею, дорогие друзья, но я не могу принять ваше предложение, хоть это для меня и огромная честь.

Как только капитаны ушли, Педро объяснил мне, что это был хитрый защитный маневр, чтобы его потом не обвинили в том, что он предал маркиза, но он уверен, что его друзья предложат ему этот пост еще раз. Действительно, скоро члены совета возвратились с письменным прошением, подписанным всеми жителями Сантьяго. Они ссылались на то, что мы находимся очень далеко от Перу и еще дальше от Испании, практически без сообщения, отрезанные от всего мира, поэтому они умоляют Вальдивию стать нашим губернатором. Они в любом случае просят его занять этот пост вне зависимости от того, умер Писарро или нет. После того как они повторили свою просьбу три раза, я шепнула Педро, что не стоит больше заставлять себя просить, потому что его друзьям это может наскучить и тогда они изберут кого-нибудь другого: как мне было известно из сплетен, которые доносили мне индианки, несколько уважаемых капитанов были бы счастливы занять губернаторский пост. Тогда Вальдивия соблаговолит согласиться: раз все его просят, он не может противиться, глас народа — глас Божий, он покорится общей воле, чтобы еще усерднее служить его величеству. Был составлен соответствующий документ, который охранял Вальдивию от всех возможных обвинений в настоящем и будущем, и, таким образом, в Чили появился первый

губернатор, который к тому же был избран народным решением, а не назначен королевским указом. Вальдивия сделал Монроя своим заместителем, а я сделалась Губернаторшей, с большой буквы, потому что так меня звали люди целых сорок лет. В практическом отношении это было скорее не честью, а огромной ответственностью. Я стала матерью всему нашему небольшому поселению и должна была неусыпно радеть о процветании каждого его жителя, начиная от Педро де Вальдивии и заканчивая последней курицей на птичьем дворе. У меня не стало ни минуты покоя: я постоянно должна была заботиться о повседневных мелочах — о еде, одежде, посевах, животных. К счастью, мне никогда не нужно было больше трех-четырёх часов сна в сутки, так что у меня было больше времени на работу, чем у других людей. Я лично познакомилась с каждым солдатом и янаконой, выучила их имена и уверила, что двери моего дома всегда открыты для них и я готова выслушивать все их печали. Я заботилась о том, чтобы никого не наказывали несправедливо или слишком сурово, особенно индейцев; Педро доверял мне в этом деле и в основном выслушивал мое мнение, прежде чем вынести тот или иной приговор. Думаю, что к тому времени большинство солдат простили меня за трагический эпизод с Эскобаром и стали уважать, потому что многих я лечила от ран или лихорадок, всех кормила с общего стола и помогала обустроить жилища.

Слухи о смерти Писарро оказались ложными, но пророческими. В тот момент в Перу еще было все более или менее спокойно, но спустя месяц небольшая группа «чилийских оборванцев», то есть бывших участников экспедиции Альмагро, ворвалась во дворец губернатора и зарезала его кинжалами. Пара слуг попытались защитить его, а придворные и караульные бежали через балконы. Жители Сьюдад-де-лос-Рейес не жалели о смерти своего губернатора, они были сыты по горло бесчинствами братьев Писарро, и меньше чем через два часа место губернатора занял сын Диего де Альмагро, неопытный юноша, у которого за день до того не было ни гроша даже на еду, а тут он вдруг сделался властелином огромной империи. Когда спустя несколько месяцев известия об этом дошли до Чили, право Вальдивии на губернаторский пост уже никто оспорить не мог.

— Ты действительно ведьма, Инес... — прошептал в ужасе Педро, узнав эту новость.

Зимой враждебные настроения индейцев долины стали очевидны. Педро распорядился, чтобы никто не покидал город без серьезной причины и должного сопровождения. Мои встречи со знахарками и посещение

индейских рынков закончились, но Каталина, думаю, поддерживала контакты с окрестными деревнями, потому что ее тайные ночные исчезновения продолжались. Сесилии доложили, что Мичималонко готовится напасть на нас и, чтобы воодушевить своих воинов, пообещал отдать им всех коней и женщин Сантьяго. Его войско постоянно росло; шесть токи со своими людьми уже стояли лагерем в одной из *пукар* — так назывались его крепости, — ожидая подходящего момента, чтобы начать войну.

Вальдивия выслушал все, что смогла рассказать Сесилия, посоветовался с капитанами и решил взять инициативу в свои руки. Оставив большую часть солдат защищать Сантьяго, он вместе с Альдерете, Кирогой и отрядом из лучших солдат выступил, чтобы сразиться с Мичималонко на его территории. Пукара представляла собой сооружение из глины, камня и дерева и была окружена частоколом из стволов деревьев. Крепость выглядела так, будто была построена на скорую руку, в качестве временного укрытия. Кроме того, она находилась в уязвимом и плохо защищенном месте, так что испанские солдаты без особых сложностей смогли подойти ночью и поджечь ее. Они поджидали снаружи, когда индейцы, задыхаясь от дыма, начнут выбегать, и убили внушительное их количество. Индейцы быстро были разгромлены, и наши взяли в плен несколько касиков, в том числе Мичималонко. Их привели в город пешком, привязанными к седлам капитанов, которые тащили пленников за своими конями. Вожди были потрепаны и оскорблены, но сохраняли высокомерие. Они бежали рядом с конями без тени страха или усталости. Это были невысокие, хорошо сложенные люди с мускулистыми, но изящными ногами и руками, крепкими спинами и широкой грудью. Их длинные черные волосы были сплетены в косы и перевязаны цветными лентами, лица раскрашены желтой и синей краской. Я знала, что Мичималонко больше семидесяти лет, но в это трудно было поверить, потому что у него все зубы были на месте, а тело крепкое, как у юноши. Мапуче, если не умирают от несчастных случаев или на войне, могут прожить, сохраняя прекрасную форму, больше ста лет. Они очень сильны, храбры и смелы, способны переносить страшные холода, голод и жару. Губернатор приказал заковать пленников в кандалы и поместить в хижину, назначенную под тюрьму; капитаны намеревались пытать их, чтобы выяснить, нет ли все-таки в этой области золота, на случай если Витакура соврал.

— Сесилия говорит, что мапуче пытать бесполезно, вы не заставите их говорить. Инки пытались делать это множество раз, но под пыткой не раскалываются даже их женщины и дети, — сказала я Педро тем вечером,

пока он снимал с себя доспехи и одежду, перепачканную в засохшей крови.

— Значит, токи будут просто заложниками.

— Говорят, Мичималонко очень горд.

— Теперь, когда он в цепях, его гордость недорого стоит, — отозвался Педро.

— Если его нельзя заставить говорить силой, может, он заговорит из тщеславия. Ты же знаешь, как ведут себя некоторые мужчины... — подсказала я.

На следующий день Педро решил допросить вождя Мичималонко таким необычным способом, что никто из его капитанов не мог понять, чего он добивается. Прежде всего он приказал, чтобы с вождя сняли путы и отвели в отдельное помещение, подальше от других пленников, где три самые красивые индианки из моих служанок его помыли и одели в чистую и красивую одежду, подали столько еды и мудая, сколько он смог съесть и выпить. Вальдивия приставил к нему почетный караул и принял в украшенной флагами зале городского совета, окруженный своими капитанами в начищенных до блеска доспехах и с плюмажами самых изысканных цветов. Я тоже присутствовала там и была одета в бархатное платье аметистового цвета, единственное, которое у меня было, — все остальные я выбросила по дороге, где-то далеко на севере. Мичималонко окинул меня оценивающим взглядом; не знаю, узнал ли он во мне ту воительницу, которая однажды встретила его со шпагой в руках. В зале поставили два одинаковых стула: один — для Вальдивии, а другой — для *токи*. У нас был толмач, но мы уже знали, что мапудунгу непереволим, потому что это поэтический язык, который создается в процессе говорения; слова меняются, влияют друг на друга, соединяются, распадаются — это чистое движение, именно поэтому писать на этом языке невозможно. Если стараться переводить с этого языка слово в слово, то не понятно ровным счетом ничего. В лучшем случае толмач мог передать общий смысл произнесенной речи. Торжественно и с глубоким почтением на лице Вальдивия выразил свое восхищение храбростью Мичималонко и его воинов. Токи ответил такой же изящной вежливостью, и так, осторожно переступая от лесты к лесты, Вальдивия повел касика по дороге переговоров, в то время как капитаны взирали на эту сцену в крайнем изумлении.

Старик-индеец был горд тем, что ему выпала возможность встретиться лицом к лицу с таким могущественным врагом, с одним из бородачей, которые сумели отнять власть у самого Великого Инки. Скоро он начал хвалиться своей властью, своими предками и традициями,

многочисленностью войска и количеством жен, которых у него было больше двадцати, но в его жилище было место еще для нескольких, даже для парочки испанских *чиньур*^[19]. Вальдивия рассказал, что Атауальпа в качестве выкупа за себя дал целую комнату золота; а чем важнее пленник, тем больше за него должен быть выкуп, добавил он. Мичималонко задумался на некоторое время, размышляя, наверное, о том, почему уинкам так нравится этот металл, который им, мапуче, никогда не приносил ничего, кроме проблем. Много лет мапуче платили золотом дань Инке, а теперь этому металлу нашлось новое достойное применение: им предстояло заплатить за собственное освобождение. Если Атауальпа наполнил золотом комнату до потолка, то и он не мог дать меньше. Обдумав все это, Мичималонко поднялся на ноги, возвысившись, как башня, ударил себя кулаком в грудь и твердым голосом объявил, что в обмен на свою свободу намерен отдать уинкам единственное месторождение золота в этой области — прииск под названием Марга-Марга — и полторы тысячи человек для работы там.

Золото! В городе началось ликование: наконец завоевание Чили приобрело для солдат смысл. Педро де Вальдивия отправился к указанному месту с хорошо вооруженным отрядом и везя с собой Мичималонко на красивом рыжем скакуне, которого подарил ему. Дождь лил как из ведра, путники промокли до костей и дрожали от холода, но воодушевление их было не сломить. В это самое время Сантьяго оглашался воплями индейских вождей, которых Мичималонко предал — они все так же оставались прикованы к бревнам. В ответ на проклятия вождей на мапудунгу из леса доносились звуки трутрук — длинных тростниковых флейт.

Под руководством хвастливого Мичималонко уинки прошли по горам около тридцати лиг и добрались до берега моря и устья реки, а оттуда — до ручья, где индейцы много лет мыли золото с единственной целью: удовлетворить жадность Инки. Мичималонко, как и обещал, отдал в распоряжение Вальдивии полторы тысячи душ, больше половины которых оказались женщинами, но тут не на что было пенять, ведь у чилийских индейцев так заведено, что всю работу выполняют женщины, а мужчины лишь произносят речи и делают то, для чего необходимы мускулы, — воюют, плавают и играют в мяч. Мужчины из тех, что выделил нам Мичималонко, были очень ленивы, потому что им казалось, что проводить целые дни стоя в воде с промывочным лотком в руках и перебирать песок — не дело для воинов, но Вальдивия решил, что негры кнутами смогут заставить их работать прилежнее. Я прожила много лет в Чили и знаю, что

брать в рабство мапуче бесполезно: они быстро умирают либо убегают. Они не понимают ни власти, ни смысла труда, тем более — зачем мыть золото в реке и отдавать его *уинкам*. Они живут рыболовством, охотой, собирают некоторые плоды, например кедровые орехи, сеют маис и разводят домашних животных. Все их имущество — только то, что можно унести с собой. Зачем им покоряться надсмотрщикам с кнутами? Из страха? Они его не знают. Они ценят, во-первых, храбрость, а во-вторых — взаимность: ты мне даешь — я тебе даю, все по справедливости. У них нет темниц и судей; они не знают других законов, кроме естественных. Наказание тоже естественно: тот, кто совершает нечто плохое, рискует, что с ним произойдет то же самое. Таковы законы природы, и среди людей быть иначе не может. Они уже сорок лет воюют с нами и научились от нас пытаться, грабить, врать, делать засады, но, по моим сведениям, между собой они не враждуют. Женщины поддерживают сеть связей, которая объединяет кланы, даже те, что живут на расстоянии сотен лиг друг от друга. До начала войны они часто навещали друг друга, и, поскольку для этого нередко приходилось проделывать долгий путь, каждая встреча длилась несколько недель. Во время таких встреч укрепляли отношения: разговаривали на языке *мапудунгу*, рассказывали истории, танцевали, пили *мудай*, заключали новые браки. Раз в год все племена собирались в открытом поле, чтобы совершить Нгильятун — вознести молитвы к Покровителю людей, Нгенечену, и поклониться Земле, обильной и верной богине плодородия, матери народа мапуче. Они полагают, что беспокоить бога каждое воскресенье, как это делаем мы, — знак неуважения к нему: обращаться к богу один раз в год более чем достаточно. Вожди мапуче, токи, обладают лишь относительной властью, потому что люди не обязаны подчиняться им, а их ответственность гораздо серьезнее, чем привилегии. Алонсо де Эрсилья-и-Суньига описывает, как мапуче выбирают токи, такими словами:

Не в цене здесь происхождение,
Не в цене богатство и знатность рода,
За силу духа, храбрость, умения,
Мощь руки, что дала природа,
Человека здесь возвышают
И другого мерила не знают.

Только приехав в Чили, мы ничего не знали о мапуче и думали, что подчинить их будет нетрудно, ведь испанцы довольно легко подчинили

гораздо более цивилизованные народы — ацтеков и инков. Нам понадобилось много лет, чтобы понять, насколько мы заблуждались. Конца этой войне не видно, потому что стоит нам казнить одного токи, как тут же появляется другой, а когда мы уничтожаем целое племя, из леса выходит новое и встает на место прежнего. Мы хотим основывать города и процветать, жить в спокойствии и достатке, а они жаждут одной только свободы.

Педро отсутствовал несколько недель: помимо организации работы на прииске, он решил начать постройку бригантины, чтобы использовать этот корабль для связи с Перу. Ведь не могли же мы до скончания веков жить в полной изоляции у черта на куличках в окружении голых дикарей, как со свойственной ему прямоотой говорил Франсиско де Агирре. Вальдивия нашел подходящую бухту — она называется Конкон — с широким песчаным берегом, лесом вокруг, где можно было добыть достаточно крепкой и не боящейся воды древесины. Там он оставил единственного из своих людей, обладавшего хоть какими-то познаниями в морском деле, вместе с несколькими солдатами, надсмотрщиками, янаконами и частью индейцев из тех, что прислал Мичималонко.

— У вас есть чертеж корабля, сеньор губернатор? — спросил предполагаемый эксперт в кораблестроении.

— Уж не хотите ли вы сказать, что вам нужен чертеж, чтобы построить такую простую вещь? — окоротил его Вальдивия.

— Но, ваше сиятельство, я никогда не строил кораблей!

— Молитесь, чтобы ваша посуда не потонула, потому что вы поплывете на ней первым, — бросил на прощание губернатор, очень довольный своим новым замыслом.

Впервые мысль о золоте вдохновляла его: он представлял себе лица испанцев в Перу, когда они узнают, что Чили вовсе не такая нищая страна, как говорили. Он собирался послать образцы золота на собственном корабле, это должно было произвести огромное впечатление и привлечь новых людей в Чили; Сантьяго, мечтал он, станет первым из множества богатых и густонаселенных городов этой страны. Как и обещал, он отпустил Мичималонко на свободу и почтительно распрощался с ним. Индеец, едва сдерживая смех, тут же пустил своего нового коня в галоп.

Из одной просветительской экспедиции, которые до тех пор не давали никаких результатов, потому что уроженцы долины выказывали удивительное безразличие к преимуществам христианства, капеллан Гонсалес де Мармолехо вернулся вместе с индейским мальчиком.

Мармолехо встретил его, когда тот бродил по берегу реки Мапачо, худой, весь в грязи и кровавой коросте. Вместо того чтобы тут же броситься бежать, как поступали остальные индейцы, едва завидев засаленную сутану капеллана и воздетый вверх крест, мальчик увязался за ним, как собака, не говоря ни слова, но горящим взглядом безотрывно следя за каждым движением священника. «Уйди, мальчик! Брысь!» пытался отогнать его капеллан, угрожая треснуть по голове крестом. Но парнишка не отставал и так и дошел вместе с ним до Сантьяго. Делать было нечего, и капеллан привел маленького индейца ко мне домой.

— Что мне с ним делать, падре? У меня нет времени, чтобы ходить за детьми, — сказала я Мармолехо, потому что совершенно не хотела привязаться к ребенку врага.

— У тебя лучший дом в городе, Инес. Здесь бедняжке будет хорошо.

— Но...

— Помнишь ли ты, что сказано в заповедях и чему учит нас Господь? Следует кормить голодных и одевать нагих, — перебил он меня.

— Что-то я не припомню такой заповеди, но если вы так говорите...

— Пошлите его ходить за свиньями и курами, он очень послушен.

Я подумала, что с тем же успехом воспитанием мальчика мог заняться сам капеллан, ведь у него был и дом, и служанки, он мог бы сделать из него служку. Но отказаться я не могла, потому что была слишком многим обязана этому монаху. Худо-бедно, но он меня учил грамоте. Я уже самостоятельно принялась за одну из трех книг, которые были у Педро, «Амадиса Гальского», где повествуется о любви и приключениях. За остальные две я пока не решалась взяться: в «Песне о моем Сиде» говорится об одних лишь сражениях, а «Оружие христианского воина» Эразма Роттердамского — вообще наставление для солдат, а такая премудрость меня совершенно не интересует. У капеллана имелись еще книги, которые наверняка тоже были запрещены инквизицией и которые я намеревалась когда-нибудь прочитать. Так что мальчишка остался у нас.

Каталина его вымыла, и обнаружилось, что на нем была не засохшая кровь, а только грязь и глина; кроме нескольких царапин и ушибов, он был невредим. Лет парнишке было одиннадцать или двенадцать, он был худой, с торчащими ребрами, но сильный; на голове у него была копна черных волос, жестких от грязи. Он был почти наг. Когда мы попытались снять с него амулет, висевший у него на шее на кожаном шнурке, он искусал нам руки. Скоро я забыла о мальчишке, потому что была погружена в заботы по обустройству города, но через два дня Каталина напомнила мне об индейце. Она сказала, что мальчик ни на шаг не двинулся со двора, где мы

его оставили, и ничего не ел.

— Куда девать его, мамитай?

— Пусть возвращается к своим, это будет самое лучшее.

Я пошла проведать парнишку. Он сидел во дворе неподвижно, будто вырезанный из дерева; его черные глаза неотрывно глядели на горы. Одеяло, которое мы дали ему, он откинул подальше, будто ему нравился холод и зимняя морось. Я знаками объяснила мальчику, что он может идти, но он даже не шелохнулся.

— Уходить не хочет, да. Остаться хочет, не иначе, — вздохнула Каталина.

— Что ж, пусть остается.

— А присматривать за дикарем кто будет, а, сеньорай? Воры и лентяи эти мапуче.

— Это же всего лишь дитя, Каталина. И он скоро уйдет, ведь здесь ему нечего делать.

Я предложила мальчику кукурузную лепешку, но он не взял ее. Когда же я дала ему выдолбленную тыкву с водой, он схватил ее обеими руками и стал пить звучными глотками, как волк. Вопреки моим предположениям он остался у нас. Мы одели его в пончо и мужские штаны, подвязав их к талии, пока одежда по размеру не была сшита, постригли волосы и выбрали вшей. Уже на следующий день он стал есть с огромным аппетитом, скоро перестал сидеть на дворе и начал бродить по дому, а потом и по городу, как неприкаянная душа. Люди его интересовали гораздо меньше, чем животные, и последние отвечали ему взаимностью. Лошади ели у него с рук, и даже злые собаки, наученные бросаться на индейцев, завидев его, виляли хвостом. Поначалу его отовсюду гнали: никто не хотел видеть этого странного маленького индейца у себя дома, даже добрый капеллан, который так рьяно проповедовал мне о долге христианина. Но потом все привыкли к его присутствию, и парнишка снова стал невидимым: всегда тихий и внимательный, он беспрепятственно входил в дома и выходил из них. Служанки-индианки угощали его сладостями, и даже Каталина в конце концов приняла его, хоть и неохотно.

К этому времени вернулся Педро, усталый и измученный долгой верховой дорогой, но очень довольный, потому что привез с собой первые образцы намытого в реке золота, до вольно большие зернышки. Прежде чем собрать совет капитанов, он обнял меня за талию и повлек в постель. «Правда же, Инес, ты — душа моя», — прошептал он, целуя меня. Он пах лошадьми и потом и никогда еще не казался мне таким красивым, таким сильным, таким моим. Он сказал, что скучал по мне; что ему с каждым

разом все труднее покидать меня, пусть даже на несколько дней; что когда меня нет рядом, ему снятся дурные сны, видятся грозные предостережения и просыпается страх потерять меня навсегда. Я раздела его, как ребенка, обтерла влажным полотенцем, поцеловала каждый шрам на его теле — от большой раны на бедре и сотен отметин, оставленных на нем войной, до маленькой звездочки на виске, оставшейся после какого-то падения в юности. Мы занялись любовью с какой-то новой, неторопливой нежностью, как будто старик со старухой. Педро был так измотан неделями напряжения, что отдался мне с кротостью девственницы. Я сидела на нем верхом, двигаясь медленно, чтобы доставлять ему удовольствие понемногу, и при цвете свечи любовалась его благородным лицом, широким лбом, орлиным носом, женскими губами. Глаза у него были закрыты, а на губах играла безмятежная улыбка, он доверился мне и казался очень молодым и уязвимым, совсем не похожим на того воинственного и властного мужчину, который несколько недель назад выступил из города во главе отряда солдат. В какой-то момент той ночью мне почудился в углу комнаты силуэт маленького мапуче, но, наверное, это была лишь игра теней.

На следующий день, возвратившись с заседания городского совета, Педро спросил меня, кто этот маленький индеец. Я объяснила ему, что мне его навязал капеллан и что мальчишка, как мы предполагаем, сирота. Педро позвал индейца, осмотрел его с ног до головы и остался очень доволен. Наверное, паренек напомнил Педро, каким он сам был в таком возрасте — таким же подвижным и горделивым. Поняв, что мальчишка не говорит по-испански, он велел послать за толмачом.

— Скажи ему, что он может остаться у нас, только если примет христианство. Его будут звать Фелипе. Мне нравится это имя. Если бы у меня был сын, я бы назвал его именно так. Договорились? — объявил Вальдивия толмачу.

Мальчик кивнул. Педро добавил, что если обнаружится, что мальчишка что-нибудь украл, то его тут же отстегают кнутом и выгонят из города; и что он может считать себя счастливым, потому что другому отрубили бы за это правую руку Понятно? Мальчик снова кивнул, не произнося ни слова, а на лице его читалась скорее ирония, чем страх. Я попросила толмача, чтобы он предложил парнишке такой уговор: если он будет учить меня своему языку, я буду учить его испанскому. Но это предложение Фелипе совершенно не заинтересовало. Тогда Педро выдумал обмен получше: если мальчик будет учить меня мапудунгу, ему позволят ухаживать за лошадьми. Лицо паренька тут же осветилось радостью, и с этого момента он проникся восхищением к Педро и стал называть его

тайтой, то есть тятей. Ко мне он обращался формально, «чиньура», что должно было означать «сеньора», я полагаю. Так мы и порешили. Фелипе оказался хорошим учителем, а я — способной ученицей. Вот так, благодаря ему, я стала единственной уинкой, способной понимать мапуче без толмача, но, чтобы научиться этому, мне потребовался почти год. Я сказала «понимать мапуче», но это большое преувеличение: мы никогда не пойдем друг друга, в нас скопилось слишком много взаимной злобы.

Еще не кончилась зима, когда в город бешеным галопом прискакали двое солдат из тех, что Педро оставил в Марга-Марга. Их лошади были на последнем издыхании, а сами всадники были измождены, изранены и мокры от крови и дождя; они прибыли сообщить нам известие, что на золотом прииске индейцы Мичималонко подняли восстание и убили множество янакон, негров и почти всех испанских солдат — только им двоим удалось уйти оттуда живыми. От добытого золота не осталось ни крупницы. На берегу бухты Конкон мапуче тоже поубивали наших людей; их разрубленные на куски тела валялись на песке, а от строившегося корабля осталась лишь куча обгорелых поленьев. Всего мы потеряли двадцать три солдата и бесчисленное число янакон.

— Проклятый Мичималонко, гнусный индеишка! Попадись мне только, я тебя на кол посажу! — в бешенстве рычал Педро де Вальдивия.

Не успели мы осознать весь ужас этого известия, как приехали Вильягра и Агирре с подтверждением того, о чем шпионы Сесилии начали предупреждать несколькими неделями раньше: к долине стягиваются тысячи индейцев. Мужчины с оружием и в боевой раскраске небольшими группами двигались в направлении Сантьяго. Прикрытием им служили леса, горы, земля и даже облака. Педро, как всегда, решил, что лучшая защита — это нападение. Он выбрал сорок проверенных солдат и на рассвете следующего с ними дня спешно отправился в сторону Марга-Марга и Конкона проучить тамошних бунтарей.

Мы остались в Сантьяго, чувствуя себя совершенно беззащитными. Слова Франсиско де Агирре как нельзя лучше определяли наше положение: мы были у черта на куличках и со всех сторон окружены голыми дикарями. Мы остались без золота и без корабля. Это была полная катастрофа. Капеллан Гонсалес де Мармолехо собрал нас всех на мессу и произнес пламенную речь о вере и смелости, но и это не помогло поднять дух испуганных жителей города.

Санчо де ла Ос воспользовался обрушившимися на нас несчастьями, чтобы во всех бедах обвинить Вальдивию, и таким образом увеличил число своих сторонников до пяти человек. Среди них был несчастный Чинчилья,

один из тех двадцати солдат, которые присоединились к нашей экспедиции в Копиапо. Мне никогда не нравился этот человек, потому что он был трус и притворщик, но я не могла себе и представить, что он к тому же глуп как пробка. Его идея — убить Вальдивию — не отличалась новизной, только на этот раз у заговорщиков не было даже пяти одинаковых кинжалов: они хранились на дне одного из моих тюков. Чинчилья был так уверен в гениальности своего плана, что, пропустив несколько стаканов спиртного, вырядился шутком в костюм с колокольчиками и бубенцами и пошел выделывать коленца на площади, пытаясь передразнивать губернатора. Конечно, Хуан Гомес его тут же арестовал и едва показал ему пыточные зажимы и объяснил, на какие части тела он их ему поставит, как Чинчилья обмочился от страха и донес на своих сообщников.

Педро де Вальдивия вернулся еще поспешнее, чем уехал, потому что его сорок храбрецов никоим образом не могли тягаться с тем бесчисленным числом индейских воинов, которые продолжали прибывать в долину. Ему удалось спасти несчастных янакон, которые остались в живых после резни в Марга-Марга и Конконе и прятались в зарослях, едва держась на ногах от голода, холода и страха. Столкнувшись с несколькими группами неприятеля, он сумел рассеять их благодаря потрясающей удаче, которая до тех пор его не подводила, взял в плен трех касиков и привез их в Сантьяго. С ними вместе у нас стало семь заложников.

Для того чтобы деревня была деревней, а город — городом, там должны рождаться и умирать люди. Но, по-видимому, испанским поселениям необходимы еще и казни. Первые казни в Сантьяго состоялись на той же самой неделе. После короткого судебного разбирательства — на этот раз с применением пыток — заговорщики были приговорены к немедленной смерти. Чинчилья и двое других были повешены на горе Санта-Лусия, и их тела несколько дней были предоставлены милости ветров и огромных чилийских ястребов. Четвертого обезглавили в тюрьме: дворянские титулы помогли ему избежать подлой смерти на виселице. Ко всеобщему удивлению, Вальдивия снова помиловал Санчо де ла Оса, главного подстрекателя к бунту. На этот раз я наедине с Педро позволила себе не согласиться с его решением: ведь королевских грамот больше не существовало, де ла Ос подписал документ об отказе от претензий на завоевание Чили, и Педро уже был законным губернатором. Этот фанфарон де ла Ос причинил нам слишком много беспокойств и заслуживал самого сурового наказания. Что в очередной раз спасло его голову от плахи, я уже никогда не узнаю. Педро отказался объяснять мне что-либо, а я к тому времени уже поняла, что, имея дело с такими мужчинами, как он, лучше не

настаивать. К тому же за тот год, богатый на волнения и несчастья, Вальдивия сделался еще более раздражительным и вспыльчивым. Поэтому мне пришлось прекратить расспросы.

Под сенью самых прекрасных в мире растений, в прохладной глубине джунглей южного Чили, в тишине корней, стволов и благоуханных крон деревьев, в тени величественных вулканов и горных хребтов, рядом с изумрудными озерами и пенистыми реками, берущими свое начало от тающих снегов, собрались племена мапуче, чтобы провести особую церемонию — собрание старейшин, глав родов, токи, вождей-лонков, колдуний-мачи, воинов, женщин и детей.

Племена потихоньку прибывали на лесную поляну, похожую на огромный амфитеатр и располагавшуюся на вершине холма, которую люди уже разметили ветками священных деревьев — араукарии и канело. Некоторые семьи проделали путь в несколько недель под дождем, чтобы прийти на эту встречу. Кое-кто прибыл заранее и уже построил себе шалаши и хижины, настолько сливающиеся с окружающей природой, что их было не заметно даже с расстояния всего в пару саженей. Те, кто пришел позже, соорудили навесы из ветвей и листьев и растянули шерстяные покрывала. По вечерам они готовили еду, которой делились друг с другом, пили чичу и мудай, но понемногу, чтобы не захмелеть. Они собрались, чтобы обменяться новостями, и рассказывали их неспешно в поэтических и торжественных выражениях, начиная рассказы с истории своего рода, передаваемой в неизменном виде из поколения в поколение. Они говорили и говорили — это было самое важное. Перед каждым жилищем горел костер, и его дым растворялся в тумане, который окутывал землю на рассвете. Маленькие костерки горели в тумане, освещая молочный пейзаж зари. Молодые люди вернулись с реки, где они плавали в ледяной воде, и принялись раскрашивать себе лица и тела ритуальными красками — желтой и синей. Касики облачились в небесно-голубые, черные и белые накидки из вышитой шерсти, повесили на грудь *токикуры* — каменные топоры, символизирующие их власть, — и надели головные уборы из перьев цапли, нанду и кондора. Колдуньи-мачи воскуряли ароматические травы и готовили *реуэ* — лестницу для разговора души с Нгенеченом.

— Прими от нас струйку мудая, как заведено, чтобы насытить дух Земли, который преследует нас. Нгенечен создал мудай, он создал Землю, он создал канело, он создал козленка и кондора.

Женщины вплели в косы цветные ленты: незамужние — голубые, замужние — красные, нарядились в тонкие ткани, надели серебряные

украшения. Дети, тоже празднично одетые, молчаливые и серьезные, сидели полукругом. Мужчины стали будто единым телом из дерева — гордые, мускулистые, черные гривы перевязаны плетеной тесьмой, в руках — оружие.

Церемония началась с первыми лучами солнца. Воины побежали по амфитеатру, крича и потрясая оружием. Заиграли музыкальные инструменты, чтобы распугать силы зла. Мачи принесли в жертву несколько гуанако, предварительно попросив у них разрешения отдать их жизни в дар богу. Они пролили немного крови на землю, вырвали у животных сердца, прокоптили их дымом табака, разрезали на кусочки и роздали токи и лонко, чтобы они породнились с Землей.

— Господин наш Нгенечен, вот чистая кровь животных, твоя кровь, кровь, которую ты даешь нам, чтобы мы жили и могли двигаться. Отец наш, мы молим тебя благословить нас этой кровью.

Женщины запели протяжную и заунывную песню, а мужчины вышли в центр амфитеатра и стали танцевать, медленно и тяжело, ударяя в землю голыми пятками под звуки барабанов и трутрук.

— Мы приветствуем и тебя, Мать Людей. Земля и люди нераздельны. Все, что происходит с Землей, происходит и с людьми. Мать, молим тебя, дай нам вдоволь кедровых орехов, чтобы нам было что есть. Не посылай нам, просим, слишком обильных дождей, ведь от них гниют и посевы, и шерсть. Пожалуйста, не заставляй землю дрожать, а вулканы изрыгать огонь, ведь это нагоняет страх на скот и детей.

Женщины тоже вышли в центр и стали танцевать вместе с мужчинами, покачивая руками, головами и накидками, будто огромные птицы. Вскоре люди почувствовали гипнотическое действие звуков барабанов, трутрук и флейт, ритмических ударов голыми ступнями по влажной земле, могущественной энергии танца, и один за другим начали издавать гортанные звуки, которые скоро превратились в протяжный крик: «Ооооооом! Ооооооом!» Крик этот эхом отражался от гор, пронзая душу. Никто не мог устоять перед чарами этого «Оооооом».

— Мы просим тебя, Повелитель, на этой нашей земле, если тебе это угодно, помогать нам всегда. И сейчас мы по праву просим тебя услышать нас. Мы молим тебя, о Повелитель, не оставлять нас одних, чтобы мы не бродили впотьмах, молим тебя вложить силы в наши руки, чтобы мы смогли защитить земли наших дедов.

Музыка и танец прекратились. Лучи утреннего солнца пронизали облака и превратили туман в золотую пыль. Самый древний токи, со шкурой пумы на плечах, вышел вперед, чтобы первым сказать слово.

Чтобы добраться до этой поляны и представить свое племя, он целый месяц провел в пути. Он не спешил. Он начал с самого начала, с сотворения мира, с истории о том, как змея Кай-Кай взбаламутила море и подняла такие большие волны, что они едва не проглотили мапуче, но тогда змея Тенг-Тенг спасла их, отведя в самые высокие горы, которые заставила расти все выше и выше. И шел такой сильный дождь, что те, кто не сумел взобраться на горы, погибли в воде. Потом вода отступила, и мужчины и женщины поселились в лесах и долинах, помня о том, что деревья и другие растения и животные — их братья и они должны заботиться о них. И каждый раз, срезая ветки, чтобы покрыть ими крышу жилища, они благодарят деревья, и каждый раз, убивая животное, чтобы съесть его, у него просят прощения, и никогда не убивают ради убийства. И мапуче жили на священной земле и были свободны; и когда пришли инки из Перу, они объединились и победили их, не позволив врагу перейти мать всех рек, реку Био-Био, но воды ее окрасились кровью, и на небе появилась красная луна. Прошло время, и теми же дорогами, что раньше приходили инки, пришли уинки. Их было много, и от них исходило зловоние, от них пахло на расстоянии двух дней пути. Они были воры, без родины и земли, брали то, что им не принадлежало, даже женщин, и хотели сделать из мапуче и других племен своих рабов. И воинам пришлось изгнать их со своей земли, но многие погибли, потому что стрелы и копья не могли пронзить железной одежды уинок, они же, напротив, могли убивать издали одним шумом и напускали собак. Но все же их изгнали. Те уинки ушли, потому что были трусливы. Но пролетело несколько лет и зим, и явились другие уинки, и эти, сказал старый токи, хотят остаться. Они рубят деревья, строят свои хижины, сеют свой маис и сношаются с индейскими женщинами, отчего рождаются дети, которые уже и не уинки, и не мапуче.

— И по словам нашего разведчика, они хотят захватить всю землю, от вулканов до моря, от пустыни до конца мира, хотят основать много деревень. Они жестоки, а их токи, Вальдивия, очень хитер. Говорю вам, еще никогда у мапуче не было таких сильных врагов, как эти бородачи, прибывшие издали. Сейчас их лишь небольшое племя, но они придут еще, потому что у них есть крылатые дома, которые перелетают через море. И сейчас я прошу, чтобы люди сказали, как нам следует поступить.

Вперед выступил другой токи, попрыгал на месте, потрясая оружием, испустил гневный вопль, а затем объявил, что он готов идти войной на уинок, убить их, вырвать у них сердца и съесть их, чтобы получить их силу, сжечь их жилища, забрать их женщин, ведь иного решения нет, кроме как предать их всех смерти. Когда он закончил говорить, в центр вышел третий

токи и сказал, что весь народ мапуче должен объединиться против этого врага и избрать токи из токи, *ньидольтоки*, чтобы он руководил войной.

— Господин наш Нгенечен, мы просим тебя помочь нам победить уинок: утомлять их, изводить, не давая им ни спать, ни есть, пугать, следить за ними, устраивать ловушки, отбирать оружие, разбивать им черепа нашими палицами — вот чего мы просим, господин наш.

Снова заговорил первый токи и сказал, что нельзя торопиться, надо вести войну терпеливо, ведь уинки — как сорная трава: чем больше их режешь, тем больше побегов появляется. Эту войну будут вести они, их дети и дети их детей. Прольется много крови мапуче и много крови уинок, пока ей не настанет конец. Воины подняли копья, и из их груди вырвался долгий крик одобрения: «Война! Война!» В этот момент перестал моросить дождь, облака расступились и на фоне голубого неба показался величественный силуэт кондора, медленно пролетающего над мапуче.

В начале сентября мы поняли, что наша первая зима в Чили подходит к концу. Погода улучшилась, и на молодых деревьях, которые мы пересадили из леса на улицы города, набухли почки. Зимние месяцы дались нам тяжело не только из-за нападений индейцев и заговора Санчо де ла Оса, но и из-за чувства одиночества, которое часто нас одолевало. Нам было интересно, что сейчас происходит в остальных частях мира, не завоевали ли испанцы еще какие-нибудь территории, не изобретено ли чего-нибудь нового, здравствует ли наш император, который, судя по новостям, дошедшим до Перу пару лет назад, немного тронулся рассудком. Безумие было в крови нашего венценосного семейства, достаточно лишь вспомнить несчастную мать государя — запертую в Тордесильясе безумицу.

С мая по конец августа дни были короткие, темнело около пяти часов пополудни, и ночи казались бесконечными. Мы старались использовать весь световой день и работали до последнего луча солнца, а потом приходилось уходить по домам, где все — хозяйева, индейцы, собаки и даже домашние птицы — собирались в одной комнате, освещенной одной свечой и согретой теплом жаровни. Каждый пытался найти себе какое-нибудь занятие, чтобы скоротать вечерние часы. Капеллан собрал хор янакон, чтобы с помощью пения укреплять их веру. Агирре развлекал нас своими забавными историями из жизни ловеласа и смешными солдатскими песенками. Родриго де Кирога, который поначалу все больше молчал и держался даже застенчиво, когда на него находило настроение, становился вдохновенным рассказчиком. Книг у нас было очень мало, и мы знали их все наизусть, но Кирога брал персонажей одной истории, переносил в

другую, и так получалось бессчетное множество разнообразных сюжетов. Все книги нашей колонии, кроме двух, были из числа запрещенных инквизицией, а вариации Кироги получались гораздо более дерзкими, чем эти книги были изначально, так что слушать его было греховное удовольствие, а потому особенно любимое. Кроме того, мы играли в карты; этой слабости были подвержены все испанцы, а в особенности наш губернатор, которому к тому же в игре сопутствовала удача. Мы не делали денежных ставок, чтобы не давать лишнего повода для ссор, не быть дурным примером для наших слуг и не выставлять напоказ свою бедность. Еще по вечерам играли на гитаре, читали стихи и с большим воодушевлением вели беседы. Мужчины вспоминали битвы и полные удивительных совпадений приключения, в которых им довелось участвовать. Педро снова и снова просили рассказать о подвигах маркиза де Пескары; солдаты и слуги не уставали восхищаться хитростью, к которой прибег маркиз, когда накрыл свою армию белыми простынями, чтобы его люди не были заметны на снегу.

Капитаны собирались — в том числе в нашем доме, — чтобы обсуждать законы нашей колонии, ведь создание их было самой важной задачей губернатора. Педро желал, чтобы в основе чилийского общества лежала законность, а те, кто будет стоять во главе его, были пропитаны духом служения народу. Он настаивал на том, что никакие общественные посты не должны подкрепляться жалованьем, тем более — пост губернатора, потому что служение народу есть не что иное, как обязанность и высшая честь. Родриго де Кирога полностью поддерживал такой подход, но, кроме них двоих, никто не разделял этих высоких идей. Дохода с земель и имений, которые были розданы самым усердным участникам конкисты, будет более чем достаточно, чтобы в будущем жить безбедно, уверял Вальдивия, — хотя пока что это были только мечты, — и чем больше у человека собственности, тем больше должен он заботиться о своем народе.

Солдаты откровенно скучали: они упражнялись во владении оружием, совокуплялись со своими наложницами и сражались, когда выпадал такой случай, но, помимо этого, делать им было нечего. Строительством города, посевами и уходом за животными занимались только женщины и янаконы. Мне не хватало дня, чтобы переделать все дела: нужно было обихаживать собственный дом и всю колонию, лечить больных, заботиться о посадках, птицах и скоте, учиться чтению у брата Гонсалеса де Мармолехо и языку мапудунгу у Фелипе.

Вместе с благоуханным весенним ветерком на нас нахлынула волна

оптимизма. Далеко позади остались страхи, которые одолевали нас совсем недавно при мысли о полчищах Мичималонко. Мы чувствовали себя сильнее, несмотря на то что после побоища в Марга-Марга и Конконе и казни четверых предателей у нас осталось всего сто двадцать солдат. Сантьяго практически без потерь пережил грязь и ветродуй зимних месяцев, когда нам приходилось ведрами вычерпывать воду из домов; но дома выдержали этот потоп, и люди были здоровы. Даже наши индейцы, которые, бывало, умирали от обычной простуды, пережили зимнюю непогоду без особого труда.

Мы распахали земельные наделы и посадили мастиковые деревья, которые я тщательно укрывала от холодов. У животных уже прошел брачный период, и мы подготовили загоны для поросят, жеребят и лам, которые должны были скоро родиться. Было решено, что как только грязь подсохнет, мы начнем делать необходимые оросительные каналы и даже подумывали о строительстве моста через реку Мапочо, который соединил бы город с имениями, находившимися вокруг, но сначала нужно было закончить постройку церкви. В доме Франсиско де Агирре было уже два этажа, и здание продолжало расти; мы посмеивались над Агирре: у него было больше индианок и тщеславия, чем у всех остальных солдат, вместе взятых, и, видно, он хотел, чтобы его дом был выше церкви. «Этот баск считает себя выше Господа Бога», — говорили про него солдаты. Все женщины в моем доме всю зиму шили и обучали других женщин разнообразным домашним делам. Испанцы, всегда тщеславные и внимательные к внешнему виду, воспряли духом, увидев свои новые рубашки, аккуратно заштопанные штаны и починенные куртки. Даже Санчо де ла Ос вдруг перестал пытаться устраивать заговоры из темницы. Губернатор объявил, что скоро мы возобновим строительство бригаантины, снова начнем мыть золото и отправимся на поиски серебряной жилы, о которой говорил вождь Витакура и которая на поверку оказалась в высшей степени неуловимой.

Весенний оптимизм продлился недолго: в начале сентября мальчик-индеец Фелипе принес известие, что вражеские воины продолжают прибывать в долину, что там собирается большое индейское войско. Сесилия послала своих служанок, чтобы они проверили, так ли это, и они подтвердили то, что Фелипе знал будто по наитию, и добавили, что человек пятьсот стоят лагерем в пятнадцати-двадцати лигах от Сантьяго. Вальдивия собрал своих верных капитанов и решил в очередной раз напасть на врага раньше, чем тот успеет подготовиться к битве.

— Не уезжай из Сантьяго, Педро. У меня дурное предчувствие, —

взмолилась я.

— У тебя, Инес, всегда дурные предчувствия в таких случаях, — ответил он тоном снисходительного отца, который я терпеть не могла. — Мы привыкли сражаться с врагом, в сотни раз превосходящим нас численностью, так что пятьсот дикарей для нас просто детские игрушки.

— Но в других местах их может прятаться гораздо больше.

— С Божьей помощью мы с ними справимся, не волнуйся.

Мне казалось, что делить наши силы крайне неблагоприятно, ведь нас и так было очень мало. Но что я могла возразить против плана такого бывалого военного, как Педро? Каждый раз, когда я пыталась отговорить его от какого-нибудь решения относительно ведения войны, потому что, по моему мнению, оно противоречило здравому смыслу, он раздражался, и мы ругались. Я была не согласна с ним в этом случае, так же как не была согласна и потом, когда на Педро напала мания основывать города, притом что у нас не было ресурсов ни для их заселения, ни для их защиты. Это упрямство и губило его. «Женщины не способны мыслить крупномасштабно, не могут представить себе будущее, не чувствуют хода истории, а созданы заниматься домашними и сиюминутными делами», — сказал он мне однажды по этому поводу. Однако ему пришлось забрать свои слова обратно, когда я назвала ему длинный список всего, что я и другие женщины сделали на нелегком поприще конкисты и основания поселений.

Педро оставил город под защитой пятидесяти солдат и сотни янакон под командованием своих лучших капитанов — Монроя, Вильягры, Агирре и Кироги. Его отряд, состоящий из немногим более шестидесяти солдат и остальных наших индейцев, вышел из Сантьяго на рассвете — с трубами, флагами, выстрелами из аркебуз и с таким шумом, на который только они были способны, чтобы создалось впечатление, что отряд гораздо больше, чем на самом деле. С крыши дома Агирре, превратившейся в смотровую вышку, мы наблюдали, как они удаляются от города. День был ясный, и горы, окружавшие долину, казались огромными и совсем близкими. Рядом со мной стоял Родриго де Кирога, старавшийся скрыть свое беспокойство, которое было не меньше моего.

— Не надо было им уезжать, дон Родриго. Сантьяго остался без защиты.

— Губернатор знает, что делает, донья Инес, — ответил он без особой убежденности в голосе. — Лучше выйти навстречу врагу, чтобы он понял, что мы его не боимся.

Этот молодой капитан был, по моему мнению, лучшим человеком в

нашей маленькой колонии после Педро, конечно же. Он был, как никто, храбр, опытен в военном деле, стоек к боли, честен и бескорыстен; кроме того, он обладал редким даром вызывать доверие у всех. Он строил себе дом на участке неподалеку от нашего, но был так занят в постоянных столкновениях с чилийскими индейцами, что его жилище до сих пор состояло из стропил, двух стен, парусиновых занавесей и соломенной крыши. Его жилище было так неудобно, что большую часть времени он проводил у нас, ведь дом губернатора, будучи самым просторным и удобным в городе, стал местом встречи для многих людей. Думаю, что популярности нашему дому добавляли и мои старания, чтобы еды и питья всегда было вдоволь.

Родриго был единственным из испанских военных, у кого не было гарема наложниц и кто не охотился за чужими индианками, чтобы брюхатить их. У него была одна спутница, Эулалия, красивая девушка кечуа из служанок Сесилии, родившаяся во дворце Атауальпы и обладавшая теми же статью и чувством собственного достоинства, что и ее госпожа, инкская принцесса. Эулалия влюбилась в Родриго с первого взгляда, как только он присоединился к экспедиции. Она впервые увидела его таким же грязным, больным, заросшим и оборванным, какими были все выжившие в джунглях Чунчо, но сумела оценить его сразу же, еще до того, как его отмыли и постригли ему шевелюру. Она не сидела сложа руки. Бесконечными хитростями и терпением она сумела добиться внимания Родриго и тут же пришла ко мне, чтобы рассказать о своей печали. Я замолвила за нее словечко перед Сесилией, чтобы та разрешила Эулалии служить Родриго, под тем предлогом, что у нее самой достаточно служанок, а этот несчастный, от которого остались кожа да кости, может и умереть, если за ним не будут ухаживать. Сесилия была слишком проницательна, чтобы ее можно было провести подобными доводами, но идеей любви она прониклась до глубины души и потому отпустила свою служанку. Так Эулалия и стала жить у Кироги. У них были очень нежные отношения: его обращение с ней было проникнуто слегка покровительственной и уважительной вежливостью, невиданной между солдатами и их наложницами, а она удовлетворяла малейшие его желания с особой быстротой и тактом. Эулалия казалась покорной, но я знала от Каталины, что она была страстна и ревнива. Когда мы стояли рядом на крыше и смотрели, как больше половины наших сил удаляются от города, я задумалась о том, каков должен быть Кирога в постели, стремится ли он ублажить Эулалию и получается ли у него это. Я хорошо знала его тело, ведь мне выпало лечить его, когда он едва живой прибыл из джунглей

Чунчо и когда его в стычках ранили индейцы; он был поджар, но очень силен. Я никогда не видела его полностью обнаженным, но от Каталины слышала, что «такую пипиську надо увидеть, да, сеньорай». Служанки, от которых ничего не скрывается, уверяли, что он в этом смысле богато одарен, а Агирре — наоборот, несмотря на всю его ненасытную похоть... Ладно, не важно. Помню, сердце у меня екнуло, когда я подумала о том, что слышала от служанок про Родриго, и я покраснела так сильно, что он это заметил.

— С вами все хорошо, донья Инес? — спросил он.

Я смутилась, быстро попрощалась, спустилась с крыши и пошла заниматься своими делами, а он — своими.

Через два дня, 11 сентября 1541 года — этот день я никогда не забуду, — войско Мичималонко и его союзников напали на Сантьяго. Как всегда, когда Педро не было рядом, я не могла спать. Я даже не пыталась лечь в постель — я часто бодрствовала ночами, — а села за шитье, отпустив всех остальных отдохнуть. Фелипе, как и я, спал очень мало. Я часто встречала юного индейца во время своих ночных прогулок по комнатам дома; он всегда оказывался в каком-нибудь неожиданном месте, неподвижно и молча смотря во тьму широко открытыми глазами. Ему было бесполезно давать тюфяк или указывать особое место для спанья — он ложился там, где ему хотелось, даже не накрываясь одеялом. В этот зыбкий предрассветный час я почувствовала, как беспокойство, сидевшее у меня комом в желудке с тех пор, как уехал Педро, усиливается. Я провела добрую часть ночи в молитвах — не от избытка веры, а от страха. От разговора с Девой Заступницей мне всегда становится спокойнее, но в ту ночь даже она не смогла притушить ужасные предчувствия, не дававшие мне покоя. Я накинула платок на плечи и пошла совершать свой обычный обход в сопровождении Бальтасара, который всегда ходил за мной как тень, будто привязанный к моим щиколоткам. В доме стояла тишина. Фелипе мне не встретился, но это меня не беспокоило: он часто спал на конюшне рядом с лошадьми. Выглянув из окна на площадь, я заметила слабый свет факела на крыше дома Агирре, где стоял часовой. Я подумала, что этот бедняга, должно быть, уже с ног валится от усталости, проведя столько часов один в дозоре, подогрела бульона и пошла отнести его солдату.

— Большое спасибо, донья Инес. А вы что же не отдыхаете?

— У меня бессонница. Есть что-нибудь новое?

— Нет. Ночью все было спокойно. Видите, луна немного освещает округу.

— А что это за темные пятна, там, рядом с рекой?

— Тени. Я заметил их уже некоторое время назад.

Я посмотрела на эти тени еще немного и заключила, что это какое-то странное видение: как будто бы темная волна вздымалась из реки, чтобы сомкнуться с другой, катившейся из долины.

— Эти якобы тени — что-то странное, молодой человек. Думаю, следует позвать сюда капитана Кирогу, у него очень хорошее зрение...

— Мне нельзя бросать пост, сеньора.

— Я схожу сама.

Я бегом сбежала вниз по лестнице — Бальтасар следовал за мной — и бросилась через площадь к дому Родриго де Кироги. Растолкав индейца-стражника, который спал поперек того, что когда-нибудь должно было стать порогом дома, я приказала ему срочно звать капитана. Родриго появился через две минуты, полуодетый, но в сапогах и со шпагой в руке. Он поспешил со мной через площадь и взобрался на крышу дома Агирре.

— Донья Инес, нет сомнения, что эти тени — не что иное, как множество людей. И они двигаются прямо на нас. Могу поклясться, что это индейцы под черными покрывалами.

— Что вы такое говорите? — в ужасе воскликнула я, вспомнив про маркиза де Пескару и его белые простыни.

Родриго де Кирога дал сигнал тревоги, и меньше чем в двадцать минут все пятьдесят солдат, которые в эти дни постоянно были начеку, собрались на площади, в латах и шлемах и с оружием наготове. Монрой занялся кавалерией — у нас было всего тридцать две лошади — и разделил всадников на два маленьких отряда: один — под командованием Агирре, другой — под его собственным. Оба намеревались встретить врага снаружи, до того, как он войдет в город. Вильягра и Кирога с аркебузирами и индейцами взяли на себя внутреннюю защиту города, а капеллан, женщины и я должны были отвечать за снабжение защитников и перевязывать им раны. По моему совету Хуан Гомес отвел Сесилию, двух лучших кормилиц-индианок и всех грудных детей, что были в нашей колонии, в погреб нашего дома, который мы вырыли, думая держать там съестные припасы и вино. Он дал в руки Сесилии фигурку Девы Заступницы, на прощание поцеловал жену в губы, благословил сына, а потом закрыл вход в погреб досками и присыпал сверху землей, чтобы было незаметно. Иного способа защитить дорогих своему сердцу людей, как похоронить их заживо, он не нашел.

Наступил рассвет 11 сентября. Небо было безоблачно, и робкое весеннее солнце освещало город в тот момент, когда слышались ужасный

воинственный клич и вопли тысячи индейцев, которые толпой бросились на нас. Мы поняли, что попали в ловушку, дикари оказались гораздо более хитры, чем мы думали. Отряд в пятьсот человек, якобы готовившийся напасть на Сантьяго, был не более чем наживкой, чтобы выманить Вальдивию и большую часть наших сил, а в это время тысячи и тысячи индейцев, скрывавшихся в лесах, под покровом ночи и черных покрывал приблизились к городу.

Санчо де ла Ос, который месяцами гнил в темнице, стал кричать, чтобы его выпустили и дали шпагу. Монрой решил, что нам отчаянно нужны руки, пусть даже это будут руки предателя, и приказал снять с него кандалы. Должна засвидетельствовать, что в тот день этот королевский вельможа бился так же храбро, как и другие наши бесстрашные капитаны.

— Франсиско, можешь прикинуть, сколько там индейцев идет на нас? — спросил Монрой у Агирре.

— Нас таким количеством не испугаешь! Тысяч восемь или десять...

Оба конных отряда галопом пустились навстречу авангарду атакующих, как разъяренные кентавры, шпагами рубя головы и руки, разбивая груди ударами копыт. Однако менее часа спустя им пришлось отступить. В это время тысячи других индейцев уже бежали с криками по улицам Сантьяго. Янаконы и некоторые женщины, заранее, за месяцы до того обученные Родриго де Кирогой, заряжали аркебузы, чтобы солдаты могли стрелять быстрее, но это все равно выходило долго и мучительно. Враг продолжал наступать. Матери тех малышей, что были спрятаны вместе с Сесилией в погребе, бились храбрее опытных солдат — ведь они сражались за жизни своих детей. Дождь из зажженных стрел обрушился на крыши домов, и солома, хоть она еще не до конца просохла после августовских дождей, занялась. Я поняла, что мужчин придется оставить наедине с их аркебузами, а женщин надо отправить тушить пожар. Мы начали передавать ведра с водой по цепочке, но скоро стало ясно, что это бессмысленно, потому что горящие стрелы продолжали падать на крыши, а мы не могли тратить всю воду на тушение пожара, помня о том, что скоро она станет отчаянно необходима солдатам. Мы бросили тушить дома на периферии и сконцентрировали все усилия на Оружейной площади.

К тому времени появились первые раненые — пара солдат и несколько янакон. Мы с Каталиной и моими служанками отыскивали все необходимое: тряпки, угли, воду и кипящее масло, вино для дезинфекции и мунда для облегчения боли. Другие женщины готовили котелки с супом, миски с водой и маисовые лепешки, потому что битва обещала быть долгой. Дым от горящей соломы накрыл весь город, не давая дышать и разъедавая глаза.

Окровавленным воинам мы обрабатывали только те раны, что были на виду — времени снимать с них доспехи не было, — давали чашку воды или бульона, и они, как только им удавалось подняться на ноги, снова отправлялись сражаться. Не знаю, сколько раз наши конники налетали на атакующих, но пришел момент, когда Монрой решил, что невозможно защищать весь полыхающий с четырех сторон город, тем более что индейцы наводнили уже практически весь Сантьяго. Быстро посоветовавшись с Агирре, Монрой решил, что всадникам нужно отступить и стянуть все силы на площадь, где на табурете расположился старик дон Бенито. Благодаря ворожке Каталины его рана затянулась, но он был все еще слаб и не мог долго стоять на ногах. Сидя на площади, он стрелял из двух аркебуз, заряжать которые помогал один янакона. Весь этот долгий день дон Бенито, не вставая со своего сиденья, усердно истреблял врагов. Стрелял он так много, что аркебузы раскалились и жгли ему пальцы.

Пока я занималась ранеными в своем доме, несколькими индейцам удалось взобраться на кирпичную стену, окружавшую двор. Увидев их, Каталина завизжала как резаная, а я побежала посмотреть, что происходит, но бежать пришлось недалеко, потому что враги оказались так близко, что я легко могла бы пересчитать зубы этих людей с раскрашенными свирепыми лицами. Родриго де Кирогоа и падре Гонсалес де Мармолехо, который надел железный нагрудник и сжимал в руке шпагу, тут же подоспели отражать нападение индейцев, ведь защита моего дома была делом первостепенной важности: в нем были раненые и дети, спрятанные вместе с Сесилией в погреб. Несколько индейцев вступили в схватку с Кирогой и Мармолехо, в то время как другие стали жечь посадки и убивать моих домашних животных. Это окончательно вывело меня из себя, ведь я заботилась о каждой скотине как о ребенке, которого у меня никогда не было. С рыком, вырывавшимся откуда-то из глубины моего существа, я бросилась навстречу индейцам, хотя на мне не было лат, подаренных Педро, потому что, закованная в железо, я не могла бы лечить раненых. Наверное, волосы у меня стояли дыбом, а изо рта вырывалась пена и проклятия, и я походила на гарпию; видимо, вид у меня в тот момент был устрашающий, потому что дикари на мгновение замерли, а затем в ужасе отступили на несколько шагов. Не понимаю, почему они тут же не размозжили мне голову палицей. Потом мне говорили, что Мичималонко приказал им не трогать меня, потому что хотел заполучить меня себе в жены, но такие истории люди выдумывают уже после всех событий, стремясь объяснить необъяснимое. В

это мгновение на подмогу ко мне подспели Родриго де Кирога, крутивший шпагой над головой, как мельница лопастями, и кричавший, чтобы я ушла в укрытие, и мой пес Бальтасар, рычавший, лаявший и скаливший клыки, как дикий зверь, которым он никогда не был в обычных ситуациях. Нападавшие побежали прочь, пес понесся за ними, а я, совершенно опустошенная, осталась стоять посреди своего горящего огорода, полного трупов домашних животных. Родриго взял меня под локоть и хотел увести оттуда, но тут мы увидели петуха с опаленными перьями, который пытался подняться на ноги. Ни секунды не думая, я подняла юбку и посадила петуха в нее, как в сумку. Немного поодаль я заметила еще пару куриц, обезумевших от дыма. Я без труда поймала их и посадила в подол вместе с петухом. Тут за мной пришла Каталина и, поняв, чем я занята, принялась помогать мне. Нам вдвоем удалось спасти и спрятать в укромное место нескольких птиц, пару свиней, две пригоршни пшеницы — все остальное пропало. К тому времени Родриго и капеллан уже снова были на площади и продолжали сражаться вместе с остальными.

Каталина, несколько индианок и я перевязывали раненых, которых в пугающем количестве приносили нам в импровизированный госпиталь в моем доме. Эулалия принесла на руках пехотинца, залитого кровью с головы до ног. «Боже мой, этому уже не помочь», — подумала я, но, сняв с него шлем, мы увидели, что лоб у него был рассечен глубоко, но кость осталась цела, хоть и немного продавлена. Мы прижгли ему рану, вымыли лицо, дали попить воды, но не смогли заставить отдохнуть хоть минуту. Ошеломленный и полуслепой — у него ужасно распухли веки, — он, спотыкаясь, побежал обратно на площадь.

Тем временем я пыталась вытащить стрелу, застрявшую в шее другого солдата, некоего Лопеса, который всегда относился ко мне с едва скрываемым презрением, а особенно — после трагедии с Эскобаром. Несчастный был бледен как смерть, а стрела застряла в его теле так глубоко, что ее невозможно было извлечь, не увеличив рану. Я как раз прикидывала, стоит ли идти на такой риск, когда бедняга затрясся и страшно захрипел. Поняв, что помочь ему я уже ничем не могу, я позвала капеллана, который спешно явился исповедовать и соборовать умирающего.

На полу в гостиной лежало много раненых, которые не находили сил вернуться на площадь; их было не меньше двадцати, большинство — янаконы. У нас закончились тряпки, и Каталина стала рвать простыни, которые мы так усердно вышивали долгими зимними вечерами. Потом пришлось рвать на полосы юбки, а под конец — и мое единственное

парадное платье. В это время в комнату вошел Санчо де ла Ос, неся на плечах какого-то потерявшего сознание солдата, и положил его к моим ногам. Мы с предателем успели обменяться взглядами и, думаю, в этот миг простили друг другу все прошлые обиды. В хор стонов несчастных, которым прижигали раны углями и раскаленным железом, вплеталось ржание лошадей, потому что тут же кузнец как мог помогал раненым животным. Земляной пол был пропитан кровью — людской и лошадиной.

Агирре заглянул к нам через дверь, не слезая со своего скакуна, весь в крови с головы до стремян, и крикнул, что приказал покинуть все дома, кроме тех, что вокруг площади: эти дома мы должны приготовиться защищать до последнего вздоха.

— Спешитесь, капитан, я обработаю вам раны! — взмолилась я.

— На мне ни царапины, донья Инес! Принесите воды тем, кто на площади! — крикнул он, бросив на меня грозно-веселый взгляд, и ускакал. Когда он развернул коня, стало видно, что у животного тоже кровоточил бок.

Я приказала нескольким женщинам нести воду и лепешки солдатам, без передышки бившимся с самого рассвета. Мы с Каталиной сняли с тела Лопеса доспехи, и я надела на себя его окровавленные кирасу и кольчугу. Не найдя свою, взяла его шпагу и вышла на площадь. Солнце уже начало клониться к западу, было, наверное, часа три или четыре пополудни; я подсчитала, что битва должна была длиться уже больше десяти часов. Я оглянулась вокруг и поняла, что Сантьяго горит со всех сторон и все, что в течение месяцев строилось потом и кровью, разрушено в одночасье, вместе с мечтой колонизировать долину. Тем временем Монрой и Вильягра вместе с оставшимися в живых солдатами отступили и сражались на площади, которую с четырех сторон атаковал неприятель и плечом к плечу защищали все наши люди. Из построек сохранились только церковь и дом Агирре, где мы держали семерых пленных касиков. Дон Бенито, черный от пороха и сажи, сидя на своем табурете, методично стрелял, тщательно целясь, прежде чем нажать на курок, будто охотился на перепелов. Янакона, который раньше заряжал ему аркебузы, недвижно лежал рядом на земле, а на его месте стояла Эулалия. Я поняла, что она весь день ни на минуту не уходила с площади, чтобы не потерять из виду своего любимого Родриго.

Среди шума выстрелов, ржания лошадей, лая собак и гула сражения я ясно расслышала голоса семерых касиков, которые хриплыми криками подбадривали своих соплеменников. Не знаю, что со мной произошло. Я много думала о том роковом дне 11 сентября и пыталась понять тогдашние

события, но, полагаю, никто не сможет описать их в точности: у каждого есть своя версия, смотря по тому, что именно ему выпало пережить. Дым был густ, суматоха — ужасна, шум — оглушительен. Мы в исступлении дрались за собственные жизни и обезумели от крови и жестокости. Я не могу вспомнить в деталях все то, что делала в тот день, поэтому мне приходится полагаться на рассказы очевидцев. Но я помню, что не боялась ни мгновения: ярость поглотила все остальные чувства.

Я посмотрела в сторону темницы, откуда слышались крики пленников, и, несмотря на дым, совершенно ясно увидела своего мужа, Хуана де Малагу, который следовал за мной по пятам и мучил меня с самого выезда из Куско. Он стоял, опершись на косяк двери, и внимательно смотрел на меня своими грустными глазами неприкаянной души. Затем он сделал мне жест рукой, будто подзывая к себе. Я прошла между солдатами и конями, какой-то частью сознания оценивая масштабы катастрофы, а другой — повинувшись немоу приказу своего покойного супруга. Темницей служила обычная комната на первом этаже дома Агирре, а дверь ее состояла из нескольких досок с засовом снаружи. Ее охраняли два молодых стражника, которым было приказано защищать пленников даже ценой собственных жизней, ведь эти касики были нашим единственным козырем для переговоров с неприятелем. Я не остановилась просить у них разрешения войти, а просто оттолкнула их и отодвинула тяжелый засов одной рукой: мне помогал Хуан де Малага. Стражники последовали за мной внутрь, не пытаясь ни остановить меня, ни понять моих намерений. Свет и дым проникали в темницу сквозь щели, и дышать там было тяжело; от пола поднималась розоватая пыль, делая сцену слегка расплывчатой, но я ясно разглядела семерых пленников, прикованных к толстым бревнам, рвавшихся с цепей, как черти в аду, и кричавших, что есть силы, призывая своих соплеменников. Увидев, как я вхожу в сопровождении окровавленного призрака Хуана де Малаги, они замолчали.

— Убейте их всех! — приказала я стражам искаженным до неузнаваемости голосом.

И пленники, и стражи замерли от ужаса.

— Убить их, сеньора? Но ведь это губернаторские заложники!

— Убейте, я сказала!

— Как нам это сделать? — испуганно спросил один из солдат.

— Вот так!

Тут я обеими руками подняла над головой тяжелую шпагу и, вложив в удар всю свою силу и ненависть, обрушила ее на касика, который был ближе всего ко мне, и разом отрубила ему голову. Удар был такой сильный,

что я не удержалась на ногах и упала на колени; поток крови брызнул мне в лицо, а голова индейца покатила к моим ногам. Дальнейшее я помню плохо. Один из стражников потом уверял меня, что я так же отрубила головы остальным шестерым заложникам, а другой рассказывал, что дело было не так и это они с товарищем закончили начатое мной. Впрочем, это не важно. Главное, что через пару минут на земле лежали семь мертвых голов. Да простит меня Господь.

Я схватила одну из них за волосы, выбежала на площадь огромными прыжками, взобралась на баррикаду из мешков с песком и бросила свой ужасающий трофей в воздух с невиданной силой. Страшный победный крик поднялся из недр земли, прошел сквозь все мое тело и вырвался, дрожа, как раскат грома, из моей груди. Голова несколько раз перевернулась в воздухе и упала посреди толпы индейцев. Я не задержалась посмотреть, какой эффект это произвело, а бросилась обратно в темницу, схватила еще две головы и запустила их в противоположную сторону площади. Кажется, оставшиеся четыре головы мне принесли стражники, но я в этом не уверена: может, я сама побежала за ними. Я точно знаю только, что у меня нашлись силы, чтобы запустить их в воздух. Еще прежде, чем последняя голова упала на землю, странная неподвижность объяла площадь, время будто замерло, дым рассеялся, и мы увидели, как индейцы в ужасе молча начали отступать, на шаг, два, три, а потом, толкаясь, бросились бежать по тем самым улицам, которые только что захватили.

Прошло много времени, а может быть — всего одно мгновение. Внезапно на меня навалилась усталость, кости стали как ватные, я очнулась от кошмара и осознала, какое ужасное преступление я совершила. Я увидела себя такой, какой меня видели люди вокруг: косматая дьяволица, залитая кровью, осипшая от крика. Ноги у меня подкашивались. Я почувствовала на талии руку Родриго де Кироги, который поднял меня, прижал к своей закованной в доспех груди и увел с площади. Очевидцы произошедшего были глубоко поражены и стояли в оцепенении.

Сантьяго, столица Новой Эстремадуры, был спасен, хотя от города остались только обгоревшие бревна и кучи обломков. От церкви виднелось только несколько свай; от моего дома — четыре закопченные стены; дом Агирре более или менее сохранился, а все остальное превратилось в пепел. Четверо солдат погибли, а оставшиеся в живых были ранены, некоторые — тяжело. В сражении погибла половина наших янакон, а еще пятеро умерли через пару дней от заражения ран и потери крови. Женщины и дети вышли

из своего укрытия невредимыми: нападавшие не нашли погреб, где мы спрятали Сесилию с малышами. Семян у нас практически не было — только четыре пригоршни пшеницы.

Родриго де Кирога, как и все остальные, решил, что я во время битвы окончательно тронулась рассудком. Он на руках отнес меня к руинам моего дома, где в импровизированном госпитале все еще кипела работа, и осторожно положил на пол. На лице его была печаль и безмерная усталость. Он попрощался со мной, легко поцеловав в лоб, и ушел обратно на площадь. Каталина с помощью еще одной женщины сняла с меня кирасу, кольчугу и пропитанное кровью платье, в поисках ран, но ран на мне не было. Они помыли меня, как смогли, водой, оттерли мочалкой из конского волоса — ведь тряпок больше не оставалось — и заставили выпить полчашики ликера. После этого меня стошнило розоватой жидкостью, как будто я даже наглоталась крови.

Многочасовой гул битвы сменила мертвая тишина. Люди не могли пошевелиться, падали на землю там, где стояли, и оставались лежать на земле, все в крови, саже, пыли и пепле, пока женщины не стали поить их водой, снимать с них доспехи и помогать подниматься. Капеллан обошел площадь, чтобы осенить крестным знаменем умерших и закрыть им глаза, а потом стал переносить к нам в госпиталь раненых, перекидывая их через плечо. Благородный конь Франсиско де Агирре был смертельно ранен, но усилием воли держался на дрожащих ногах до тех пор, пока несколькими женщинами не удалось стащить с него всадника; только после этого животное склонило голову и умерло еще до того, как упало наземь. У Агирре было несколько поверхностных ран, но тело у него оказалось настолько напряжено и негибко, что с него невозможно было ни снять доспехи, ни даже вынуть оружие из рук, так что его пришлось оставить в углу на полчаса, пока к нему не вернулась способность хоть немного двигаться. Потом кузнец пилой отрезал копье с двух сторон, чтобы его можно было вынуть из сжатой руки, и мне с помощью еще нескольких женщин удалось его раздеть, что было непростой задачей, потому что он был огромный и все еще неподвижный, как бронзовая статуя. Монрою и Вильягре, которые были в лучшем состоянии, чем другие капитаны, и распалены схваткой, пришла в голову безумная идея с горсткой солдат преследовать бежавших в беспорядке индейцев, но капитаны тут же обнаружили, что ни одна лошадь не может сделать ни шагу и нет ни одного не раненого солдата.

Хуан Гомес бился, как лев, весь день думая о Сесилии и сыне, спрятанных у меня в погребе, и, едва все вокруг немного успокоилось,

побежал вызволять их из подземелья. В отчаянии он раскидывал землю с досок руками, потому что не смог отыскать лопаты: индейцы унесли с собой все, что смогли взять. Он рывком снял доски, открыл склеп и свесился в темное и тихое подземелье.

— Сесилия! Сесилия! — испуганно закричал он.

Тут из глубины ему ответил ясный голос его жены:

— Хуан, наконец-то ты пришел! А то я уже начинала скучать.

Все три женщины и дети благополучно пережили более двенадцати часов под землей, в полной темноте, в помещении, где было мало воздуха и совсем не было воды, не зная, что происходит снаружи. Сесилия обязала кормилиц давать младенцам грудь по очереди в течение всего дня, а сама постоянно была начеку, чтобы в случае необходимости защищать их с топором в руках. Погреб не заполнился дымом то ли по милости Девы Заступницы, то ли потому, что вход был завален землей, которой Хуан Гомес просто старался его замаскировать.

Монрой и Вильягра решили той же ночью послать гонца к Педро де Вальдивии, чтобы известить его о несчастье, но Сесилия, которая возвратилась из-под земли такой же величественной и прекрасной, какой была всегда, возразила, что ни один гонец не сможет справиться в таком заданием и погибнет, потому что долина кишит разъяренными индейцами. Капитаны, хоть и не привыкли слушать женщин, на этот раз сделали исключение.

— Я прошу вас послушать мою жену. Ее сеть шпионов всегда помогала нам, — вмешался Хуан Гомес.

— Как же вы предлагаете поступить, донья Сесилия? — спросил Родриго де Кироба, который был дважды ранен, крайне утомлен и изможден потерей крови.

— Ни один мужчина не сможет пройти через вражеские территории...

— Вы предлагаете послать почтового голубя? — со смехом перебил ее Вильягра.

— Нет. Женщин. И не одну, а нескольких. Я знакома со многими женщинами кечуа в долине, они будут передавать сообщение из уст в уста, и так оно достигнет губернатора быстрее, чем сто голубей перенесли бы его по воздуху, — завершила его инкская принцесса.

Так как времени на долгие дискуссии не было, решили послать сообщение двумя путями: тем, что предложила Сесилия, и отправить одного янакону, ловкого, как заяц, который попытается пересечь долину ночью и добраться до Вальдивии. К сожалению, этот верный слуга был застигнут рассветом и убит ударом палицы. Лучше и не думать, какая

судьба постигла бы его, попади он живым в руки Мичималонко.

Вождь, должно быть, был разъярен неудачей, которую потерпели его воины; он не знал, как объяснить не ведавшим чужой власти мапуче с юга, каким образом горстка бородачей сумела справиться с восьмью тысячами его воинов. Не мог же он объяснить это тем, что какая-то ведьма стала подкидывать в воздух головы касиков, будто дыни. Его бы сочли трусом, а для воина это худшее, что только можно придумать, и его имя не вошло бы в эпическую историю племени, а стало бы предметом злых насмешек.

Система Сесилии сработала: послание достигло губернатора за двадцать шесть часов. Сообщение перелетало из одной деревни в другую по всей долине, пересекло леса и горы и достигло Вальдивии, который разъезжал туда-сюда в тщетных попытках найти Мичималонко, еще не понимая, что его обвели вокруг пальца.

Родриго де Кирога, обойдя руины Сантьяго и передав Монрою список потерь, пришел навестить меня. Вместо безумного василиска, которого он оставил в госпитале немногим ранее, он увидел меня обычную, более или менее чистую, в ясном уме и твердой памяти, помогающую раненым.

— Донья Инес... хвала Всевышнему... — пробормотал он, едва не плача от утомления.

— Снимайте доспехи, дон Родриго, надо осмотреть ваши раны, — отозвалась я.

— Я думал, что... Боже мой! Вы спасли город, донья Инес. Вы обратили в бегство дикарей...

— Не говорите так. Это несправедливо по отношению к этим мужчинам, которые так храбро сражались, и этим женщинам, которые так самоотверженно им помогали.

— Головы... Говорят, все головы падали на землю лицом к индейцам, и они решили, что это дурной знак, и потому отступили.

— Не понимаю, о каких головах вы говорите, дон Родриго. У вас мысли путаются. Каталина, голубушка! Помогите дону Родриго снять доспехи!

У меня было много часов, чтобы оценить свои действия. Я без остановок и передышек работала всю ночь и следующее утро, помогая раненым и стараясь спасти из догоравших домов все, что еще было можно спасти, но какая-то часть моего сознания все это время непрерывно говорила с Девой — я просила ее заступиться за меня, чтобы мне простился совершенный грех, — и с Педро. Я предпочитала даже не представлять себе его реакцию, когда он увидит, во что превратился

Сантьяго, и узнает, что у нас больше нет заложников, что мы предоставлены воле дикарей, не имея никакого веского аргумента для ведения переговоров. Как я смогу объяснить ему то, что сделала, если я сама этого не понимаю? Сказать ему, что у меня помутился рассудок и я даже не помню, что произошло, было бы слишком абсурдным оправданием; к тому же я чувствовала стыд за тот гротескный спектакль, который я разыграла на глазах у капитанов и солдат. Наконец около двух часов пополудни 12 сентября усталость подкосила меня, и я проспала несколько часов на полу рядом с Бальтасаром, который вернулся на рассвете с окровавленной пастью и перебитой лапой.

Три последующих дня пронеслись для меня очень быстро: я вместе со всеми разбирала завалы, тушила пожары и укрепляла площадь — единственное место, где мы могли защититься при следующей атаке; а в том, что индейцы скоро на нас нападут вновь, мы не сомневались. Помимо этого, мы с Каталиной раскапывали борозды со сгоревшими посевами и перебирали пепел в надежде отыскать что-нибудь съедобное, что можно было бросить в суп. После того как мы съели павшую лошадь Агирре, еды у нас почти не осталось: вернулись времена общего котелка, только на этот раз суп был из воды, трав и клубней, которые нам удавалось откопать.

На четвертый день прибыл Педро де Вальдивия с отрядом в четырнадцать всадников, а пехота следовала за ними так быстро, как только могла. Верхом на Султане губернатор въехал в развалины, которые прежде именовались городом, и с первого взгляда понял, насколько тяжелые невзгоды обрушились на нас. Он прошел по улицам, вдоль которых еще поднимались легкие струйки дыма, указывавшие на места, где раньше были дома, а затем вышел на площадь, где и собралось все население Сантьяго. Это была жалкая горстка людей, состоящая из голодных, испуганных оборванцев, раненых, лежащих прямо на земле в грязных повязках, и капитанов, таких же измотанных и оборванных, как последние из янакон, но все же пытающихся оказать другим посильную помощь. Затрубил часовой, и с огромным усилием все, кто мог держаться на ногах, встали, чтобы поприветствовать главнокомандующего. Я осталась позади, наполовину скрытая парусиной; я смотрела на Педро из-за укрытия, и сердце у меня сжималось от любви, печали и усталости. Он спешил в центре площади и, прежде чем обнять своих друзей, окинул взглядом царившую вокруг разруху, ища глазами меня. Я сделала шаг вперед, чтобы он увидел, что я жива; наши взгляды встретились, и он изменился в лице. Рассудительным и властным голосом, перед которым никто не мог устоять, он произнес перед солдатами речь, в которой отметил мужество каждого,

особенно тех, кто погиб в бою, и возблагодарил апостола Иакова за спасение остальных. Город был не так важен, потому что у нас еще оставались крепкие руки и горячие сердца, чтобы возродить его из пепла. Нам придется начинать заново, сказал он, но для могучих духом испанцев, которые никогда не сдаются, и для верных янакон это повод не для уныния, а для воодушевления. «С нами Иаков, за нами — Испания!» — воскликнул он, поднимая шпагу. «С нами Иаков, за нами — Испания!» — отозвались все в один голос очень дисциплинированно, но в этом возгласе все же слышалось глубокое уныние.

Той ночью, лежа на твердой земле под открытым небом, накрывшись каким-то грязным покрывалом, в свете луны, я расплакалась в объятиях Педро от усталости. Он уже слышал несколько рассказов о битве и моей роли в ней; но, против моих опасений, не рассердился на меня, а был горд моим поведением и благодарен мне, как и каждый солдат в Сантьяго, ведь если бы не я, все бы погибли, — так он мне сказал. Конечно же, версии событий, которые он слышал, были сильно преувеличены, и именно из них родилась легенда о том, что это я спасла город. «Правду говорят, что ты сама отрубила головы семерым касикам?» — спросил меня Педро, едва мы остались наедине. «Не знаю», — ответила я честно. Педро никогда не видел, чтобы я плакала, из меня не так-то просто выбить слезу, но в этот первый раз он не пытался утешить меня, а только гладил меня рассеянно и нежно, как бывало с ним иногда. Казалось, профиль его был высечен из камня: губы плотно сжаты, а взгляд устремлен к небу.

— Я очень боюсь, Педро, — всхлипнула я.

— Смерти?

— Всего, кроме смерти. Мне до старости осталось еще много лет.

Мы вместе посмеялись над шуткой о том, что я похороню еще не одного мужа и всегда буду симпатичной вдовой.

— Я уверен, что люди хотят вернуться в Перу, хотя пока никто не решается сказать это вслух, чтобы не показаться трусом. Они чувствуют себя уничтоженными.

— А ты чего хочешь, Педро?

— Построить Чили вместе с тобой, — ответил он, ни на мгновение не задумавшись.

— Тогда так мы и поступим.

— Так мы и поступим, Инес души моей...

Воспоминания о далеком прошлом у меня очень живые, так что я могла бы в мельчайших подробностях рассказать обо всем, что случилось в первые двадцать или тридцать лет нашей жизни в Чили, но у меня мало

времени, потому что Смерть, эта добрая матушка, уже зовет меня, и я хочу последовать за ней, чтобы наконец обрести покой в объятиях Родриго. Призраки прошлого окружают меня. Хуан де Малага, Педро де Вальдивия, Каталина, Себастьян Ромеро, моя мать и бабушка, похороненные в Пласенсии, и многие другие приобретают все более четкие очертания, и я слышу, как они перешептываются в коридорах моего дома. Семь обезглавленных касиков, видно, нашли себе достойное место на небесах или в преисподней, потому что они не являлись мне никогда. Я не лишилась рассудка, как это часто бывает со стариками; я еще сильна, и голова у меня еще крепко держится на плечах, но я уже одной ногой стою за краем жизни и поэтому вижу и слышу то, что другим не заметно. Исабель, ты волнуешься, когда я так говорю, и советуешь мне молиться. Молитвы успокаивают душу, говоришь ты. Моя душа спокойна, я не боюсь смерти; не боялась тогда, когда стоило бы бояться, и уж тем более сейчас, когда я пожила уже предостаточно. Ты — единственное, что удерживает меня в этом мире. Признаюсь тебе: я бы не хотела видеть, как вырастут и будут страдать мои внуки, лучше уж я унесу с собой в могилу воспоминания об их детском смехе. Молюсь я по привычке, а не для того, чтобы отогнать тоску. Вера меня никогда не покидала, но мои отношения с Богом менялись с течением времени. Иногда, не задумываясь, я Его вдруг называю Нгенеченом, а Деву Заступницу путаю со Святой Матерью-Землей мапуче, но от этого я не стала меньшей католичкой, чем раньше, — избави Боже! — просто мое христианство немного растянулось, как шерстяная одежда от долгой носки. Жить мне осталось всего пару недель, я это точно знаю, ведь иногда мое сердце забывает биться, от этого у меня кружится голова, я падаю, и нет аппетита. Дело вовсе не в том, что я морю себя голодом, просто чтобы помучить тебя — в чем ты меня обвиняешь, доченька, — а в том, что мне теперь кажется, что у еды вкус песка, и мне не проглотить ни куска, поэтому я питаюсь только глоточками молока. Я исхудала и стала похожа на обтянутый кожей скелет, как в те далекие голодные времена, только тогда я была еще молода. А худая старуха выглядит уж очень патетично. У меня сделались такие большие уши, что даже легкий поток воздуха может повалить меня наземь. Ветер в любую секунду может унести меня. Надо мне рассказывать покороче, а то слишком много мертвых останется без внимания. Мертвые... Почти все мои любви уже мертвы: такова расплата за мою долгую жизнь.

Глава пятая
Тяжелые годы
1543–1549

После разрушения Сантьяго совет города собрался, чтобы прояснить дальнейшую судьбу нашей маленькой колонии, которой угрожало уничтожение. Чтобы не возобладала идея возвращаться в Куско, которую поддерживало большинство, Педро де Вальдивия пустил в ход весь свой авторитет и дал множество сложно выполнимых обещаний, делая все возможное, чтобы мы остались здесь. Во-первых, было принято решение попросить помощи в Перу; во-вторых — укрепить Сантьяго стеной,

которая бы охлаждала пыл врагов, на манер тех стен, что окружают европейские города. Остальное будет видно, когда мы начнем действовать, но главное — мы должны верить в будущее, ведь скоро будут и золото, и серебро, и земельные наделы с индейцами для их обработки, заверил он. Наделы с индейцами? Не знаю, каких индейцев он имел в виду, потому что чилийцы не давали никакого повода предположить, что они могут стать покладастыми работниками.

Педро приказал Родриго де Кирогге собрать все имеющееся золото, начиная с немногих золотых монет, которые солдаты скопили за свою тяжелую жизнь и носили при себе, пряча в сапогах, и заканчивая единственной золотой церковной чашей и теми крупницами, что были добыты на прииске Марга-Марга. Все это было передано кузнецу, чтобы он расплавил золото и выковал из него полное снаряжение для всадника: удила, стремяна, шпоры, эфес шпаги. Наш храбрый капитан Алонсо де Монрой должен был впечатлить этими золотыми украшениями испанцев в Перу и привлечь таким образом новых колонистов в Чили. Он отправился в Куско через пустыню с пятью солдатами и теми шестью лошадьми, которые не были ранены и не отощали до крайности. Капеллан Гонсалес де Мармолехо благословил их, и мы проводили наших товарищей немного, а потом с тяжелым сердцем простились с ними, ведь неизвестно было, доведется ли нам свидеться вновь.

Для нас начались тяжкие времена — два года суровых лишений, о которых я бы предпочла забыть, как и о смерти Педро де Вальдивии, но ни памяти, ни кошмарам не прикажешь. Треть наших солдат посменно охраняли город днем и ночью, а остальные, превратившись в крестьян и каменщиков, обрабатывали землю, заново строили дома и возводили стену для защиты города. Женщины работали бок о бок с солдатами и янаконами. Одежды у нас было очень мало, потому что большая ее часть сгорела во время пожара; мужчины ходили, как дикари, в набедренных повязках, а женщины, забыв стыд, в одних нательных рубашках. Эти две зимы были очень суровые, и все болели, кроме Каталины и меня: у нас обеих было воловье здоровье, как говорил Гонсалес де Мармолехо, восхищаясь нами. Еды не было никакой, кроме того что росло на лугах в долине, кедровых орехов, горьких плодов и корней, которыми питались и люди, и лошади, и скотина. Те несколько горстей зерен, которые удалось спасти от огня, мы посеяли и на следующий год получили уже несколько мер пшеницы, которые снова все пошли на сев, так что до третьего года мы не испекли ни одной ковриги хлеба. Как нам не хватало хлеба, этой пищи души! Когда у нас кончилось все, что представляло хоть какой-то интерес для вождя

Витакуры, он отвернулся от нас, и для нас закончились мешки с маисом и фасолью, которые раньше мы с большой радостью выменивали на ценные вещи. Солдатам, как разбойникам, приходилось совершать набеги на окрестные деревни, чтобы красть зерно, птиц, покрывала — все, что удавалось найти. Полагаю, у индейцев кечуа Витакуры в необходимом не было недостатка, а вот чилийцы жгли собственные посевы, будучи готовы умереть от истощения, если это понадобится, чтобы покончить с нами.

Спасаясь от голода, жители деревень переселялись на юг. Долину, прежде полную жизни, покинули мирные семьи, зато воинов только прибавилось. Мичималонко и его полчища не прекращали терроризировать нас: они были всегда готовы напасть с быстротой молнии и тут же скрыться в лесах. Они поджигали наши посевы, убивали скот, нападали на нас самих, если мы выходили без должной вооруженной защиты, так что мы жили внутри стен Сантьяго, как в осажденной крепости. Не понимаю, как Мичималонко удавалось прокормить своих воинов, ведь индейцы перестали сеять маис. «Они очень мало едят. Могут месяцами питаться горсткой зерна и кедровыми орехами», — объяснил мне маленький мапуче Фелипе и добавил, что воины носят на шее мешочек с жареными зёрнами, которых им хватает на неделю.

Со своим обычным упорством и никогда не ослабевавшим оптимизмом Педро заставлял изможденных и больных людей обрабатывать землю, строить стену, копать ров вокруг города, упражняться в военном деле и заниматься еще тысячью дел. Он полагал, что безделье деморализует похуже голода. И он был прав. Никто не смог бы пережить годы упадка, если бы имел время думать о своей тяжелой доле. Но времени на это не было: все работали с рассвета до наступления темноты. А если вдруг оставалось немного времени, его посвящали молитвам — это ведь никогда не повредит.

Кирпич за кирпичом вокруг Сантьяго поднялась стена в два человеческих роста; доска за доской выросли церковь и дома. Стежок за стежком женщины, и я в их числе, штопали превратившуюся в лохмотья одежду, которую нельзя было даже стирать: в воде она распалась бы на куски. Более или менее пристойную одежду мы надевали только по праздникам, которые тоже бывали — не все же жить одними печальями! Мы отмечали церковные праздники, играли свадьбы, а иногда — крестили новорожденных. Сердце сжималось при виде унылых исхудавших лиц, впалых глаз, рук, ставших похожими на птичьи лапы. Я настолько похудела, что, когда я ложилась на кровать на спину, у меня выпирали бедренные кости, ребра, ключицы и можно было прощупать все

внутренние органы, едва обтянутые кожей. Наружность моя огрубела, тело иссохло, а сердце, наоборот, смягчилось. Я чувствовала материнскую любовь ко всем этим несчастным людям, мне хотелось, чтобы в моей груди было столько молока, чтобы я могла накормить их всех. В конце концов настал день, когда я забыла о голоде, привыкнув к этому ощущению пустоты и невесомости, от которого у меня иногда случались галлюцинации. Но в отличие от солдат, которые грезили лишь сытной и вкусной едой, мне в видениях являлись не жареные поросята с яблоком во рту и морковкой в зад, а туманные поля, где бродят мертвые. Я вбила себе в голову, что можно скрыть нищету, налегая на чистоту, раз уж воды было в изобилии. Я начала жестокую борьбу со вшами, блохами и грязью, но это привело только к тому, что исчезли мыши, тараканы и другие твари, которых мы бросали в суп; тогда мы перестали все мыть и чистить.

Голод — странная вещь, он отнимает энергию, делает нас медленными и грустными, но прочищает разум и подстрекает похоть. Мужчины, эти неуклюжие и почти нагие скелеты, продолжали преследовать женщин, которым голод не мешал беременеть. Посреди ужасного голода родилось довольно много детей. Впрочем, большая их часть не выжила. Из тех же, что появились на свет раньше, несколько умерли в эти страшные зимы, а у остальных кости сделались как воздушные, животы раздулись, а глаза стали как у древних стариков.

Готовить жидкий суп для всех испанцев и индейцев нашей колонии стало делом гораздо более трудным, чем отражать периодические налеты Мичималонко. В больших котлах мы кипятили воду с листьями растений, которые можно было отыскать в долине, — розмарином, лавром, больдо, майтеном, — а потом добавляли туда все, что было: пару горстей маиса или фасоли из наших запасов, которые истощались очень быстро, картофель, клубни, которые откапывали в лесу, всякую траву, корни, мышей, ящериц, сверчков и червей. Согласно приказу Хуана Гомеса, альгвасила нашего крошечного города, в моем распоряжении днем и ночью были двое вооруженных солдат, призванных охранять от разграбления то немного, что было у нас в погребе и на кухне, но все равно оттуда время от времени пропадали то пригоршня кукурузы, то пара картофелин. Я не распространялась об этих жалких кражах, иначе Гомесу пришлось бы в наказание приказать высечь слуг, а это только ухудшило бы положение. Страданий и так было в избытке, и не стоило прибавлять к ним ничего больше. Мы пытались обмануть желудок отварами мяты, липы и матико. Если умирали домашние животные, труп использовался полностью: из шкур шили одежду, из жира делали свечи, из копыт — инструменты, мясо

вялили, из внутренностей варили похлебку. Кости мы кидали в суп для вкуса и варили их множество раз, пока они не растворялись в воде, как пепел. Мы варили куски сухой кожи и давали их сосать детям, стараясь таким обманным путем облегчить им муки голода. Щенки, родившиеся в тот год, все попали в суп, как только перестали сосать своих матерей, потому что больше собак мы прокормить не могли. При этом мы делали все возможное, чтобы сохранить тех, что уже были, ведь псы — прекрасное оружие для отражения атак индейцев. Это спасло и моего верного Бальтасара.

Фелипе отличался врожденной меткостью, его стрела попадала точно туда, куда он смотрел, к тому же он всегда был готов отправиться на охоту. Кузнец сделал ему стрелы с железными наконечниками, которые были куда эффективнее заточенных камней Фелипе, и паренек всегда с прогулок по окрестностям возвращался с зайцами и птицами, а иногда даже с андской кошкой. Он был единственным, кто отваживался ходить по окрестностям один: он сливался с лесом и становился для неприятеля невидимым. Солдаты всегда ходили группами, а таким образом, понятное дело, невозможно было бы охотиться даже на слонов, если бы они водились в Новом Свете. Еще Фелипе, презирая все опасности, приносил охапки травы для скота, и благодаря ему лошади еще держались на ногах, хотя и были очень тощи.

Мне стыдно говорить об этом, но подозреваю, что случаи каннибализма иногда бывали не только среди янакон, но и среди наших потерявших всякую надежду солдат. Впрочем, тринадцать лет спустя, когда голод распространился на всю остальную территорию Чили, это стало происходить и среди мапуче. Испанцы использовали каннибализм мапуче в качестве аргумента в пользу того, что их необходимо покорить, цивилизовать и обратить в христианство, ведь лучшего доказательства варварства племени, чем людоедство, просто не существует. Однако до нашего прихода мапуче никогда не занимались этим. В некоторых случаях, очень редких, они съедали сердце врага, чтобы перенять его силу, но это был особый ритуал, а не повседневное дело.

Голод начался из-за Арауканской войны. Никто не мог возделывать землю, ведь первое, что делали как индейцы, так и испанцы, — сжигали посеы и убивали скот противника. Потом на Чили обрушились засуха и *чивалонго*, или, по-нашему, тиф, от которого умерло огромное количество людей. В довершение несчастий случилось нашествие лягушек, которые покрывали землю смрадной слизью. В это ужасное время испанцы, которых было очень мало, питались тем, что им удавалось украсть у

мапуче, а сами мапуче, которых были тысячи и тысячи, бродили по пустынным полям, теряя сознание от голода. Отсутствие пищи заставляло их есть плоть себе подобных. Богу должно быть известно, что эти несчастные поступали так не от греховности своей природы, а по необходимости. Один хронист, который участвовал в южных кампаниях 1555 года, писал, что индейцы покупали части человеческих тел, как покупают части туши ламы. Голод... Тот, кому не довелось жить в голодные времена, не имеет права судить других. Родриго де Кирога рассказывал мне, что в раскаленном аду джунглей индейцы чунчо пожирали собственных товарищей. Заставляла ли нужда и испанцев грешить этим, он не говорил. Но Каталина уверяла меня, что виракочи от других смертных не отличаются, и некоторые выкапывают мертвецов из могил, чтобы зажарить их бедра, или с той же целью ходят в долину ловить индейцев. Когда я сообщила об этом Педро, он, дрожа от возмущения, заставил меня замолчать, потому что ему казалось невозможным, чтобы христианин мог совершать такие гнусности. Тогда мне пришлось напомнить ему, что благодаря мне он питался немного лучше, чем остальные обитатели колонии, и поэтому ему самому стоит помолчать. Достаточно было хоть раз увидеть безумную радость тех, кому удавалось поймать крысу на берегу Мапучо, чтобы понять, что и людоедство могло иметь место.

Фелипе, или Фелипильо, как ласково называли парнишку-мапуче, везде следовал за Педро, будто тень. Индеец окончательно прижился в городе, сделавшись любимцем солдат, которых забавляло, как он копирует жесты и голос губернатора без тени насмешки, а только из восхищения. Педро делал вид, что не замечает этого, но я знаю, что ему льстило молчаливое внимание и расторопность мальчика при выполнении поручений: Фелипе начищал ему доспехи песком, затачивал шпагу, смазывал ремни, если удавалось найти немного жира, и, самое главное, ухаживал за Султаном, как за родным братом. Педро относился к мальчику с тем радостным безразличием, с каким относятся к верному псу; ему даже не нужно было ничего говорить Фелипе, потому что тот без слов угадывал желания тайты. Педро приказал одному солдату научить парнишку обращаться с аркебузой, «чтобы он мог защищать дом и женщин в мое отсутствие». Эти слова Педро задели меня, ведь это я всегда защищала дом и всех домочадцев — не только женщин, но и мужчин. Фелипе был молчалив и склонен к созерцанию: он мог часами сидеть в одной позе, как какой-нибудь древний монах. «Он лентяй, как и все в его племени», —

говорили о нем. Под предлогом занятий языком мапудунгу — эта обязанность была почти невыносима для него, ведь меня он презирал за то, что я женщина, — я выведала у него большую часть того, что сейчас мне известно о мапуче. Они поклоняются Святой Земле, которая кормит их: люди берут у нее только необходимое и благодарят за это, а сверх необходимого никто не берет и не пытается ничего накопить; мапуче не понимают, что такое работа, потому что у них нет понятия о будущем. А золото — для чего оно нужно? Земля никому не принадлежит, море — тоже; от одной мысли о том, что можно обладать ими и делить их, Фелипе, обыкновенно угрюмый, покатывался со смеху. Люди тоже никому не принадлежат. Как могут уинки покупать и продавать людей, если те не их собственность? Иногда мальчик в течение двух или трех дней бывал особенно молчалив, мрачен и ничего не ел и, когда его спрашивали, что с ним происходит, отвечал всегда одно и то же: «Есть дни радостные и дни печальные. Каждый — хозяин своего молчания». Отношения с Каталиной у него не ладилась: она не доверяла ему. Но они рассказывали друг другу свои сновидения, потому что для обоих дверь, соединяющая две половины жизни, дневную и ночную, была всегда открыта и с ними посредством снов связывалось божество. Не обращать внимания на сны нельзя, это приводит к большим несчастьям, уверяли они. Фелипе не позволял, чтобы Каталина гадала ему на своих бусинах и ракушках, перед которыми он испытывал суеверный ужас, и отказывался пить ее лекарственные настои.

Слугам под страхом порки кнутом было запрещено ездить верхом, но для Фелипе было сделано исключение, потому что он кормил коней и умел укрощать их, не применяя силы, а только разговаривая с ними на мапудунгу. Он выучился ездить верхом виртуозно, как цыган, а его конные подвиги вызывали восхищение у обитателей нашей грустной деревни. Он будто прирастал к лошади, становясь ее частью, чувствовал ее ритм и никогда не неволил животное. Он ездил без седла и шпор, направляя коня, тихонько нажимая на его бока коленями, а уздечку держал во рту, так что обе руки оставались свободными для лука со стрелами. Он мог запрыгнуть на скачущую лошадь, сидеть спиной к лошадиной шее, висеть под брюхом галопирующего коня, держась руками и ногами за лошадиное тело. Мужчины с восхищением и завистью смотрели на Фелипе, но, как ни старались, никто не мог сравниться с ним в ловкости. Иногда парнишка уходил на охоту и пропадал на несколько дней и, когда мы уже считали, что он попал в руки к Мичималонко, возвращался целым и невредимым со связкой птиц через плечо — эта дичь добавляла вкуса нашему обычно пресному супу. Когда Фелипе пропадал надолго, Вальдивия волновался и

не единожды угрожал выпороть мальчишку, если он снова уедет из города без разрешения, но так и не выполнил этого обещания, потому что нам были необходимы его охотничьи трофеи. В центре площади у нас стоял окровавленный ствол дерева, у которого приводились в исполнение наказания кнутом, но Фелипе, казалось, его вид не внушал ни малейшего страха. К тому времени мальчик превратился в худощавого подростка, высокого для индейца, мускулистого, с умным лицом и пронизательными глазами. Он мог носить на плечах тяжести, которые были не под силу взрослым мужчинам, и воспитывал в себе совершенное презрение к боли и смерти. Солдаты восхищались его стоицизмом, и некоторые для забавы испытывали его. Мне пришлось запретить им подзуживать его брать в руки горящие угли или втыкать в тело шипы, натертые жгучим перцем. Фелипе и зимой и летом часами купался в вечно холодных водах реки Мапучо. Он объяснял нам, что холодная вода закаляет сердце, поэтому женщины мапуче окунают в воду своих детей сразу после рождения. Испанцы, боявшиеся воды пуще огня, поднимались на стены, чтобы смотреть, как он плавает, и заключали пари о том, сколько он продержится в воде. Иногда он нырял в бурную реку и оставался под водой так долго, что можно было прочесть несколько раз «Отче наш», и когда зеваки, которые ставили на то, что Фелипе вынырнет, уже собирались платить тем, кто ставил на то, что он потонет, паренек появлялся на поверхности воды целым и невредимым.

Самое тяжкое в эти годы было чувство заброшенности и одиночества. Мы ожидали помощи, не зная, придет ли она, ведь все зависело от успеха миссии капитана Монроя. Даже никогда не подводившая сеть шпионов Сесилии не могла дать ответа, что случилось с ним и еще пятью храбрецами, но особых надежд мы не питали. Только чудом эта горстка людей могла пройти мимо враждебно настроенных индейцев, пересечь пустыню и добраться до цели. Педро говорил мне во время наших ночных разговоров в постели, что если, кроме этого, Монрою удастся еще и выпросить помощи в Перу, где никто не хотел вкладывать деньги в завоевание Чили, то это будет величайшее чудо. Золотая сбруя его лошади могла впечатлить зевак, но не политиков и купцов. Весь мир для нас сжался до нескольких кварталов, обнесенных стеной из необожженного кирпича; одних и тех же давно опротивевших лиц; длинной вереницы дней в отсутствие новостей; бесконечной рутины; редких конных вылазок на поиски съестного или для отражения нападения небольших отрядов индейцев; молитв, церковных праздников и похорон. Даже мессы пришлось проводить как можно реже, потому что у нас осталось всего полбутылки вина для причастия, а использовать для этого чичу было бы святотатством. Единственное, чего у

нас всегда было вдоволь, — это вода, потому что когда индейцы не давали нам ходить к реке или заваливали камнями оросительные каналы инков, мы копали колодцы. Тут не нужен был мой талант находить места для колодцев, потому что, где бы мы ни копали, воды везде находилось в избытке. Так как у нас не было бумаги, чтобы записывать решения городского совета и приговоры суда, для этих целей использовались полосы кожи, но они по недосмотру оказались съедены голодными собаками, так что о мытарствах, перенесенных в эти годы, официальных свидетельств у нас осталось мало.

Дни наши проходили в ожидании. Мы с оружием в руках ждали нападения индейцев, мы ждали, когда мышшь попадет в мышеловку, мы ждали известий от Монроя. Полумертвые от голода, мы жили в этом городе, окруженном врагами, как в плену, но и в несчастье и бедности было свое достоинство. По праздникам солдаты надевали доспехи на голое тело или защитив его шкурками кроликов и крыс, потому что одежды, чтобы поддеть под латы, у них не было. Но доспехи содержались в идеальном порядке. Единственная сутана Гонсалеса де Мармолехо давно стала нестигаемой от штопок и грязи, но во время мессы он накидывал на плечи кусок кружевной скатерти, который сам спас от пожара. Ни у меня, ни у Сесилии, ни у других женщин не осталось приличных юбок, но мы часами причесывались и красили губы в розовый цвет горьким плодом одного куста, который, по словам Каталины, был ядовит. От этой «помады», правда, никто не умер, но понос от нее был изрядный — это да. Мы говорили о своих несчастьях всегда будто в шутку, потому что жаловаться всерьез было бы признаком малодушия. Янаконы не понимали этого юмора, насквозь испанского, и бродили, как битые собаки, мечтая вернуться в Перу. Несколько индианок сбежали от нас, чтобы отдаться мапуче, с которыми они бы, по крайней мере, не голодали, и ни одна из них не вернулась. Чтобы и другие не повадились поступать так же, мы пустили слух, что этих женщин съели, хотя Фелипе уверял, что мапуче всегда готовы взять в семью очередную жену.

— А что происходит с ними, если муж умирает? — поинтересовалась я у него на мапудунгу, думая о том, как много воинов погибает в каждом сражении.

— С ними поступают, как должно: они переходят по наследству старшему сыну, все, кроме той, что его родила, — ответил он.

— А ты, юноша, еще не думаешь жениться? — спросила я в шутку.

— Сейчас не время красть жену, — ответил он очень серьезным тоном. Как мне рассказал Фелипе, по традиции племени мапуче жених с

помощью своих братьев и друзей крадет ту девушку, которая ему нравится. Иногда компания парней врывается в дом девушки, связывает родителей и силой уводит невесту, но потом жених — если, конечно, эта девушка согласна выйти за него замуж — возмещает ее родителям ущерб, отдавая им определенное количество скота и другого добра. Так заключается брак. У мужчины может быть несколько жен, но он должен содержать их и обращаться с ними одинаково. Часто мапуче женятся на сестрах, чтобы не разлучать их. Гонсалес де Мармолехо, который часто присутствовал на наших занятиях мапудунгу, сказал Фелипе, что эта необузданная похоть ясно свидетельствует о том, что в мапуче живет дьявол и, не приняв святого крещения, после смерти они будут гореть в адском пламени. Тогда паренек спросил капеллана, не живет ли дьявол и среди испанцев, ведь они берут в жены по дюжине индианок, не платя за них ламами и гуанако их родителям, как полагается, и к тому же бьют их, не обращаются со всеми одинаково и меняют на других, когда захотят. «Может, испанцы и мапуче встретятся в аду и там вечно будут убивать друг друга?» — предположил он. Мне пришлось быстро и не разбирая дороги выбежать из комнаты, чтобы не прыснуть прямо в обрамленное почтенной бородой лицо клирика.

Мы с Педро были созданы для того, чтобы напрягать все силы, а не для того, чтобы жить в изнеженности. Трудная задача пережить еще один день и не дать людям пасть духом наполняла нас энергией. Только наедине мы позволяли унынию вырваться наружу, но это длилось недолго: мы тут же начинали смеяться сами над собой. «Я предпочитаю питаться мышами здесь с тобой, чем ходить в парче в Мадриде при дворе», — говорила я Педро. «Скажи лучше, что предпочитаешь быть губернаторшей здесь, чем плести кружева в Пласенсии», — отвечал он. И мы, обнявшись, падали на кровать и смеялись как дети. Мы никогда не были так близки, никогда не занимались любовью с такой страстью и мудростью, как в те времена. Когда я думаю о Педро, мне больше всего дороги именно эти моменты. Мне хочется помнить его таким, каким он был в сорок с чем-то лет — измороженным голодом, но сильным духом, решительным и полным надежд. Я бы могла добавить, что хотела бы помнить его любящим, но это было бы излишне, потому что он всегда меня любил, даже когда мы разошлись. Я знаю, что он умирал, думая обо мне. В год его смерти, 1553-й, я была в Сантьяго, а он воевал в Тукапеле, на расстоянии многих лиг от меня, но я чувствовала, что он в агонии и умирает, так ясно, что, когда несколько недель спустя до меня дошло известие о его смерти, я не проронила ни слезы, потому что к тому времени я уже выплакала все слезы.

Через два года после того, как капитан Монрой отправился в свою опасную миссию, в середине декабря, когда мы готовились скромно отпраздновать Рождество, устроив импровизированный вертеп и песнопения, у ворот Сантьяго появился выбившийся из сил и покрытый толстым слоем пыли человек, которого часовые сначала не пускали в город, потому что не признали его. Это был один из наших янакон; он бежал два дня, и ему удалось добраться до города, проскользнув незамеченным через леса, наводненные враждебными индейцами. Он был из той небольшой группы, которую Педро оставил на побережье в надежде на прибытие помощи из Перу. Там, на возвышенности, были разложены костры, чтобы их зажечь сразу, как только на горизонте появится корабль. Наконец дозорные, которые уже целую вечность смотрели на море, увидели парус и в восторге стали подавать необходимые сигналы. Корабль, капитаном которого был старый друг Педро де Вальдивии, привез долгожданную помощь.

— Надо отправлять людей и лошадей, груз надо везти, да, татай. Это приказал сказать тебе виракоча с корабля, — задыхаясь, выпалил индеец.

Педро де Вальдивия вместе с несколькими капитанами спешно выехал к берегу моря. Сложно описать, какое ликование охватило город. Радость была так сильна, что даже грубые солдаты плакали, а волнение так велико, что никто не обратил внимания на то, что капеллан звал на мессу, чтобы вознести благодарность Господу. Все жители города столпились на стене и вперили взгляды в дорогу, хотя прекрасно знали, что долгожданные гости появятся в Сантьяго только через несколько дней.

Ужас отразился на лицах приплывших на корабле, когда они увидели Вальдивию и его людей, скачущих к берегу, а потом — когда они приехали в город и мы вышли приветствовать их. Из этого мы поняли, насколько жуткой была наша нищета. Мы привыкли к виду друг друга: к выпирающим костям, лохмотьям и грязи. Но теперь, осознав, что мы внушаем жалость, мы почувствовали глубокий стыд. Несмотря на то, что мы нарядились, как только могли, а Сантьяго казался нам прекрасным в ярких лучах летнего солнца, на гостей все увиденное произвело самое грустное впечатление; они даже хотели подарить одежду Вальдивии и другим капитанам, но для испанца нет худшего оскорбления, чем получить милостыню. То, за что заплатить мы не могли, записывалось в долг, и Вальдивия ручался за всех остальных, ведь золота у нас не было. Купцы, зафрахтовавшие корабль в Перу, остались очень довольны, потому что утроили сумму, вложенную в это предприятие, и были уверены, что долги мы заплатим: слово Вальдивии казалось им достаточно надежной

гарантией. Среди прибывших был и тот самый купец, который еще в Куско давал Педро деньги на экспедицию из сугубо меркантильных соображений. Он приехал, чтобы возратить долг с процентами, но ему пришлось согласиться повременить с этим, потому что, увидев состояние нашей колонии, он понял, что иначе ему не удастся вернуть ничего. Из того, что привезли купцы, Педро купил мне три льняные рубашки и одну тонкую, из батиста; несколько юбок на каждый день и две шелковые; сапоги для работы и изящные туфельки; мыло, крем для лица из флердоранжа и флакон духов — роскошь, которую я и не думала увидеть когда-нибудь снова.

Корабль этот послал нам капитан Монрой. Пока мы бедствовали в Сантьяго, он со своими пятью спутниками добрался до Копиапо, где их поджидали индейцы. Четверо солдат были убиты на месте, но Монрой, ехавший на рыжем скакуне в золотой сбруе, и еще один человек каким-то чудом остались в живых. Их спас испанский солдат, бежавший из Перу от правосудия и живший в Чили уже несколько лет. У этого человека за кражу отрезали оба уха, и он, опозоренный, решил прекратить все сношения со своей расой и нашел себе убежище среди индейцев. Вообще-то, за кражу полагается отсечение руки — этот обычай остался в Испании еще со времен арабского завоевания, — но солдатам отрезают нос или уши, чтобы преступник, понеся наказание, не оказывался бесполезным в военном деле. Этот безухий смог уговорить индейцев не убивать капитана, которого он по тому, сколько на нем было золота, счел очень богатым, и его спутника. Монрой был человеком симпатичным, и язык у него был прекрасно подвешен; он так понравился индейцам, что они стали обращаться с ним не как с заложником, а как с другом. После трех месяцев приятного плена капитану и второму испанцу из его группы удалось бежать, причем даже верхом, но без золотой сбруи, конечно. Говорят, за это время Монрой успел очаровать дочь касика, и она забеременела от него. Впрочем, это может быть похвальбой самого капитана или народной легендой из тех, в которых у нас недостатка не бывает. Главное, что Монрой добрался до Перу, добился для нас подкрепления, вдохновил на поездку в Чили нескольких купцов, послал нам корабль, а сам отправился обратно в Сантьяго посуху с отрядом в семьдесят солдат и прибыл несколькими месяцами позже.

Алонсо де Монрой, этот галантный мужчина, верный и храбрый солдат, умер через несколько лет в Перу при загадочных обстоятельствах. Одни говорят, что его отравили, другие — что он умер от лихорадки или от укуса ядовитого паука, но немало и тех, кто считает, что он жив и по сей день, только живет в Испании, куда тайно возвратился, устав от войн.

Корабль привез нам солдат, продукты, вино, оружие и боеприпасы, одежду, домашнюю утварь и скот, то есть все те сокровища, о которых мы давно мечтали. Но самым важным для нас было установление связи с цивилизованным миром: теперь мы уже не были одни на краю света.

Кроме того, нашу колонию пополнили пять новых испанок — жены и родственницы наших солдат. В первый раз с тех пор, как мы выехали из Куско, мне представилась возможность сравнить себя с другими женщинами из моего народа и обнаружить, насколько я переменялась. Тогда я решила спрятать подальше сапоги и мужскую одежду, перестать заплетать косы и сделать более элегантную прическу, начать пользоваться кремом для лица, который мне подарил Педро, и, наконец, заняться возвращением в себе всех женских прелестей, о которых я давно и думать забыла.

Сердца жителей города снова наполнились оптимизмом, мы почувствовали в себе силы схватиться не только с Мичималонко, но и с самим дьяволом, если он объявится в Сантьяго. Наверное, хитрый вождь чуял это на расстоянии, потому что больше не предпринимал попыток напасть на город, хотя частенько приходилось биться с ним за пределами города и преследовать его до самых пукар — его крепостей. В каждой из таких стычек погибало столько индейцев, что впору было задаться вопросом, откуда берутся все новые и новые.

Вальдивия стал прилагать усилия к тому, чтобы те имения, которые он раздал мне и своим капитанам раньше только на бумаге, стали реальными. Он отправил послов к мирным индейцам долины просить их, чтобы они вернулись туда, где жили до нашего приезда, обещая им безопасность, землю и еду в обмен на помощь нам, ведь имение без рабочих рук — бессмысленный кусок земли. Многие из этих индейцев, которые покинули привычные места, боясь, что бородачи будут воевать с ними и грабить их, вернулись. Благодаря этому мы начали процветать. Кроме того, губернатор убедил вождя Витакуру уступить нам индейцев кечуа, которые гораздо лучше подходили для тяжелых работ, чем чилийцы. С помощью этих новых янакон Вальдивия стал разрабатывать прииск в Марга-Марга и другие жилы, о которых удалось разузнать. Нет более тяжкого труда, чем работа на золотых приисках. Мне довелось видеть там сотни мужчин и такое же количество женщин, многие из которых были беременны, а у некоторых к спинам были привязаны маленькие дети: эти люди стояли по пояс в холодной воде, промывая песок, ища в нем крупинцы золота, с рассвета до заката, беззащитные перед болезнями, кнутами надсмотрщиков и жестокостями солдат.

Сегодня, когда я поднималась с постели, меня впервые за всю мою долгую жизнь подвели силы. Так странно чувствовать, что тело разваливается, притом что ум продолжает разрабатывать разные планы. С помощью служанок я оделась, чтобы идти к мессе, куда я хожу каждый день, потому что мне нравится начинать день с приветствия Деве Заступнице, у которой теперь есть собственная церковь и изумрудная корона. Ведь у нас с Девой такая давняя дружба! Я стараюсь ходить на первую, самую раннюю мессу, к которой приходят бедняки и солдаты, потому что в этот час свет в церкви такой, будто падает прямо с небес. Лучи утреннего солнца проходят через высокие окна и пронзают пространство церкви, как копья, освещая святых в нишах, а иногда и духов, которые меня окружают и прячутся за колоннами. Этот час так тих, словно специально создан для молитвы. Нет ничего более таинственного, чем момент, когда хлеб и вода превращаются в плоть и кровь Христову. Я за свою жизнь присутствовала при этом чуде тысячи раз, но оно все так же удивляет и волнует меня, как в день первого причастия. Я не могу сдержаться и всегда плачу, когда получаю облатку. Пока я в состоянии передвигаться, я буду продолжать ходить в церковь и исполнять свои обязанности: заботиться о больнице, о бедняках, о монастыре августинок, о постройке скитов, о своих имениях и писать эту хронику, которая, быть может, выходит длиннее, чем должно.

Я все еще не чувствую себя поверженной старостью, хотя, надо признать, я стала неуклюжей и забывчивой и уже не могу хорошо делать то, что раньше выходило у меня само собой. Время еще не победило меня. Я не перестала следовать старой привычке тщательно мыться и одеваться: хочу до конца оставаться верной своим земным правилам, чтобы Родриго встретил меня чистой и элегантной, когда мы воссоединимся в ином мире. Мне не кажется, что семьдесят лет — это слишком много... Если бы мое сердце выдержало, я могла бы прожить еще лет десять; тогда бы я снова вышла замуж, потому что мне, чтобы жить, необходима любовь. Я уверена, что Родриго понял бы меня, как поняла бы его я, если бы он так поступил. Если бы он был рядом со мной, мы бы наслаждались друг другом до конца своих дней, спокойно и неспешно. Родриго боялся, что настанет момент, когда мы не сможем больше заниматься любовью. Думаю, на самом деле он боялся только быть смешным: у мужчин это дело всегда связано с гордостью. Но ведь есть множество способов любить друг друга, и я бы сумела выдумать что-нибудь, чтобы мы, даже состарившись, продолжали шалить в постели, как в лучшие времена. Мне не хватает его рук, его

запаха, его широкой спины, его мягких волос на затылке, прикосновения его бороды, его дыхания около моего уха, когда мы обнимались в темноте. Мне так нужно прижимать его к себе, лежать рядом с ним, что иногда не сдержат хриплого крика. Где ты, Родриго? Ты мне так нужен!

Утром я оделась и вышла на улицу, несмотря на то что чувствовала глубокую усталость в костях и в сердце оттого, что сегодня вторник и мне нужно идти навещать Марину Ортис де Гаэте. Служанки носят меня к ней в портшезе, потому что она живет недалеко и нет смысла закладывать карету. На показную роскошь в этом королевстве смотрят косо, и я боюсь, что карета, которую мне подарил Родриго, грешит излишней пышностью.

Марина несколькими годами моложе меня, но рядом с ней я чувствую себя девчонкой. Она превратилась в педантичную и уродливую ханжу, да простит Бог мой дурной язык. «Приставьте стражника к губам, матушка», — со смехом советуешь мне ты, Исабель, когда слышишь от меня такие вещи, хотя, подозреваю, мои глупости забавляют тебя; кроме того, доченька, я заслужила себе право говорить то, что другие сказать не осмеливаются. Морщины и жеманство Марины в некотором роде радуют меня, но я борюсь с этим дурным чувством, потому что не хочу пробыть в чистилище дольше положенного. Мне никогда не нравились такие болезненные и слабохарактерные люди, как эта женщина. Но мне жаль ее: все ее позабыли, даже родственники, которых она привезла с собой из Испании и которые сделались процветающими жителями Сантьяго. Но их я не очень виню, потому что эта добрая сеньора смертельно скучна. По крайней мере, она не бедна и вдовствует достойно, хотя это, конечно, слабое утешение после печальной жизни покинутой супруги. Интересно, чем занимается наедине с собой эта несчастная женщина, которая ждет моих визитов так жадно, что начинает хныкать, стоит мне немного задержаться. Мы выпиваем по чашке шоколада — я изо всех сил стараюсь подавить зевоту — и разговариваем о том единственном, что нас объединяет, — о Педро де Вальдивии.

Марина живет в Чили уже двадцать пять лет. Она приехала году примерно в 1554-м, намереваясь взять на себя роль супруги губернатора, с целой свитой родственников и подхалимов, жаждущих подобраться к богатству и власти Педро де Вальдивии, которому король пожаловал титул маркиза и рыцаря Ордена святого Иакова. Но по прибытии Марину ждал неприятный сюрприз: оказалось, что она уже овдовела. Ее муж погиб от рук мапуче за несколько месяцев до ее приезда, так и не узнав о чести, оказанной ему королем. К тому же сокровища Вальдивии, о которых столько говорили, оказались выдумкой. Губернатора обвиняли в том, что он

безбожно обогащается, что он забрал себе самые обширные и плодородные земли и что лично на него работает треть всех индейцев. Но когда все счета были подведены, выяснилось, что он беднее любого из своих капитанов и мне даже пришлось продать его дом на Оружейной площади, чтобы заплатить его долги. Городской совет не проявил щедрости и не назначил пенсии Марине Ортис де Гаэте, законной супруге завоевателя Чили: такая неблагодарность столь часта в этих краях, что ее даже называют «чилийским платежом». Мне пришлось самой покупать ей дом и оплачивать ее расходы, чтобы призрак Педро не стоял у меня над душой. Хорошо еще, что я могу позволить себе некоторые радости: учреждать разные заведения, закрепить за собой нишу в церкви, чтобы меня там похоронили, помогать множеству своих сторонников, обеспечить достойную будущность своей дочери и помогать вдове своего бывшего любовника. Какая теперь разница, что когда-то мы были соперницами?

Я только что сообразила, что, исписав столько страниц, так и не объяснила, почему эта отдаленная территория — Чили — стала единственным королевством в Америке. Наш император Карл V хотел женить своего сына Филиппа на Марии Тюдор, королеве Англии. В каком это могло быть году? Кажется, примерно тогда, когда умер Педро. Для заключения такого брака молодому человеку нужен был титул короля, а так как его отец пока не собирался оставлять трон, решили объявить Чили королевством, а Филиппа сделать его формальным правителем. Это, правда, ничуть не улучшило нашу участь, но хоть придало веса.

На том же корабле, на котором прибыла Марина — ей в ту пору было сорок два года, и она была недалеко умом, но красива чуть выцветшей красотой, которая свойственна блондинкам зрелых лет, — приехали Даниэль Бельалькасар и моя племянница Констанса, с которыми я последний раз виделась в Картахене в 1538 году. Я думала, что больше никогда не увижу свою племянницу, которая вместо того, чтобы стать монашкой, как договаривались, спешно, пятнадцати лет от роду, вышла замуж за хрониста, соблаздившего ее на корабле по пути в Новый Свет. Не было слов, которые могли бы описать наше обоюдное удивление, ведь я полагала, что они давно погибли где-то в джунглях, а они и представить себе не могли, что я стану основательницей королевства.

Они провели в Чили почти два года, изучая историю и обычаи мапуче, правда издали, потому что приближаться к индейцам было крайне опасно: война была в самом разгаре. Бельалькасар говорил, что мапуче похожи на некоторые азиатские народы, с жизнью которых он познакомился во время прежних своих путешествий. Он считал этот народ прекрасными воинами

и не скрывал своего восхищения ими, так же как и тот поэт, который потом написал эпопею об Арауканской войне. Я упоминала о нем раньше? Может, и нет, но теперь уже поздно тратить на него время. Звали его Эрсилья. Поняв, что им никогда не удастся приблизиться к мапуче настолько, чтобы рисовать их портреты и расспрашивать, как они живут, супруги Бельалькасар продолжили свое скитание по миру. Они были будто специально созданы для научных экспедиций: оба обладали ненасытным любопытством и одинаковым олимпийским презрением к опасностям, которыми были полны их безумные предприятия.

Даниэль Бельалькасар поселил в моей голове мысль основать учебное заведение: он считал постыдным тот факт, что мы в Чили гордо считаем себя цивилизованной колонией, а тех, кто умеет читать, у нас можно по пальцам перечесть. Я поделилась этой идеей с Гонсалесом де Мармолехо, и мы вдвоем в течение долгих лет сражались за создание школ, но больше никого этот проект не интересовал. Какие дикие эти люди! Они боятся, что если народ научится читать, то он немедля впадет в грех многомыслия, а от этого всего один шаг до бунта против короны.

Как я уже говорила, сегодня был не самый лучший для меня день. Вместо того чтобы продолжить рассказ о своей жизни, я пустилась в отступления. С каждым днем мне все труднее концентрироваться на фактах: я все время отвлекаюсь, потому что в этом доме постоянно какая-то суматоха, хоть ты и уверяешь, что у нас самый спокойный дом во всем Сантьяго.

— Это все ваше воображение, матушка. Никакой суматохи тут нет, а наоборот, тишина такая, что души тоскуют, — сказала ты мне вчера вечером.

— Именно, Исабель. Об этом-то я и говорю.

Ты вся в отца, практичная и рассудительная, поэтому ты не можешь ощутить, какое множество духов без спроса бродят по моим комнатам. С возрастом занавес, отделяющий этот мир от другого, истончился, и я стала видеть невидимое. Я представляю, что, когда я умру, ты обновишь здешние интерьеры, подаришь кому-нибудь мою старую мебель и заново побелишь стены. Но помни, что ты обещала сохранить эти страницы, которые я пишу для тебя и твоих потомков. Если хочешь, можешь отдать их монахам-мерседарианцам или доминиканцам — они кое-чем мне обязаны. Не забудь еще, что я оставляю деньги на содержание Марины Ортис де Гаэте до последнего дня ее жизни и на еду для бедных, которые привыкли получать свою порцию супа у дверей этого дома. Наверное, я тебе все это уже говорила... Извини, если повторяюсь. Исабель, я уверена, что ты в

точности исполнишь мою волю, ведь и в этом ты пошла в отца — так же прямодушна и верна данному слову.

Жизнь в нашей колонии резко переменилась с тех пор, как мы наладили связь с Перу и к нам начали поступать продукты и приезжать люди, готовые поселиться здесь. Галеоны теперь беспрерывно плавали в Перу и обратно, так что мы могли заказывать все необходимое нам для процветания. Вальдивия закупил железо для кузницы, военное снаряжение и пушки, а я заказала привезти деревья и семена из Испании, ведь растения нашей родины прекрасно растут в чилийском климате, а также овец, коз и прочий скот.

По ошибке мне привезли восемь коров и двенадцать быков, хотя было бы вполне достаточно одного быка. Агирре хотел воспользоваться этим недоразумением, чтобы провести первую в Сантьяго корриду, но животные были слишком утомлены морским путешествием и бодаться были совершенно не расположены. Они не пропали: десять из них стали волами, на них пахали землю и перевозили грузы. Оставшиеся два верой и правдой служили увеличению поголовья коров, так что сейчас пастбища от Копиапо до долины Мапочо полны скота.

В Сантьяго появились мельница и общественные пекарни, каменоломня и лесопилки; мы выделили места для производства черепицы и кирпича, организовали дубильни и гончарные мастерские; открыли мастерские по плетению из тростника, по изготовлению парусины, сбруи и мебели. Теперь в городе было два портных, четверо писцов, один врач — который, правда, был мало на что годен — и замечательный ветеринар. Город рос очень быстро, и из-за этого долина скоро лишилась деревьев — так много мы строили. Не могу сказать, что жизнь стала беззаботной, но недостатка в еде больше не было, и даже янаконы потолстели и разленились. У нас не было серьезных проблем, кроме нашествия крыс, которых наслали на нас индейские колдуньи, пытаясь своей черной магией мешать христианам. Мы не могли защитить ни посевы, ни дома, ни одежду — крысы сгрызали все, кроме металла. Сесилия предложила средство от грызунов, которым пользовались в Перу: расставлять кувшины, до половины наполненные водой. Мы ставили на ночь по несколько таких кувшинов в каждом доме, и на утро в них оказывалось до пятисот утонувших зверьков. Но нашествие не прекращалось до тех пор, пока Сесилия не отыскала колдуна кечуа, способного снять заклятие чилийских мачи.

Вальдивия просил солдат выписывать своих жен из Испании, как было

предписано королевским указом; некоторые так и поступали, но большинство предпочитали жить с несколькими молоденькими наложницами-индианками, а не с одной зрелой испанкой. В нашей колонии становилось все больше детей-метисов, которые не знали своих отцов. Испанкам, приехавшим, чтобы воссоединиться со своими мужьями, приходилось смотреть на это сквозь пальцы и принять такое положение вещей, которое по большому счету не очень отличалось от того, что творилось в Испании. В Чили до сих пор жив обычай держать большие дома для супруги и законных детей и маленькие — для наложниц и бастардов. Наверное, я единственная, кто никогда не позволял такого своему мужу, хотя за моей спиной могло происходить что-то, чего я не знаю.

Сантьяго был провозглашен столицей королевства. Население выросло, и в городе стало безопаснее; индейцы Мичималонко держались на расстоянии. Это позволяло нам, помимо прочего, организовывать прогулки, пикники, охотиться на берегах Мапачо, которые раньше были запретной зоной. Мы назначали дни для праздников, чтобы почтить святых и развлечься музыкой. В праздниках принимали участие все: испанцы, индейцы, негры и метисы. Устраивались петушиные бои, собачьи бега, игры в бочу и в мяч. Педро де Вальдивия, заядлый игрок, продолжил традицию устраивать карточные игры у нас дома, только на карту ставились не деньги, а мечты. Ни у кого не было ни гроша, но долги заносились в специальную тетрадь со скрупулезностью ростовщика, хотя все понимали, что они никогда не будут выплачены.

Как только было налажено почтовое сообщение между Перу и Испанией, мы начали посылать письма на родину. Они доходили до адресата всего за год или за два. Педро принялся писать длинные послания императору Карлу V, в которых рассказывал о Чили, о тяготах, которые нам пришлось вынести; о своих расходах и долгах; о том, как он вершит суд; о том, почему, к большому сожалению, многие индейцы умирают и не хватает рук для работы на приисках и для обработки земель. Мимоходом он просил себе титулов, потому что о таких вещах полагается просить суверена, но его справедливые просьбы оставались без ответа. Ему хотелось еще солдат, людей, кораблей, подтверждения собственной власти, признания заслуг. Он читал мне эти письма громким и требовательным голосом, прохаживаясь по комнате и едва не лопааясь от тщеславия, а я молчала. Разве могла я иметь какое-то мнение о его переписке с самым могущественным монархом на земле, священным и непобедимым цезарем, как Вальдивия именовал его? Но я стала осознавать, что мой

возлюбленный изменился, что власть вскружила ему голову и он стал очень высокомерным. В посланиях королю он писал о каких-то мифических золотых жилах, которые были скорее фантазиями, чем реальностью. Это была приманка, чтобы соблазнить испанцев переселяться сюда, ведь только он и Родриго де Кирога понимали, что настоящее богатство Чили — не золото и не серебро, а мягкий климат и плодородная земля, гостеприимно приглашавшая селиться в этих местах; остальные колонисты все еще лелеяли мечту побыстрее разбогатеть и вернуться в Испанию.

Чтобы сделать сообщение с Перу более удобным, Вальдивия приказал основать город на севере, Ла-Серену, и порт недалеко от Сантьяго, Вальпараисо. Затем его взор обратился к реке Био-Био, и зажглось желание покорить мапуче. Фелипе рассказал мне, что эта река священна, что она управляет течением всех вод, своей свежестью успокаивает гнев вулканов и по ее берегам растет все — от самых раскидистых деревьев до самых таинственных грибов, прозрачных и невидимых.

Согласно документам, которые Писарро выдал Вальдивии, подвластные ему территории простирались до самого Магелланова пролива, но никто точно не знал, как далеко находился этот знаменитый пролив, соединявший западный океан с восточным. В те дни прибыл корабль, посланный из Перу под командованием молодого капитана-итальянца по фамилии Пастене, которому Вальдивия щедрой рукой пожаловал звание адмирала и отправил исследовать побережье к югу от нас. Проходя мимо берегов, Пастене видел чудесные пейзажи, густые леса, архипелаги и ледники, но пролив так и не нашел, — видимо, его воды находились гораздо южнее, чем предполагалось.

Из Перу тем временем приходили дурные вести. Политическая ситуация там была просто катастрофической: едва заканчивалась одна гражданская война, как тут же разгоралась другая. Гонсало Писарро, один из братьев покойного маркиза, захватил власть в результате открытого бунта против короля, и при нем так расцвели взяточничество и предательство, а вице-королевство несло такие убытки, что в конце концов император Карл V отправил наводить порядок в Перу упрямого священника ла Гаску. Не буду тратить чернила на попытки объяснить, что тогда происходило в Сьюдад-де-лос-Рейес, потому что я и сама этого не понимаю. Я упомянула ла Гаску только потому, что этот священник с изрытым оспой лицом принял решение, которое изменило мою судьбу.

Педро не терпелось не только захватить побольше чилийских земель, за которые мапуче стояли насмерть, но и принять участие в событиях, развивавшихся в Перу, и наладить личный контакт с цивилизованным

миром. Он уже восемь лет жил вдали от центров власти и втайне мечтал отправиться на север, чтобы снова встретиться с другими военными, заключить сделки, купить все, что хотел, пощеголять конкистой Чили и пустить свою шпагу, неизменно служившую королю, в ход против самовольно захватившего власть Гонсало Писарро. Устал ли он от меня? Может быть, но тогда я даже не могла заподозрить этого, потому что была совершенно уверена в его любви — для меня она была так же естественна, как капли дождя. Если я и видела его беспокойство, я списывала его на то, что Педро наскучила оседлая жизнь, ведь взвинченность первых лет Сантьяго, которая заставляла нас не выпускать оружия из рук ни днем ни ночью, уступила место более праздной и благополучной жизни.

— Нам нужны солдаты для войны на юге и семьи, чтобы заселить остальную территорию, а Перу игнорирует просьбы моих посланников, — сказал мне Педро однажды ночью, скрывая настоящие мотивы готовящейся поездки.

— Неужели ты сам собрался ехать? Предупреждаю: стоит тебе отлучиться хоть на один день, как на город начнут обрушиваться несчастья. Ты ведь прекрасно знаешь настроения твоего друга де ла Оса, — сказала я, просто чтобы что-нибудь сказать, но Педро, хоть я об этом и не знала, уже принял решение.

— Вместо себя я оставлю Вильягру. У него твердая рука.

— И чем ты собираешься соблазнять людей в Перу, чтобы они переезжали в Чили? Не все же такие идеалисты, как ты, Педро. Люди гораздо больше стремятся к богатству, чем к славе.

— Я придумаю, как это сделать.

Это была лично его идея, я к ней не имела никакого отношения. Под звуки барабанов и литавр Педро объявил жителям города, что он снаряжает корабль в Перу и те, кто желает уехать и увезти свое золото, могут это сделать. Это несказанно обрадовало людей, и целыми неделями в Сантьяго говорили только об этом. Уехать! Вернуться в Испанию с деньгами! Вернуться богатым — это была мечта всякого, кто покидал старый континент и отправлялся в Америку. Однако когда пришло время составлять списки пассажиров, только шестнадцать колонистов пожелали воспользоваться этой возможностью. Они продали свое имущество по бросовой цене, упаковали вещи, собрали все свое золото и приготовились к отправлению. Среди путешественников, которые поехали караваном к порту, был и мой наставник Гонсалес де Мармолехо. Ему в ту пору было уже больше шестидесяти лет, и он каким-то непостижимым образом ухитрился на службе Господу сколотить очень приличное состояние. Кроме

того, там была сеньора Диас, испанская «дама», которая приехала в Чили на корабле года за два до того. Дамского в ней было мало: мы знали, что это переодетый в женское платье мужчина. «Шарики и пиписька у этой доньи между ножек, да», — рассказала мне Каталина. «Что это ты выдумываешь! Зачем мужчине понадобилось переодеваться женщиной?» — поначалу не поверила я. «Зачем, сеньорай? Чтобы вытягивать денежки у других мужчин, не иначе...» — объяснила Каталина. Но все, хватит сплетничать.

В назначенный день путешественники поднялись на борт корабля и разместили свои надежно запертые сундуки с золотом в указанных им каютах. Тут на берегу появились Вальдивия и другие капитаны в сопровождении множества слуг, чтобы устроить отплывающим прощальный обед: там были изысканные рыбные блюда, только что выловленные моллюски и вина из собственного погреба губернатора. На песке в качестве скатертей разложили шерстяные покрывала, путешественники отобедали по-королевски и пустились всхлипывать и говорить восторженные речи, особенно «дама с шариками между ног», которая была особенно сентиментальна и жеманна. Вальдивия настоял, чтобы все отъезжающие засвидетельствовали, какое количество золота они увозят с собой, чтобы избежать недоразумений впоследствии, — и эта мудрая мера была поддержана всеми безоговорочно. Пока писец скрупулезно записывал в свою книгу цифры, которые называли ему отъезжающие, Вальдивия взошел на единственную имеющуюся лодку, и пять дюжих моряков повезли его на корабль, где его ожидали несколько самых верных ему капитанов, вместе с которыми он вознамерился послужить королю в Перу. Поняв, что их обманули, горе-путешественники завывали от ярости, а некоторые даже бросились догонять лодку вплавь, но единственный, кому ее догнать удалось, получил такой сильный удар веслом по голове, что череп у него только чудом остался цел. Могу представить себе отчаяние обманутых, когда они увидели, как надуваются паруса корабля и он берет курс на север, увозя с собой все их земные сбережения.

Жесткому капитану Вильягре, который никогда не отличался особой любезностью, выпало в качестве заместителя губернатора заменить Вальдивию на время его отсутствия и столкнуться с разъяренными колонистами на побережье. Его здоровенная фигура, широченные плечи, красное лицо, хмурое выражение на нем и рука, сжимающая эфес шпаги, способствовали быстрому наведению порядка. Он объяснил присутствующим, что Вальдивия отправился в Перу защищать власть короля, своего суверена, и искать подкрепления для колонии в Чили,

поэтому ему пришлось поступить так, как он поступил, но он обещает вернуть все до последнего дублона из причитающейся ему части добытого на прииске Марга-Марга. «То есть тем, кого это устраивает; а тот, кого не устраивает, — будет иметь дело со мной», — заключил он свою речь. Но это заявление никого не успокоило.

Я могу понять мотивы Педро, который видел в этом обмане, таком не свойственном его прямому характеру, единственное возможное решение проблем Чили. Он взвесил вред, причиненный шестнадцати ни в чем не повинным людям, и необходимость дать новый толчок конкисте, которая должна была послужить во благо тысячам людей, и решил, что второе важнее. Если бы Педро посоветовался со мной, я совершенно точно поддержала бы его решение, хотя предложила бы более элегантный способ исполнить этот план и к тому же сама поехала бы с ним в Перу. Но он поделился своей тайной только с тремя капитанами. Думал ли он, что я разрушу секретный план своей болтовней? Нет, потому что за все те годы, которые мы прожили вместе, я, защищая его жизнь и интересы, всегда действовала осмотрительно и жестко. Скорее, я полагаю, он боялся, что я попытаюсь удержать его. Он уехал, взяв с собой только самое необходимое, потому что если бы он стал собираться как следует, я бы догадалась о его намерениях. Педро уехал не попрощавшись, как когда-то, много лет назад, уехал от меня Хуан де Малага.

Ловушка Вальдивии — а это была именно ловушка, как бы ни была возвышенна ее цель, — стала просто подарком судьбы для Санчо де ла Оса, который теперь мог обвинять губернатора во вполне конкретном преступлении: Вальдивия обманул людей, украв у своих собственных солдат плоды многолетних трудов и лишений, и за это бесспорно заслуживал смерти.

Узнав, что Педро уехал, я почувствовала, что меня предали гораздо серьезнее, чем одураченных колонистов. В первый и последний раз в жизни я не смогла совладать со своими нервами. Целый день я била и рвала все, что попадалось мне под руку, и визжала от ярости — это ведь я, Инес Суарес, и я никому не позволю выбросить меня, как грязную тряпку, потому что я настоящая губернаторша Чили и все знают, чем мне обязаны! Что было бы с этим дерьмовым городишкой без меня — без меня, которая собственными руками копала оросительные каналы, лечила всех больных и раненых, сеяла, собирала урожай и готовила, чтобы вы все тут не перемерли от голода! Да к тому же я управляюсь с оружием не хуже опытного солдата, и Педро обязан мне жизнью; я его любила, и служила

ему, и ублажала его, и никто не знает его лучше меня, и никто не сможет выносить его маний, как я!.. И так далее, и так далее, пока Каталина и другие женщины не привязали меня к кровати и не побежали за помощью. Лежа на кровати, я билась в путах, будто в меня вселились бесы, а в изножье постели сидел Хуан де Малага и посмеивался надо мной. Скоро пришел Гонсалес де Мармолехо, глубоко удрученный, потому что он был самым старым из обманутых Вальдивией и был уверен, что ему уже не удастся возместить потери. На самом деле впоследствии он не только с процентами вернул утраченное, но и на момент своей смерти, которая произошла много лет спустя, был самым богатым человеком в Чили. Как ему это удалось — загадка. Наверное, в чем-то Мармолехо помогла я, потому что мы совместно с ним организовали конный завод, осуществив идею, которая не покидала меня с самого начала путешествия в Чили. Клирик пришел ко мне, собираясь изгнать из меня дьявола, но, поняв, что мой недуг — лишь ярость покинутой женщины, ограничился тем, что окропил меня святой водой и прочел надо мной несколько молитв. Этого оказалось достаточно, чтобы вернуть мне здравомыслие.

На следующий день меня навестила Сесилия. У нее к тому времени было уже несколько детей, но ни материнство, ни годы не смогли оставить и следа на королевской осанке и гладком лице инкской принцессы. Благодаря своему шпионскому таланту и положению супруги альгвасила Хуана Гомеса она была осведомлена обо всем, что происходило в колонии, даже за закрытыми дверями. Знала она и о моем недавнем нервном срыве. Она застала меня в постели, все еще без сил после событий предшествующего дня.

— Педро мне за это заплатит, Сесилия! — произнесла я вместо приветствия.

— Я к тебе с добрыми вестями, Инес. Тебе не придется мстить ему, это за тебя сделают другие, — сообщила она.

— О чем ты говоришь?

— Недовольные, а их в Сантьяго много, собираются обвинить Вальдивию перед Королевским судом в Перу. И если он не умрет в темнице, то, по крайней мере, проведет остаток жизни взаперти. Видишь, как тебе повезло, Инес!

— Это козни Санчо де ла Оса! — вскричала я, вскакивая с кровати и спешно начиная одеваться.

— Можно ли было представить себе, чтобы этот глупец сделал тебе такое одолжение? Де ла Ос пустил по рукам письмо, в котором просит, чтобы Вальдивия был смещен с должности, и многие жители города это

письмо подписали. Большинство хочет отделаться от Вальдивии и назначить губернатором де ла Оса, — сообщила мне Сесилия.

— Этот шут никак от своего не отступится! — пробормотала я сквозь зубы, завязывая ботинки.

За несколько месяцев до того этот злокозненный вельможа в очередной раз пытался убить Вальдивию. Как и все планы, приходившие ему в голову, этот тоже был донельзя живописен: он притворился очень больным, лег в кровать и заявил, что он при смерти и хочет попрощаться и с друзьями, и с недругами, в том числе с губернатором. За занавесью он поставил своего приспешника с кинжалом в руке, чтобы напасть на Вальдивию со спины, когда тот наклонится над кроватью слушать шепот якобы умирающего. Де ла Ос сам рассказывал эти смехотворные подробности всем и каждому, и это проваливало его планы, потому что я узнавала обо всех деталях готовящегося покушения без всяких усилий со своей стороны. Когда в тот раз я предупредила Педро о готовящемся покушении, он сначала расхохотался и не хотел верить, а потом все же согласился расследовать это дело. В результате Санчо де ла Ос был обвинен в заговоре и приговорен к повешению во второй или в третий раз — я уже сбилась со счету. Однако в последнюю минуту Педро по традиции простил его.

Я закончила одеваться, нашла предлог спешно проститься с Сесилией и побежала к капитану Вильягре, чтобы передать ему слова инкской принцессы и уверить в том, что если де ла Ос добьется успеха, то и самому капитану, и другим верным Вальдивии людям тут же отрубят голову.

— У вас есть доказательства, донья Инес? — поинтересовался красный от ярости Вильягра.

— Нет, только слухи, дон Франсиско.

— Впрочем, мне хватит и этого.

Вильягра без промедления арестовал интригана и приказал отрубить ему голову топором в тот же самый день, не дав времени даже исповедаться. Потом он приказал за волосы пронести его голову по городу, а затем повесить на столб для устрашения сомневающихся, как обычно поступали в таких случаях. Сколько отрубленных голов, выставленных на всеобщее обозрение, видела я в своей жизни? Не счесть. Вильягра решил не отлавливать остальных заговорщиков, которые, как крысы, затаились в домах, потому что иначе бы ему пришлось арестовать все население города — так сильно было недовольство Вальдивией, царившее тогда в Сантьяго. Вот так этот бравый капитан в один день вырвал ростки гражданской войны и избавил нас от этой гадины — Санчо де ла Оса. Самое было время.

Педро де Вальдивия добирался до Кальяо целый месяц, потому что останавливался во многих местах на севере, ожидая вестей из Сантьяго. Ему нужно было убедиться, что Вильягра ловко справился с ситуацией и прикрыл тылы. Педро знал о попытке бунта Санчо де ла Оса — до него добрался гонец с этой дурной новостью, — но не хотел брать на себя прямую ответственность за его смерть, потому что это могло принести проблемы с правосудием. Педро остался весьма доволен тем, как его заместитель на свой манер расправился с заговором, хотя изобразил удивление и недовольство этими событиями, помня о том, что враг обладал хорошими связями при дворе Карла V.

Пытаясь добиться моего прощения, Педро послал мне из Ла-Серены с гонцом письмо, в котором изъяснялся в любви, и причудливый золотой перстень в придачу. Письмо я разорвала в клочки, а кольцо подарила Каталине с тем условием, чтобы оно никогда не попадалось мне на глаза, потому что от одного его вида кровь во мне закипала.

По дороге на север губернатор присоединил к своему отряду группу из десяти опытных капитанов, которых снабдил доспехами, оружием и конями, пользуясь золотом обманутых колонистов, и отправился вместе с ними, чтобы встать под знамена клирика ла Гаски, законного представителя короля в Перу. Чтобы добраться до войска ла Гаски, этим бесстрашным дворянам пришлось подняться вплоть до самых заснеженных Андских вершин, не щадя коней, которые падали от нехватки воздуха; да и сами они мучились горной болезнью, от которой чуть не лопались барабанные перепонки и кровоточили все отверстия тела. Они знали, что у ла Гаски, хотя он человек недюжинной отваги и силы воли, совершенно нет военного опыта, а ему предстоит столкнуться с образцовым войском под командованием бывалого и смелого генерала. Гонсало Писарро можно было обвинять в чем угодно, только не в малодушии. Войско ла Гаски, измученное переходом через горную цепь, парализованное холодом и испуганное численным превосходством противника, приняло Вальдивию с десятью капитанами как ангелов-мстителей. Для ла Гаски эти десять дворян, по Божественному провидению прибывшие ему на помощь, оказались решающим фактором. Он обнял их, рассыпаясь в благодарностях, и передал командование Педро де Вальдивии, легендарному завоевателю Чили, именитому полководцу. Войско тут же воспряло духом, потому что такой генерал казался всем залогом победы. Вальдивия начал с того, что укрепил дух солдат нужными словами, которые были наработаны в течение многих лет общения с подчиненными,

а затем занялся оценкой состояния личного состава и снаряжения. Поняв, что перед ним стоит очень тяжелая задача, он почувствовал возвращение молодости: капитаны со времен основания Сантьяго не видели его таким воодушевленным.

Чтобы подойти к Куско, где должна была произойти встреча с мятежной армией Гонсало Писарро, Вальдивия повел солдат по узким инкским тропам, вырубленным на краю пропастей. Войско двигалось вперед, как вереница насекомых, а над ним нависали массивные сизые горы: вокруг были лишь камни, лед, окутанные облаками вершины, ветер и кондоры. Окаменевшие корни растений иногда вздымались из расщелин, и люди хватались за них, чтобы хоть на мгновение отдохнуть от тяжелого восхождения. Конские копыта скользили по скалам, и солдатам, привязанным друг к другу веревками, приходилось держать лошадей за гривы, чтобы не дать им упасть в пропасть. Пейзаж был давящей и грозной красоты: весь окружающий мир состоял лишь из слепящего солнца и глубоких теней. Ветер и град создали дьявольские фигуры на склонах гор. В расщелинах скал сверкал рассветными цветами лед. По утрам солнце, окрашивавшее вершины рыжими и красными мазками, казалось далеким и холодным; по вечерам свет гас так же внезапно, как загорался утром, и горы погружались во тьму. Ночи казались бесконечными; никто не мог пошевелиться в этой темноте, люди и животные дрожали от холода и прижимались друг к другу, цепляясь за края ущелий.

Чтобы облегчить немощ от горной болезни и придать сил измученным людям, Вальдивия приказал всем жевать листья коки, как делали индейцы кечуа с незапамятных времен. Узнав, что Гонсало Писарро приказал срезать мосты, чтобы не дать людям ла Гаски переправиться через реки и пропасти, Педро велел янаконам плести веревки из волокон растений, которые попадались вокруг, и это выходило у них потрясающе быстро. Сам он с небольшой группой храбрецов тайно поехал вперед. Добравшись под прикрытием горного тумана до одной из переправ, разрушенных Писарро, он отдал приказ индейцам сплести веревки в косы по шесть штук традиционным способом кечуа и делать из них висячий мост. Днем позже, когда к тому месту подошел ла Гаска со всем остальным войском, проблема переправы была уже решена. Им удалось перевести на другую сторону почти тысячу солдат, пятьдесят всадников, бесчисленное количество янакон и тяжелое оружие, балансируя на веревках над ужасающей пропастью, в которой завывал ветер. После этого Вальдивии пришлось заставить усталых людей пройти еще две лиги вверх по крутому склону со всем снаряжением на плечах и волоча за собой пушки, чтобы

добраться до выбранного им места, откуда он рассчитывал нанести удар по армии Гонсало Писарро. Как только пушки были размещены на стратегических высотах, он решил дать солдатам пару дней отдыха для восстановления сил, а сам в это время, как когда-то поступал его учитель, маркиз де Пескара, лично проверял размещение артиллерии и аркебузирова, разговаривал с каждым солдатом, давая наставления относительно грядущей битвы, и разрабатывал план сражения. Я будто вижу, как он скачет верхом в новых доспехах, энергичный и нетерпеливый, как заранее просчитывает перемещения противника и планирует атаку, будто хороший шахматист, которым он, впрочем, и был. Он был уже не молод, ему исполнилось сорок восемь лет, он немного располнел, и давнишняя рана на бедре давала о себе знать, но все же еще мог проводить в седле по двое суток без отдыха, и в эти моменты — я знаю — он чувствовал себя непобедимым. Он был настолько уверен в победе, что пообещал ла Гаске, что в этой схватке они потеряют не более тридцати человек, и это обещание сдержал.

Как только горы огласил первый пушечный залп, писарристы поняли, что имеют дело с прекрасным военачальником. Многие солдаты, которым изначально не очень-то нравилась идея сражаться против короля, покинули ряды Гонсало Писарро и перешли в армию ла Гаски. Рассказывают, что маэстре-де-кампо войска Писарро, старый лис с многолетним опытом за плечами, безошибочно определил, с кем он сражается. «Во всем Новом Свете есть только один генерал, способный выстроить такую стратегию: это дон Педро де Вальдивия, завоеватель Чили», — будто бы сказал он. И противник не обманул его ожиданий и не дал ни минуты передышки. После нескольких часов сражения Гонсало Писарро, войско которого несло многочисленные потери, пришлось сдаться и вручить свою шпагу Вальдивии. Через несколько дней он и его престарелый маэстре-де-кампо были обезглавлены в Куско.

Ла Гаска выполнил свое обещание подавить восстание и вернуть Перу Карлу V; теперь он должен был занять место низложенного Гонсало Писарро, приняв на себя всю огромную власть, которую предполагал этот пост. Своим триумфом он был обязан могучему капитану Вальдивии и отплатил ему подтверждением титула губернатора Чили, который давно уже был дан ему жителями Сантьяго, но до тех пор не был утвержден короной. Кроме того, ла Гаска наделил Вальдивию полномочиями набирать солдат и увозить их в Чили, если только это не будут мятежники-писарристы или перуанские индейцы.

Вспоминал ли Педро обо мне, проходя триумфатором по улицам

Куско? Или он был тогда слишком занят своей славой и собственной персоной? Я тысячу раз спрашивала себя, почему он не взял меня с собой в этот поход. Если бы он взял меня, наша судьба сложилась бы по-другому. Да, он ехал принимать участие в военной кампании, но я была ему спутницей не только в мирное время, но и на войне. Стыдился ли он меня? Меня — своей любовницы, сожительницы, наложницы? Это в Чили я была доньей Инес Суарес, губернаторшей, и никто уже не помнил, что мы с Педро не состоим в законном браке. Я сама часто забывала об этом. Наверное, в Куско, а потом и в Сьюдад-де-лос-Рейес женщины не давали Педро проходу: он был абсолютный герой гражданской войны, хозяин и правитель Чили; он был, как многие думали, сказочно богат и все еще красив; для любой женщины было бы огромной честью стать его спутницей. Кроме того, уже составлялся заговор с целью убить ла Гаску, клирика фанатичной строгости, и поставить на его место Педро де Вальдивию, но никто не отважился рассказать об этом плане самому заинтересованному лицу, потому что для него это было бы оскорблением. Оружие рода Вальдивия всегда служило верой и правдой королю и никогда не обратилось бы против него, а ла Гаска был представителем короля.

В моем возрасте уже смешно строить догадки о том, сколько женщин было у Педро в Перу, тем более что и у меня совесть не совсем чиста: именно в это время начались мои любовные отношения с Родриго де Кирогой. Однако нужно сказать, что он сам не проявлял в этом никакой инициативы и никак не показывал, что догадывается о моих смутных желаниях. Зная, что он никогда не пошел бы на предательство своего друга Педро де Вальдивии, я опасалась нашей взаимной симпатии, так же как опасался ее он. Обратила ли я внимание на Кирогоу оттого, что была покинута, или потому, что хотела отомстить Педро за то, что он оставил меня? Не могу сказать. Ведь мы с Родриго любили друг друга целомудренно, глубокой и отчаянной любовью, которую никогда не выдавали словами, а только взглядами и выражением лиц. С моей стороны это была не пылкая страсть, какую я чувствовала к Хуану де Малаге или Педро де Вальдивии, а скромное желание быть рядом с Родриго, жить с ним одной жизнью, заботиться о нем. Сантьяго был маленьким городком, где сохранить в тайне нельзя было ничего, но репутация Родриго была столь безупречна, что никто не распускал сплетен о нас, хотя мы с ним встречались каждый день, если только он не был занят военными делами. Предлогов для встреч было более чем достаточно: он помогал мне с моими проектами строительства церкви, скитов, кладбища и больницы, а я взяла на себя заботы о его дочери.

Исабель, ты, конечно, этого не помнишь, ведь тебе в ту пору было всего три года. Эулалия, твоя мать, которая очень любила и тебя, и Родриго, умерла во время эпидемии тифа. Твой отец привел тебя за руку ко мне домой и сказал: «Донья Инес, приглядите за моей дочерью несколько дней, прошу вас. Понимаете, мне надо поехать разделаться с кучкой дикарей, но я скоро вернусь». Ты была молчаливой, но подвижной девочкой, с личиком, похожим на мордочку ламы, с такими же красивыми глазами, окаймленными длинными ресницами, и с таким же выражением любопытства, с волосами, завязанными в два хвостика, как ушки этого животного. От своей матери из племени кечуа ты унаследовала кожу карамельного цвета, а от отца — аристократические черты. Хорошая смесь. Я полюбила тебя с того самого момента, как ты впервые переступила порог моего дома, прижимая к груди деревянную лошадку, которую выстрегал для тебя Родриго. Отцу я так тебя и не вернула: под разными предлогами ты оставалась у меня, пока мы с Родриго не поженились, а потом ты уже по праву стала членом моей семьи. Меня ругали за то, что я тебя баловала и обращалась как со взрослой; мне говорили, что так я воспитаю чудовище. Представь себе, как сильно разочаровались эти критиканы, увидев результат.

За эти девять месяцев нам в Чили пришлось столкнуться с индейцами в нескольких битвах и выдержать бесчисленное количество небольших стычек с ними, но нам удалось не только удержаться в прежних местах поселений, но и основать новые города. Казалось, что нам ничто не угрожает, но чилийские индейцы на самом деле так и не смирились с нашим присутствием на их земле, в чем мы удостоверились в последующие годы. На севере индейцы под командованием Мичималонко годами готовились к большому восстанию, но больше не решались нападать на Сантьяго, как нападали в 1541 году; вместо этого они сконцентрировали свои усилия для атак на небольшие поселения на севере страны, где испанские колонисты были практически беззащитны.

Летом 1549 года скончался дон Бенито. С ним сделали желудочные колики, после того как он съел несвежих устриц. Старик был очень любим всеми нами, мы считали его патриархом города. Когда-то мы дошли до долины реки Мапочо, подгоняемые лишь мечтой этого старого солдата, которому Чили казался эдемским садом. Со мной он всегда был образцом лояльности и галантности, поэтому я очень страдала оттого, что была бессильна помочь ему. Он умер у меня на руках, корчась от боли: казалось, он насквозь был пропитан сильнейшим ядом. Мы как раз хоронили его —

проститься с доном Бенито пришли все жители города, — когда в Сантьяго появились два солдата в лохмотьях. Они оба едва держались на ногах от усталости, а один из них был тяжело ранен. Они прибыли из Ла-Серены, передвигаясь по ночам, а днем прячась от индейцев. Они рассказали, что однажды ночью единственный караульный этого маленького, недавно основанного городка едва успел дать сигнал тревоги, как полчища индейцев яростно обрушились на город. Испанцы не смогли защититься, и через несколько часов от Ла-Серены не осталось ничего. Индейцы мучили до смерти мужчин и женщин, убивали детей, сбрасывая их на скалы, жгли дома. В суматохе этим двоим удалось бежать, и, пережив бесчисленное множество мытарств, они принесли в Сантьяго ужасную весть. Они заверили нас, что речь шла об общем восстании, что все племена вышли на тропу войны и вознамерились разрушить все испанские поселения.

Страх охватил жителей Сантьяго. Нам казалось, что полчища дикарей уже переправляются через ров, лезут по стенам и обрушиваются на нас, как гнев Божий. Наши силы опять были разделены, ведь часть солдат находилась в северных поселениях, Педро де Вальдивия отсутствовал вместе с несколькими капитанами, а обещанное подкрепление так и не прибыло. Защитить золотые прииски и фермы было невозможно, поэтому люди покинули их и искали укрытия в Сантьяго. Женщины в отчаянии молились в церкви денно и нощно, а мужчины — все, включая стариков и больных, — приготовились защищать город.

На городском совете было решено, что Вильягра с отрядом из шестидесяти человек выступит из города, чтобы сразиться с индейцами на севере, пока они не дошли до Сантьяго. Агирре был назначен ответственным за организацию защиты столицы, а Хуан Гомес получил разрешение применять любые средства для получения сведений о планах индейцев, что означало право пытаться всех подозрительных лиц. Стоны мучимых индейцев не добавляли спокойствия обстановке. Сколько я ни взывала к милосердию, объясняя, что с помощью пыток правды никогда не узнать, потому что несчастные признаются во всем, что хотят услышать палачи, все мои увещевания оказались тщетны.

Ненависть, страх и жажда мести были столь велики, что когда становилось известно о карательных вылазках Вильягры, ярость которого не уступала ярости дикарей, народ ликовал. Жестокими мерами Вильягре удалось меньше чем за три месяца подавить восстание, разбить индейцев и предотвратить их нападение на Сантьяго. Он заставил касиков заключить мирное соглашение, но никто не надеялся, что эта передышка в войне будет долгой. Единственная наша надежда была на то, что скоро возвратится

губернатор с капитанами и привезет новых солдат из Перу.

Спустя несколько месяцев после военной кампании Вильягры городской совет отправил на север Франсиско де Агирре, чтобы он занялся восстановлением городов, пострадавших от руки индейцев, и поисками союзников. Но бравый баск воспользовался представившейся возможностью, чтобы дать волю своему порывистому и жестокому характеру. Он немилосердно нападал на индейские деревни, собирал всех мужчин, начиная от мальчиков и заканчивая стариками, запирали их в деревянные бараки и сжигал заживо. Так он едва полностью не истребил индейское население, и, как он сам рассказывал со смехом, после этого ему приходилось усердно сношаться со вдовами, чтобы восстановить численность деревенских жителей.

Я не буду описывать здесь подробности, потому что, боюсь, в этих страницах и так заключено больше зверств, чем может вынести христианская душа. В Новом Свете никто не стесняется проявлять жестокость. Да что я говорю? Такие жестокости, какие совершал Агирре, существуют по всей земле и существовали во все времена. Ничего не меняется, мы, люди, совершаем один и тот же грех раз за разом, бесконечное количество раз.

Это происходило в Новом Свете, в то время как в Испании император Карл V провозглашал новые законы, в которых утверждал, что индейцы — подданные короны, и предупреждал землевладельцев, что они не вправе принуждать индейцев к работе и карать их физическими наказаниями, что с ними следует заключать письменный договор и платить им твердой монетой. Более того, конкистадорам следует не воздействовать на индейцев силой, а по-доброму уговаривать их принять веру Христову и власть христианского короля, отдать свои земли и подчиниться новым хозяевам. Как и многие другие законы, написанные из добрых побуждений, эти предписания так и остались лишь на бумаге. «Кажется, наш король совсем раздружил с головой, если полагает, что это возможно», — сказал Агирре по поводу этих законов. И он был прав. Что делали испанцы, когда на их земли вторгались чужаки и пытались навязать свои обычаи и веру? Конечно же, бились с ними насмерть.

Между тем Педро удалось собрать в Перу значительное количество солдат, и он отправился в обратный путь по суше, следуя уже известным маршрутом через пустыню Атакама. Когда он находился в пути уже несколько недель, его нагнал гонец от ла Гаски с распоряжением возвращаться в Сьюдад-де-лос-Рейес, где в его адрес было выдвинуто огромное количество обвинений. Вальдивии пришлось передать

командование отрядом своим капитанам и повернуть обратно, чтобы предстать перед судом. Несмотря на неоценимую помощь, оказанную королю и ла Гаске в борьбе против Гонсало Писарро и восстановлении мира в Перу, Педро был отдан под суд.

Помимо недругов-завистников, которых Вальдивия нажил себе в Перу, из Чили также приехали злопыхатели — специально, чтобы очернить его. Обвинений против него было более пятидесяти, но я помню только самые важные и те, что касались меня. Вальдивию обвиняли в том, что он стал именоваться губернатором без санкции Франсиско Писарро, который дал ему лишь должность заместителя губернатора; в том, что он приговаривал к казни Санчо де ла Оса и других ни в чем не повинных испанцев, например юного Эскобара, обвиненного из чистой ревности; а также в том, что он украл деньги у колонистов (причем умалчивалось, что практически весь этот долг был уже выплачен золотом с прииска Марга-Марга, как и было обещано). Кроме того, говорили, что Вальдивия завладел лучшими землями и тысячами индейцев, не упоминая, что он из своего кармана оплачивал некоторые расходы колонии, обеспечивал довольствием солдат, давал в долг без процентов и по большому счету выступал в качестве казначея Чили, распределяя собственные деньги, потому что он никогда не был скупым или жадным. К этому прибавляли, что Вальдивия наделил чрезмерным богатством некую Инес Суарес, с которой сожительствовал вне брака. Что больше всего меня оскорбило потом, когда я узнала все подробности, так это то, что эти подлецы утверждали, что я верчу Педро по своему усмотрению и для того, чтобы получить какую-нибудь милость от губернатора, надо платить комиссию его любовнице. Я пережила много тягот во время завоевания Чили и положила всю свою жизнь на то, чтобы основать это королевство. Не буду перечислять здесь все, что я создала собственными силами, потому что это записано в архивах городского совета, и если кто-то сомневается, может справиться там. Действительно, Педро наделил меня обширными землями, и это оскорбило людей недалеких и с короткой памятью, но я заработала все это вовсе не в постели. Мое состояние росло, потому что я управляла своим имуществом с крестьянской рассудительностью, которую унаследовала от матери, упокой Господи ее душу. «Расход должен быть меньше прихода» — вот в чем заключалась ее философия относительно денег: простая формула, которая никогда не подведет. Как и все испанские дворяне, ни Педро, ни Родриго никогда не занимались ни управлением своим имуществом, ни торговлей. Педро умер бедным, а Родриго разбогател благодаря мне.

Ла Гаска, несмотря на то что обвиняемый был ему симпатичен и

сделал для него очень многое, скрупулезно довел суд до конца. В Перу только об этом и говорили, а мое имя как только не трепали: болтали, что я ведьма и с помощью разных зелий отнимаю рассудок у мужчин, что я была шлюхой в Испании, а потом в Картахене, что я не старею, потому что пью кровь новорожденных, и прочие глупости, которые мне и повторять-то стыдно. Педро доказал свою невиновность, разбивая одно обвинение за другим, и в конце концов единственной, кто проиграл от этого процесса, оказалась я. Ла Гаска в очередной раз подтвердил назначение Вальдивии губернатором, все его титулы и заслуги и потребовал только, чтобы он выплатил все свои долги в разумные сроки. Но по отношению ко мне этот клирик — который заслуживает вечно вариться в адских котлах — был исключительно жёсток. Он приказал губернатору лишить меня всего имущества и разделить его между капитанами, немедленно прекратить всякие со мной отношения и отправить меня в Перу или в Испанию, где я могла бы замаливать свои грехи в монастыре.

Педро отсутствовал полтора года и вернулся из Перу с двумя сотнями солдат, из которых восемьдесят прибыли вместе с ним на корабле, а остальные — по суше. Когда я узнала, что он скоро приедет, меня охватила лихорадочная активность, и я чуть не свела с ума слуг. Я заставила всех красить стены, стирать занавески, сажать цветы, готовить любимые лакомства Педро, ткать покрывала и шить новые простыни. Было лето, и у нас в садах вокруг Сантьяго уже росли фрукты и овощи, как в Испании, только еще вкуснее. Мы с Каталиной принялись делать заготовки и готовить любимые Педро десерты. В первый раз за целые годы я забеспокоилась о своем внешнем виде: я даже сшила себе несколько изящных рубашек и юбок, чтобы принять его наряженной, как невеста. Мне тогда было около сорока лет, но я чувствовала себя молодой и привлекательной, может быть, потому, что тело мое не изменилось, как это бывает с бездетными женщинами, а еще потому, что я видела свое отражение в робких глазах Родриго де Кирогги. Но я боялась, что Педро заметит тонкие морщинки вокруг глаз, вены на ногах и трудовые мозоли на руках. Его я решила ни в чем не упрекать: что было, то было. Я хотела помириться с ним, вернуть те времена, когда мы любили друг друга, как в сказке. Мы многое вместе пережили: десять лет борьбы и страсти — такое не проходит бесследно. Я постаралась выбросить из головы образ Родриго де Кирогги, эту бесполезную и опасную фантазию, и пошла к Сесилии, чтобы выпросить секреты ее красоты, о которых в Сантьяго ходило столько слухов. Ведь это было настоящее чудо: инкская принцесса, в

противоположность всему остальному миру, с годами только молодела!

Дом Хуана и Сесилии был гораздо меньше и скромнее нашего, но она с чудесным вкусом украсила его мебелью и безделушками из Перу, многие из которых были даже привезены из бывшего дворца Атауальпы. Полы были покрыты в несколько слоев разноцветными шерстяными коврами с инкскими орнаментами; ноги при ходьбе в них просто утопали. В доме пахло корицей и шоколадом, который она умудрялась где-то доставать, в то время как все остальные довольствовались мате и местными травами. Она с детства во дворце Атауальпы так привыкла к этому напитку, что в тяжелые для Сантьяго времена, когда мы все страдали от голода, она плакала не от желания съесть кусочек хлеба, а от желания выпить шоколада. До прибытия испанцев в Новый Свет шоколад пили только знать, жрецы и высокопоставленные военные, но мы быстро освоили его.

Мы с Сесилией сели на большие подушки, и молчаливые служанки подали нам этот ароматный напиток в серебряных пиалах, сделанных искусными мастерами кечуа. Сесилия, которая на людях всегда появлялась одетой на испанский манер, дома носила более удобную одежду, принятую при дворе Инки: на ней была прямая юбка до щиколоток и вышитая туника, перехваченная на поясе ярким плетеным кушаком. Она ходила босая, и я не могла не сравнить совершенные ступни принцессы со своими грубыми ногами крестьянки. Волосы у нее были распущены, а единственным украшением на ней были тяжелые золотые серьги, передававшиеся в их роду по наследству. Их она привезла в Чили таким же загадочным способом, как и мебель, украшавшую ее дом.

— Если Педро обратит внимание на твои морщинки, это будет означать, что он тебя разлюбил, и, что бы ты ни делала, тебе не удастся изменить его чувства, — сказала она, когда я изложила свои сомнения.

Не знаю, были ли ее слова пророческими, или она, зная даже самые сокровенные секреты, уже знала то, что мне еще было неизвестно. Но чтобы порадовать меня, она поделилась со мной своими кремами, лосьонами и духами, которыми я усердно пользовалась несколько дней, ожидая приезда своего возлюбленного.

Но прошла неделя, за ней другая и еще одна, а Вальдивия в Сантьяго не появлялся. Он жил на корабле, стоявшем на якоре в бухте Конкон, и управлял оттуда, посылая в Сантьяго гонцов, но ни одно из его посланий мне не предназначалось. Я не могла понять, что происходит. Я мучилась от неизвестности, гнева и надежды, страшилась мысли, что он разлюбил меня, и старалась во всем отыскать хоть что-то обнадеживающее. Я попросила Каталину погадать мне, но на этот раз в своих ракушках она

ничего не разглядела, а может, просто не решилась рассказать мне, что она там увидела. Проходили дни и недели, а весточки от Педро так и не было. Я не могла есть и практически не спала. Целыми днями я работала на износ, а по ночам бродила по галереям и залам дома, как бык по загону, нервно выбивая каблуками искры из пола. Я не плакала, потому что на самом-то деле чувствовала не печаль, а ярость, и не молилась, потому что, как мне казалось, Дева Заступница не поняла бы моих горестей. Тысячу раз у меня был соблазн поехать навестить Педро на корабле и разом выяснить, почему он так себя ведет, — ехать туда было всего два дня верхом, — но я так и не решилась, потому что инстинкт подсказывал мне, что в такой ситуации не стоит бросать ему вызов. Наверное, я предчувствовала несчастье, но из гордости не хотела ничего формулировать словами. Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел меня униженной, а уж тем более Родриго де Кирога, который, к счастью, не задавал лишних вопросов.

Наконец в один прекрасный жаркий день в мой дом явился капеллан Гонсалес де Мармолехо. Вид у него был совершенно измученный. Он съездил в Вальпараисо и вернулся оттуда за пять дней, и все тело у него болело от долгой скачки. Я достала бутылку своего лучшего вина и пригласила клирика к столу, едва сдерживая нетерпение, потому что знала, что он привез вести для меня. Педро уже едет в Сантьяго? Или он зовет меня к себе? Мармолехо прервал мои расспросы, вручил мне запечатанное письмо и с поникшей головой ушел пить вино на увитую бугенвиллеей галерею, оставив меня читать одну.

Педро в кратких и точных словах сообщал мне решение ла Гаски, уверял меня в своем уважении и восхищении, не упоминая про любовь, и просил внимательно выслушать Гонсалеса де Мармолехо. Герой военных кампаний во Фландрии и Италии, подавления восстаний в Перу и завоевания Чили, самый известный и храбрый солдат во всем Новом Свете боялся встречи со мной и поэтому месяцами скрывался на корабле! Что с ним произошло? Я и представить себе не могла, что заставило его бежать от меня. Может, я превратилась во властную ведьму или в мужеподобную бабу? Может, я слишком безоговорочно верила в силу нашей любви? Я ведь даже ни разу не спрашивала себя, любит ли Педро меня так же сильно, как я его: для меня это был бесспорный факт. Нет, решила я наконец. Моей вины здесь нет. Это не я изменилась, а он. Почувствовав, что стареет, он испугался и захотел снова стать героем-воином и юным любовником, каким был много лет назад. Я слишком хорошо его знала, поэтому рядом со мной он не мог начать все заново, всего лишь облачившись в свежие

одежды. Передо мной он не смог бы скрывать свои слабости и возраст, и, понимая это, он решил просто отстраниться от меня.

— Падре, прошу вас, прочтите письмо и скажите, что все это означает, — сказала я, протягивая листы клирику.

— Я знаю, что там написано, дочь моя. Губернатор удостоил меня большого доверия и даже просил у меня совета.

— То есть это вы придумали такую жестокость?

— Нет, донья Инес. Это приказы ла Гаски, самого высокопоставленного королевского и церковного чиновника в этой части света. Вот здесь у меня бумаги, можешь взглянуть сама. Ваша внебрачная связь с Педро стала причиной громкого скандала.

— Теперь, когда я больше не нужна, моя любовь к Педро — скандал. А вот когда я находила воду в пустыне, лечила больных, хоронила погибших, спасала Сантьяго от индейцев — тогда я была святая.

— Я понимаю твои чувства, дочь моя...

— Нет, падре, вы и представить себе не можете, что я чувствую. Какая дьявольская ирония в том, что только сожительница во всем виновна, притом что она свободна, а он — женат! Меня не удивляет низость ла Гаски — он священник, что уж тут, а вот трусость Педро — удивляет очень.

— У него не было выбора, Инес.

— У благородного человека всегда есть выбор, когда речь идет о защите чести. Падре, предупреждаю вас, что из Чили я не уеду: я завоевала эту землю и основала здесь города.

— Смири свою гордыню, Инес! Полагаю, ты не хочешь, чтобы сюда явилась инквизиция и по-своему разобралась с тобой.

— Вы мне угрожаете? — спросила я с содроганием: при упоминании инквизиции у меня всегда по телу бегут мурашки.

— Этого у меня и в мыслях не было, дочь моя. Я приехал с поручением от губернатора предложить решение, которое позволит тебе остаться в Чили.

— Какое же это решение?

— Ты могла бы выйти замуж... — наконец произнес капеллан, пытаясь совладать с приступами кашля и ерзая на стуле. — Это единственный способ, чтобы тебе остаться в Чили. В достойных мужчинах, готовых взять в жены женщину с такими достоинствами и таким богатым приданым, недостатка не будет. А когда твоя собственность будет записана на имя мужа, никто не сможет отнять ее у тебя.

Долгое время я не могла произнести ни слова. Я не могла поверить, что Педро предлагает мне такой извращенный выход — последний из тех,

что могли бы прийти в голову мне.

— Губернатор искренне хочет помочь тебе, хотя это и означает, что ему придется отказаться от тебя. Разве ты не понимаешь, что это предложение — знак самоотвержения, доказательство любви и признательности? — прибавил священник.

Он сидел на стуле, нервничая и вспугивая веером летних мух, а я большими шагами ходила по галерее, пытаюсь взять себя в руки. Эта идея явно не была плодом внезапного озарения, ведь Педро предложил ее ла Гаске, будучи еще в Перу, и тот одобрил ее. То есть моя судьба была решена за моей спиной. Предательство Педро казалось мне глубочайшей низостью, и волна ненависти, как грязная вода, окатила меня с ног до головы, наполнив рот желчью. В этот момент мне хотелось задушить капеллана голыми руками, и я должна была сделать над собой огромное усилие, чтобы вспомнить, что он всего лишь посланник. Кто заслуживал мести, так это Педро, а не этот несчастный старик в сутане, с которого от страха пот катился градом.

Вдруг меня что-то как будто кулаком ударило в грудь, от чего дыхание перехватило и я пошатнулась. Сердце у меня екнуло и понеслось бешеным галопом — такого раньше со мной никогда не бывало. Кровь хлынула к вискам, ноги подкосились, в глазах потемнело. Мне едва удалось плюхнуться на стул, иначе бы я упала на пол. Это помутнение продлилось всего несколько мгновений: скоро я пришла в себя и обнаружила, что сижу, опустив голову на колени. В таком положении я дождалась, когда сердцебиение восстановится и я снова смогу спокойно дышать. Я решила, что потеряла сознание от ярости и жары, не подозревая, что у меня разорвалось сердце и мне предстоит прожить еще тридцать лет с этой дырой в груди.

— Полагаю, что Педро, раз он так жаждет помочь мне, уже позаботился и о том, чтобы выбрать мне достойного супруга, так? — спросила я Мармолехо, когда снова смогла говорить.

— У губернатора есть на примете пара кандидатур...

— Передайте Педро, что я принимаю предложение, но будущего мужа выберу себе сама, потому что хочу выйти замуж по любви и жить в браке счастливо.

— Инес, напоминаю тебе, что гордыня — смертный грех.

— Скажите мне одну вещь, падре. Это правда, что Педро привез с собой двух любовниц?

Гонсалес де Мармолехо не ответил, своим молчанием подтвердив дошедшие до меня слухи. Педро променял одну женщину сорока лет на

двух двадцатилетних. Это были две испанки — Мария де Энсио и ее загадочная служанка, Хуана Хименес, которая тоже делила ложе с Педро и, как говорили, с помощью чародейства вертела ими обоими, как хотела. С помощью чародейства? И обо мне говорили то же самое. Иногда достаточно вытереть пот со лба усталого мужчины, чтобы он стал есть с рук, которые его ласкают. Для этого не нужна черная магия. Нужно только быть верной и веселой, слушать — или, по крайней мере, притворяться, что слушаешь, — вкусно готовить, незаметно следить за ним, чтобы он не делал глупостей, наслаждаться и дарить наслаждение каждым объятием, ну и делать еще несколько очень простых вещей — вот и весь рецепт. Все это можно было бы выразить очень коротко: нужно быть железной рукой в шелковой перчатке.

Помню, когда Педро рассказал мне о ночной рубашке с прорезью в форме креста, в которой ложилась спать его супруга Марина, я тайно пообещала себе никогда не прятать свое тело от мужчины, с которым буду делить ложе. Я выполнила это решение и следовала ему до последнего дня, проведенного рядом с Родриго, с таким бесстыдством, что он никогда не замечал, что тело у меня одрябло, как у всякой старухи. Мужчины, которые прикасались ко мне, были бесхитростны, а я вела себя так, будто была красавицей, и они в это легко верили. Теперь я одна, и мне некого одаривать любовью, но могу поклясться, что Педро был счастлив, пока был со мной, и Родриго — тоже, даже когда болезнь не позволяла ему брать инициативу на себя. Извини, Исабель, я знаю, что тебя смутят эти строки, но тебе следует научиться этим вещам. Не обращай внимания на то, что говорят по этому поводу священники — они ведь об этом ничего не знают.

В Сантьяго было уже полтысячи жителей, но слухи распространялись здесь все так же быстро, как в деревне, поэтому я решила не терять времени на лишние церемонии.

Сердце мое яростно билось еще несколько дней после разговора с клириком. Каталина приготовила мне настой из келпа, сухих морских водорослей, которые она ставила размачиваться на ночь. Вот уже тридцать лет я пью эту вязкую жидкость каждое утро по пробуждении, я привыкла к ее отвратительному вкусу и благодаря ей до сих пор жива.

В то воскресенье я надела свое лучшее платье, взяла тебя, Исабель, за руку, ведь ты жила со мной уже несколько месяцев, и пересекла площадь по направлению к дому Родриго де Кирогги в тот самый час, когда народ выходил из церкви после мессы, чтобы все меня видели. С нами шли Каталина, закутанная в черную накидку и бормотавшая заговоры на кечуа,

которые в таких случаях более действенны, чем христианские молитвы, и старый пес Бальтасар.

Слуга-индеец открыл дверь и провел меня в гостиную, а мои спутники остались ждать в пыльном внутреннем дворике, загаженном курицами. Я огляделась и поняла, что предстоит вложить немало труда, чтобы сделать из этого уродливого барака с голыми стенами приемлемое жилище. Я подумала, что у Родриго, наверное, нет даже пристойной кровати и спит он в походной солдатской койке. Неудивительно, что ты так быстро привыкла к удобствам моего дома. Предстояло заменить эту грубую мебель из бревен и дубленой кожи, покрасить стены, купить занавеси и ковры для стен и пола, построить солнечные и тенистые галереи, посадить деревья и цветы, устроить фонтаны во дворе, снять с крыши солому и положить черепицу, — короче говоря, развлечений было не на один год. Мне нравится строить планы.

Через несколько мгновений вошел Родриго, удивленный, потому что я никогда раньше не навещала его дома. Он уже успел снять воскресную куртку и остался в белой рубашке с широкими рукавами, расстегнутой на груди. Он показался мне очень молодым, и мне захотелось поскорей убежать, откуда пришла. На сколько же лет моложе меня этот мужчина?

— Доброго дня, донья Инес. Что-нибудь случилось? С Исабель все хорошо?

— Я пришла предложить вам заключить брак, дон Родриго. Как вы на это смотрите? — выпалила я сразу, потому что в подобных обстоятельствах говорить обиняками невозможно.

К чести Кироги должна сказать, что он принял мое предложение с легкостью, достойной комедии. Лицо его просияло, он воздел руки к небу и испустил долгий индейский крик, чего я совершенно не ожидала — при его-то обычной сдержанности. Конечно же, до него уже дошел слух о том, что произошло в Перу, об истории с ла Гаской и о странном плане, который пришел в голову губернатору; все капитаны только и говорили об этом, особенно неженатые. Может быть, он и подозревал, что станет моим избранником, но был слишком скромн, чтобы быть в этом уверенным. Я хотела изложить ему условия предложения, но он не дал мне говорить, а порывисто обнял меня, поднял в воздух и закрыл мне рот своими губами. Тогда я осознала, что и я ждала этого момента вот уже почти год. Я вцепилась в его рубашку обеими руками и поцеловала его в ответ — со страстью, которая долгое время спала или которую мне удавалось обмануть; со страстью, которую я хранила для Педро де Вальдивии и которая жаждала быть прожитой, пока молодость не покинула меня. Я

почувствовала его желание, его руки на моей талии, на затылке, на волосах, его губы — на моем лице и шее, вдохнула его запах, запах молодого мужчины, услышала, как его голос шепчет мое имя, — и ощутила себя совершенно счастливой. Как в один миг боль оттого, что меня покинули, может превратиться в счастье оттого, что я любима? Наверное, в те времена я была очень ветрена...

В ту минуту я поклялась, что буду верна Родриго, пока смерть не разлучит нас, и не только буквально исполнила эту клятву, но и любила его тридцать лет, и с каждым днем все сильнее. Любить его оказалось очень легко. Родриго всегда был достоин восхищения, в этом были согласны все, хотя даже у лучших мужчин часто бывают серьезные недостатки, которые чувствуешь, только оставшись с человеком наедине. Но у этого благородного дворянина, солдата, друга и мужа их не было. Он никогда не стремился заставить меня забыть Педро де Вальдивию, которого уважал и любил, и даже помогал мне сохранить память о нем, чтобы Чили, эта неблагодарная страна, чтит его, как он того заслуживает. Родриго просто поставил себе задачу завоевать мою любовь и добился этого.

Когда мы наконец смогли разомкнуть объятия и перевести дух, я вышла дать распоряжения Каталине, а Родриго приветствовал свою дочь. Через полчаса вереница индейцев перенесла мои тюки, скамеечку для молитв и фигурку Девы Заступницы в дом Родриго де Кироги под аплодисменты жителей Сантьяго, оставшихся ждать после мессы на Оружейной площади.

На подготовку свадьбы мне понадобилось две недели, ведь я не хотела выходить замуж тайком, а хотела устроить пышное и торжественное празднество. За такое короткое время привести в порядок дом Родриго де Кироги было невозможно, но мы приложили все усилия, чтобы посадить во дворе дома деревья и кусты, сделать из цветов арки, навесы и поставить большие столы. Отец Гонсалес де Мармолехо обвенчал нас в строящейся церкви, которая теперь стала собором, при большом скоплении народа — и белых, и негров, и индейцев, и метисов. На мне было белое свадебное платье Сесилии, его подогнали по размеру, потому что времени заказывать ткань для нового платья не было. «Венчайся в белом, Инес. Дон Родриго достоин быть твоей первой любовью», — сказала мне Сесилия. И она была права.

После венчания в церкви мы пригласили всех к столу отведать моих фирменных блюд: пирожков, жаркого из птицы, маисового пирога, фаршированного картофеля, фасоли с острым перцем, бараньей лопатки, жареного козленка, овощей из моего поместья и всяческих сладостей,

которые я намеревалась приготовить к приезду Педро де Вальдивии. Все это должным образом орошалось винами, которые я без зазрения совести вытащила из губернаторского погреба, ведь он был и мой тоже. Двери дома Родриго были открыты весь день, и мы были рады всякому, кто хотел отобедать и разделить с нами радость. Среди праздничной суматохи бегали дюжины ребятишек-метисов и индейцев, а на поставленных полукругом стульях восседали старцы нашей колонии. Каталина подсчитала, что в тот день в нашем доме побывало не меньше трех сотен гостей, но она никогда не была сильна в счете, так что их могло быть и больше.

На следующий день мы с Родриго взяли тебя, Исабель, и с небольшой свитой янакон оправились проводить медовый месяц в моем поместье. Для защиты от местных индейцев, которые часто нападали на беспечных путников, нас сопровождали несколько вооруженных солдат. Каталина вместе с моими верными служанками, привезенными из Куско, осталась дома приводить в порядок жилище Родриго; вся остальная многочисленная челядь осталась там, где была раньше. Только тогда Вальдивия со своими двумя любовницами решил покинуть корабль и вернуться в свой дом в Сантьяго, который нашел чистым, прибранным и обеспеченным всем необходимым, но без следа моего пребывания там.

Глава шестая

Чилийская война

1549–1553

Как видите, в последней части моего повествования почерк изменился. Первые два месяца я писала собственноручно, но теперь я утомляюсь уже после пары строк, поэтому лучше буду диктовать тебе; у меня буквы выходят как мушиные лапки, а у тебя, Исабель, почерк тонкий и изящный. Тебе нравятся чернила рыжего цвета, эта новинка, привезенная из Испании, а мне записи, сделанные ими, очень трудно читать. Но раз уж ты и так делаешь одолжение и помогаешь мне, то не могу же я заставлять тебя пользоваться черными чернилами!

Мы бы продвигались вперед гораздо быстрее, если бы ты не задавала

мне столько вопросов, доченька. Мне очень нравится слушать тебя. Ты говоришь на певучем и прытком чилийском испанском языке. Мы с Родриго не смогли привить тебе гортанные «хоты» и четкие «сеты»^[20]. Так говорил епископ Гонсалес де Мармолехо, который был родом из Севильи. Он давно уже умер, помнишь его? Он любил тебя как собственную внучку, бедный старик.

В те времена он говорил, что ему семьдесят семь лет, хотя своей длинной белой бородой и появившейся в последние годы склонностью возвещать апокалипсис он походил скорее на столетнего библейского патриарха. Навязчивая идея о скором конце света не мешала ему заниматься земными делами, и деньги он делал как будто по Божественному вдохновению.

В числе его замечательных предприятий был конный завод, который мы держали с ним вместе на партнерских началах. Мы экспериментировали, смешивая породы, и в конце концов получили сильных, красивых и послушных животных, эту прославленную чилийскую породу, которая теперь известна по всему континенту, потому что наши кони так же благородны, как арабские скакуны, но более выносливы.

Епископ умер в том же году, что и моя добрая Каталина. Мармолехо страдал от легочной болезни, от которой не помогали никакие лекарственные растения, а Каталину убил кусок черепицы, упавший ей на голову во время землетрясения. Она умерла сразу, даже не поняв, что происходит. Примерно тогда же умер и Вильягра, который под конец жизни так устрасился своих грехов, что стал носить францисканскую рясу. Некоторое время он был губернатором Чили, и его будут помнить как одного из самых крепких и отважных военных, но его никто не любил, потому что он был скареден. Жадность — недостаток, который неизменно отпугивает щедрых испанцев.

Времени рассказывать подробности уже не осталось, доченька, потому что стоит немного задержаться — и мой рассказ останется неоконченным, а ведь никому не понравится прочесть несколько сотен страниц и обнаружить, что история так ничем и не заканчивается. Чем окончится эта история? Моей смертью, полагаю, потому что, пока во мне теплится жизнь, у меня достанет воспоминаний заполнять пустые страницы. О такой жизни, как моя, всегда найдется, что рассказать. Мне надо было начать записывать воспоминания уже давно, но я была слишком занята: чтобы поднять город и обеспечить его процветание, нужно много работать. Писать я начала только тогда, когда умер Родриго, и от печали у меня пропало желание

заниматься теми делами, которые раньше казались безотлагательными. Когда его не стало, я почти совсем перестала спать по ночам, а бессонница очень помогает писать.

Я все спрашиваю себя, где мой муж, не ждет ли он меня где-нибудь или прямо здесь, в доме, среди других теней, незаметно заботясь обо мне, как он всегда делал при жизни. Каково это — умирать? Что там, по другую сторону жизни? Только лишь ночь и молчание? Мне думается, что умереть — это как полететь, как стрела в темноте, к небу, в бескрайнее пространство, где предстоит искать своих любимых людей, одного за другим. Меня удивляет, что сейчас, когда я так много думаю о смерти, мне все еще хочется создавать новое и удовлетворять свои амбиции. Наверное, это гордыня: мне хочется оставить добрую славу и память по себе, как говорил Педро. Подозреваю, что в этой жизни мы никуда не движемся, тем более — когда спешим; идти можно только в одну сторону, шаг за шагом — к смерти. Так что — вперед, продолжать рассказ, покуда мне достанет дней, ведь воспоминаний у меня очень много!

Выйдя замуж за Родриго, я решила избегать Педро, по крайней мере поначалу, пока не пройдет злорадия, заменившая любовь, которую я чувствовала к нему в течение десяти лет. Я возненавидела его так же сильно, как раньше любила, и так же усердно старалась ранить его, как защищала прежде. Все его недостатки усугубились в моих глазах: он уже казался мне не благородным, а лишь амбициозным и тщеславным; раньше он был крепок, смекалист и суров, а теперь стал толст, лжив и жесток. Я отводила душу только с Каталиной, потому что стыдилась этого своего предубеждения против бывшего возлюбленного. Мне удалось скрыть свое настроение от Родриго, чья прямота не позволяла ему заподозрить во мне дурные чувства. Так как сам он был не способен на низость, то не подозревал ее и в других. Возможно, ему казалось странным, почему я не появлялась в Сантьяго, когда Педро де Вальдивия бывает в городе, но он мне об этом не говорил.

Я занялась обустройством наших загородных домов и продлевала свое пребывание в них настолько, насколько это было возможно, — под предлогом сева, выращивания роз или разведения лошадей и мулов, хотя в глубине души скучала и чувствовала, что мне не хватает работы в больнице. Родриго ездил из Сантьяго за город каждую неделю, разбивая себе спину напряженным галопом, чтобы повидать свою дочь и меня. Свежий воздух, физический труд, твое общество, Исабель, и выводок черных щенков, отпрысков старого Бальтасара, мне очень помогли.

В то время я много молилась: выносила фигурку Девы Заступницы в

сад, садилась с ней под деревом и рассказывала все свои печали. Она надоумила меня, что сердце — как сундук: если оно набито всякой дрянью, места для других вещей не остается. Я не могла любить Родриго и его дочь, если сердце мое было полно горечи, — прояснила мне Дева. Каталина говорила, что от злобы кожа желтеет и начинает плохо пахнуть, поэтому она поила меня очистительными настоями. С помощью молитв и настоев Каталины я излечилась от злости на Педро за два месяца.

Однажды мне приснилось, что у меня выросли когти, как у кондора, и я набрасываюсь на Педро и вырываю ему глаза. Это был потрясающий сон, очень живой, и я проснулась отмищенной. На рассвете я встала с кровати и поняла, что уже не чувствую боли в плечах и шее, которая мучила меня неделями. Ненужный груз ненависти исчез. Я слушала звуки раннего утра: крики петухов, лай собак, шорох метелки садовника на террасе, голоса служанок. Утро было теплое и ясное. Я босиком вышла во двор. Ветерок нежно гладил мне кожу под рубашкой. Я подумала о Родриго, и желание заняться с ним любовью заставило меня содрогнуться, как бывало в юности, когда я тайком убегала в сады, окружающие Пласенсию, чтобы возлечь с Хуаном де Малагой. Я зевнула во весь рот, потянулась, как кошка, стоя лицом к солнцу, и немедленно приказала заложить лошадей, чтобы вместе с тобой вернуться в Сантьяго в тот же день, без всякого багажа, взяв только немного одежды и оружие.

Родриго не разрешал нам покидать дом без охраны, боясь шаек индейцев, которые кружили по долине, но мы все равно поехали. Нам повезло: к закату мы благополучно добрались до Сантьяго. Увидев со своих башен клубы пыли, поднимаемые копытами лошадей, городские дозорные протрубили сигнал тревоги. Родриго выбежал из дома мне навстречу, боясь, что произошло какое-то несчастье, но я бросилась ему на шею, поцеловала в губы и за руку повела к постели. Та ночь стала началом нашей настоящей любви: до этого была лишь присказка, не сказка.

В последующие месяцы мы учились понимать друг друга и дарить друг другу наслаждение. Моя любовь к Родриго была чем-то новым: это было не то желание, которое меня влекло к Хуану де Малаге, и не та страсть, которой я пылала к Вальдивии. Это было зрелое и светлое чувство, свободное от противоречий; с течением времени оно становилось только сильнее, так что жить без любимого оказалось невозможно. Мои одинокие поездки за город прекратились, и мы теперь разлучались с Родриго, только когда он уезжал сражаться с индейцами.

Этот человек, такой серьезный на людях, дома был нежным и веселым. Он баловал нас, мы были две его королевы, помнишь? Так исполнилось

предсказание магических ракушек Каталины о том, что я стану королевой. За тридцать лет, которые мы прожили вместе, Родриго дома никогда не бывал в дурном настроении, каким бы тяжелым ни был гнет внешних обстоятельств. Он рассказывал мне о военных делах, об управлении страной и о политике, делился своими страхами и печалью, и все это только укрепляло наши отношения. Он доверял моему здравому смыслу, спрашивал моего мнения, просил совета. С ним не нужно было говорить обидками, чтобы не обидеть его, как это бывало с Вальдивией и бывает с большинством мужчин, ведь они часто излишне щепетильны во всем, что касается их авторитета.

Наверное, Исабель, ты не хочешь, чтобы я рассказывала об этом, но я не могу обойти молчанием эту тему, потому что тебе следует знать об этой стороне жизни твоего отца. До того как у него появилась я, Родриго полагал, что в занятиях любовью главное — молодость и напор, но это расхожее заблуждение. Я очень удивилась, когда мы в первый раз оказались с ним в постели, потому что он спешил и вел себя как пятнадцатилетний мальчишка. Я объяснила себе это тем, что он слишком долго меня ждал, молчаливо и безнадежно любя меня издали, как он потом признался, целых девять лет. Но его неуклюжесть не убывала и в последующие ночи. Повидимому, Эулалия, твоя мать, которая так ревниво его любила, не научила его ничему; так что задача воспитать его легла на мои плечи, и, едва освободившись от злости на Вальдивию, я принялась за это дело с большим удовольствием, как ты можешь себе представить.

То же самое было с Педро еще намного раньше, когда мы только познакомились с ним в Куско. У меня не очень богатый опыт любовных отношений с испанскими капитанами, но могу сказать, что те из них, с кем мне довелось иметь дело, были очень мало сведущи в любовной материи, хотя оказывались не прочь углубить свои познания в ней. Не смейся, доченька, так и есть. Я рассказываю это тебе на всякий случай. Я ничего не знаю о твоих интимных отношениях с мужем, но если у тебя есть какие-нибудь жалобы, советую тебе поговорить со мной об этом, потому что после моей смерти говорить будет уже не с кем.

Мужчин, как лошадей и собак, нужно приручать, но только немногие женщины способны на это, потому что сами ничего не знают, ведь не каждой же выпадает встретить такого прекрасного учителя, как Хуан де Малага. К тому же многие ужасно стесняются: вспомни про ночную рубашку с прорезью Марины Ортис де Гаэте. От этого только растет невежество, которое способно покончить с любовными отношениями даже при самых благих и нежных намерениях обеих сторон.

Только я вернулась в Сантьяго и принялась за совместное с Родриго возвращение удовольствий и укрепление нашей благословенной любви, как одним прекрасным утром город проснулся от звука сигнального рожка часового. На том самом шесте, на котором столько лет выставлялись для устрашения человеческие головы, головы казненных, обнаружили лошадиную голову. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это голова Султана, любимого жеребца губернатора. Крик ужаса замер в груди жителей города.

В Сантьяго действовал комендантский час, чтобы препятствовать грабежам; всем индейцам, неграм и метисам воспрещалось выходить на улицу ночью под страхом сотни ударов кнутом на площади у позорного столба; такое же наказание полагалось, если они устраивали праздники без разрешения, напивались или играли на деньги: грешить подобным образом дозволялось только их хозяевам.

Комендантский час снимал подозрения со всех метисов и индейцев в городе, но никто и представить себе не мог, что такую гнусность мог совершить испанец. Вальдивия приказал Хуану Гомесу пытаться всех, кого сочтет нужным, чтобы отыскать виновного.

Хотя я и излечилась от ненависти к Педро де Вальдивии, но предпочитала видеть его как можно меньше. Несмотря на это, сталкивались мы довольно часто, ведь центр Сантьяго невелик, да и жили мы рядом, но на одних и тех же общественных мероприятиях мы не появлялись. Друзья старались не приглашать нас вместе. Встречаясь на улице или в церкви, мы приветствовали друг друга кивком головы, и все. При этом его отношения с Родриго не переменились: Педро все так же выказывал ему доверие, а тот отвечал губернатору верностью и восхищением. Но я, конечно, стала мишенью для множества язвительных замечаний.

— Отчего это люди такие злые и так любят сплетничать, Инес? — спросила как-то у меня Сесилия.

— Их просто раздражает, что вместо того, чтобы принять роль брошенной любовницы, я стала счастливой супругой. Они ликуют, когда видят униженными сильных женщин, таких как ты или я. И не могут простить нам то, что мы выигрываем, когда столько других терпят поражение, — объяснила я.

— Не сравнивай меня с собой, Инес! Во мне нет твоей силы, — засмеялась Сесилия.

— Сила считается добродетелью только для мужчин, а для женщин —

это недостаток. Сильные женщины угрожают несправедливому мироустройству, у которого мужчины явно в фаворе. Поэтому таких женщин стараются высмеять и погубить. Но такие женщины как тараканы: одну давят, а из углов тут же появляются новые, — сказала я.

Про Марию де Энсио я помню только, что никто из лучших людей города ее не принимал, хотя она была испанкой и любовницей губернатора. К ней относились так, будто она была его экономкой. А что касается второй, Хуаны Хименес, то над ней смеялись у нее за спиной, говоря, что ее госпожа надоумила ее выполнять в постели такие пируэты, на которые сама не решалась. Если это правда, то не могу понять, что за демоны окрутили Педро, ведь он всегда бы человеком здоровой и бесхитростной чувственности: его никогда не интересовали причуды из французских книжечек, водившихся у Франсиско де Агирре. Единственным исключением было то, как он себя вел во время истории с юным Эскобаром. Тогда он хотел заглушить свою вину, пытаясь приравнять меня к продажной девке.

Кстати, чтобы не забыть: Эскобар так и не добрался до Перу, но и не умер в пустыне от жажды, как многие думали. Много лет спустя я узнала, что сопровождавший его молодой янакона по тайным тропкам отвел его в свою родную деревню, затерянную высоко в горах, где оба живут и поныне. Прежде чем отправиться в пустыню, Эскобар обещал Гонсалесу де Мармолехо, что если доберется живым до Перу, то станет священником, потому что если он выжил сначала на виселице, а потом и в пустыне, то это перст Божий. Но он не сдержал обещания, а, наоборот, взял в жены нескольких женщин из племени кечуа, которые родили ему множество детей-метисов, и таким образом на свой лад послужил распространению веры Христовой.

Возвращаюсь к любовницам, которых Вальдивия привез из Куско. Каталина рассказала мне, что они поят его отваром гравилата. Наверное, Педро боялся потерять свою мужскую силу, которая для него была так же важна, как и храбрость на поле боя, и поэтому пил отвары и подстегивал себя силами двух женщин. Он был еще не в том возрасте, чтобы его сила ослабла, но здоровье у него было не такое уж крепкое, и болели старые раны.

Судьба обеих этих женщин оказалась переменчива. После смерти Вальдивии Хуана Хименес пропала. По слухам, ее похитили индейцы мапуче во время одной из своих вылазок на юг. Мария де Энсио тронулась рассудком и стала истязать своих служанок. Говорят, что кости несчастных индианок похоронены прямо в доме, который теперь принадлежит

городскому совету, и что по ночам там слышны их стоны. Но это тоже уже другая история, рассказывать которую у меня нет времени.

С Марией и Хуаной я держалась на расстоянии. Я не думала, что мне когда-нибудь придется сказать им хоть слово, но Педро упал с лошади и сломал себе ногу, и тогда позвали меня, потому что никто лучше меня не лечил переломы. Тогда я в первый раз после свадьбы с Родриго вошла в дом, который когда-то был моим и который я построила своими руками, и не узнала его, хотя внутри стояла та же самая мебель на тех же самых местах. Хуана, низенькая, но хорошо сложенная и с приятными чертами лица галисийка, поздоровалась со мной с любезностью служанки и провела в спальню, которую раньше я делила с Педро. Там Мария, причитая, обтирала влажным полотенцем лоб больного, который, казалось, был уже более мертв, чем жив. Мария кинулась целовать мне руки, всхлипывая от благодарности и страха — если бы Педро умер, ее бы ожидала довольно мутная будущность, — но я мягко, чтобы не обидеть, отстранила ее и подошла к кровати. Откинув простыню, я обнаружила, что нога у Педро сломана в двух местах, и подумала, что самое лучшее было бы ампутировать ее повыше колена, пока она не начала гнить, но эта операция всегда пугала меня и я не чувствовала, что способна осуществить ее над этим телом, которое прежде любила.

Помолившись Деве, я принялась обрабатывать раны, как могла, с помощью ветеринара и кузнеца, так как про врача уже давно было ясно, что он никчемный пьяница. Это были нехорошие переломы, из тех, с которыми очень сложно работать. Мне пришлось вставлять каждую косточку на место вслепую, и только чудом это получилось более или менее хорошо. Каталина одурманивала больного своими волшебными порошками, разведенными в ликере, но даже во сне он ревел от боли; потребовалось несколько мужчин, чтобы держать его при каждом моем действии. Я делала свою работу без всякой злобы, стараясь уменьшить его страдания, хотя это оказалось практически невозможным. По правде говоря, о его неблагодарности я даже и не вспомнила.

Педро столько раз казалось, что он умирает от боли, что он продиктовал завещание Гонсалесу де Мармолехо, скрепил бумагу печатью и распорядился хранить под тремя замками в городском совете. Когда после его смерти завещание открыли, выяснилось, что в нем, кроме всего прочего, он просил передать свои губернаторские полномочия Родриго де Кирогге.

Нужно признать, что любовницы ухаживали за Педро с большим тщанием и частично благодаря их заботам он снова смог ходить, хоть и

хромал весь остаток жизни.

Хуану Гомесу не понадобилось никого пытаться, чтобы узнать, кто отрезал голову Султану. Уже через полчаса стало известно, что это сделал Фелипе. Поначалу я не могла в это поверить, потому что юный мапуче обожал этого жеребца. Однажды, когда Султан был ранен индейцами в Марга-Марга, Фелипе выхаживал его неделями, спал рядом с ним, кормил с рук, чистил и лечил, пока тот не выздоровел. Паренек и конь так любили друг друга, что Педро часто ревновал, но так как никто не мог ухаживать за Султаном лучше Фелипе, не решался вмешиваться. Умение юноши прекрасно находить общий язык с лошадьми стало легендарным, и Вальдивия подумывал о том, чтобы сделать Фелипе конюшим, когда он еще немного повзрослеет, а это занятие было очень уважаемым в нашей колонии, потому что разведение лошадей являлось делом первостепенной важности. Фелипе убил своего благородного друга, перерезав ему сонную артерию, чтобы он не мучился, а потом обезглавил его кинжалом. Нарушив комендантский час и воспользовавшись темнотой, он повесил лошадиную голову на шест на площади и бежал из города. Он оставил свою одежду и все немногочисленные пожитки в узелке в залитой кровью конюшне. Он ушел нагим, с одним только амулетом на шее, как и пришел за несколько лет до того. Я представляю, как он бежит босиком по мягкой земле, полной грудью вдыхая таинственные ароматы леса, запахи лавра, квиллайи и розмарина, переходя вброд мутные лужи и прозрачные ручьи, переплывая ледяные воды рек, чувствуя бесконечное небо над головой, обретая наконец свободу. Почему он так поступил с животным, которое очень любил? Загадочное объяснение Каталины, которая никогда не симпатизировала парнишке, оказалось как нельзя более верным: «Разве не видишь? Мапуче к своим утек, да, мамитай».

Наверное, Педро де Вальдивия просто взорвался от ярости, узнав о произошедшем, и поклялся отомстить страшной мезтью своему любимому конюху, но ему пришлось отложить отмщение на потом из-за более срочных дел. Ему только что удалось заключить союз с нашим главным врагом вождем Мичималонко, и он был занят подготовкой большого похода на юг страны для покорения мапуче. Старый касик, для которого годы проходили, не оставляя следа, понял, что раз уж победить уинок не удастся, стоит заключить с ними союз. После карательной кампании Агирре Мичималонко практически лишился способных воевать мужчин: на севере остались только женщины и дети, половина из которых были метисы. Между гибелью и войной с мапуче на юге вождь выбрал второе.

Отношения с мапуче в последнее время у него и так не ладилась, потому что ему не удалось выполнить данное им обещание разбить испанцев, а, сделав такой выбор, он, по крайней мере, спасал свое достоинство и не был принужден посылать своих воинов работать в поле или мыть золото для уинок.

Я не могла выкинуть Фелипе из головы. Убийство Султана показалось мне действием символическим: этими ударами кинжала индеец как бы убил губернатора. После этого дороги назад не было, и он порвал с нами навсегда и ушел, унеся с собой все, что узнал о нас и нашей жизни за годы искусного притворства. Я вспомнила первое нападение индейцев на только зарождающийся город Сантьяго весной 1541 года и, как мне показалось, нашла ключ к разгадке того, какую роль сыграл Фелипе в нашей жизни. Тогда индейцы накрылись черными покрывалами, чтобы подойти к городу ночью и остаться незамеченными часовыми, так же как поступили в Европе солдаты маркиза де Пескары, накрывшись белыми простынями на снегу. Фелипе много раз слышал эту историю от Педро и передал идею вождям. Его частые отлучки не были случайными: они были частью жестокого замысла, хотя в этом невозможно было заподозрить ребенка, которым он был тогда. Он мог выходить из города на охоту, не боясь индейцев, которые нас тогда осаждали, потому что сам был одним из них. Охота была лишь предлогом, чтобы получить возможность встретиться со своими соплеменниками и рассказать им о нас. Именно он привез известие о том, что люди Мичималонко собираются недалеко от Сантьяго, это он помог устроить ловушку, чтобы вывести из города Вальдивию и половину наших солдат, это он подсказал индейцам самый подходящий момент для нападения. Где был этот мальчишка во время атаки на Сантьяго? В суматохе того ужасного дня мы совершенно позабыли про него. Он прятался или помогал нашим врагам, может быть, раздувал пожар — я не знаю. Несколько лет Фелипе посвятил изучению лошадей, выезде и выращиванию; он внимательно слушал рассказы солдат и постигал военную стратегию; он научился пользоваться нашим оружием, начиная от шпаги и заканчивая аркебузой и пушкой; он знал наши сильные и слабые стороны. Мы думали, что он восхищается Вальдивией, своим тайтой, которому прислуживал лучше, чем кто бы то ни было, а на самом деле он за ним следил и в душе лелеял ненависть к чужакам, захватившим его родную землю. Спустя какое-то время мы узнали, что он был сыном одного из токи, последним в длинном роду глав племени, и так же гордился своей родословной, состоящей из безупречных воителей, как Вальдивия гордился своей. Представляю, какая ужасная ненависть жила в сердце Фелипе. А

теперь этот мапуче восемнадцати лет от роду, крепкий и стройный, как тростник, бежал на юг, нагой и быстрый, к влажным лесам, где его племена ждали возвращения молодого вождя.

Его настоящим именем было Лаутаро, и он стал самым знаменитым вождем Араукании, ужасным демоном для испанцев, героем — для мапуче, центральной фигурой военной эпопеи. Под его командованием прежде беспорядочные толпы индейцев стали так же прекрасно организованы, как лучшие армии Европы, и были разделены на эскадроны, пехоту и кавалерию. Чтобы сбивать с ног лошадей, не убивая и не калеча их — лошади были для них так же ценны, как и для нас, — он использовал болеадору, веревку с привязанными к концам камнями. При точном броске концы веревки обматывались вокруг ног лошадей, отчего они падали, или вокруг шеи всадника, и он валился на землю. Лаутаро посылал своих людей воровать лошадей и сам занимался их выучкой и разведанием; то же он проделывал и с собаками. Он так натренировал своих воинов, что они стали лучшими в мире наездниками, такими же, как и он сам, и конница мапуче стала непобедимой. Он заменил старые дубины, тяжелые и неповоротливые, на гораздо более эффективные короткие палицы. В каждой битве он захватывал оружие врага, чтобы в дальнейшем пользоваться им и учиться делать подобное. Он организовал такую отлаженную систему связи, что все до единого его солдаты узнавали о приказах токи за считанные секунды, и ввел железную дисциплину, которая могла сравниться только с дисциплиной в знаменитых испанских терциях. Женщин он тоже превратил в суровых воительниц, а детей приспособил доставлять провизию, снаряжение и послания. Он прекрасно знал местность и предпочитал скрывать свои войска в лесу, но, когда считал это необходимым, строил крепости в труднодоступных местах, где готовил своих людей к сражению, получая от шпионов сведения о каждом шаге врага. Единственное, чего ему не удалось, — отвадить своих воинов от дурной привычки после каждой победы напиваться до потери сознания чичей и мудаем. Если бы у него получилось и это, мапуче истребили бы все наше войско на юге. Сегодня, тридцать лет спустя, дух Лаутаро все еще стоит во главе войска индейцев. Его имя будет жить в веках, и нам никогда не победить его.

Мы узнали историю Лаутаро немного позже, когда Педро де Вальдивия отправился в Арауканию основывать новые города, мечтая распространить испанские завоевания до Магелланова пролива. «Если Франсиско Писарро смог завоевать Перу, имея в своем распоряжении

сотню с небольшим солдат, которые справились с тридцатипяти тысячным войском Атауальпы, для нас будет большим позором позволить кучке дикарей задержать нас», — заявил он на собрании городского совета. Он взял с собой на юг двести прекрасно вооруженных солдат, четырех капитанов, в том числе храброго Херонимо де Альдерете, и сотни янакон, грузенных всевозможной поклажей. Кроме того, его сопровождал Мичималонко, который возглавлял свое отважное, но недисциплинированное войско, сидя верхом на подаренном ему когда-то скакуне. Всадники были в полном боевом доспехе; у пехотинцев были кирасы и мечи, и даже на янаконах были шлемы, чтобы защитить головы от тяжелых палиц мапуче. Диссонировало с общей картиной военной мощи только то, что самого Вальдивию, как придворную даму, пришлось нести в паланкине, потому что сломанная нога еще не зажила до конца и боль не позволяла ему ехать верхом. Прежде чем выступить в поход, он отправил грозного Агирре восстанавливать Ла-Серену и основывать новые города на севере, почти обезлюдевшем после ранее проведенных Агирре кампаний по уничтожению местного населения и массового ухода людей Мичималонко. Своим представителем в Сантьяго Вальдивия назначил Родриго де Кирогу, ведь он был единственным капитаном, которому все были готовы подчиняться и которого единодушно уважали.

Вот так, в результате очередного неожиданного поворота судьбы, я снова стала губернаторшей. Впрочем, фактически я всегда была ею, хотя это и не всегда было моим официальным титулом.

Лаутаро покинул Сантьяго самой темной летней ночью; его не заметили часовые, и собак он не всполошил, потому что они знали его. Он бежал по берегу Мапучо, скрываясь в зарослях тростника и папоротника. Он не стал переправляться по подвесному мосту уинок, а бросился в черные воды реки и поплыл, подавляя в груди крик счастья. Холодная вода омывала его внутри и снаружи, освобождая от запаха уинок.

Он переплывает реку большими гребками и выходит на другой берег, будто заново рожденный. «*Инче Лаутаро! Я Лаутаро!*» — кричит он. Он недвижно ждет на берегу, пока теплый воздух не высушит капли на его теле. Он слышит карканье *чон-чона*, духа с туловищем птицы и головой человека, и отвечает таким же кличем. Он ощущает близкое присутствие Гуакольды — своей спутницы и наставницы. Ему приходится напрячь зрение, чтобы увидеть ее, хотя его глаза уже привыкли к темноте: у нее дар испаряться, она невидима и может пройти между вражескими строями — солдаты ее не видят, а псы не чувствуют запаха.

Гуакольда пятью годами старше его, она его невеста. Он знаком с ней с детства и знает, что принадлежит ей так же, как и она принадлежит ему. Он встречался с ней каждый раз, когда покидал город уинок, чтобы передать племени новейшие сведения. Она исполняла роль связующего звена, быстро доставляла известия. Именно она привела Лаутаро, тогда одиннадцатилетнего мальчишку, к городу захватчиков, дав четкие указания притворяться и наблюдать. Она следила за ним с близкого расстояния, когда он увидел одетого в черное священника и последовал за ним.

При последней их встрече Гуакольда сказала юноше покинуть город в ближайшую безлунную ночь, потому что время его жизни в стане врага вышло: он знает уже все необходимое и его народ ждет возвращения молодого вождя. Увидев в ту ночь, что он приближается без одежды уинки, нагой, Гуакольда приветствует его: «*Мари март*, впервые целует в губы, целует ему лицо, по-женски прикасается к нему, как бы утверждая свое право на него. «*Мари мари*», — отвечает Лаутаро, зная, что для него пришло время любви, что скоро он сможет украсть свою невесту из ее хижины, закинуть себе на спину и убежать с нею, как подобает. Он говорит ей об этом, и она улыбается, а потом легким бегом увлекает его на юг. Амулет, который Лаутаро никогда не снимал с шеи, подарила ему Гуакольда.

Через несколько дней юноша и девушка достигают наконец своей цели. Отец Лаутаро, очень уважаемый касик, представляет сына другим токи, чтобы они послушали, что скажет молодой человек.

— Враг уже в пути. Это те же уинки, что победили наших братьев на севере, — говорит Лаутаро. — Они приближаются к Био-Био, священной реке, со своими янаконами, конями и собаками. С ними идет предатель Мичималонко и ведет своих трусов сражаться с собственными братьями с юга. Смерть Мичималонко! Смерть уинкам!

Лаутаро говорит много дней, рассказывая, что аркебузы — не более чем шум и ветер, что бояться следует больше шпаг, копий и псов; что капитаны носят кольчуги, которые не пробить ни стрелами, ни деревянными копьями; на них надо идти с дубинами, чтобы оглушать их и с помощью лассо стаскивать с лошадей; как только они оказываются на земле, они пропали: их легко уволочь и разрубить в куски, ведь под сталью у них мягкая плоть.

— Осторожно! Это люди без страха. У пехотинцев защищены только грудь и голова, в них можно пускать стрелы. Осторожно! Они тоже люди без страха. Нужно смазывать ядом наконечники стрел, чтобы раненые больше никогда не смогли сражаться. Лошади очень важны, их нужно брать

живыми, особенно кобыл, чтобы разводить этих животных. Нужно будет ночами посылать детей к лагерям уинок бросать отравленное мясо собакам — они всегда сидят на цепи. Мы будем устраивать западни. Будем копать глубокие ямы и накрывать их ветками. Лошади будут падать туда и накальваться на пики на дне. На стороне мапуче численность, быстрота и знание леса, — говорит Лаутаро. — Уинок можно победить: они спят дольше, чем мапуче, пьют и едят слишком много и не могут обойтись без носильщиков, потому что им самим не справиться с весом собственного снаряжения. Мы будем непрерывно мешать им, станем жалить, как осы и слепни, — приказывает он. — Сначала мы утомим их, а потом убьем. Уинки — это люди, они умирают так же, как мапуче, но ведут они себя как демоны. На севере они заживо сжигали целые племена. Они хотят, чтобы мы признали их бога — бога смерти, пригвожденного к кресту. Они хотят, чтобы мы подчинились их королю, который живет где-то далеко и которого мы не знаем, хотят присвоить нашу землю и сделать нас своими рабами. За что? — спрашиваю я у всех. Да не за что, братья. Они не ценят свободы. Они не понимают, что такое гордость, они готовы подчиняться, встают на колени, склоняют головы. Они не знают ничего ни о справедливости, ни о воздаянии. Уинки — безумцы, злые безумцы. И я говорю вам, братья, мы никогда не сдадимся им в плен, мы умрем в битве. Мы будем убивать мужчин, а женщин и детей будем брать живыми. Их женщины станут нашими чиньюрами, а детей, если уинки захотят, будем выменивать на лошадей. Это будет справедливо. Мы будем тихи и быстры, как рыбы, чтобы они не догадывались, как мы близко. Мы будем заставлять их врасплох и нападать, когда они меньше всего этого ожидают. Мы будем терпеливыми охотниками. Нам предстоит долгая борьба. Готовьтесь.

Пока молодой вождь Лаутаро посвящает дни военной стратегии, а ночи — жарким объятиям с Гуакольдой в лесу, племена выбирают себе военачальников, которые будут командовать эскадронами и в свою очередь подчиняться приказам нъидольтоки, главного токи, Лаутаро. В чаще леса дни теплы, но как только наступает ночь, становится холодно. Состязания начались неделями раньше, кандидаты уже начали сражаться, и выявились фавориты. Только самые сильные и выносливые, с самым твердым характером и волей могут претендовать на звание токи. Один из самых крепких выходит в центр круга. «*Инче Кауполикан!*» — называет он свое имя. Он наг, только короткая повязка прикрывает ему промежность, но на руках и на лбу у него повязаны ленты, указывающие на его статус. Два дюжих молодца подходят к толстому стволу дерева, приготовленному

заранее, и с трудом поднимают его, чтобы присутствующие могли оценить его вес, а затем осторожно кладут его на сильные плечи Кауполикана. Под огромным весом он сгибается в поясе и коленях, и какое-то мгновение кажется, что он сейчас упадет, но он тут же выпрямляется. Все мускулы напряжены, тело блестит от пота, вены на шее вздуваются так, будто сейчас разорвутся. Хриплый крик вырывается у зрителей, когда Кауполикан начинает медленно, маленькими шагами идти, распределяя силы, чтобы их хватило на предстоящие часы. Он должен победить других, столь же сильных, как и он. Единственное его преимущество перед ними — твердая решимость умереть на этом состязании, но не уступить первого места. Он хочет вести свой народ в битву, хочет, чтобы его имя осталось в памяти, хочет детей от Фресии, девушки, которую он выбрал, и чтобы эти дети гордились тем, какая кровь течет в их жилах. Он кладет ствол на затылок, поддерживая груз плечами и руками. Острая кора дерева рвет ему кожу, и несколько тонких струек крови появляются на его широкой спине. Он полной грудью вдыхает острые запахи леса, чувствует прохладу ветра и росы. Черные глаза Фресии, которая станет его женой, если он выйдет победителем из этого испытания, смотрят прямо в его глаза, без тени удивления или сострадания, но влюбленно. Этим взглядом она требует от него триумфа: она желает его, но выйдет замуж только за лучшего. В ее волосах сияет красный цветок лапажерии, цветок лесов, растущий на высоких деревьях, капля крови Матери-Земли, подарок Кауполикана, который взобрался на самое высокое дерево, чтобы добыть цветок для нее.

Воин ходит кругами с тяжестью всего мира на плечах и говорит: «Мы — сон Земли, мы ей снятся. На звездах тоже живут снящиеся кому-то существа, полные собственных чудес. Мы — сны внутри других снов. Мы — мужья природы. Мы приветствуем мать нашу Святую Землю и воспеваем ее языком араукарий и канело, черешен и кондоров. Пусть цветущие ветры донесут до нас голоса предков, чтобы взгляд наш окреп. Старики говорят, что пришло время топора. Деды дедов наших смотрят на нас и поддерживают нашу руку. Настал час сражения. Мы умрем. Жизнь и смерть — одно и то же...» Прерывистый голос воина часами произносит эту неустанную мольбу, а тяжелое бревно покачивается на его плечах. Воин призывает духов природы защитить их землю, их великие воды, их зори. Он призывает предков, чтобы они превратили в копья руки мужчин. Он призывает горных пум, чтобы они принесли силу и храбрость женщинам. Зрители устают, мокнут под нежным ночным морозящим дождем, кое-кто разводит небольшие костерки, кто-то жует жареные зерна маиса, другие засыпают, третьи уходят, но потом возвращаются, чтобы снова восхититься

силой этого человека. Старая колдунья-мачи машет вокруг Кауполикана веточкой канело, смоченной в крови жертвенного животного, чтобы придать воину еще силы. Эта женщина боится, потому что прошлой ночью ей во сне явились змеелис, *ньеру-филу*, и змеепетух, *пиуичен*, и объявили ей, что в эту войну прольется столько крови, что вода Био-Био будет красной до скончания времен. Фресия подносит к пересохшим губам Кауполикана выдолбленную тыкву с водой. Он видит крепкие руки своей возлюбленной у себя на груди: они ощупывают его каменные мускулы, — но не чувствует их, как уже не чувствует ни боли, ни усталости. Он продолжает говорить в трансе, продолжает ходить во сне. Так протекают часы, целая ночь, занимается новый день, и свет проникает сквозь листья высоких деревьев. Фигура воина погружается в холодный туман, поднимающийся от земли, первые лучи солнца золотом омывают его тело, а он продолжает делать какие-то па, будто танцуя, по его спине продолжает течь кровь, слова продолжают звучать. «Сейчас *уалан*, священное время сбора плодов, когда Святая Мать дает нам пищу; время кедра и появления потомства у животных и у женщин; время появления сыновей и дочерей Нгенечена. Прежде чем наступит время отдыха, время холода и сна Матери-Земли, сюда придут уинки».

Его голос эхом отражается в горах. На поляну приходят воины из других племен, и она наполняется людьми. Круг, по которому ходит Кауполикан, сжимается. Теперь его подбадривают, мачи снова окропляет его свежей кровью, Фресия и другие женщины протирают его тело влажными кроличьими шкурками, дают воды, вкладывают в рот немного жеваной пищи, чтобы он сразу ее проглотил, не прерывая своей поэтической речи. Старые токи склоняются перед воином в знак уважения — они никогда не видели ничего подобного. Солнце нагревает землю, туман рассеивается, и воздух наполняется прозрачными бабочками. Над верхушками деревьев на фоне неба возвышается величественная фигура вулкана, из которого всегда поднимается струйка дыма. «Еще воды воину», — приказывает колдунья. Кауполикан, который уже давно выиграл состязание, не опускает ствол на землю, продолжает ходить и говорить. Солнце достигает зенита и начинает снижаться, пока не исчезает за деревьями, а он все не останавливается. За это время на поляне собрались тысячи мапуче, люди заполнили всю поляну и весь лес, но с гор продолжают спускаться все новые воины, звучат трутруки и барабаны, возвещая о подвиге всем четырем ветрам. Фресия не сводит глаз с Кауполикана, ее взгляд поддерживает и ведет его.

Наконец, когда уже темнеет, воин вздрагивает и снимает ствол дерева с

а встретили его лесом копий. Кони встали на дыбы, и всадникам пришлось отступить, в то время как аркебузиры производили первый залп. Лаутаро объяснил своим людям, что на перезарядку огнестрельного оружия уходит несколько минут и в это время солдаты беззащитны, — это самый лучший момент для атаки.

Обескураженный тем, что мапуче не проявляют никаких признаков страха, сражаясь с незащищенным телом против солдат в доспехах, Вальдивия построил свой отряд так, как делал в Италии: компактные эскадроны, защищенные броней и оцетиненные копьями и шпагами, а за ними Мичималонко со своими воинами. Жестокая схватка продолжалась до наступления темноты, когда армия Лаутаро отступила — именно отступила в боевом порядке и под барабанный бой, а не бежала сломя голову.

— В Новом Свете еще никто не встречал никого похожего на этих воинов, — сказал изможденный битвой Херонимо де Альдерете.

— Я в жизни еще не сражался с таким свирепым врагом. Я уже тридцать лет служу его величеству и бился с разными народами, но такого напора в битве, как у этих людей, не видел никогда, — добавил Вальдивия.

— И что мы теперь будем делать?

— Оснуем город прямо здесь. У этого места много достоинств: удобная бухта, широкая река, изобилие леса и рыбы.

— И тысячи дикарей вокруг, — заметил Альдерете.

— Сначала мы построим форт. Мы пошлем всех, кроме часовых и раненых, рубить деревья и строить казармы и стену со рвом, как полагается. Посмотрим, осмелятся ли эти варвары напасть на нас еще раз.

Но они осмелились, конечно. Едва испанцы закончили строить стену, Лаутаро явился с огромным войском, в котором перепуганные часовые насчитали сто тысяч человек. «Их и вполтину не так много, и мы с ними справимся. С нами Иаков, за нами — Испания!» — подбодрил Вальдивия своих солдат. Он был больше впечатлен дерзостью и поведением врага, а не его численностью. Мапуче выказывали прекрасную дисциплину: шли ровными строями, разделенные на четыре отряда каждый под командованием своего токи. Ужасные крики, которыми они пугали врагов, теперь подкреплялись звуками флейт, сделанных из костей испанцев, павших в прошлом сражении.

— Они не смогут перебраться через ров и стену. Мы задержим их огнем аркебуз, — предложил Альдерете.

— Если мы укроемся в форте, они будут осаждать нас до тех пор, пока мы не умрем от голода, — возразил Вальдивия.

— Осаждать? Не думаю, что им это придет в голову. Дикарям

неизвестна такая тактика.

— Боюсь, они многому у нас научились. Нужно идти в атаку.

— Их слишком много, мы с ними не справимся.

— С Божьей помощью — справимся, — возразил Вальдивия.

Он приказал пятидесяти всадникам под руководством Херонимо де Альдерете выехать навстречу первому отряду мапуче, твердым шагом приближавшемуся к воротам форта, несмотря на первый залп аркебуз, который положил многих. Капитан и солдаты повиновались без возражений, хотя были уверены, что идут на верную смерть. Вальдивия на прощание крепко обнял своего друга. Они знали друг друга много лет и вместе пережили бесчисленное количество опасностей.

Чудеса случаются, в этом нет никакого сомнения. В тот день произошло именно чудо — другого объяснения тем событиям не найти. Рассказ о них будут передавать из уст в уста на протяжении многих веков потомки тех испанцев, которым довелось там оказаться, и, конечно, будущие поколения мапуче.

Херонимо де Альдерете встал во главе отряда из пятидесяти всадников, и по его сигналу ворота форта распахнулись настежь. Конница галопом понеслась навстречу чудовищным крикам индейцев. За считанные минуты несметная масса врагов окружила испанцев, и Альдерете в мгновение ока понял, что продолжать биться с ними — самоубийство. Он приказал своим людям перегруппироваться, но воины Лаутаро опутали болеадорами ноги лошадей так, что маневрировать стало невозможно. Со стены форта аркебузиры произвели второй залп, но и он не остановил движение нападающих. Вальдивия решил выехать на помощь первому конному отряду, хотя это и означало оставить форт без защиты перед натиском еще трех отрядов индейцев, приближавшихся с разных сторон, но он не мог позволить, чтобы индейцы прикончили пять десятков его солдат, и даже не попытаться помочь своим. В первый раз за всю свою военную карьеру он стал опасаться, что совершил непоправимую тактическую ошибку. Герой войны в Перу, который совсем недавно наголову разбил войско Гонсало Писарро, не знал, как быть с этими дикарями.

Стоял ужасный крик, приказы невозможно было расслышать, и в суматохе один из всадников был убит выстрелом из аркебузы, попавшим в него по ошибке. Вдруг мапуче первого эскадрона, уже захватив территорию, начали в беспорядке отступать, а за ними и остальные три эскадрона. Через несколько минут нападавшие покинули поле битвы и бежали в леса, как зайцы.

Испанцы были крайне удивлены, не понимая, что происходит, и боялись, что это какая-то новая тактика врага, так как не могли найти другого объяснения такому внезапному отступлению, которым окончилась едва начавшаяся битва. Вальдивия поступил так, как подсказывал ему его военный опыт, — приказал преследовать неприятеля. Он описал это в одном из писем королю следующим образом: «Едва всадники приблизились, как индейцы поворотились к нам спиной и три оставшихся эскадрона поступили так же. Было убито полторы или две тысячи индейцев, множество было ранено, а некоторых мы взяли в плен».

Очевидцы уверяют, что чудо было видимым для всех; что некая божественная фигура, сияющая, как вспышка молнии, опустилась на поле битвы, озаряя день сверхъестественным светом. Некоторым показалось, что они различили силуэт апостола Иакова верхом на белом коне; что он произнес перед дикарями пламенную проповедь, убеждая их сдаться христианам. Другие видели фигуру Девы Заступницы — парящей в вышине прекрасной дамы, облаченной в золотые и серебряные одежды. Попавшие в плен индейцы признавались, что видели огненную вспышку, которая прочертила по небосклону дугу и с грохотом взорвалась, оставив в воздухе шлейф звезд.

По прошествии времени ученые стали предлагать и другие объяснения: говорят, это был метеор, что-то вроде огромной скалы, отколовшейся от Солнца и упавшей на Землю. Я никогда не видела метеоров, но удивительно, если они имеют форму апостола или Девы Марии и падают точно в нужное время и в нужное место, чтобы помочь испанцам. Не знаю, что это было, чудо или метеор, но главное, что индейцы бежали в ужасе, а поле битвы осталось за христианами, пораженными этой незаслуженной победой.

По сведениям, доходившим до Сантьяго, Вальдивия взял в плен около трехсот человек — хотя он сам в письме к королю сообщает только о двух сотнях — и приказал наказывать их: им топором отрубали правую руку и ножом отрезали нос. Одни солдаты принуждали пленников класть руки на пень, чтобы негры-палачи обрушивали на них тяжелые топоры, а другие прижигали им культи кипящим маслом, чтобы эти несчастные не умерли от потери крови, а вернулись к своим и напоминали им о суровом наказании. Третьи уродовали бедолагам лица.

Отрезанных рук и носов набрались большие корзины, и кровь пропитала землю. В письме королю Вальдивия писал, что, наказав таким образом этих мапуче, он собрал их и произнес перед ними речь, ведь среди них были касики и другие важные индейцы. Он объявил, что «поступил

так, потому что не единожды посылал к ним послов для заключения мира, но они отвергали наши условия». Так что после пытки пленникам пришлось вынести еще длинную речь по-испански. Потом те, кто мог держаться на ногах, спотыкаясь, удалились в сторону леса, чтобы показать культю своим соплеменникам. Многие после ампутации теряли сознание, но затем вставали и тоже уходили, полные ненависти, не порадовав своих мучителей ни мольбами, ни стонами боли. Когда палачи от усталости и тошноты больше не могли орудовать топорами и ножами, на их место встали солдаты. Корзины с руками и носами выкинули в реку, и они поплыли к морю, оставляя за собой кровавый след.

Узнав о случившемся, я спросила у Родриго, зачем было учинять такие зверства, которые, на мой взгляд, могли привести только к ужасным последствиям, потому что после такого поступка с нашей стороны от мапуче стоит ждать не милосердия, а лишь самой страшной мести. Родриго объяснил мне, что иногда такие действия необходимы для устрашения врага.

— Ты бы тоже сделал что-нибудь подобное? — поинтересовалась я.

— Наверное, нет, Инес. Но меня там не было, и я не могу судить о правильности решений, принимаемых генерал-капитаном.

— Родриго, я прожила с Педро десять лет, деля с ним горести и радости, и такое никак не вяжется с тем человеком, которого я знала. Педро сильно изменился, и, с позволения сказать, я очень рада, что его больше нет в моей жизни.

— Война есть война. Я молю Господа, чтобы она поскорее закончилась и мы могли мирно основывать новые города.

— Если война есть война, то так можно оправдать и то кровопролитие, которое Франсиско де Агирре устроил на севере, — сказала я.

Совершив такой дикий акт устрашения, Вальдивия приказал отобрать у индейцев весь провиант и животных, которых только можно было найти, и доставить все это в форт. Он послал в города гонцов с известием, что ему с помощью апостола Иакова и Девы Марии удалось меньше чем в четыре месяца установить мир на этой земле.

Мне показалось, что он слишком поторопился объявлять о победе.

В последние три года жизни Педро де Вальдивии я почти его не видела, а новости о нем мне доходили только через третьих лиц. Пока мы с Родриго процветали, практически не прикладывая к этому усилий, потому что поголовье скота увеличивалось, посевы тучнели, а камни превращались в золото от одного нашего взгляда, Вальдивия пустил все силы на

постройку фортов и основание новых городов на юге.

Сначала испанцы на выбранное место водружали крест и флаг и, если был священник, служили мессу; затем появлялось древо правосудия, иными словами — позорный столб; затем начинали рубить лес для постройки оборонительной стены и жилищ. Самым сложным было найти жителей для этих городов, но мало-помалу солдаты и их семьи подтягивались туда. Так появились, среди прочих, Консепсьон, Ла-Империаль и Вильяррика^[21]; последний город — рядом с золотой жилой, которую обнаружили в притоке Био-Био. Это была такая богатая жила, что при покупке хлеба, мяса, фруктов, овощей и другой провизии в тех краях расплачивались только золотым песком, и монеты, отчеканенные не из золота, не имели хождения. Рыночные торговцы, трактирщики и прочие продавцы всегда брали с собой весы, чтобы взвешивать не только товар, но и плату за него. Так наконец исполнилась мечта конкистадоров, и никто больше не осмеливался называть Чили ни «страной нищих», ни «могилой для испанцев». Кроме того, был основан город Вальдивия^[22], названный так по настоянию капитанов, а не из пустого тщеславия губернатора. Надпись на гербе прекрасно описывает этот город: «Серебряная река, серебряный город». Солдаты рассказывали, что где-то в горах существует знаменитый Город Цезарей, целиком построенный из золота и драгоценных камней, в котором живут прекрасные амазонки, то есть настоящее воплощение мифа об Эльдорадо, но Педро де Вальдивия, будучи человеком практичным, не стал терять времени на его поиски.

В Чили стали приезжать и сухопутным, и морским путем многочисленные военные, но их было все равно недостаточно, чтобы заселить обширные территории побережья, лесов и гор. Чтобы завоевать расположение солдат, губернатор раздавал поместья с индейцами со свойственной ему щедростью, но это все были подарки лишь на словах, поэтические порывы, потому что земли эти были девственны, а индейцы — непокорны. Ведь мапуче можно было принудить к работе только грубой силой.

Нога у Педро зажила, хотя и продолжала болеть, но сесть на коня он мог. Он без усталости разъезжал по необъятным просторам юга со своим небольшим войском, углубляясь в тенистые влажные леса, блуждая под высоким зеленым сводом, свитым из веток самых благородных деревьев и увенчанным гордыми кронами араукарий, четкие силуэты которых выделялись на фоне неба. Копыта лошадей ступали по ароматному мягкому чернозему, а всадники прорубали себе шпагами путь сквозь заросли,

иногда непроходимые из-за сплетенных листьев папоротников. Они переходили через ледяные ручьи, на берегах которых замерзали птицы, через те самые воды, в которые матери мапуче окунали своих новорожденных детей. Озера были будто природные зеркала, отражавшие насыщенную голубизну неба, такие недвижимые и прозрачные, что можно было пересчитать камешки на дне. Между веток дубов, миртов и лещин пауки ткали свои паутины, и на них замирал жемчуг росы. Хором пели лесные птицы: диуки, зонотрихии, свиристели, чилийские голуби, трупялы, дрозды и даже дятлы, отбивающие ритм своим неустанным тук-тук-тук. Шаги солдат вспугивали облака бабочек, а любопытные олени подходили приветствовать пришельцев. Свет падал через листья, и вокруг ложились причудливые тени; от теплой земли поднимался туман, обволакивая окружающий мир налетом таинственности. Дожди, реки, озера, белые от пены водопады — путников окружала настоящая вселенная воды. Вдалеке всегда виднелись заснеженные вершины гор, дымящиеся вулканы, легкие облака. Осенью пейзаж приобретал оттенки золота и крови, становясь от этого еще прекраснее. Душа Педро де Вальдивии рвалась наружу, запутываясь между стволами деревьев, поросшими мягким, как бархат, мхом. Это был эдемский сад, земля обетованная, рай. Молча, с катящимися по щекам слезами конкистадор, пораженный этой красотой, шел все дальше исследовать и покорять этот великолепный край света, Чили.

Однажды, когда он вместе с солдатами собирал орехи в чаще леса, с вершин деревьев на них стали падать золотые самородки. Не веря такому чуду, солдаты тут же спешили и бросились поднимать твердые желтые комки. Удивленный не меньше, чем его люди, Вальдивия тщетно пытался восстановить порядок. Солдаты были заняты дележом золота, когда их окружила сотня лучников мапуче. Лаутаро научил их целиться в самые уязвимые места тела, не прикрытые железом доспехов. Через десять минут лес был усеян убитыми и ранеными. Прежде чем оставшиеся в живых смогли ответить налетчикам, они исчезли так же внезапно и бесшумно, как и появились немногим раньше. Потом оказалось, что наживкой были простые речные камешки, обернутые в тонкую золотую фольгу.

Несколько недель спустя другой отряд испанцев, находившийся в тех же краях, услышал женские голоса. Солдаты рысью подъехали к тому месту, откуда голоса доносились, раздвинули листья папоротников и увидели очаровательную картину: в реке плескались несколько девушек. Они были наги, только длинные черные волосы немного скрывали их тела, а головы были украшены венками. Чудесные ундины продолжали купание,

не выказывая ни тени страха, когда солдаты, пришпорив коней, с радостными криками, предвкушая удовольствие, бросились пересекать реку. Похотливые бородачи далеко не ушли: дно реки оказалось топким болотом, в котором лошади увязли по брюхо. Тогда наездники спешили, намереваясь вытащить коней на твердую землю, но из-за тяжелых доспехов сами застряли в топком иле. Тут снова появились беспощадные лучники Лаутаро и изрешетили их стрелами. Нагие красавицы-индианки с радостью взирали на эту бойню с другого берега.

Вальдивия очень скоро понял, что имеет дело со столь же умелым военачальником, как и он сам, с кем-то, кто отлично знает все слабые места испанцев. Однако поначалу он не очень беспокоился этим, потому что был уверен в своем превосходстве. Мапуче, какими бы воинственными и смекалистыми они ни были, не могли сравниться в воинском мастерстве с его опытными капитанами и солдатами. «Это лишь вопрос времени, — думал он. — Араукания будет моей». Скоро он выучил имя, передававшееся из уст в уста, — Лаутаро. Так звали токи, осмеливавшегося тягаться с испанцами. Лаутаро! Ему и в голову не могло прийти, что это не кто иной, как Фелипе, его бывший конюх. Это он узнает только в день своей смерти.

Вальдивия навещал отдаленные поселки колонистов и подбадривал их жителей полными непобедимого оптимизма речами. Его сопровождала Хуана Хименес, как раньше сопровождала я, а Мария де Энсио пережевывала свою досаду, оставаясь в Сантьяго. Губернатор писал письма королю, в которых сообщал его величеству, что дикари поняли необходимость принять его власть и благодать христианства, что он укротил этот прекрасный, обильный и приветливый край, где недостаток был только в испанцах да в конях. И между делом просил себе все новых титулов, полномочий и бенефициев, но император эти просьбы оставлял без внимания.

Пастене, адмирал флота, состоящего из двух потрепанных кораблей, продолжал исследовать побережье, продвигаясь с севера на юг и обратно, борясь с невидимыми течениями, страшными черными волнами, неукротимыми ветрами, раздирающими паруса в куски, и тщетно пытаясь отыскать пролив, соединяющий два океана. Ему это так и не удалось. Пролив отыскал другой капитан в 1554 году. Педро де Вальдивия умер, так и не узнав об этом и не исполнив свою мечту расширить границы завоеваний вплоть до этой естественной границы.

Во время своих скитаний Пастене обнаружил места идиллической красоты. Он описывал их с истинно итальянским красноречием, умалчивая

о бесчинствах, которые творили его люди. Однако об их зверствах стало известно, как это всегда бывает рано или поздно. Хронист, путешествовавший вместе с Пастене, рассказал, что однажды, сойдя на берег, они были очень радушно приняты местными жителями: их накормили и поднесли подарки, а солдаты в ответ на такое гостеприимство изнасиловали женщин, а мужчин одних убили, а других взяли в рабство. Потом они доставили пленников в цепях в Консепсьон, где выставили их на всеобщее обозрение, как скот на ярмарке. Вальдивия счел, что этот случай, как и многие другие, в которых солдаты проявляли себя не с лучшей стороны, не достоин чернил и бумаги, и не стал сообщать об этом королю.

Другие капитаны, например Вильягра и Альдерете, то приезжали, то уезжали, скакали по долинам, поднимались в горы, погружались в леса, плавали по озерам, утверждая таким образом свое присутствие в этом волшебном краю. У них часто случались стычки с небольшими группами индейцев, но Лаутаро старался не показывать своей настоящей мощи, пока тщательная подготовка к войне в самом сердце Араукании не будет окончена.

Мичималонко погиб в одной из таких стычек с Лаутаро, и некоторые из его воинов перешли на сторону своих братьев по крови, мапуче, но многих Вальдивии удалось удержать у себя.

Губернатор настаивал на продвижении конкисты на юг, но чем большую территорию он занимал, тем хуже ее удавалось контролировать. В каждом городе для защиты поселенцев приходилось оставлять солдат, других приходилось отправлять исследовать территорию, устраивать карательные операции против индейцев, воровать скот и провизию. Армия разделилась на маленькие группки, связи между которыми часто не бывало месяцами.

Зимой конкистадоры укрывались в деревушках колонистов, которые называли городами, потому что невозможно было передвигаться с тяжелым снаряжением по размокшим тропам, под немилосердным дождем, при ночных заморозках, борясь со снегом и ветром, пробирающим до костей. С мая по сентябрь земля отдыхала, вся природа молчала, и только шум взбаламученных рек, стук капель дождя и грозы с громом и молниями прерывали зимний сон.

В это время, когда все отдыхали и темнело рано, Вальдивию одолевали демоны, душу его смущали дурные предчувствия и угрызения совести. Когда он не скакал на коне и шпага не висела на поясе, душа его мрачнела и погружалась в уверенность, что его преследуют неудачи. До нас в Сантьяго

доходили слухи, что губернатор сильно переменялся, что он быстро стареет, что солдаты уже не доверяют ему так слепо, как раньше.

По словам Сесилии, его звезда возшла, когда он познакомился со мной, и начала клониться к закату, когда он со мной расстался. Мне эта теория совсем не нравится, потому что я не хочу ни быть ответственной за его успехи, ни тем более виноватой в его неудачах. Каждый хозяин своей судьбы.

Вальдивия проводил холодные месяцы под крышей, кутаясь в шерстяные пончо, греясь у жаровни и сочиняя письма королю. Хуана Хименес поила его мате, настоем горькой травы, которая помогала ему переносить боль старых ран.

Тем временем воины Лаутаро незаметно и неотрывно наблюдали за уинками из чащи леса, как приказал им ньидольтоки.

В 1552 году Вальдивия навестил Сантьяго. Он не знал наверняка, что это будет его последний визит, но предчувствовал это, потому что его снова стали одолевать дурные сновидения. Как и раньше, ему снились жестокости и убийства, и он дрожа просыпался в объятиях Хуаны. Откуда я это знаю? Потому что он лечился от кошмаров, заваривая кору *латуэ*.

В этой стране всем все известно. Приехав в столицу, Вальдивия нашел город украшенным в честь своего приезда, процветающим и хорошо обустроенным, ведь Родриго де Кироба мудро управлял в его отсутствие.

Наша жизнь заметно улучшилась за эти пару лет. Дом Родриго на площади был обустроен под моим чутким руководством и превратился в особняк, достойный вице-губернатора. Так как энергии у меня было много, я приказала построить еще один дом на расстоянии нескольких кварталов с мыслью подарить его тебе, Исабель, когда ты выйдешь замуж. Кроме того, у нас были удобные дома в загородных имениях. Мне нравятся просторные дома, с высокими потолками и галереями, с садами, где растут фруктовые деревья, цветы и лекарственные растения. Третий двор у меня всегда для домашних животных — там они живут под присмотром, и нет опасности, что их украдут. Я стараюсь, чтобы у слуг были достойные комнаты, и злюсь, видя, что у других колонистов лошади живут в лучших условиях, чем люди. Я не забыла, что сама из простой семьи, поэтому я прекрасно нахожу общий язык со слугами, а они за это отвечают мне верностью. Они для меня как семья.

В те времена домашними делами заправляла Каталина, еще здоровая и крепкая, но и я не теряла бдительности, смотря, чтобы слуг никто не притеснял. Мне не хватало суток, чтобы переделать все дела. Я занималась

несколькими коммерческими предприятиями, строительством и еще помогала Родриго в делах управления городом. Это помимо благотворительности, необходимость в которой никогда не исчезает. Очередь из бедных индейцев, которые ежедневно получали еду у нас, в несколько колец обвивала Оружейную площадь, а Каталина так сильно жаловалась на толкотню и грязь, что в конце концов я решила открыть столовую на другой улице.

На одном из кораблей из Панамы в Чили приехала донья Флор, сенегальская негритянка, потрясающая повариха, которая взяла на себя устройство этой столовой. Ты знаешь, о ком я говорю: это та самая женщина, с которой ты знакома. Она приехала в Чили босой, а теперь одевается в парчу и живет в доме, которому завидуют самые богатые дамы в Сантьяго. Ее стряпня оказалась так хороша, что господа стали жаловаться, что нищие едят лучше их. Тогда донье Флор пришло в голову, что можно зарабатывать на обеды для бедных, продавая изысканные кушанья обеспеченным людям, да еще и себе кое-что оставляя. Так она и разбогатела. Для нее это, конечно, хорошо, но моя проблема так и осталась нерешенной, потому что, как только ее карманы наполнились золотом, она позабыла о нищих и они снова стали приходить за едой к дверям моего дома. И по сей день продолжают идти.

Когда стало известно, что Вальдивия направляется в Сантьяго, Родриго обеспокоился. Он не знал, как действовать в такой ситуации, чтобы никого не обидеть, и метался, разрываясь между своей должностью и обязанностями, верностью другу и желанием защитить меня. Мы уже два года не видели моего бывшего возлюбленного, и его отсутствие было для нас как нельзя более кстати. С его приездом я переставала быть губернаторшей, и я в шутку спрашивала себя, решится ли Мария де Энсио занять это место. Представить ее в этой роли было трудно.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Родриго. Успокойся, с Педро не будет никаких проблем, — сказала я мужу.

— Может быть, тебе лучше уехать за город вместе с Исабель...

— Родриго, я не собираюсь убегать. Это и мой город тоже. Я не буду принимать участия в управлении, пока он тут, но ничего больше в моей жизни не изменится. Я уверена, коленки у меня при виде Педро подкашиваться не будут, — засмеялась я.

— Тебе неизбежно придется часто видеться с ним, Инес.

— Более того, Родриго, нам нужно будет устроить прием в его честь.

— Прием?

— Конечно, ты ведь второе лицо в Чили, так что нам полагается

принять его. Мы пригласим его вместе с Марией де Энсио, и если захочет, то и со второй тоже. Как там зовут эту галисийку?

Родриго посмотрел на меня с тем выражением сомнения, какое часто появлялось у него на лице, когда я рассказывала о своих идеях, но я быстро поцеловала его в лоб и заверила, что от этого никакого скандала не будет. На самом деле я уже посадила несколько женщин шить скатерти, а донья Флор, нанятая по такому случаю, уже доставала нужные ингредиенты, особенно для любимых сладостей губернатора. Патоку и сахар к нам привозили на кораблях, и если эти продукты были дороги в Испании, то в Чили цены на них были просто непомерные. Но не все сладости можно делать с медом, поэтому пришлось смириться и заплатить, сколько просили. Я хотела удивить гостей блюдами, никогда не виданными в нашей столице. «Но лучше бы подумать, что надеть, да, сеньорай», — напомнила мне Каталина. Я тут же послала ее гладить только что привезенное из Испании элегантное платье из переливчатого шелка медного цвета, который выгодно подчеркивал оттенок моих волос... Мне не нужно признаваться тебе, Исабель, что я закрашивала прорастающую седину хной, подобно мавританкам и цыганкам, ведь ты и так это знаешь. Надо сказать, что платье было мне немножко тесновато, потому что от спокойной жизни и любви Родриго у меня раздобрела не только душа, но и тело. Но в любом случае я была одета с куда большим вкусом, чем Мария де Энсио, которая одевалась как публичная женщина, или чем ее смекалистая служанка, которой тоже до меня было далеко. Не смейся, доченька. Я знаю, что подобное замечание кажется тебе дурным тоном с моей стороны, но это правда: это были совершенно заурядные бабы.

Педро де Вальдивия торжественно вступил в Сантьяго, проехав под арками из веток и цветов под рукоплескания городского совета и всего населения. Родриго де Кирога, капитаны и солдаты в до блеска начищенных доспехах и в шлемах с плюмажами выстроились на Оружейной площади. Мария де Энсио стояла в дверях дома, который раньше был моим, поджидая своего хозяина с манерной гримасой на лице. Какая противная женщина! Я решила не принимать участия в шествии и наблюдала за всем из окна. Мне показалось, что на Педро вдруг навалились годы; он отяжелел и двигался как-то очень медленно и церемонно — не знаю, от самодовольства ли, от тучности или от усталости после долгого пути.

Ночью губернатор, полагая, наслаждался объятиями двух своих любовниц, а на следующий день принялся за работу со свойственным ему рвением. Он выслушал полный и подробный доклад Родриго о состоянии

дел в колонии и в городе, проверил счета казначея, выслушал заявления городского совета, одного за другим принял всех жителей города, которые желали обратиться к нему с прошениями или за правосудием. Он превратился в чванливого, нетерпеливого, заносчивого и тираничного человека. Теперь он при малейших возражениях раздражался угрозами; он больше не просил советов и никого не посвящал в свои планы, а держался как полновластный государь. Он слишком много времени провел на войне и привык, что солдаты беспрекословно подчиняются ему. Точно так же теперь он обращался и со своими капитанами и друзьями, а любезность проявлял только в общении с Родриго де Кирогой: наверное, он чувствовал, что тот не потерпит неуважительного к себе отношения. По словам Сесилии, от которой ничто не могло укрыться, любовницы и слуги стали бояться его, потому что на них Вальдивия вымещал все свои недовольства, начиная от ломоты в костях и до упорного молчания короля, который не отвечал на его письма.

Прием в честь губернатора был одним из самых пышных, что мне приходилось устраивать за свою долгую жизнь. Даже составить список приглашенных оказалось задачей не из легких, ведь мы не могли пригласить все пять сотен семей, проживавших в городе. Многие важные люди ожидали приглашения. Сантьяго бурлил пересудами. Все хотели прийти на этот праздник; мне приносили неожиданные подарки и письма с витиеватыми уверениями в дружбе от людей, которые прежде на меня даже не смотрели. Но нам пришлось ограничить список приглашенных теми капитанами, которые прибыли в Чили вместе с нами в 1540 году, — настоящими основателями города и членами городского совета. Мы привезли индейцев из наших загородных имений и одели их в безукоризненные ливреи, но оставили босыми, потому что они не выносят обуви. Дом и сад был освещен сотнями свечей, масляных ламп, факелов, пропитанных сосновой смолой, которые наполняли воздух ароматным дымом. Дом был безукоризнен: повсюду цветы, огромные блюда с фруктами, клетки с птицами. Мы подавали перуанское вино из лучших тамошних виноградников и чилийское — которое мы с Родриго недавно начали производить. Тридцать гостей мы разместили за главным столом и еще сотню — в других залах и во дворе. Я решила, что в этот вечер женщины будут сидеть рядом с мужчинами — я слышала, что так делается во Франции, — а не на подушках на полу, как в Испании.

Чтобы обеспечить разнообразие блюд, было зарезано множество поросят и барашков. Кроме того, на столах стояла фаршированная птица и морская рыба, живьем привезенная в бочках с водой. Сладости стояли на

отдельном столе: тут были торты, слоеные пирожки, меренги, бисквиты, марципаны и фрукты. Ветер носил запахи яств по всему городу: пахло чесноком, жареным мясом, карамелью.

Гости пришли в лучших своих нарядах, ведь случай извлечь роскошную одежду со дна сундуков представлялся не часто. Самой красивой женщиной на празднике была, конечно, Сесилия: на ней было голубое платье с золотым поясом и украшения инкской принцессы. Она привела с собой негритенка, чтобы он стоял за ее стулом и обмахивал ее опахалом. Эта изысканная деталь поразила нас, всех остальных, грубых людей. Вальдивия явился с Марией де Энсио, которая, должна признать, смотрелась неплохо. Но вторую свою женщину не привел, потому что явиться с двумя любовницами сразу означало бы плюнуть в лицо нашему небольшому, но гордому обществу. Он поцеловал мне руку и осыпал соответствующими случаю галантными любезностями. В его взгляде мне почудилась смесь грусти и ревности, но, может быть, мне это только показалось. Когда все сели за стол, он предложил тост за Родриго и меня, гостеприимных хозяев, и произнес прочувствованную речь, в которой сравнивал тяжелые времена голода в Сантьяго за десять лет до того и теперешнее изобилие.

— На этом поистине королевском приеме, прекрасная донья Инес, не хватает только одного... — заключил он, поднимая бокал. В глазах его блестели слезы.

— Не говорите больше ничего, ваша милость, — ответила я.

В этот самый момент вошла ты, Исабель, в муслиновом платье, с лентами и цветами на голове и серебряным блюдом в руках, накрытым льняной салфеткой. На блюде лежал пирог для губернатора. Это появление было встречено громкими аплодисментами, потому что все помнили тощие времена, когда на начинку для пирожков шло все, что попадалось под руку, даже ящерицы.

После ужина были танцы, но Вальдивия, который был ловким танцором с прекрасным слухом и природной грацией, танцевать не стал, отговорившись ломотой в костях. Как только гости разошлись и слуги закончили раздавать остатки ужина бедным, собравшимся на звуки праздника на Оружейной площади, закрыли двери и погасили свечи, мы с Родриго в изнеможении упали в постель. Я, как всегда, положила голову ему на грудь и проспала без сновидений целых шесть часов, что для меня целая вечность: я ведь всегда спала очень мало.

Губернатор провел в Сантьяго три месяца. За это время он принял

решение, которое, без сомнения, долго вынашивал: послал Херонимо де Альдерете в Испанию, чтобы вручить королю шестьдесят тысяч песо золотом — пятину, по закону принадлежащую короне, смешную сумму в сравнении с груженными этим металлом галеонами, которые отправлялись в Испанию из Перу. Кроме того, у Альдерете были адресованные монарху письма, содержащие различные просьбы — в том числе и о том, чтобы губернатору был пожалован титул маркиза и Орден святого Иакова.

Вальдивия переменялся и в этом смысле: он больше не хвалился презрением к титулам и почестям. Более того, он, прежде питавший отвращение к рабству, испрашивал разрешения занять на работах две тысячи черных рабов, не платя налога.

Вторая часть миссии Альдерете состояла в том, что он должен был навестить Марину Ортис де Гаэте — она так и жила в скромном имении в Кастуэре, — передать ей деньги и пригласить ее в Чили, где бы она получила титул губернаторши и была рядом с мужем, которого не видела семнадцать лет. Хотелось бы мне знать, как восприняли эту новость Мария и Хуана.

Жаль, что Херонимо де Альдерете не удалось привезти Вальдивии положительный ответ от короля. Насколько я помню, он отсутствовал почти три года, ведь плавать по океану — дело не быстрое, да и король спешки не любил. На обратном пути, когда Альдерете пересекал Панамский перешеек, на него напала тропическая горячка и отправила капитана в лучший мир. Херонимо де Альдерете был хорошим солдатом и верным другом, и я надеюсь, что он займет на страницах Истории то почетное место, которого заслуживает. Между тем умер и Педро де Вальдивия, так и не узнав, что король наконец жаловал ему те милости, о которых он так долго просил.

Марина Ортис де Гаэте, получив от мужа приглашение приехать в его королевство, которое она, неизвестно почему, представляла себе наподобие Венеции, и семь с половиной тысяч песо золотом на расходы, купила себе позолоченный трон и достойное императрицы приданое. Несчастливая собрала себе впечатляющую свиту из многочисленных родственников и прибыла с ними в Чили, только чтобы узнать, что уже овдовела. В Сантьяго она обнаружила, что Педро оставил ее без всякого состояния и чуть не пустил по миру, а в довершение бед меньше чем в полгода все ее обожаемые племянники погибли в войне с индейцами. Ей остается только посочувствовать.

Пока Педро де Вальдивия был в Сантьяго, мы виделись с ним мало и только в обществе, в окружении других людей, которые лукаво смотрели на

нас, ожидая, чтобы мы выдали себя каким-нибудь жестом или выражением лица, и пытаюсь угадать наши чувства. В этом городе невозможно было и шагу ступить, чтобы на тебя не смотрели из окон и не обсуждали твои поступки. Но что это я говорю в прошедшем времени? Сейчас на дворе 1580 год, а люди здесь любят сплетничать все так же.

Проведя рядом с Педро самые насыщенные годы своей молодости, теперь в его присутствии я чувствовала удивительную отстраненность. Мне казалось, что я с отчаянной страстью любила вовсе не этого человека. Незадолго до того, как Вальдивия объявил о своем скором отъезде на юг, где он полагал навестить новые города и продолжить поиски Магелланова пролива, ко мне явился Гонсалес де Мармолехо.

— Я хотел рассказать тебе, дочь моя, что губернатор испрашивает у короля титул епископа Чили для меня, — сказал он.

— Об этом знает уже весь Сантьяго, падре. Говорите, зачем вы на самом деле пришли.

— Да, Инес, дерзости тебе не занимать! — рассмеялся клирик.

— Давайте, падре, выкладывайте, что там у вас.

— Губернатор желает поговорить с тобой наедине, дочь моя. И это, понятное дело, нельзя делать ни в твоём доме, ни в каком общественном месте. Ведь нужно соблюдать приличия. Поэтому я предложил ему встретиться с тобой в моей резиденции...

— Родриго знает об этом?

— Губернатор полагает, что незачем отвлекать твоего супруга по таким пустякам, Инес.

Мне показались подозрительными и вестник, и известие, которое он принес, и таинственность, окружавшая все это дело. Поэтому в тот же день, чтобы не нажить лишних проблем, я рассказала обо всем этом Родриго и обнаружила, что он уже все знает: Вальдивия просил у него разрешения встретиться со мной с глазу на глаз. Зачем же тогда он хотел, чтобы я скрывала это от мужа? И почему Родриго не рассказал мне об этом? Наверное, Вальдивия хотел испытать меня, а вот муж — не думаю. Родриго не способен на такие хитрости.

— Ты знаешь, о чем Педро хочет говорить со мной? — спросила я его.

— Он хочет объяснить тебе, почему он поступил так, как поступил.

— Но прошло уже больше трех лет! И тут он вдруг решил давать объяснения? Это как-то странно.

— Если ты не хочешь разговаривать с ним, я так прямо ему и скажу.

— А тебя не беспокоит, что я буду встречаться с ним наедине?

— Я полностью доверяю тебе, Инес. И никогда не стал бы обижать

тебя ревностью.

— Ты как будто бы и не испанец, Родриго. У тебя в жилах, верно, течет голландская кровь.

На следующий день я отправилась в дом Гонсалеса де Мармолехо, в самый большой и роскошный дом в Чили — после моего, конечно. Огромное состояние клирика, без сомнения, было божественного происхождения. Дверь мне открыла его экономка, индианка кечуа, очень мудрая женщина, хорошо разбиравшаяся в лекарственных растениях. Мы с ней были довольно близкими подругами, и поэтому она не скрывала от меня, что уже много лет живет с будущим епископом как жена с мужем. Мы прошли через несколько залов, отделенных друг от друга резными дверями, привезенными по заказу клирика из Перу, и добрались наконец до маленькой комнатки, где стоял его письменный стол и большая часть книг. Губернатор, одетый в щегольской красный дублет с рукавами с прорезями, бледно-зеленые штаны и шапочку из черного шелка с кокетливым пером, сделал несколько шагов вперед, чтобы поприветствовать меня. Экономка тактично удалилась, закрыв за собой дверь.

И вот, оказавшись наедине с Педро, я почувствовала, как стучит у меня в висках и разрывается сердце, не в силах выдержать взгляд этих голубых глаз, веки которых я так часто целовала, когда он спал. Как сильно Педро ни изменился, он все равно когда-то был моим возлюбленным, за которым я последовала на край света. Педро положил мне руки на плечи и повернул к окну, чтобы рассмотреть меня при дневном свете.

— Ты такая красивая, Инес! На тебе ход времени не оставляет и следа! — потрясенно выдохнул он.

— Ты просто без очков плохо видишь, — ответила я, отступая назад и высвобождаясь из его рук.

— Скажи, что ты счастлива. Твое счастье для меня очень важно.

— С чего бы это? Неужели тебя мучает совесть?

Я улыбнулась, он рассмеялся, и нам обоим стало легче — лед начал таять. Он подробно рассказал мне о суде, перед которым ему пришлось предстать в Перу, и о приговоре ла Гаски. Сказал, что мысль выдать меня замуж за другого пришла ему в голову как единственный способ спасти меня от изгнания и нищеты.

— Этим решением ла Гаска вонзил кинжал мне в грудь, и эта рана до сих пор кровоточит, Инес. Я всегда тебя любил, ты единственная женщина в моей жизни — остальные не в счет. Знать, что ты замужем за другим, очень тяжело для меня.

— Ты всегда был ревнив.

— Не смейся надо мной, Инес. Я очень страдаю оттого, что ты не со мной. Но рад тому, что ты богата и выбрала себе в супруги самого благородного человека в этой стране.

— Тогда, когда ты послал ко мне Гонсалеса де Мармолехо с письмом, он намекнул, будто ты уже выбрал для меня кого-то. Это был Родриго?

— Инес, я слишком хорошо знаю тебя, чтобы пытаться навязывать тебе что-то, тем более мужа, — ответил он уклончиво.

— Тогда я успокою тебя: тебе пришло в голову отличное решение. Я счастлива и очень люблю Родриго.

— Больше, чем меня?

— Тебя я такой любовью уже не люблю, Педро.

— Ты уверена в этом, Инес души моей?

Он снова взял меня за плечи и привлек к себе. Я почувствовала щекотное прикосновение его рыжей бороды и тепло дыхания, отвернула лицо и легонько оттолкнула Педро от себя.

— Ты ведь больше всего во мне ценил верность, Педро. Я все так же верна, но теперь не тебе, а Родриго, — сказала я с грустью, предчувствуя, что в эту минуту мы прощаемся навсегда.

Педро де Вальдивия снова покинул Сантьяго, чтобы продолжать конкисту и укреплять семь городов и форты, недавно основанные на юге. Там было обнаружено несколько новых золотых и серебряных жил, которые привлекли новых поселенцев; даже некоторые жители Сантьяго оставили свои плодородные имения в долине реки Мапучо и вместе с семьями отправились в таинственные леса юга, ослепленные жаждой золота и серебра. На приисках работало двадцать тысяч индейцев, и металлов там добывалось почти так же много, как в Перу. Вместе с другими жителями Сантьяго покинул и альгвасил Хуан Гомес, но Сесилия и дети остались в городе. «Я остаюсь в Сантьяго. Если ты хочешь уехать и с головой погрузиться в эти болота — вперед», — сказала ему Сесилия, не подозревая, что ее слова станут пророческими.

Прощаясь с Вальдивией, Родриго де Кирога посоветовал ему не пытаться захватить больше того, что можно держать под контролем. Во многих фортах было всего по несколько солдат, а некоторые города были практически не защищены.

— Родриго, там совершенно безопасно. Индейцы в тех краях нас практически не беспокоили, территория покорена.

— Меня удивляет, что мапуче, о непокорности которых мы слышали еще в Перу, до того как начали завоевание Чили, не сопротивлялись там так

упорно, как можно было бы ожидать.

— Они поняли, что мы — слишком могучий для них враг, и отступили, — объяснил Вальдивия.

— Хорошо, если так. Но все же — не теряй бдительности.

Они горячо обнялись на прощание, и Вальдивия уехал, не придав большого значения предостережениям Кироги. Несколько месяцев надежных известий о нем не было: до нас доходили только слухи о том, что он сибаритствует, возлегая на подушках и толстая в своем доме в Консепсьоне, который называет своим «зимним дворцом». Поговаривали, что Хуана Хименес прячет золото, которое привозят с приисков большими лоханями, чтобы не делиться им ни с кем и не декларировать его у королевских чиновников. Завистники добавляли, что у них с губернатором скопилось столько золота и столько еще оставалось на приисках в Килакойе, что Вальдивия теперь богаче самого императора Карла V. Люди так любят судить ближних! Напоминаю тебе, Исабель, что Вальдивия после смерти не оставил ни гроша. По-видимому, мифических губернаторских сокровищ никогда не существовало, если только Хуана Хименес не похитила их и не скрылась в неизвестном направлении, а не была похищена индейцами, как полагают.

Один из фортов, призванных устрашать индейцев и защищать серебряные и золотые прииски, назывался Тукапель. Впрочем, там была всего дюжина солдат, которые дни напролет всматривались в лесную чащу и скучали. Капитан, стоявший во главе форта, подозревал, что мапуче что-то затевают, хотя до сих пор отношения с ними были мирные. Раз или два в неделю индейцы приносили в форт провизию; это всегда были одни и те же люди, и солдаты, уже знавшие их, обменивались с ними дружественными знаками. Однако в поведении этих индейцев было что-то, что заставило капитана взять в плен нескольких из них; у них он выпытал, что племена готовят мощное восстание. Могу поклясться, что эти индейцы рассказали только то, что Лаутаро хотел, чтобы уинки знали, потому что мапуче никогда не сломить пытками. Капитан послал просить подкрепления, но Педро де Вальдивия придавал столь малое значение этим известиям, что выделил для форта Тукапель дополнительно только пять конных солдат.

В благоухающих лесах Араукании стояла весна 1553 года. Было тепло, и от поступи пятерых солдат в воздух поднимались тучи насекомых и шумных птиц. Вдруг в идиллически мирный пейзаж вторгся ужасный шум, и испанцы тут же оказались окруженными толпой индейцев. Трое солдат упали, пронзенные копьями, а остальным двоим удалось спастись. Они бешеным галопом понеслись обратно в ближайший форт за подмогой.

Тем временем в форт Тукапель явились те самые индейцы, которые всегда приносили снедь, с самым покорным видом приветствуя тамошних солдат, будто и не подозревали о том, каким пыткам были подвергнуты их товарищи. Солдаты открыли ворота форта и впустили индейцев с тюками. Оказавшись внутри, мапуче развязали свои мешки, выхватили оттуда оружие и бросились на солдат. Те быстро оправились от неожиданности и побежали за шпагами и кирасами, чтобы защищаться. В следующие минуты мапуче внутри форта были разгромлены: одни убиты, другие взяты в плен. Однако этот ход индейцев принес результат, потому что, пока испанцы были заняты теми, кто оказался внутри, тысячи других индейцев окружили форт снаружи. Капитан с восьмью конными солдатами выехал навстречу врагу — это был очень храбрый, но совершенно бесполезный шаг, потому что враг был слишком многочислен. После непродолжительной, но героической схватки оставшиеся в живых солдаты отступили внутрь форта, где неравная битва продолжалась в течение всего дня, пока наконец с наступлением темноты нападавшие не отошли назад.

В Тукапеле в живых остались только шесть испанских солдат, довольно много янакон и взятые в плен индейцы. Капитан предпринял отчаянную попытку запугать мапуче, которые ждали рассвета, чтобы напасть снова. Он слышал легенду о том, как я спасла Сантьяго, бросая головы касиков в толпу индейцев, и решил поступить так же. Он приказал обезглавить пленников, а затем стал кидать их головы через стену. В ответ послышался рык, похожий на шум морских волн в бурю.

В течение следующих часов окружение форта становилось все плотнее, и шесть испанцев поняли, что спастись они могут, только попытавшись под покровом ночи верхом пересечь вражеские ряды и добраться до ближайшего форта, Пурена. Это означало оставить на произвол судьбы янакон, для которых лошадей не было. Не знаю, как им удалось выполнить этот дерзкий план, ведь лес буквально кишел индейцами, которые пришли издалека, созванные Лаутаро для большого восстания. Может быть, испанцев пропустили с каким-то умыслом. В любом случае с первыми лучами солнца индейцы, ждавшие поблизости, ворвались в покинутый форт, где на окровавленном дворе нашли останки своих товарищей. Несчастные янаконы, оставшиеся в форте, были все перебиты.

Известие о первой успешной атаке дошло до Лаутаро очень быстро благодаря системе оповещения, которую он сам придумал. Молодой ньидольтоки только что выплатил соответствующий выкуп и официально вступил в брачный союз с Гуакольдой. Он не принимал участия в

праздничных возлияниях по этому случаю, потому что презирал спиртное и был слишком занят планированием второго шага военной кампании. Его целью был Педро де Вальдивия.

Хуан Гомес, прибывший на юг за неделю до того, не успел и помыслить о золотых приисках, которые заставили его покинуть семью, как получил зов о помощи из форта Пурен.

Гарнизон этого форта состоял из одиннадцати солдат, к которым присоединились шесть человек, выживших в Тукапеле. Как и всякий помещик, Гомес был обязан по первому зову отправляться на войну, что он и сделал не колеблясь. Прибыв в Пурен, он встал во главе тамошнего небольшого отряда. Выслушав детальный рассказ о произошедшем в Тукапеле, он ясно понял, что речь шла не об отдельной западне, которых в прошлом было великое множество, а об обширном восстании южных племен. Он приготовился к сражению так хорошо, как это только можно было, имея в распоряжении лишь в высшей степени скромные силы Пурена.

Через несколько дней на рассвете послышались воинственные крики индейцев, и часовые увидели у подножия холма большой отряд мапуче, которые эти крики издавали, но оставались недвижимыми. Хуан Гомес подсчитал, что на каждого его человека приходится по пяти сотен вражеских воинов. На его стороне, конечно, были такие преимущества, как огнестрельное оружие, лошади и дисциплина, которой так славились испанские солдаты. Он имел большой опыт сражения с индейцами и знал, что лучше биться с ними на открытом пространстве, где свободно могут маневрировать всадники и более эффективны аркебузы. Он решил выйти навстречу врагу со всеми силами, которыми располагал: семнадцатью конными солдатами, четырьмя аркебузирами и двумя сотнями янакон.

Ворота форта распахнулись, и отряд Хуана Гомеса вышел вперед. По его знаку конники бешеным галопом пустились вниз по склону холма, размахивая шпагами, но индейцы не разбежались, как они надеялись, а ожидали их в полном боевом порядке. Мапуче уже не были наги: на них были нагрудники и шлемы из тюленьей кожи, такой же твердой, как доспехи испанцев. В руках они держали копья в четыре аршина длиной, острия которых были направлены на груди коней, и тяжелые палицы с короткой рукоятью, более удобные, чем прежние дубины. Они не двинулись с места и приняли на себя лобовую атаку конницы, которая накололась на копья. Несколько лошадей были смертельно ранены, но солдаты быстро оправались от потрясения. Испанцы убили множество

индейцев, но, несмотря на это, мапуче не дрогнули.

Через час послышался бой в барабаны, который ни с чем нельзя спутать, и индейское войско остановилось и стало отступать в лес, оставляя на поле боя множество убитых и раненых. Передышка для испанцев длилась всего несколько минут, потому что тут же на месте ушедших появились тысячи новых воинов. Солдатам не оставалось ничего другого, как продолжать сражаться.

Мапуче повторяли этот трюк каждый час: раздавался барабанный бой, усталые воины отступали и в бой вступали свежие силы, в то время как у испанцев не было времени даже перевести дух. Хуан Гомес понял, что противиться этому хитрому приему при таком малом количестве людей совершенно невозможно. Войско мапуче было разделено на четыре отряда, которые сменяли друг друга: пока один отряд сражался, остальные три отдыхали, ожидая своей очереди. Гомес отдал приказ отступать в форт, потому что его люди практически все были ранены и им необходимо было немного отдохнуть и выпить воды.

Следующие часы были заняты обработкой ран и едой. На закате Хуан Гомес решил, что стоит попытаться еще раз пойти в атаку, чтобы не дать врагу возможности отдохнуть ночью. Многие его раненые солдаты заявляли, что предпочитают умереть в бою, зная, что, если индейцы войдут в форт, их ждет неминуемая и бесславная смерть. Теперь у Гомеса была только дюжина всадников и полдюжины пехотинцев, но это его не остановило. Он построил своих солдат, произнес перед ними прочувствованную речь, в которой вверял их и себя заботам Господа и апостола Иакова, покровителя Испании, и тут же подал сигнал к началу атаки.

Столкновение шпэг с палицами продлилось меньше получаса. Мапуче, казалось, упали духом, сражались уже без утреннего ожесточения и неожиданно быстро отступили под барабанный бой. Гомес думал, что вскоре нахлынет следующая волна индейцев, как это было утром, но этого не произошло, и он, недоумевая, приказал отступать в форт. На этот раз потерь у него не было.

В течение этой ночи и следующего дня испанцы не спали, ожидая нападения противника, не снимая доспехов и не выпуская оружия из рук. Но враг не подавал признаков жизни, и в конце концов они уверились, что индейцы не вернутся, и, опустившись на колени во дворе форта, возблагодарили апостола Иакова за эту странную победу. Они разбили врага, сами не зная как. Хуан Гомес решил, что не имеет смысла оставаться без сообщения с внешним миром за стенами форта, натошак ожидая, когда

страшные крики возвестят о возвращении мапуче. Лучше было воспользоваться ночной темнотой, когда индейцы редко что-то предпринимали из-за страха перед злыми духами, и отправить пару быстрых гонцов к Педро де Вальдивии с сообщением о необъяснимой победе и предупреждением, что началось всеобщее восстание племен и что, если его не подавить сразу же, можно потерять всю территорию к югу от Био-Био. Гонцы скакали так быстро, как только им позволяла лесная чаща и темнота, боясь, как бы на них из-за какого-нибудь поворота тропы не выскочили индейцы. Но этого не случилось, и им удалось без всяких происшествий к рассвету добраться до цели. Им казалось, что, пока они скакали, мапуче наблюдали за ними из зарослей папоротника, но, так как те не нападали, гонцы решили, что это был лишь плод их возбужденного воображения. Они не могли вообразить, что Лаутаро хочет, чтобы Вальдивия получил от них известие, и именно поэтому позволил им проехать, так же как позволил проехать гонцам, везшим ответ губернатора — письмо, в котором он приказывал Гомесу подойти к разрушенному форту Тукапель для объединения сил в день Рождества Христова.

Ньидольтоки строил свои планы с расчетом именно на это. Узнав об этом приказе — шпионы у него были везде, — вождь довольно улыбнулся: Вальдивия действовал так, как ему и хотелось. Лаутаро послал один эскадрон осаждать Пурен, чтобы не дать Гомесу выйти оттуда и выполнить полученные от губернатора инструкции, а сам в Тукапеле заканчивал подготовку ловушки для своего тайты.

Вальдивия, окруженный заботами Хуаны Хименес, спокойно провел зимние месяцы в Консепсьоне, глядя из окна на дождь и развлекаясь игрой в карты. Ему было пятьдесят три года, но хромота и тучность состарили его раньше времени. Он ловко играл в карты, и удача сопутствовала ему: он почти всегда выигрывал. Завистники уверяли, что к золоту с приисков прибавлялось то, что он вытягивал у других игроков, и все это вместе складывалось в легендарные сундуки Хуаны, которые до сих пор никто не видел.

Весна уже вступала в свои права, на деревьях появились почки, и запели птицы, когда стали приходить сумбурные известия об индейском восстании, которые поначалу показались ему преувеличенными. Больше из чувства долга, чем из убеждения в серьезности ситуации, он собрал около пятидесяти солдат и нехотя отправился в Тукапель, где намеревался соединиться с отрядом Хуана Гомеса и в два счета разбить дерзких мапуче, как бывало раньше.

Он проделал путь в пятнадцать лиг с полусотней конных солдат и пятнадцатю сотнями янакон медленным шагом, потому что приходилось подстраиваться под скорость шага носильщиков. Впрочем, скоро первоначальная его лень и размеренность рассеялись, потому что инстинкт солдата подсказывал, что опасность близка. Он чувствовал, что из лесной чащи на него смотрят десятки глаз. Он уже больше года думал о смерти, предчувствуя, что она может очень скоро настичь его, но решил не беспокоить своих людей подозрениями о том, что за ними следят. Из предосторожности он послал вперед пятерых солдат, чтобы они разведали путь, а сам продолжил двигаться шагом, стараясь успокоить нервы, подставляя лицо теплему ветерку и вдыхая смолистый аромат сосен.

Когда через пару часов пятеро посланных на разведку не вернулись, его дурные предчувствия обострились. Через лигу один из всадников вскрикнул от ужаса и указал на что-то свисавшее с ветки дерева. Это была человеческая рука, все еще в рукаве дублета. Вальдивия приказал продолжать движение с оружием наготове. Еще через несколько саженей они увидели ногу в сапоге, тоже подвешенную на дерево, а еще дальше их ждали и другие «трофеи»: ноги, руки и головы, висевшие на ветках, будто кровавые плоды леса. «Отомстим за товарищей!» — в ярости закричали солдаты, готовые галопом пуститься на поиски убийц, но Вальдивия приказал придержать лошадей. Худшее, что можно было сделать в такой ситуации, — разделиться; следует держаться вместе до самого Тукапеля, решил он.

Форт располагался на вершине безлесного холма, потому что все деревья, росшие там раньше, пошли на строительство, но подножие возвышенности утопало в густой растительности. Сверху открывался вид на полноводную реку. Конники въехали на холм и первыми добрались до еще дымящихся руин форта, а за ними последовала медленная вереница янакон, груженных военным снаряжением. В соответствии с распоряжениями Лаутаро мапуче дождались, когда на холм взойдут все до последнего, и только тогда дали знать о своем присутствии жутким звуком флейт, сделанных из человеческих костей.

Губернатор, который едва успел спешиться, бросил взгляд между обгорелых бревен стены и увидел там плотно выстроенные отряды индейцев со щитами и копьями в руках. Во главе отрядов стояли токи, окруженные лучшими своими людьми. Вальдивия поразился увиденному и решил, что дикари своим умом дошли до принципов древнеримского военного построения, которым наследовали и испанские терции. А во главе этих индейцев не мог стоять никто иной, как токи, о котором он столько в

эту зиму слышал, — Лаутаро. Он почувствовал, как волна гнева накрыла его и по телу покатались ручьи пота. «Этот паршивец умрет страшной смертью!» — закричал он.

Страшной смертью... В нашем королевстве страшных смертей было столько, что они навсегда останутся тяжким грузом на нашей совести. Мне придется отвлечься, чтобы рассказать, что Вальдивия не смог исполнить свою угрозу Лаутаро, который погиб в бою вместе с Гуакольдой спустя несколько лет. В короткий срок этот военный гений сумел посеять панику во всех испанских городах юга, которые пришлось эвакуировать, и дошел со своим войском до окрестностей Сантьяго. К тому времени население мапуче резко сократилось из-за голода и болезней, но Лаутаро продолжал сражаться, имея в своем распоряжении небольшое, но очень дисциплинированное войско, в котором сражались даже женщины и дети. Он вел войну умно и смело всего несколько лет, но этого оказалось достаточно, чтобы разжечь восстание мапуче, которое длится и по сей день. Родриго говорил мне, что во всей мировой истории очень немногие могут сравниться с этим молодым человеком, которому удалось превратить скопище нагих дикарей в самое грозное войско во всей Америке.

После смерти Лаутаро на его место встал токи Кауполикан, который был равен ему смелостью, но менее дальновиден.

Он попал в плен и был посажен на кол. Уверяют, что когда его жена Фресия увидела его в цепях, она бросила ему под ноги сына, которому было всего несколько месяцев от роду, крича, что не желает растить отпрыска побежденного. Но скорее всего, это очередная военная легенда, как и история о Деве Марии, появившейся в небе во время битвы. Кауполикан без единого стона принял ужасную казнь, когда острый кол медленно входил в его тело, — об этом нам в стихах рассказал молодой Сурита^[23]. Или его звали Суньига? Боже мой, я стала путать имена! Кто знает, сколько ошибок в моем повествовании. Хорошо, что я не присутствовала при казни Кауполикана и что Бог оградил меня от зрелища типичного наказания мятежных индейцев, когда им топором отрубают половину правой ноги. Впрочем, это не расхолаживает их: и без ноги они продолжают сражаться. Когда другому касику, Гальварино, отрубили обе кисти рук, он приказал привязать себе оружие к плечам, чтобы вернуться в бой. После таких зверств мы не можем рассчитывать на милосердие со стороны индейцев. Жестокость порождает жестокость — и так до бесконечности.

Вальдивия разделил своих людей на группы с конными солдатами во главе и янаконами в хвосте и приказал им спускаться с холма. Он не мог

пустить конницу галопом, как обычно, потому что понимал, что она наколется на копья мапуче, которые, по-видимому, переняли европейскую манеру ведения войны. Сначала нужно было обезоружить копьеносцев. В первом столкновении преимущество было на стороне испанцев и янакон, и после недолгого, но ожесточенного боя мапуче отступили к реке. Их отступление было встречено радостными криками, и Вальдивия приказал возвращаться в форт. Солдаты были уверены в победе, но губернатор был беспокоен, потому что мапуче действовали в идеальном порядке. С вершины холма он видел, как они пьют и моют раны в реке, что его людям было недоступно. В этот самый момент послышались крики, и из леса появились новые отряды индейцев, свежие и дисциплинированные. Мапуче использовали тот же прием, что и против людей Хуана Гомеса при Пурене, но Вальдивия о нем еще не знал. Впервые губернатор осознал всю серьезность ситуации. До той минуты он считал себя хозяином Араукании.

Весь остаток дня битва продолжалась таким же образом. Испанцам, раненым, мучающимся жаждой и изможденным сражением, приходилось снова и снова сражаться с отдохнувшими и сытыми отрядами мапуче, уставшие отряды которых уходили отдыхать к реке. Часы проходили, испанцев и янакон становилось все меньше и меньше, а долгожданный отряд Хуана Гомеса все не появлялся.

В Чили нет человека, который бы не слышал о трагических событиях рождественской ночи 1553 года. Но существует несколько версий произошедшего, и я буду рассказывать об этом так, как услышала из уст Сесилии.

В то время как Вальдивия и его небольшой отряд защищались как могли в Тукапеле, Хуан Гомес не мог выйти из Пурена. Мапуче осаждали этот форт два дня подряд, а на третий день бесследно исчезли. В напряженном ожидании прошли утро и часть дня, пока наконец Гомес не выдержал. Он с солдатами отправился на разведку в лес. Ничего. Ни одного индейца в поле зрения. Тогда он заподозрил, что осада форта была тактическим ходом, чтобы задержать их и не дать соединиться с отрядом Вальдивии, как он приказывал. Пока они прохлаждались в Пурене, губернатор ждал их в Тукапеле, и, если его там атаковали, чего следовало опасаться, его положение должно было быть отчаянным. Не колеблясь, Хуан Гомес приказал, чтобы все четырнадцать здоровых людей, оставшихся у него, сели на лучших коней и немедля ехали с ним в Тукапель.

Они скакали всю ночь напролет и следующим утром были вблизи

форта. Они увидели холм, дым пожара и разрозненные группы мапуче, пьяных от вина и мудая и потрясающих в воздухе человеческими головами и конечностями: оставшиеся силы испанцев и янакон были разбиты накануне. В ужасе, четырнадцать всадников поняли, что они окружены и их ожидает та же участь, что постигла людей Вальдивии. Но пьяные индейцы праздновали победу и не напали на них. Испанцы пришпорили своих усталых коней и поднялись на холм, по дороге рубя шпагами тех немногочисленных пьяных, которые попытались помешать им. От форта осталась лишь груда дымящихся головней. Солдаты хотели найти среди целых и расчлененных трупов тело Педро де Вальдивии, но тщетно. Они утолили жажду грязноватой водой из кувшина, потому что времени ехать к реке не было: в этот момент по склону холма стали подниматься тысячи и тысячи индейцев. Это были вовсе не те пьяницы, которых они видели до того, а отряды трезвых воинов в боевом порядке.

Так как защищаться на руинах форта, где их застали врасплох, было невозможно, испанцы снова вскочили на своих измученных коней и пустились с холма вниз, намереваясь прорубить себе дорогу сквозь вражеские ряды. Они оказались в самой гуще мапуче, и начался беспощадный бой, длившийся до конца дня. Сложно поверить, что люди и лошади, которые всю ночь галопом скакали из Пурена, час за часом выдерживали ужасную схватку, но я, повидавшая испанцев в бою и сама сражавшаяся бок о бок с ними, знаю, на что мы способны. В конце концов солдатам Гомеса удалось бежать, но воины Лаутаро преследовали их, не отпуская далеко. Лошади давно выбились из сил, а лес был усеян поваленными деревьями и другими препятствиями, мешавшими бежать коням, но не индейцам, которые откуда ни возьмись появлялись между деревьями и пытались перехватить всадников.

Эти четырнадцать человек, храбрецы из храбрецов, решили тогда по очереди жертвовать собой, чтобы давать шанс продвигаться вперед своим товарищам. Они не спорили, не бросали жребий, не слушали ничего приказа. Первый крикнул остальным: «Прощайте!» — осадил своего коня и развернул его, чтобы биться с преследователями. Он наносил удары направо и налево, приготовившись сражаться до последнего вздоха, потому что попасть в плен было бы гораздо более тяжелой участью. Через несколько минут сотня рук стащила его с лошади, и индейцы стали рубить его теми самыми шпагами и ножами, которые им достались от поверженных людей Вальдивии.

За те минуты, которые этот герой подарил своим товарищам, они немного продвинулись вперед, но скоро мапуче настигли их снова. Тут

пожертвовать собой решил второй солдат. Он тоже крикнул: «Прощайте!» — и остановился, оказавшись лицом к лицу с толпой индейцев, жаждущих крови. Затем то же сделал третий герой. Так, один за другим, пали шесть солдат.

Оставшиеся восемь человек, среди которых были тяжелораненые, продолжали свой отчаянный бег, пока не достигли теснины, где жизнью пожертвовал еще один, чтобы дать возможность пройти остальным. С ним индейцы тоже разделались в считанные минуты. Тут конь Хуана Гомеса, раненный несколькими стрелами и окончательно обессиленный, упал наземь. К тому времени тьма уже сгустилась, и продолжать движение было практически невозможно.

— Забирайтесь на круп моего коня, капитан! — предложил один из солдат.

— Нет! Поезжайте вперед и не задерживайтесь из-за меня! — приказал Гомес, зная, что тяжело ранен, и понимая, что лошадь все равно не выдержит веса двух седоков.

Солдатам пришлось повиноваться. Они продолжили движение, ощупью продвигаясь вперед и наугад выбирая направление, а Гомес все дальше углублялся в чащу. По прошествии многих страшных часов шесть выживших человек выбрались к форту Пурен, передали печальные известия товарищам и упали замертво от усталости.

В Пурене они оставались недолго: едва перевязав раны и дав немного передохнуть коням, они выехали в Ла-Империаль, который тогда был небольшой деревней. Янаконы несли в гамаках тех раненых, у которых еще оставался шанс выжить, а умирающим обеспечили быструю и достойную смерть, чтобы мапуче не нашли их живыми.

В это время Хуан Гомес пытался идти по лесу, но ноги у него увязали в раскисшей почве, которую недавние зимние дожди превратили в топкое болото. Истекающий кровью, раненый несколькими стрелами, изможденный, мучимый жаждой, не евший два дня, он не сдавался смерти. Он практически ничего не видел и продвигался очень медленно, пробираясь между деревьями и кустами. Он не мог ждать рассвета: ночь была его единственной союзницей. Он явственно слышал радостные крики мапуче, когда они обнаружили его упавшего коня, и стал молить Бога, чтобы это благородное животное, которое было ему верным спутником в стольких битвах, было уже мертво. Индейцы часто истязают раненых животных, чтобы отомстить их хозяевам. По запаху дыма Гомес понял, что преследователи зажгли факелы и ищут его в зарослях, уверенные, что всадник не мог уйти далеко. Он снял с себя доспехи и одежду и утопил все

это в грязи. Нагой, он вошел в болото; мапуче были уже очень близко, он слышал их голоса и видел мелькание света факелов.

Дойдя до этого места своего рассказа, Сесилия, у которой было поистине испанское мрачное чувство юмора, хохотала, рассказывая о той ужасной ночи. «Мой муж с головой ушел в болото, от чего я его и предостерегала», — сказала инкская принцесса. Хуан срезал шпагой тростинку камыша и тут же полностью погрузился в зловонное болото. Не знаю, сколько часов он провел в этой глинистой жиже, голый, с кровоточащими ранами, препоручив душу Господу и думая о детях и жене, этой красавице, которая оставила дворец, чтобы последовать за ним на край света. Мапуче несколько раз проходили рядом, едва не касаясь его, не в силах представить себе, что человек, которого они ищут, погребен под болотной жижей, и лежит там, не выпуская из рук шпаги и дыша сквозь тоненькую тростинку.

На следующее утро испанцы, направлявшиеся в Ла-Имперраль, повстречали кошмарное существо, покрытое кровью и грязью, пробиравшееся через плотные заросли. В этом существе по шпаге, которую оно не выпускало из рук, они признали Хуана Гомеса, капитана четырнадцати славных солдат.

Прошлой ночью в первый раз с тех пор, как умер Родриго, мне удалось поспать несколько часов. В рассветной полудреме я почувствовала, как что-то давит мне на грудь и мешает дышать, но ощутила вовсе не беспокойство, а, наоборот, успокоение и радость, потому что поняла, что это рука Родриго и он спит рядом со мной, как в лучшие времена. Я лежала недвижно, с закрытыми глазами, и радовалась этой чудесной тяжести. Мне хотелось спросить мужа, затем ли он пришел, чтобы наконец забрать меня с собой. Хотелось сказать, что я была счастлива с ним все тридцать лет, которые мы прожили вместе, и единственной моей печалью были его долгие отлучки на войну. Но я боялась, что он исчезнет, если я с ним заговорю. За месяцы одиночества я поняла, что духи страшно застенчивы.

С первыми лучами солнца, которые просочились через щели в ставнях, Родриго покинул меня, оставив у меня на груди след своей руки и запах на подушке. Но когда в спальню вошли служанки, все признаки его пребывания в комнате уже исчезли.

Несмотря на неожиданную радость, которую появление Родриго подарило мне, с утра я так плохо выглядела, что послали за тобой, Исабель. Я не больна, доченька, у меня ничего не болит, я чувствую себя хорошо, как никогда, так что не смотри на меня с таким похоронным выражением лица.

Но я полежу в кровати еще немного, потому что мне холодно. Если не возражаешь, мне бы хотелось использовать это время, чтобы поддиктовать тебе.

Как тебе известно, Хуан Гомес выжил в этом испытании, хотя загноившиеся раны заживали у него несколько месяцев.

Он бросил думать о золоте, вернулся в Сантьяго и до сих пор живет здесь вместе со своей красавицей-женой, которой теперь должно быть уже лет шестьдесят, но она все такая же, как в тридцать, — ни морщин, ни седины. Не знаю только, чудо это или колдовство.

В тот роковой декабрь началось восстание мапуче — беспощадная война, которая идет уже сорок лет, и конца ей не видно. Пока в живых будет хоть один индеец и хоть один испанец, кровь будет литься. Я должна бы ненавидеть мапуче, Исабель, но не могу. Они мои враги, а я восхищаюсь ими. Если бы я была на их месте, я бы умерла, сражаясь за свою землю, так же как умирают они.

Я уже несколько дней тяну с рассказом о смерти Педро де Вальдивии. Двадцать семь лет я старалась не думать об этом, но, думаю, теперь пришла пора рассказать тебе все, что я знаю. Я хотела бы верить в наименее страшную версию его гибели — что Педро сражался, пока ему не разmozжили голову топором. Но Сесилия помогла мне узнать правду.

Только один янакона смог спастись из Тукапеля; он-то и поведал о том, что случилось в то Рождество, но о том, что случилось с губернатором, он не знал. Два месяца спустя Сесилия пришла ко мне и рассказала, что в ее доме есть служанка — девушка мапуче, недавно прибывшая из Араукании. Сесилия узнала, что эта индианка, не знавшая ни слова по-испански, была найдена неподалеку от Тукапеля. Тут мапудунгу, которому я научилась у Фелипе — ныне Лаутаро, — пришлось кстати. Сесилия привела ко мне свою служанку, и я расспросила ее. Это была девушка лет восемнадцати, низенькая, с тонкими чертами лица и крепкой спиной. Так как она не понимала нашего языка, она казалась глуповатой, но, поговорив с ней на мапудунгу, я поняла, что она очень умна. Вот что мне удалось узнать у выжившего в Тукапеле янаконы и этой юной мапуче, которая, по ее словам, видела казнь Педро де Вальдивии собственными глазами.

Губернатор находился на развалинах форта и вместе с кучкой храбрецов отчаянно сражался против тысяч мапуче, которые постоянно сменяли друг друга, в то время как испанцам приходилось работать шпагами без передышки. Весь день прошел в бою. На закате Вальдивия потерял надежду на то, что Хуан Гомес придет на подмогу. Солдаты были измождены, лошади, как и люди, истекали кровью, а по склону холма

настойчиво взбирались все новые отряды врага.

— Господа, что будем делать? — спросил Вальдивия у девятерых солдат, еще державшихся на ногах.

— А что же нам еще делать, как не сражаться и умирать? — ответил один из них.

— Тогда умрем с честью, сеньоры!

И десять самых стойких испанцев и оставшиеся в живых янаконы бросились навстречу врагу биться и умирать со шпагами наголо и с именем святого Иакова на устах.

Через несколько минут восемь солдат уже были выбиты из седел болеадорами и лассо, повалены на землю и растерзаны сотнями мапуче. Только Вальдивия, один священник да еще один верный янакона смогли прорвать окружение и бежать единственным возможным путем, остальные же были блокированы противником. В форте спрятался еще один янакона, который пережил пожар под грудой обломков и убежал два дня спустя, когда мапуче покинули это место.

Открывшаяся перед Вальдивией тропа была любезно предоставлена ему Лаутаро. Это был тупик: тропа вела через густой лес к болоту, где ноги лошадей стали вязнуть, на что и рассчитывал индеец. Отступить беглецы не могли, потому что за спиной у них был враг. В вечернем свете они увидели, как из зарослей кустарника появляются сотни мапуче, а сами они безвозвратно тонут в вонючей жиже, от которой идет серный смрад ада. Мапуче не позволили болоту поглотить испанцев, они вытащили их оттуда, потому что приготовили своим врагами совсем иную смерть.

Поняв, что все пропало, Вальдивия попытался выторговать у мапуче свободу, обещая им, что он покинет города, основанные на юге, что испанцы уйдут из Араукании навсегда и одарят их овцами и другим добром. Янаконе пришлось переводить это, но прежде, чем он закончил говорить, мапуче бросились на него и убили. Они научились не верить обещаниям уинок. Священнику, который сделал крест из двух веточек и хотел соборовать янакону, как до этого он соборовал губернатора, топором размозжили череп.

Затем началось истязание Педро де Вальдивии, самого ненавистного врага, воплощавшего в себе все несправедливости и жестокости, причиненные народу мапуче. Они помнили о тысячах убитых, о сожженных мужчинах, поруганных женщинах, разрубленных на куски детях, о сотнях рук, выброшенных в реку, об отрубленных ногах и носах, о кнутах, цепях и собаках.

Мапуче заставили пленника присутствовать при казни янакон,

выживших в Тукапеле, и поругании тел павших там испанцев. Затем его нагого потащили за волосы в деревню, где ожидал Лаутаро. По пути острые камни и ветки резали ему кожу, и, когда его бросили к ногам ньидольтоки, он был весь покрыт грязью и кровью и представлял собой жалкое зрелище. Лаутаро приказал дать ему воды, чтобы он пришел в себя, а затем привязать к столбу. Насмехаясь над бывшим губернатором, вождь в знак своей победы надвое переломил шпагу из толедской стали, верную спутницу Вальдивии, и воткнул ее куски в землю у ног пленника. Придя в себя настолько, чтобы открыть глаза и осознать, где находится, Вальдивия обнаружил перед собой своего бывшего слугу.

— Фелипе! — закричал он, обнадеженный тем, что видит знакомого человека, с которым к тому же можно говорить по-испански.

Лаутаро вперил в него взгляд, полный бесконечного презрения.

— Ты не узнаешь меня, Фелипе? Это я, твой тайта, — настаивал пленник.

Лаутаро плюнул ему в лицо. Он ждал этого момента целых двадцать два года.

Радостные мапуче по приказу ньидольтоки стали подходить к Педро де Вальдивии с заточенными ракушками в руках и отрезать от него куски кожи. Затем они разожгли костер и теми же ракушками стали срезать мускулы с его рук и ног. Эти куски мяса они жарили и ели у него на глазах. Это страшное действие длилось три ночи и два дня, а матушка Смерть все не приходила на помощь несчастному. Наконец на рассвете третьего дня Лаутаро, увидев, что Вальдивия умирает, влил ему в рот расплавленное золото, чтобы он насытился этим металлом, который так ему нравился и который приносил столько страданий индейцам на приисках.

Ох, как больно! Как больно! Эти воспоминания для меня — все равно что удар копьем в самую середину груди. Который теперь час, дочка? Почему так потемнело вокруг? Верно, время пошло вспять и сейчас снова рассвет. Думаю, этот рассвет будет вечным...

Останков Педро де Вальдивии так и не нашли. Говорят, что мапуче съели его тело, сделали флейты из его костей, а его череп токи до сих пор используют как чашу для мудая. Ты спрашиваешь меня, Исабель, почему я верю этой ужасной версии событий, услышанной от служанки Сесилии, а не другой, более гуманной — что Вальдивия был казнен ударом дубины по голове, как описал его смерть поэт, ведь у индейцев юга это обычный способ казни.

Я тебе объясню. В течение тех трех роковых декабрьских дней 1553 года я была очень больна. Как будто бы душа знала то, чего еще не знал

разум. Перед моими глазами одни ужасные образы сменялись другими, будто в кошмаре, но проснуться я не могла. Мне виделись в комнатах дома корзины с отрезанными руками и носами, во дворе — индейцы, закованные в цепи и посаженные на кол, в воздухе пахло паленым человеческим мясом, а ночной ветер доносил до меня щелканье кнутов. Конкиста стояла огромных страданий... Никто не может простить такую жестокость, а уж тем более — мапуче, которые никогда не забывают обид, как не забывают и оказанных им милостей. Меня мучили воспоминания, я была будто одержима демонами. Ты знаешь, Исабель, что я, слава Богу, всегда отличалась отменным здоровьем — если не считать болей в сердце, — так что иначе объяснить болезнь, мучившую меня в те дни, не могу. В то время как Педро ужасно страдал в ожидании смерти, моя душа, хоть и на расстоянии, была с ним и скорбела о нем и обо всех жертвах прошедших лет. Я едва могла пошевелиться, со мной сделались такие колики и такой жар, что все вокруг опасались за мою жизнь. В бреду я ясно слышала стоны Педро де Вальдивии и его голос, произнесший: «Прощай, Инес души моей...»

Благодарности

Мои друзья Хозефина Росетти, Викторио Чинтолесси, Роландо Амилтон и Диана Уидобро оказали мне неоценимую помощь в изучении эпохи завоевания Чили и личности Инес Суарес. Малу Сьерра проверяла все относящееся к жизни мапуче. Хуан Альенде, Хорхе Мансанилья и Глория Гутьеррес редактировали рукопись. Уильям Гордон поддерживал и кормил меня в продолжение молчаливых месяцев работы над романом. Я очень благодарна тем немногочисленным историкам, которые в своих работах упоминали о важности фигуры Инес Суарес. Их произведения и сделали возможным появление этого романа.

Библиографические заметки

Поиск и обработка материала для этого романа заняли у меня четыре года, в продолжение которых я жадно читала. Я не подсчитывала, сколько исторических трудов, художественных произведений и статей я прочла, чтобы погрузиться в дух эпохи и сродниться с историческими персонажами, потому что идея приложить к роману библиографию родилась только под конец.

Прочитав мою рукопись, Глория Гутьеррес, мой литературный агент, сказала мне, что без ссылок на источники это повествование может показаться плодом больного воображения (в этом меня уже не раз обвиняли в связи с другими моими произведениями). Многие эпизоды жизни Инес Суарес и завоевания Чили представлялись ей невероятными, и мне пришлось доказывать, что это реальные исторические факты. Некоторые из книг, которыми я пользовалась, — те, что перечислены ниже, — все еще лежат стопками в домике, где я работаю, в глубине моего сада.

Сведения по общей истории Чили мне посчастливилось почерпнуть из двух классических трудов — из «Хроник Королевства Чили» (изд-во El Ferrocarril, 1865) Педро Мариньо де Ловеры и фундаментальной «Всеобщей истории Чили» (1884) Диего Барроса Араны, первый том которой посвящен конкисте. Из более свежих работ могу назвать «Всеобщую историю Чили» Альфредо Джоселин-Хольта Летельера (изд-во Planeta, Santiago, 2000).

Разрабатывая тему конкисты, я обращалась к различным источникам, в числе которых были «Очерк о завоевании Америки» (изд-во Universitaria, Santiago, 1992) Нестора Месы, «Колониальная эпоха» (изд-во Nacimiento, Santiago, 1974) Бенхамина Викуньи Маккенны, писавшего как о чилийской истории, так и о чилийской историографии, а также «Испанская империя в Америке» К. Г. Херинга (изд-во Peuser, Buenos Aires, 1958). Сведения об испанском историческом контексте эпохи я нашла, помимо прочего, в трудах по истории Испании Мигеля Анхеля Артолы (изд-во Alianza Editorial, Madrid, 1988, т. 3) и Фернандо Гарсии де Кортасара (изд-во Planeta, Barcelona, 2002). Сведения о жизни конкистадоров я черпала в таких книгах, как «Испанские конкистадоры XVI века» (изд-во Aguilar, Madrid, 1963) Рикардо Махо Фрамиса, «Последние конкистадоры» (2001) и «Диего де Альмагро» Херардо Ларриана Вальдеса (3-е изд., 2001), а также «Педро де Вальдивия, завоеванный капитан» Сантьяго дель Кампо (изд-во

Instituto de Cultura Hispánica, Madrid, 1961).

Книг, посвященных жизни индейцев мапуче, великое множество; из них я воспользовалась классической монографией «Арауканы» (изд-во Universitaria, Santiago, 1914) Эдмонда Руэла Смита и более современными работами «Мапуче, народ Земли» (изд-во Sudamericana, Buenos Aires, 2000) Малу Сьерры, «История древних мапуче юга» (изд-во Catalonia, Barcelona, 2003) Хосе Бенгоа и более специализированным изданием «Чилийский медицинский фольклор» (изд-во Nacimiento, Santiago, 1981) Оресте Плата.

Не обошла я вниманием и такие замечательные исторические романы, как «Бутамалон» Эдуардо Лабарки (изд-во Anaya — Mario Muchnik, Madrid, 1994) и «Ох, матушка Инес» Хорхе Гусмана (изд-во Andrés Bello, Santiago, 1993) — единственный роман, который мне удалось найти, посвященный моей героине.

Наконец, не могу не упомянуть два произведения, написанные в ту эпоху, о которой идет речь в моей книге: это поэма «Араукана» Алонсо де Эрсильи (1578), которая выходила в свет бесчисленное количество раз (я пользовалась изданием Сантильяны), в том числе в 1842 году в роскошном издании с литографиями, откуда я почерпнула иллюстрации для своей книги, и «Письма» Педро де Вальдивии, среди изданий которых есть два достойных отдельного упоминания — испанское издание 1991 года издательства Lumen при поддержке хунты Эстремадуры, подготовленное чилийцем Мигелем Рохасом Миксом, и чилийское издание 1998 года, выпущенное на средства горнодобывающей компании Doña Inés de Collahuasi.

notes

Примечания

1

Филипп I Красивый (1478–1506) — герцог Бургундии и с 1504 г. король-консорт Кастилии, супруг Хуаны Безумной, первый представитель династии Габсбургов на испанском престоле. — *Здесь и даме примеч. перев.*

2

Хуана I Безумная (1479–1555) — королева Кастилии с 1504 г. и номинально — до своей смерти в 1555 г. Всегда отличалась склонностью к меланхолии и истерикам, но после смерти своего супруга Филиппа Красивого, как считается, окончательно сошла с ума. В 1509 г. была заточена своим отцом Фердинандом Католиком (1452–1516) во дворец в Тордесильясе, где и провела остаток жизни.

3

Небольшая река в Испании, в провинции Эстремадура. Протекает через Пласенсию, родной город Инес Суарес.

4

Сид Кампеадор — герой испанской эпической поэмы «Песня о моем Сиде», посвященной событиям Реконквисты и созданной ок. 1200 г. Прототипом главного героя послужил доблестный кастильский дворянин и военачальник Родриго Диас де Бивар (ок. 1043–1099), прозванный за храбрость Кампеадором (Воителем).

5

Аделантидо (исп. adelantado — первопроходец) — в колониальной Испании титул конкистадора, который направлялся королем на исследование и завоевание земель, лежащих за пределами испанских владений.

6

Карл V (I) Габсбург (1500–1558) — сын Филиппа Красивого и Хуаны Безумной, крупнейший государственный деятель Европы первой половины XVI в. С 1516 г. — король Испании под именем Карла I, с 1520 г. — император Священной Римской империи под именем Карла. В 1526 г. Карл женился на Изабелле Португальской (1503–1539), которая приходилась ему двоюродной сестрой по материнской линии. Это был один из первых в череде близкородственных браков в династии.

Сулейман I Великолепный (1494–1566) — султан Османской империи с 1520 г., халиф с 1538 г. Вел множество завоевательных войн. В 1526 г. отправил 100-тысячную армию в поход против Венгрии; в результате этой войны страна была опустошена. В 1527–1528 гг. турки завоевали Боснию, Герцеговину и Славонию; в 1528 г. вассалом Сулеймана признал себя правитель Трансильвании. В 1529 г. взял столицу Венгрии, изгнав оттуда австрийцев; в сентябре того же года во главе 120-тысячной армии осадил Вену, а передовые турецкие отряды вторглись в Баварию. По миру 1533 г. Австрия признала господство Турции над восточной и центральной Венгрией и обязалась платить ежегодную дань.

8

Имеется в виду трактат «О достойном памяти» Гая Юлия Солина, римского писателя III в. н. э. Это труд в области географии, главным образом основанный на географических произведениях более ранних авторов. Солин переписывал из своих источников отрывки текста, выбирая прежде всего описания различных диковинок.

Джон Мандевиль — имя повествователя в знаменитой книге «Приключения сэра Джона Мандевиля», написанной между 1357 и 1371 гг. Первоисточником приключений Мандевиля послужило «Описание восточных земель» Одорико Порденоне с добавлением сведений из Геродота, Плиния, а также из популярной в Средние века книги «Великое зеркало» Винсента из Бове и «Книги о путешествии в восточные страны» Гийома де Рубрука. Путешествие Мандевиля якобы длилось тридцать четыре года (1322–1356), за которые он якобы побывал в Турции, Армении, Персии, Сирии, Аравии, Египте, Палестине, Ливии, Эфиопии, Междуречье, Индии и даже в легендарном царстве пресвитера Иоанна.

10

Бобы какао использовались для приготовления терпкого пряного напитка, отличающегося по вкусу от известного теперь какао. Ингредиентами этого напитка были вода, какао, маис, ваниль, острый перец и соль.

11

Янаконами называли индейцев, покорившихся испанским завоевателям и вступивших в отряды конкистадоров. Их использовали в качестве толмачей, проводников и — чаще всего — в качестве носильщиков.

Алонсо де Эрсилья-Суньига (1533–1594) — испанский поэт, автор героической поэмы «Араукана». В 1557–1559 гг. находился в Чили, где участвовал в экспедиции против восставших туземцев. «Араукана» — поэма в 37 песнях, рассказывает историю войны в Чили и представляет собой переложенный на октавы дневник экспедиции. В этом произведении автор с большой симпатией и даже восхищением рисует обычаи и нравы индейцев.

13

В переводе с испанского название означает «Город королей». Ныне — Лима, столица Перу.

В Испании и испаноязычных странах 6 января широко отмечается праздник Поклонения волхвов. В этот день принято дарить подарки. По библейской легенде, три царя-волхва — Мельхиор, Гаспар и Бальтасар явились поклониться младенцу Иисусу и принесли дары: золото, ладан и мирру. По традиции волхвы изображаются как представители разных частей света: Мельхиор — европеец, Гаспар — азиат, а Бальтасар африканец.

Альгвасил — должностное лицо, следящее за порядком и ответственное за выполнение решений суда.

Маэстре-де-кампо — должность, связанная с осуществлением оперативного и административно-хозяйственного руководства отрядом.

Кена — род продольной флейты, распространен в Андском регионе. Изготавливается из тростника.

Святой Иаков (*исп.*).

19

Чиньура — искаженное «сеньора». Этим словом мапуче стали обозначать обеспеченных женщин, не принадлежащих к племени, в первую очередь — испанок.

Названия букв «j» и «z» в испанском алфавите; речь идет о том, что произнесение звуков, ими обозначаемых, в чилийском варианте испанского языка и в испанском языке Испании несколько различается.

Чилийские города Консепсьон и Вильяррика основаны в 1550 и 1552 гг. соответственно и существуют до сих пор. Город Ла-Империаль, основанный в 1552 г., был разрушен в ходе Арауканской войны индейцами мапуче и покинут испанцами в 1600 г., после чего не восстанавливался.

Первоначально город носил название Санта-Мария-ла-Бланка-де-Вальдивия. Основан в 1552 г. на месте разрушенного индейского поселения, существует и по сей день. Расположен при слиянии рек Калье-Калье, Кау-Кау и Крусес, дающих в свою очередь начало реке Вальдивия.

Рассказчица путает автора поэмы «Араукана» поэта Алонсо де Эрсилья-и-Суньигу (1533–1594) с историком Херонимо Суритой (1512–1580).

Table of Contents

[Исабель Альенде Инес души моей](#)

[Предварительные разъяснения](#)

[Хроники доньи Инес Суарес, переданные на бережное хранение в церковь доминиканского ордена ее дочерью, доньей Исабель де Кирога, в декабре месяце лета 1580-го от Рождества Христова Сантьяго, Новая Эстремадура, Королевство Чили](#)

[Глава первая Европа 1500–1537](#)

[Глава вторая Америка 1537–1540](#)

[Глава третья Дорогая в Чили 1540–1541](#)

[Глава четвертая Сантьяго, Новая Эстремадура 1541–1543](#)

[Глава пятая Тяжелые годы 1543–1549](#)

[Глава шестая Чилийская война 1549–1553](#)

[Благодарности](#)

[Библиографические заметки](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)
[22](#)
[23](#)